Д-02
В387

ФЕВРАЛЬ. № 2. 1904.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. АРСЕНЬЕВА, М. М. ВИНАВЕРА,

прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА, В. Д. НАБОКОВА

и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. 2-ую стр. обложки).

Проверено 1964 г.

МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

К. К. АРСЕНЬЕВА, М. М. ВИНАВЕРА,
прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА, В. Д. НАБОКОВА
и проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

XXXIV. Февраль. 1904.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1904.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГРАЖДАНСКІЙ ЗАКОНЪ И ЖИЗНЬ.

(По поводу проекта новаго гражданскаго уложенія).

Отъ законодателя (мы имѣемъ въ виду законодательную дѣятельность въ области гражданскаго права) требуютъ обыкновенно, чтобы творчество его находилось въ гармоніи съ жизнью; но, говоря о такой гармоніи, приходится разумѣть весьма различныя положенія. Часто ссылками на гражданскую жизнь думаютъ подтвердить настоятельную необходимость тѣхъ или иныхъ реформъ, побуждая тѣмъ законодателя черпать свой матеріалъ изъ жизни; другими словами,—подчиняютъ законодателя если не воззрѣніямъ, то, по крайней мѣрѣ, тенденціямъ жизни. Жизни приписывается, съ этой точки зрѣнія, особое творческое значеніе; законодатель же обязывается воспринимать и отражать въ писанномъ законѣ результатъ жизненнаго творчества. Въ другихъ случаяхъ условіямъ дѣйствительности отвѣчаетъ нѣсколько иное распредѣленіе роли между законодателемъ и жизнью. Тогда говорятъ, что въ жизни существуютъ „запросы",—что нарождаются „потребности", а законодатель призывается творить формы, пригодныя для удовлетворенія этихъ запросовъ и потребностей. По представленіямъ обоего рода, дѣятельность законодателя мыслится движущеюся въ согласіи съ жизнью; законодатель, по этимъ представленіямъ, возводитъ въ законъ тотъ порядокъ отношеній, который или уже сложился въ самой жизни, или такъ или иначе намѣчается въ ней, или же, наконецъ, отвѣчаетъ зародив-

шимся, но не приведеннымъ еще въ достаточную ясность тенденціямъ, направляющимъ ходъ реальныхъ отношеній. Законъ складываетъ правовой порядокъ такъ, какъ его сложила, складываетъ или должна сложить жизнь, предоставленная сама себѣ на пути самостоятельнаго развитія; вѣдь и помимо закона въ обществѣ вырабатываются нормы поведенія, помимо судебной власти онѣ находятъ себѣ выраженіе въ голосѣ разнаго рода авторитетовъ, помимо спасительнаго страха предъ закономъ увлекаютъ такія нормы однихъ и безъ посредства исполнительнаго листа принуждаютъ онѣ другихъ къ слѣдованію по начертанному ими пути; законодатель въ тотъ или другой моментъ подхватываетъ, такъ сказать, это самообразованіе нормъ и своимъ содѣйствіемъ упрочиваетъ ихъ ростъ и господство. Въ проектѣ новаго гражданскаго уложенія можно наблюдать такой именно процессъ возникновенія законоположеній. Когда, напр., проектъ въ статьяхъ 393, 394, 396 и 401 семейственнаго права устанавливаетъ нѣкоторые минимальные размѣры правоспособности (вѣрнѣе—дѣеспособности) несовершеннолѣтнихъ, отступаясь такимъ образомъ отъ дѣйствующаго закона, который за лицами моложе 17 лѣтъ не признаетъ никакой дѣеспособности, тогда составители проекта лишь примѣняются къ порядку, выработанному въ данной области самою жизнью: полное отрицаніе дѣеспособности отнюдь не согласуется съ дѣйствительнымъ положеніемъ несовершеннолѣтнихъ въ гражданскомъ оборотѣ. Точно такъ же, напр., составители проекта примѣняются къ дѣйствительному положенію вещей въ отдѣлѣ вотчиннаго права, когда при помощи справокъ по нотаріальнымъ архивамъ, устанавливаютъ различныя формы поземельныхъ и личныхъ сервитутовъ.

Однако не фактъ заимствованія, какъ таковой, опредѣляетъ въ подобныхъ случаяхъ достоинство законодательной работы. Существенную важность представляетъ вопросъ о критеріи, который будетъ воспринятъ законодателемъ въ этой, на видъ только рецептивной дѣятельности, и который подчинитъ себѣ отношеніе законодателя къ творчеству гражданской жизни. Всегда должно настаивать на томъ положеніи,

что, какъ бы внушительнымъ ни представлялся голосъ жизни, законодатель не слѣдуетъ и не долженъ слѣдовать рабски его указаніямъ. Законодательство есть самостоятельная сила, и ему принадлежитъ самостоятельная оцѣнка указаній, исходящая отъ другихъ авторитетовъ; ему принадлежитъ воспитательная роль по отношенію къ обществу, для котораго законодатель является не бытописателемъ, только регистрирующимъ сложившіеся порядки, но руководителемъ, упорядочивающимъ разнообразныя отношенія внутри общества. Критика существующаго порядка, хотя бы конечный результатъ ея сводился къ полному подтвержденію этого порядка, есть основной пріемъ законодательнаго творчества. Прошло время спокойныхъ логическихъ построеній (если только такое время когда либо существовало); наступила пора пересмотра старыхъ основныхъ формулъ, пора сравнительной оцѣнки разнообразныхъ жизненныхъ формъ и теченій, пора болѣе или менѣе мудрыхъ или просто искусныхъ компромиссовъ. Особыя условія, присущія нашему времени, открываютъ русскому законодателю широкое поле для самостоятельной и плодотворной работы въ области гражданскаго права. Русское общество переживаетъ переходное состояніе отъ старыхъ крѣпостническихъ формъ жизни къ новымъ ея формамъ; съ одной стороны, не окрѣпло еще въ достаточной мѣрѣ положеніе отдѣльной личности, какъ таковой, въ ея частной сферѣ, а съ другой—на смѣну прежнихъ сословныхъ подраздѣленій общества вступаетъ въ жизнь новая группировка населенія, отвѣчающая новымъ экономическимъ условіямъ его существованія. И въ области гражданскаго права наше время есть время соціальныхъ реформъ, т. е. мѣропріятій, примиряющихъ взаимно-враждебныя стремленія различныхъ классовъ общества. Новыя формы промышленной жизни, неизвѣстныя дореформенной Россіи, разлагаютъ старый бытъ землевладѣльческой и крестьянской среды, внося новыя теченія и неизбѣжный разладъ въ имущественныя и семейственныя отношенія громадной массы сельскаго населенія; крупныя предпріятія, выросшія на капиталистической основѣ, врѣзываются своею дѣятельностью въ самую глубину народ-

ной и общественной жизни и потому требуютъ тщательной регламентаціи условій своего правомѣрнаго существованія и дѣятельности; рабочій вопросъ и у насъ заявляетъ свои права на серьезное вниманіе со стороны правительства и общества и т. д., и т. д. Только законодателю, обладающему всѣми прерогативами власти, подъ силу овладѣть возникающими отсюда проблемами и сообщить необходимую крѣпость направленнымъ къ ихъ разрѣшенію мѣропріятіямъ. Это—задача внутренняго *умиротворенія* общества въ современной ея постановкѣ. Русское законодательство давно вступило на этотъ путь. Правда, во всемъ своемъ цѣломъ, оно еще не усвоило себѣ въ этой области однородныхъ и устойчивыхъ руководящихъ идей; но въ отдѣльныхъ законодательныхъ актахъ сказалось уже сознаніе законодателемъ всей важности лежащихъ на немъ соціальныхъ задачъ и намѣтились плодотворные принципы, долженствующіе служить къ ихъ разрѣшенію. Приходится помнить, что разрѣшеніе соціальныхъ проблемъ въ области права всегда относилось по преимуществу къ компетенціи законодателя. Начиная съ глубокой древности энергическое вмѣшательство законодателя въ образованіе гражданскаго права обусловливалось именно стремленіемъ высшей государственной власти урегулировать въ обществѣ тотъ или другой родъ борьбы, возникшій на почвѣ соціальной розни интересовъ.

Такимъ образомъ, пассивное отношеніе законодателя къ требованіямъ жизни, независимо отъ самой возможности его осуществленія въ тотъ или другой моментъ народной исторіи, осуждается для нашего времени самымъ положеніемъ вещей въ современномъ русскомъ обществѣ. Но еще горше—такое недовѣріе законодателя къ собственнымъ творческимъ силамъ, которое ослабляетъ его критическое отношеніе даже къ дѣйствующему закону, преобразованіе котораго имъ же самимъ поставляется на очередь въ своей работѣ; и вотъ почему оказывается умѣстнымъ посѣтовать лишній разъ на составителей нашего проекта гражданскаго уложенія по поводу ихъ, отнюдь не двусмысленной, робости въ обращеніи съ накопленнымъ до сего времени законодательнымъ и су-

дебнымъ матеріаломъ,—обращеніи, при которомъ ссылка на установившуюся кассаціонную практику является нерѣдко въ роли верховнаго довода въ пользу предлагаемыхъ законодательныхъ предположеній. При подобномъ преувеличеніи накопившагося опыта,—преувеличеніи, благодаря которому проектъ кодекса рискуетъ превратиться въ проектъ авторитетнаго комментарія, сама собою устраняется самостоятельность предпринятой работы, ибо дѣйствительная самостоятельность ея неосуществима безъ сочетанія такихъ двухъ основныхъ пріемовъ, каковы, съ одной стороны, черпаніе изъ жизни, а съ другой—критическая оцѣнка почерпнутаго.

Судебная практика и, въ частности, кассаціонный опытъ очевидно, не покрываютъ собою гражданской жизни въ полномъ значеніи этого слова; гражданская жизнь разстилается далеко за предѣлами судебной практики. Но и судебная практика служитъ однимъ изъ показателей гражданской жизни; необходимо лишь разобраться въ вопросѣ,—какимъ способомъ данныя судебной практики могутъ послужить дѣлу законодательнаго преобразованія.

Эта задача вновь приводитъ къ общему вопросу объ отношеніи закона къ гражданской жизни. Гражданская жизнь обогащаетъ прямо или косвенно работу законодателя не только указаніями принципіальнаго свойства; съ положеніемъ вещей въ гражданской жизни законодателю приходится считаться также въ виду условій *примѣненія* того или другого закона. Пусть законодателю ясны его руководящіе принципы; это одно не освобождаетъ его еще отъ общенія съ гражданскою жизнью. Законодателю, установившему содержаніе своихъ постановленій, нельзя не думать и о томъ, какими способами обставить проведеніе этихъ постановленій въ жизнь, дабы они были осуществлены съ тою энергіею и съ тою полнотою, которая желательна по отношенію къ каждому закону. Способы, сюда относящіеся весьма разнообразны. Они могутъ быть обрѣтены въ какихъ либо дополнительныхъ къ главному закону правилахъ, установленныхъ для содѣйствія ему, иногда—въ цѣлыхъ учрежденіяхъ; означенные способы заключаются всегда и въ самой формѣ, которая избирается

законодателемъ для выраженія его повелѣній. Здѣсь приходится затронуть вопросъ старинный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣчно юный. Изберетъ ли законодатель отвлеченный или, наоборотъ, возможно конкретный языкъ; усвоитъ ли онъ складъ рѣчи, свойственный ученой книгѣ, или, наоборотъ, будящій въ обывателѣ яркость представленій, мало того—возбуждающій въ немъ энергію въ борьбѣ за проведеніе въ жизнь идеи закона,—все это было и останется навсегда непразднымъ вопросомъ не только законодательнаго искусства, но и законодательной политики.—Давно стало чуть не похвальнымъ дѣломъ обвинять безжалостно дѣйствующій сводъ гражданскихъ законовъ, этотъ несчастный „десятый томъ“, въ рядѣ тяжкихъ погрѣшеній и матеріальнаго, и формальнаго свойства; но лишенъ ли онъ на самомъ дѣлѣ всякой живой силы въ своемъ содержаніи и всякой живой оригинальности въ способахъ выраженія этого содержанія? Десятый томъ—не наборъ правилъ, не отвѣчающихъ своему назначенію. Законодательству XVIII-го и начала XIX-го столѣтій, на которомъ основывалась главнымъ образомъ первоначальная редакція свода, была уже свойственна опредѣленная тенденція къ устроенію гражданско-правоваго положенія лица на почвѣ обезпеченія за нимъ, по крайней мѣрѣ—въ средѣ привилегированныхъ классовъ населенія, извѣстной охраны какъ отъ принудительнаго воздѣйствія властей, такъ и отъ произвола отдѣльныхъ лицъ. Составители свода въ первой его редакціи находились подъ несомнѣннымъ вліяніемъ просвѣщенныхъ для ихъ времени воззрѣній на природу гражданско-правовыхъ отношеній и имѣли предъ собой такой образецъ, каковъ гражданскій кодексъ Наполеона; они не могли оставить безъ всякой переработки матеріалъ стараго законодательства, предназначенный къ перенесенію въ сводъ,—хотя такая переработка и не входила въ ихъ оффиціальную задачу. Очень многое въ сводѣ находитъ себѣ объясненіе не въ предполагаемыхъ историческихъ источникахъ, но въ настроеніи и образѣ мыслей его составителей. Послѣдующее законодательство XIX вѣка мало по малу внесло въ сводъ измѣненія и дополненія, приблизив-

шія его содержаніе къ правосознанію нашего времени. Въ руководящихъ идеяхъ, уже нашедшихъ себѣ то или другое выраженіе въ дѣйствующихъ гражданскихъ законахъ, проницательный толкователь находитъ многія руководящія указанія; и, слѣдуя имъ, онъ придетъ къ результатамъ, которые окажутся далеко не столь скудными и не столь горькими, какъ это можно ожидатать при первомъ приступѣ къ дѣлу.—Такая же рѣчь въ пользу свода могла бы быть поведена и по поводу нападокъ на его формальныя несовершенства. Такъ, обвиненіе десятаго тома въ ненужномъ многословіи принадлежитъ къ числу распространенныхъ; и дѣйствительно, что̀ можетъ быть многословнѣе постановленій, которыми дѣйствующій законъ регулируетъ, напримѣръ, имущественныя отношенія супруговъ и имущественныя отношенія родителей и дѣтей?! Вмѣсто краткаго и вразумительнаго положенія о томъ, что ни брачнымъ состояніемъ, ни естественною связью по рожденію не устанавливается никакой общности имущества, законъ на первый изъ этихъ случаевъ предлагаетъ цѣлыхъ шесть статей (ст. 109, 110, 114—117) и столько же на второй (ст. 183, 184, 188, 191—193)—статей, которыя на разные, такъ сказать, лады и примѣнительно къ различнымъ положеніямъ тщатся выразить одно и то же общее правило о раздѣльности имущественныхъ отношеній внутри семейнаго союза. Но сказывается ли здѣсь только грѣхъ ненужнаго и безполезнаго (а пожалуй и вреднаго) многословія? Не чувствуется ли, напротивъ, особая озабоченность законодателя, стремящагося всячески вселить въ умы обывателей руководящую идею закона? Законодатель знаетъ своего слушателя, онъ знаетъ среду, къ которой обращается. Онъ знаетъ, что въ этой средѣ еще живутъ старые патріархальные нравы, еще царитъ самовластье мужа и родителя; законодатель чувствуетъ, что въ такой средѣ не произведетъ особаго впечатлѣнія высказанное спокойно, доктринальнымъ тономъ отвлеченное правило о раздѣльности имущественныхъ отношеній. Нѣтъ, надо вступить въ борьбу, при помощи самаго способа выраженія; надо показать, что законъ особенно настаиваетъ предъ обывателемъ

на своей точкѣ зрѣнія; надо разъяснить эту точку зрѣнія по отношенію къ отдѣльнымъ, возможнымъ случаямъ ея примѣненія. И вотъ законъ провозглашаетъ не только то, что „бракомъ не составляется общаго владѣнія супруговъ“ и что „каждый изъ нихъ можетъ имѣть и вновь пріобрѣтать отдѣльную свою собственность“ (ст. 109), но и то, что отдѣльною собственностью жены почитается все, что во время замужества будетъ пріобрѣтено на ея имя чрезъ куплю, даръ, наслѣдство, или инымъ законнымъ способомъ (ст. 110), что супругамъ дозволяется продавать, закладывать и иначе распоряжаться своимъ имѣніемъ независимо другъ отъ друга (ст. 111), что запрещается мужу поступаться имѣніемъ жены (ст. 115) и т. д., и т. д. Для обывателя каждое изъ этихъ конкретныхъ указаній закона звучитъ яркимъ звукомъ, обращающимъ не къ философскому размышленію о здравыхъ принципахъ супружескихъ отношеній, но къ повседневной практикѣ, въ которой обыватель именно продаетъ и закладываетъ имѣнія, пріобрѣтаетъ дома и земли на свое имя и на имя жены, будучи, въ силу дѣдовскихъ традицій, наклоненъ смѣшать свое и женино, родительское и дѣтское... Заглянемъ теперь въ новый проектъ. Время ушло впередъ; по новымъ временамъ раздается и иная рѣчь законодателя. Говоря объ имущественныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей, проектъ ограничивается краткимъ положеніемъ: „дѣти не имѣютъ „права на имущество родителей, равно и родители не имѣютъ „права на имущество дѣтей“ (ст. 286). Точка зрѣнія борьбы съ воззрѣніями общества, къ которому законодатель обращается, исчезаетъ настолько, что въ мотивахъ высказывается даже сомнѣніе въ необходимости самаго правила, которое вносится въ текстъ будущаго закона, будто бы, лишь въ виду „недоумѣній“, которыя могли бы возникнуть при сопоставленіи русскаго уложенія съ иностранными законодательствами; сомнѣнія и недоумѣнія, которыя можетъ подсказать обывателю сама жизнь, авторами проекта игнорируются. Повидимому, однако, такія сомнѣнія не лишены вполнѣ своего значенія, ибо, обращаясь къ имущественнымъ отношеніямъ супруговъ, проектъ самъ не выдерживаетъ принятой имъ

краткости. Здѣсь онъ, провозгласивъ, что „бракъ не устанавливаетъ общности имущества супруговъ“, считаетъ необходимымъ присоединить къ этому, самому по себѣ выразительному положенію, болѣе распространенное поясненіе: „каждый изъ супруговъ сохраняетъ принадлежащее ему до брака „имущество и во время брака можетъ пріобрѣтать имущество и распоряжаться имъ независимо отъ другаго супруга“ (ст. 116); мало того, три слѣдующія статьи выражаютъ правила, которыя, по собственному объясненію авторовъ проекта, являются не болѣе, какъ *выводами* изъ предшествующей статьи (ст. 117—119). Въ результатѣ, вмѣсто шести статей свода обывателю обѣщается все же четыре статьи новаго уложенія. И это—избытокъ не случайный, не простой недосмотръ редакціи; напротивъ, мотивы проекта указываютъ, что „при сохраненіи основныхъ началъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, слѣдуетъ установить рядъ правилъ, опредѣляющихъ способъ *примѣненія* этихъ началъ“. Мотивъ пространнаго изложенія оказывается однороднымъ съ тѣмъ мотивомъ, который чувствуется въ основаніи пространнаго изложенія дѣйствующаго свода. Авторы проекта, очевидно, не надѣются, чтобы жизнь пошла охотно на встрѣчу хотя и выразительной, но краткой и отвлеченной формулѣ, отрицающей общность имущественныхъ отношеній супруговъ; если не суду, который со временъ Сперанскаго долженъ былъ научиться юридическому мышленію, то обывателю надо предложить не только общее правило, но и выводы, которые изъ него слѣдуютъ, и показать „способъ примѣненія общихъ „началъ“.

Возражать ли противъ правильности такой точки зрѣнія? Чтобы руководить людьми, надо умѣть говорить съ ними, и законодателю—прежде всего. При появленіи въ свѣтъ пятой книги проекта уложенія (объ обязательствахъ) возникла довольно острая полемика по поводу общихъ опредѣленій, которыми предположено было начать изложеніе обязательственнаго права въ новомъ кодексѣ; казалось бы, что пріемъ, избранный въ этомъ случаѣ авторами проекта, не заслуживалъ

суроваго осужденія. Будущему уложенію придется направлять мысль не ученаго, закаленнаго въ построеніи юридическихъ конструкцій, но мышленіе судьи, адвоката, нотаріуса и обыкновеннаго обывателя, и притомъ—не только въ Петербургѣ, Москвѣ или Одессѣ, но въ глуши русскаго захолустья, на далекихъ восточныхъ окраинахъ, гдѣ книга закона явится въ то же время и учебникомъ, изъ котораго мѣстному жителю, мѣстному нотаріусу и иному совѣтчику, мѣстному писарю и дѣлопроизводителю, de jure или de facto руководящему ходомъ гражданскаго правосудія, придется почерпать всю свою юридическую премудрость. И всегда, когда изложеніе новаго закона оказывается приспособленнымъ къ способу мышленія тѣхъ, для кого законъ предназначается, такой пріемъ заслуживаетъ привѣтствія. Одни логическія соображенія, расчитанныя на человѣка, образованнаго литературно,—плохой критерій для опредѣленія того, какимъ долженъ быть языкъ закона. По мнѣнію составителей проекта, можно было бы вовсе не помѣщать въ гражданскомъ уложеніи безусловно-отрицательнаго правила о томъ, что ни дѣти не имѣютъ права на имущество своихъ родителей, ни родители—на имущество дѣтей, ибо „умолчаніе въ уложеніи о какихъ либо „взаимныхъ правахъ родителей и дѣтей на ихъ имущество „могло бы служить достаточно яснымъ указаніемъ на то, что „такія права не установлены уложеніемъ“. Однако ясность логическаго мышленія за ученымъ столомъ предполагаетъ одни условія, ясность практическаго мышленія въ повседневной обстановкѣ жизни—совсѣмъ иныя; мышленіе же судьи, призваннаго примѣнять законъ, представляетъ обыкновенно нѣчто среднее между мышленіемъ теоретика и простаго смертнаго. Если въ какихъ либо кругахъ общества существуютъ представленія объ общности семейнаго имущества, какъ о нормальномъ типѣ отношеній, то всякое умолчаніе закона объ этомъ предметѣ будетъ легко склонять къ тому заключенію, что законъ терпитъ, или даже и одобряетъ подобныя отношенія; между тѣмъ сами авторы проекта отмѣчаютъ, что фактическое смѣшеніе дѣтскаго имущества съ родительскимъ встрѣчается въ семьяхъ всѣхъ сословій.

Незамѣтно, на примѣрѣ столь элементарномъ, какова сфера имущественныхъ отношеній въ кругу семьи, намъ пришлось захватить вопросъ о соотношеніи закона и жизни въ наиболѣе широкой его постановкѣ. Жизнь представляетъ еще крѣпкіе обломки стараго патріархальнаго строя и упорствуетъ на сохраненіи соотвѣтствующаго имъ порядка; законодатель обладаетъ, однако, по этому вопросу собственнымъ воззрѣніемъ и, настаивая на немъ, тщится достигнуть своихъ цѣлей не только содержаніемъ своихъ постановленій, но и соотвѣтствующею обстоятельствамъ формою ихъ выраженія; если же законодатель такъ не поступаетъ, то онъ колеблетъ тѣмъ реальную силу своихъ принциповъ,—онъ ставитъ подъ сомнѣніе дѣйствительную возможность ихъ полнаго и всесторонняго осуществленія. Проектъ уложенія можно было бы не разъ упрекнуть въ этомъ способѣ самообезсиленія,—въ этомъ пренебреженіи формою въ ущербъ существу. Если по поводу имущественныхъ отношеній мужа и жены признается необходимымъ установить рядъ правилъ, опредѣляющихъ способъ примѣненія руководящаго начала на практикѣ, то по отношенію къ столь распространенному и столь спорному въ жизни институту, каковъ институтъ душеприказчика, было бы еще болѣе умѣстно не игнорировать присущую гражданской жизни тенденцію, благодаря которой такъ часто и такъ охотно душеприказчикъ надѣляется всякаго рода „неограниченными" и „безотчетными" полномочіями, не только приравнивающими его положеніе къ положенію наслѣдника, но нерѣдко поставляющими его на мѣсто самого завѣщателя. Однако въ этомъ случаѣ проектъ является достаточно сдержаннымъ. „Права и обязанности душеприказчика опредѣляются въ завѣщаніи", говоритъ проектъ (ст. 103); но почему бы не обронить также нѣсколько строкъ, указующихъ, что душеприказчикъ, какъ таковой, отнюдь не наслѣдникъ и не полный замѣститель самого завѣщателя? Практика духовныхъ завѣщаній и безчисленные споры о признаніи недѣйствительными завѣщательныхъ распоряженій объ оставленіи наслѣдственнаго имущества въ „полное и неограниченное распоряженіе" душеприказчика давали бы для того достаточное основаніе.

Законъ долженъ гармонировать съ жизнью не только качественно, но и количественно. Гармонія представляется качественной, когда законъ отвѣчаетъ именно на тѣ запросы, которые порождаетъ гражданская жизнь,—все равно, воспроизводитъ ли онъ въ себѣ тенденцію жизни, или, напротивъ, борется съ нею. Гармонія представляется количественною, когда при формулированіи своихъ предписаній законодатель прилагаетъ старанія, соотвѣтственныя дѣйствительному положенію вопроса въ жизни. Если извѣстнымъ юридическимъ положеніемъ жизнь занимается *много* и разнорѣчиво съ волею законодателя, то и законодатель не долженъ говорить о такомъ положеніи *мало*. Какъ уже замѣчено, языкъ закона не безразличный элементъ въ *политикѣ* права. Не безъ основанія, напримѣръ, дѣйствующій десятый томъ свода всѣ три отдѣла своихъ постановленій о бракѣ (о бракѣ православныхъ, о бракахъ инославныхъ, о бракахъ нехристіанъ) начинаетъ рѣшительными и, можно сказать, достаточно торжественными заявленіями о томъ, что лица всѣхъ безъ различія состояній могутъ вступить между собою въ бракъ, не испрашивая на сіе особаго отъ *правительства* дозволенія (ст. 1, 61, 90). Въ странѣ, гдѣ громадное большинство населенія совсѣмъ еще не освоилось съ образомъ мысли, по которому все „что не запрещено, то дозволено“, гдѣ, напротивъ, опытъ научаетъ необходимости на каждомъ шагу считаться съ разрѣшеніями и запрещеніями,—гдѣ масса крестьянскаго населенія не только по установившейся практикѣ, но въ силу постановленій самого закона держится какъ бы подъ опекой даже въ области семейственныхъ отношеній (правила о семейныхъ раздѣлахъ),—при наличности подобныхъ условій нельзя не сказать, что заявленія статей 1, 61 и 90 свода имѣютъ свой глубокій практическій смыслъ. Онѣ констатируютъ въ индивидуальномъ сознаніи каждаго отдѣльнаго лица, что право на вступленіе въ бракъ есть неотъемлемая принадлежность его *гражданской автономіи*, и что никакія благожелательныя внушенія, руководимыя соображеніями правильнаго устройства податнаго тягла или какими-либо другими мотивами, не въ правѣ ограничивать свободное рѣшеніе индивидуальной воли, на-

правленное къ осуществленію этой интимнѣйшей сферы гражданской автономіи. Статьи 1 и 7 проекта уложенія, изъ коихъ первая опираетъ возникновеніе брака исключительно на взаимное свободное согласіе сочетающихся лицъ, а другая (ст. 7) въ зависимость отъ начальства поставляетъ лишь браки лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, съ логической точки зрѣнія, конечно, охватываютъ вполнѣ надлежащее положеніе вещей. Но съ практической точки зрѣнія,—если уже прошло время торжественныхъ заявленій въ мирномъ текстѣ гражданскаго закона,—съ практической точки зрѣнія все же не устраняется необходимость въ огражденіи предоставленной всѣмъ и каждому гражданской свободы въ конкретныхъ условіяхъ ея примѣненія, такъ такъ фактически возможность совершенія брака въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ стоитъ въ непосредственной зависимости отъ того, кто, по закону, является его непремѣннымъ „совершителемъ“. Проектъ не рѣшается войти въ регламентацію обязанностей такого совершителя по отношенію къ частнымъ лицамъ, обращающимся къ его содѣйствію при вступленіи въ бракъ, хотя по другому, менѣе важному поводу особое положеніе духовнаго лица не является въ проектѣ препятствіемъ къ тому, чтобы обязанности этого лица по отношенію къ гражданско-правовому положенію частныхъ лицъ подлежали регламентаціи закона. Именно, въ проектѣ справедливо усматривается, что законы объ актахъ гражданскаго состоянія, по ихъ существу и по практическому значенію, принадлежатъ къ числу законовъ гражданскихъ; и проектъ обращаетъ въ предметъ гражданско-правовой регламентаціи взаимныя отношенія должностныхъ лицъ, вѣдающихъ означенные акты, и отдѣльныхъ гражданъ, до коихъ акты тѣ относятся. По статьѣ 595 проекта лица, ведущія метрическія книги, обязаны выдавать изъ нихъ за установленную плату по таксѣ справки и свидѣтельства. Веденіе метрическихъ книгъ есть выполненіе извѣстной должности; и если за это выполненіе должна слѣдовать извѣстная частная плата, то таковая не можетъ быть оставлена безъ законодательнаго опредѣленія. Полученіе необходимыхъ справокъ и свидѣ-

тельствъ, удостовѣряющихъ гражданское состояніе лица, есть право этого лица, а осуществленіе права не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ такой платы должностному лицу, опредѣленіе размѣровъ которой зависитъ отъ добраго его желанія.—И вотъ невольно по поводу всего этого навязывается мысль, что и вступленіе въ бракъ есть также очевидное право лица и, притомъ, несравненно важнѣйшее, чѣмъ полученіе метрической справки о совершившемся бракѣ; и невольно спрашивается, справедливо ли возможность осуществленія означеннаго права оставлять въ зависимости отъ тѣхъ произвольныхъ размѣровъ, въ которыхъ оффиціальный совершитель брака найдетъ нужнымъ опредѣлить свое личное вознагражденіе? Жалоба на то, что бѣднѣйшимъ элементамъ сельскаго населенія совершеніе бракосочетанія часто оказывается недоступною роскошью,—жалоба давнишняя и распространенная. Казалось бы, что упоминаніе объ установляемой платѣ по таксѣ въ связи съ постановленіями о совершеніи бракосочетанія, не нарушая святости предмета, вполнѣ отвѣчало бы его *юридическому* и, въ частности, *гражданско-правовому* значенію. — Справедливо ли, далѣе, срокъ бракосочетанія, когда къ совершенію его не имѣется законныхъ препятствій, оставлять на неограниченное усмотрѣніе того же совершителя брака? Не слѣдуетъ ли, напротивъ, опредѣлить максимальную продолжительность этого срока, далѣе чего совершитель брака не властенъ былъ бы отлагать исполненіе своей обязанности?—Кто знаетъ сельскую жизнь русской глуши, тотъ, можетъ быть, согласится, что и этотъ вопросъ далеко небезразличенъ для обывателя. Пусть въ законѣ отсутствуютъ громкія заявленія о свободѣ каждаго вступать въ бракъ, не испрашивая разрѣшенія „правительства"; тѣмъ нужнѣе оградить эту свободу *реально* — способами, регулирующими отношенія брачущихся къ тѣмъ должностнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависитъ совершеніе брака.

Значитъ, въ этомъ вопросѣ необходимо посчитаться съ *фактами* дѣйствительности. Посчитаться съ ними было бы, какъ представляется, необходимымъ и по поводу другихъ вопросовъ. Проектъ, напримѣръ, поступаетъ не только справедливо,

но и послѣдовательно, когда пріостанавливаетъ теченіе исковой давности по искамъ между супругами на все продолженіе брака (ст. 115); дѣйствительно, въ этой сферѣ довѣріе одной стороны къ другой легко можетъ перейти въ зависимость отъ этой другой стороны, а зависимость не менѣе легко создаетъ почву для эксплоатаціи и злоупотребленій. Въ практическомъ отношеніи этотъ мотивъ, думается, служитъ такимъ же оправданіемъ правила о бездѣйствіи исковой давности, какъ и желаніе устранить всякій поводъ къ нарушенію добрыхъ отношеній между супругами, на что ссылается объясненіе къ проекту. Съ изложенной точки зрѣнія пріостановленіе исковой давности является *гарантіей* болѣе полнаго de facto примѣненія начала раздѣльности между супругами.—Напротивъ, статья 121 семейственнаго права, требующая отъ супруга, завѣдующаго имуществомъ или дѣлами другого супруга, лишь ту степень осмотрительности, какую онъ прилагаетъ къ своимъ дѣламъ, вовсе пренебрегаетъ условіями практическаго примѣненія начала раздѣльности имущественныхъ отношеній между супругами, нерадиваго супруга, управляющаго дѣлами другого, *малоопытнаго* въ житейскихъ дѣлахъ супруга, проектъ какъ бы *поощряетъ* къ осуществленію такого вида *общности* имущественныхъ отношеній, который наименѣе желателенъ въ супружескихъ отношеніяхъ. Въ объясненіяхъ къ проекту по поводу статьи 121-й приводится то соображеніе, что „требовать бо̀льшей заботливости нѣтъ основанія, потому что предоставленіе въ принятіе завѣдыванія вызываются общностью интересовъ и „близкими личными отношеніями, существующими между супругами“. Это разсужденіе, конечно, не чуждо сантиментальности, вообще встрѣчающейся въ объясненіяхъ къ проекту, но въ то же время не страдаетъ ли оно игнорированіемъ практическихъ условій *примѣненія* закона? Думается, что число женъ, разоренныхъ помимо ихъ воли своими мужьями путемъ нерачительнаго веденія ввѣренныхъ имъ ихъ супругами дѣлъ, вовсе не такъ невелико, чтобы законодателю, дорожащему началомъ имущественной раздѣльности, не обращать на означенный фактъ никакого вниманія. И „нравственныя“ соображенія могли бы прійти въ этомъ случаѣ на помощь....

Примѣры можно набирать безъ числа; важнѣе—намѣтить общія заключенія. Конструкція всей схемы отношеній, которыя могутъ существовать между закономъ и жизнью, составила бы благодарную задачу цѣлой обширной работы; изслѣдованіе судебной практики, какъ нѣкотораго отраженія гражданской жизни, возвысило бы значеніе накопленнаго судебнаго матеріала, эксплоатируемаго по большей части лишь въ цѣляхъ комментарія; изслѣдованіе жизненныхъ отношеній за предѣлами судебной области обогатило бы законодательное творчество такими идеями и раскрыло бы предъ нимъ такія перспективы, которыя сообщили бы результатамъ его почти незамѣчаемую въ настоящее время самобытность и оригинальность. Однимъ словомъ, хотѣлось бы въ проектѣ новаго гражданскаго уложенія встрѣтить не только признаки усерднаго и добросовѣстнаго собиранія и осторожнаго пересмотра разрозненныхъ проявленій не установившейся русской юридической мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ почувствовать при чтеніи проекта вѣяніе могучихъ объединяющихъ началъ, подымающихъ и общественную, и личную волю на дѣло соціальнаго и нравственнаго самоусовершенствованія.

Сергѣй Муромцевъ.

ОБЩИННОЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЕ ПО ТРУДАМЪ МѢСТНЫХЪ КОМИТЕТОВЪ О НУЖДАХЪ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Вопросъ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія, со временъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости не перестающій привлекать къ себѣ вниманіе русской научной и публицистической мысли равно какъ и русскихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, выдвигается, естественно, на видное мѣсто и въ трудахъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, учрежденныхъ Высочайшимъ повелѣніемъ 22 марта 1902 года. Хотя онъ и не былъ предложенъ комитетамъ Особымъ Совѣщаніемъ, но рѣчь о связи состоянія крестьянскаго хозяйства съ формами землевладѣнія заходила почти повсемѣстно при обсужденіи пунктовъ *ч*, *ж* и *ш* разосланной на мѣста программы, касающихся мѣръ борьбы противъ черезполосицы и противъ пожаровъ столь опустошительныхъ при скученности нашихъ деревень и мѣръ содѣйствія переселеніямъ, или и внѣ программы по поводу общаго вопроса о способахъ поднять производительность сельскохозяйственнаго труда: вездѣ возникали при этомъ горячіе дебаты о вліяніи общины на народную жизнь, о недостаткахъ и преимуществахъ покоящагося на общинномъ началѣ строя землевладѣнія по сравненію съ личной подворной собственностью. Во многихъ комитетахъ

вопросъ о значеніи общины признавался лежащимъ во главѣ угла, и высказывалось мнѣніе, что прежде рѣшенія спора объ общинѣ нѣтъ смысла заниматься разсмотрѣніемъ частныхъ мѣръ содѣйствія сельскому хозяйству. Убѣжденные сторонники общины сталкивались при этомъ съ не менѣе убѣжденными и столь же, если не болѣе страстными ея противниками, и цѣлыя засѣданія заполнялись оживленными преніями о томъ, лучше или хуже жилось бы нашему мужику безъ общины.

Сужденія, которыя высказывались членами комитетовъ, до крайности разнообразны и настолько противорѣчивы, что путемъ подсчета голосовъ трудно прійти къ опредѣленнымъ выводамъ. Во всѣхъ областяхъ Россіи, въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ группахъ встрѣчаемъ мы и сторонниковъ и противниковъ общины. На югѣ и на сѣверѣ, на дальнемъ востокѣ и на крайнемъ западѣ, въ мѣстностяхъ, гдѣ общиннаго землевладѣнія почти и не знаютъ, и тамъ, гдѣ оно безраздѣльно господствуетъ на крестьянскихъ земляхъ, раздавались голоса и за и противъ общины. Здѣсь ратуетъ за нее помѣщикъ; тамъ, напротивъ, крупные землевладѣльцы рѣшительно высказываются за уничтоженіе общиннаго строя; представители администраціи, гдѣ горячо отстаиваютъ общину, гдѣ страстно на нее нападаютъ; сами приглашенные въ комитетъ крестьяне мѣстами единогласно требуютъ освобожденія отъ сковывающихъ ихъ общинныхъ порядковъ, въ большей же части комитетовъ съ не меньшимъ единодушіемъ выражаютъ свое довольство существующимъ строемъ жизни. Даже въ постановленіяхъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ, которыя, представляя изъ себя въ большинствѣ случаевъ результатъ компромисса, склонны избѣгать рѣзкихъ сужденій и крайнихъ рѣшеній, замѣчается по вопросу объ общинѣ не малое разнообразіе. Большинство изъ имѣющихся въ моемъ распоряженіи мнѣній комитетовъ, усматривая въ общинѣ, въ ея современномъ видѣ, существенное препятствіе для развитія сельскаго хозяйства, болѣе или менѣе настойчиво требуетъ содѣйствія государственной власти переходу къ подворному владѣнію, хотя бы путемъ облегченія условій выхода изъ

общины для отдѣльныхъ крестьянъ, тяготящихся своей принадлежностью къ общинному союзу [1]).

---

[1]) При неясности формулировки окончательныхъ постановленій нѣкоторыхъ комитетовъ распредѣленіе ихъ на группы представляло значительныя трудности, тѣмъ болѣе, что для многихъ комитетовъ я не могъ опереться и на отчетъ о предшествовавшихъ постановленію дебатахъ. Категорически за упраздненіе общины высказываются комитеты Балаганскій, Витебскій у. (уничтожить общинное владѣніе какъ непривившееся въ краѣ) Вольскій, Гдовскій, Кинешемскій (но съ сохраненіемъ общаго владѣнія выгономъ и лѣсами), Корочанскій, Рогачевскій Витебской губерніи (привести законъ въ соотвѣтствіе съ дѣйствительной формой крестьянскаго землевладѣнія и признать мѣстныхъ крестьянъ подворными владѣльцами) Симбирскій губернскій, Спасскій Казанской губерніи, Судогодскій (желателенъ переходъ къ подворному владѣнію съ пособіемъ отъ правительства), Харьковскій уѣздный и Юрьевецкій. Дорогобужскій комитетъ высказывается за переходъ къ подворному владѣнію, не входя въ разсмотрѣніе практической стороны дѣла, т. е. не указывая, поскольку онъ считаетъ желательнымъ давленіе на общину со стороны правительственной власти; Льговскій комитетъ стоитъ за переходъ къ подворному владѣнію, но съ оговоркой, что необходима осторожность и предварительное выясненіе путемъ опыта на мѣстахъ различныхъ способовъ осуществленія перехода; Новоладожскій комитетъ признаетъ, что переходъ къ подворному владѣнію былъ бы радикальной мѣрой содѣйствія сельскому хозяйству, но останавливается передъ тѣмъ, что крестьянство пока крѣпко держится за общину; С.-Петербургскій губернскій комитетъ, высказываясь за подворное владѣніе, не рѣшается предложить опредѣленныхъ мѣръ осуществленія своихъ пожеланій. Комитеты Гродненскій, Лепельскій, Оршанскій и Сѣнненскій высказываются за полное уничтоженіе общины, но имѣютъ при этомъ несомнѣнно въ виду не столько великорусскую передѣльную общину, сколько черезполосное владѣніе. Изъ числа остальныхъ комитеты Ардатовскій, Бѣльскій, Верейскій, Витебскій губ., Владимірскій у., Вольскій, Воронежскій губ., Горбатовскій, Дмитріевскій, Елисаветградскій (но съ ограниченіемъ, чтобы въ однѣхъ рукахъ было не болѣе трехъ надѣловъ), Жиздринскій, Казанскій губ., Козловскій, Коротоякскій, Красининскій, Курскій губ., Курскій у., Невельскій, Новооскольскій, Переяславскій, Петергофскій, Псковскій уѣздный, Псковскій губернскій, Рославльскій, Семеновскій, Тарусскій, Устюженскій, Чистопольскій, Ярославскій губернскій выразили пожеланіе, чтобы общинникамъ было предоставлено право свободнаго выхода изъ общины съ землей. Комитеты Ардатовскій (въ связи съ требованіемъ, чтобы отъ простаго большинства голосовъ зависѣлъ и обратный переходъ отъ подворнаго владѣнія къ общинному), Изюмскій, Купянскій, Новгородскій губернскій (въ формѣ пожеланія, чтобы крестьянамъ была предоставлена свобода выбора), Петергофскій, Псковскій губернскій, С.-Петербургскій губернскій, Семеновскій, Смоленскій губернскій, Устюженскій (свобода выбора), Харьковскій уѣздный, Царскосельскій (съ непремѣннымъ условіемъ закрытой баллотировки шарами), Ямбургскій высказались за то, чтобы число голосовъ, требующееся для приговора о переходѣ къ подворному владѣнію, было понижено съ двухъ третей до простаго большинства.

Но цѣлый рядъ комитетовъ, съ другой стороны, выражаетъ пожеланіе, чтобы общинѣ была оказываема государствомъ дѣятельная поддержка [1]); не малое число, наконецъ, высказывается за то, чтобы рѣшеніе вопроса, быть общинѣ или не быть, предоставить жизни [2]). Единственная черта, въ которой сходится большинство комитетовъ, это нежеланіе безъ крайней необходимости ломать установившіеся порядки, отсутствіе вѣры въ цѣлесообразность неизбѣжно схематичной законодательной регламентаціи сложныхъ жизненныхъ отношеній и полное недовѣріе къ бюрократическимъ осуществителямъ само по себѣ хотя бы и не лишенныхъ привлекательности правительственныхъ начинаній. Системѣ административной опеки вынесенъ почти единогласно смертный приговоръ; отъ нея открещиваются всѣ кромѣ земскихъ начальниковъ. Освободите общину отъ административно-фискальныхъ функцій, дайте ей принять форму чисто земельнаго, частно-правоваго союза, откройте вмѣстѣ съ тѣмъ возможность для отдѣльныхъ лицъ безъ ущерба для другихъ, но и безъ имущественнаго убытка для себя выходить изъ общины и даже оставлять земледѣліе, если они желаютъ обратиться къ инымъ занятіямъ, и жизнь покажетъ, отвѣчаетъ общинный строй потребностямъ русскаго крестьянства или нѣтъ. Въ этомъ совпадаютъ пожеланія большинства комитетовъ, отнесшихся съ вниманіемъ къ вопросу о формахъ крестьянскаго землевладѣнія. Не откажетъ этимъ требова-

---

[1]) Комитеты Арзамасскій, Боровичскій, Бѣлгородскій, Ветлужскій, Владимірскій губ., Гороховецкій, Двинскій, Епифанскій, Коломенскій, Костромской губернскій, Лихвинскій, Макарьевскій, Мокшанскій, Московскій губ., Нижегородскій губ., Нижегородскій у., Новосильскій, Рузскій, Сергачскій, Старорусскій, Тихвинскій, Чаускій.

[2]) Комитеты Бирскій, Бѣлозерскій, Витебскій губ. Дмитріевскій (однако, въ связи съ пожеланіемъ возстановить статью 165 пол. о выкупѣ въ прежней редакціи), Звенигородскій, Курскій у., Могилевскій губернскій, Мокшанскій, Московскій губ., Московскій у., Новомосковскій, Новоторжскій, Обоянскій, Опочецкій, Петровскій, Саратовскій губернскій, Себежскій всѣ уѣздные комитеты Смоленской губерніи, за исключеніемъ Дорогобужскаго, Суджанскій, Тамбовскій уѣздный, Царицынскій, Ярославскій губернскій (выражая въ то же время пожеланіе, чтобы былъ разрѣшенъ выходъ изъ общины съ землей).

ніямъ въ сочувствіи и та часть мыслящей Россіи, которая не была призвана къ дѣятельному участію въ работахъ комитетовъ.

Не больше единодушія нежели по вопросу о задачахъ государственнаго воздѣйствія на общину встрѣчаемъ мы и въ сужденіяхъ объ общинѣ по существу, о пользѣ или вредѣ ея для народнаго хозяйства. Большинство комитетовъ болѣе или менѣе опредѣленно стало на сторону противниковъ общины [1]; но весьма значительное меньшинство заявило себя рѣшительно сторонникомъ этой формы землевладѣнія [2], а немалое число отказалось подвести итоги выгоднымъ и невыгоднымъ сторонамъ общиннаго строя и не высказалось категорически ни за, ни противъ общины [3]. Разобраться въ этомъ хаосѣ противорѣчивыхъ сужденій можно лишь, вникнувъ въ доводы приводимые той и другой стороной.

---

[1]) Община представляется вредной для сельскаго хозяйства по мнѣнію комитетовъ Алатырскаго, Арзамасскаго (засѣданіе 10. VIII, 1903), Бѣльскаго, Витебскаго губ. Вольскаго, Гдовскаго, Гродненскаго, Дорогобужскаго, Духовщинскаго, Жиздринскаго, Изюмскаго, Коротоякскаго, Купянскаго, Курмышскаго, Льговскаго, Новоладожскаго, Обоянскаго, Оршанскаго, Острогожскаго, Петергофскаго, Подольскаго, Пронскаго, Псковскаго губернскаго, Рославльскаго, С.-Петербургскаго губернскаго, Саратовскаго губернскаго, Себежскаго, Семеновскаго, Сѣнненскаго, Торопецкаго (причиной упадка крестьянскаго хозяйства является несовершенство организаціи общиннаго землепользованія), Устюженскаго, Харьковскаго уѣзднаго, Царицынскаго, Царскосельскаго, Чистопольскаго, Юрьевецкаго, Ярославскаго губернскаго.

[2]) Община въ цѣломъ полезна для крестьянства по мнѣнію комитетовъ Боровичскаго, Бѣлозерскаго, Владимірскаго губ., Дмитріевскаго, крестьянъ въ Козельскомъ ком., Коломенскаго, Макарьевскаго, Маріупольскаго, Новоржевскаго, Новооскольскаго, Рузскаго, Старорусскаго, Тихвинскаго, Чаусскаго. Община не представляется вредной для сельскаго хозяйства, комитетамъ Ардатовскому, Арзамасскому (засѣданіе 21. IX. 1903) Богородскому, Дмитровскому, Могилевскому губ., Мокшанскому, Московскому губ., Московскому у., Полоцкому.

[3]) Не рѣшаются подвести окончательный итогъ вреднымъ и полезнымъ воздѣйствіямъ общиннаго строя на крестьянскую жизнь комитеты Бирскій, Воронежскій губ., Звенигородскій, Могилевскій губернскій, Мологскій (вредна община въ смыслѣ административномъ, а не юридическомъ, черезполосицей и принудительнымъ сѣвооборотомъ, которые можно устранить и не разрушая общины). Новгородскій губернскій, Пензенскій губ., Тамбовскій уѣздный (вредныя стороны общиннаго землевладѣнія устранятся сами собой съ повышеніемъ культурности населенія).

Наиболѣе убѣдительнымъ аргументомъ, способнымъ сразу рѣшить, какъ отражается на состояніи сельскаго хозяйства форма землевладѣнія, представляется для ума, не искушеннаго критической научной работой, непосредственное сравненіе. Сравнимъ—говорилось чуть не во всѣхъ комитетахъ—результаты сельскохозяйственной дѣятельности на надѣльныхъ земляхъ съ тѣмъ, какъ идетъ хозяйство на земляхъ, стоящихъ внѣ вліянія общины, и мы сразу увидимъ.... Но что мы при этомъ увидимъ, формулировалось разными наблюдателями различно. Одни приводили примѣры процвѣтанія хозяйства на внѣ-общинныхъ земляхъ и дѣлали выводъ, что община ведетъ сельское хозяйство къ застою и упадку. Другіе указывали случаи, въ которыхъ общинное хозяйство ведется не хуже, если не лучше, чѣмъ хозяйство на рядомъ лежащихъ земляхъ необщинныхъ, и приходили къ заключеніямъ, благопріятнымъ для общины. Фактъ общеизвѣстный, что урожаи на помѣщичьихъ земляхъ въ среднемъ выше, нежели на мужицкихъ. Отсюда выводъ: община роняетъ урожаи. Противъ этого аргумента защитники общины предъявляютъ отводъ. Помѣщичье хозяйство обладаетъ, быть можетъ и недостаточными, но все же по сравненію съ мужицкимъ весьма значительными капиталами; владѣя большимъ количествомъ луговъ и выгоновъ, помѣщикъ можетъ держать больше скота и лучше удобрять свою землю; крупный землевладѣлецъ въ состояніи взять себѣ управляющаго съ спеціальной научной и практической подготовкой, да и самъ онъ по степени культурности не ровня мужику. Уже это могло бы объяснять бо̀льшіе успѣхи частнаго землевладѣнія. Но есть и еще одно существенное обстоятельство, котораго не надо забывать: при освобожденіи надѣлъ отводился крестьянамъ не по ихъ выбору; помѣщикъ зналъ, что̀ себѣ оставить, и крестьянамъ доставалась, конечно, не лучшая земля имѣнія: притомъ же расположеніе надѣла часто крайне неудобное; разбросанный въ нѣсколькихъ мѣстахъ, вытянутый въ длинную и узкую ленту онъ и въ рукахъ первокласснаго хозяина не могъ бы тягаться съ лучше расположенными частновладѣльческими землями. Ясно, что при такомъ смѣшеніи при-

чинъ нельзя сдѣлать точнаго вывода относительно вліянія одной изъ нихъ. И дѣйствительно: на ряду съ примѣрами помѣщичьихъ хозяйствъ, стоящихъ выше мужицкихъ, можно указать не мало хозяйствъ, которыя стоятъ на уровнѣ крестьянскихъ. Въ Симбирскомъ губернскомъ комитетѣ указывалось, напр., что на двѣ съ лишнимъ тысячи частныхъ землевладѣльцевъ губерніи какихъ-нибудь два десятка ведутъ хозяйство раціональнѣе, нежели окрестные мужики; остальные же, хотя ихъ и не стѣсняетъ никакая община, распоряжаются своими землями не лучше крестьянъ. А Петергофскій уѣздный комитетъ не только признаетъ фактъ застоя частно-владѣльческаго хозяйства, но даже пытается оправдать его ссылкой все на ту же общину, которая, оказывается, связываетъ свободу не только мужика, но и сосѣда помѣщика, ибо „едва ли мыслимо рядомъ съ хищническимъ и безпечнымъ хозяйствомъ крестьянъ процвѣтаніе правильно поставленнаго и интенсивнаго хозяйства помѣщика".

Итакъ, непосредственное сравненіе помѣщичьяго и мужицкаго хозяйства не приводитъ къ опредѣленному выводу относительно вліянія общиннаго строя на земледѣліе. Не больше даетъ и сравненіе хозяйства на общинной землѣ съ хозяйствомъ на купчихъ и пріусадебныхъ участкахъ или съ хозяйствомъ крестьянъ въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ общины. Исключая или, по крайней мѣрѣ, ослабляя дѣйствіе нѣкоторыхъ изъ перекрещивающихся факторовъ—размѣровъ хозяйства и стоящихъ съ ними въ связи различій въ культурности и обезпеченности капиталомъ—мы въ то же время вводимъ новыя осложняющія обстоятельства. „Хозяйство на стоящихъ внѣ передѣловъ и переверстокъ пріусадебныхъ земляхъ ведется интенсивнѣе, чѣмъ на полѣ". Допустимъ! Но вѣдь это можетъ объясняться также близостью пріусадебныхъ участковъ къ жилью. Извѣстно, что и на поляхъ, т. е. въ сферѣ равномѣрнаго вліянія общины, ближніе участки сильнѣе унаваживаются и лучше обрабатываются, нежели дальніе, а иногда на дальнихъ, запольныхъ участкахъ примѣняется даже совсѣмъ иная система хозяйства. „Нѣмецкія колоніи не знаютъ передѣловъ и процвѣтаютъ, а русская деревня

гибнетъ". Можно ли заключить, что причиной жалкаго положенія нашего крестьянства является именно община? Нѣмецкія колоніи богато надѣлены землей; онѣ не несутъ такихъ платежей, какъ наши мужики; колонисты чуть не поголовно грамотны и вообще стоятъ въ культурномъ отношеніи сравнительно очень высоко. Если же мы сравнимъ нашу общинную деревню съ селеніями русскихъ же крестьянъ, владѣющихъ землей на такъ называемомъ четвертномъ правѣ и имѣющихъ тѣ же порядки землевладѣнія, какъ нѣмецкіе колонисты, то увидимъ, что различія въ уровнѣ хозяйства смягчаются, если не пропадаютъ. Ясно, что сила не въ общинѣ или по крайней мѣрѣ не въ ней одной. Весьма поучительно, что нападки на общину, опирающіяся на подобное сравненіе общиннаго хозяйства съ подворнымъ, раздаются преимущественно въ тѣхъ уѣздахъ, которые подворнаго хозяйства не знаютъ; напротивъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ наряду съ общиной встрѣчается и подворное владѣніе, большинство наблюдателей склоняется къ выводу, что различія формъ землевладѣнія мало сказываются на уровнѣ хозяйства, а нѣкоторые даже отдаютъ предпочтеніе при прочихъ равныхъ условіяхъ хозяйству общинниковъ [1]).

Очевидно, что эмпирическій методъ прямаго сравненія неспособенъ привести насъ къ цѣли. Въ вопросѣ о сравнительныхъ преимуществахъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія, тѣсно связанномъ съ вопросомъ объ общинѣ и имѣющемъ не менѣе богатую литературную исторію, всѣ изслѣдователи въ настоящее время признаютъ безплодность подобныхъ сопоставленій и стремятся подойти къ рѣшенію, опредѣляя путемъ теоретическаго анализа, что въ состояніи давать крупное и мелкое хозяйство при разныхъ условіяхъ жизненной обстановки. Равнымъ образомъ и на вопросъ о вліяніи общины на народное хозяйство можно получить точный отвѣтъ, лишь оставляя упрощенно-эмпирическій путь непосредствен-

---

[1]) Епифанскій у. ком.; Елецкій у. ком.; Чериковскій у. ком.; отдѣльныя лица въ Новосильскомъ у. ком., Тамбовскомъ у. ком., Суджанскомъ у. ком., Городокскомъ у. ком.

ныхъ сравненій и обращаясь къ аналитическому методу, впервые приложенному къ нашей проблемѣ знаменитымъ нѣмецкимъ экономистомъ Георгомъ Гансеномъ, а затѣмъ развитому А. Посниковымъ въ его извѣстной диссертаціи объ общинномъ землевладѣніи.

„Община влечетъ за собой мелкополосицу и черезполосицу, обусловливая тѣмъ страшное расточеніе народнаго труда; община синонимъ застоя земледѣлія, такъ какъ связываетъ принудительнымъ сѣвооборотомъ иниціативу отдѣльныхъ хозяевъ и, лишая ихъ увѣренности въ прочномъ обладаніи отведеннымъ имъ участкомъ, отбиваетъ охоту заботиться объ его улучшеніи“—утверждаютъ противники общиннаго землевладѣнія и слышатъ въ отвѣтъ, что встрѣчаются общины безъ принудительнаго сѣвооборота и безъ черезполосицы и что нерѣдки примѣры быстраго прогресса сельскаго хозяйства при общинномъ строѣ. Съ другой стороны, защитники общины, указывая на то, что община спасаетъ Россію отъ пролетаріата, встрѣчаютъ возраженіе, что только слѣпому не видно, какъ быстро развивается сельскій пролетаріатъ въ русской деревнѣ. Одни винятъ общину въ аграрныхъ безпорядкахъ, другіе видятъ въ ней оплотъ консерватизма. Для нѣкоторыхъ община корень всѣхъ золъ большихъ и малыхъ. Она „порождаетъ пролетаріатъ и нищенство, вынуждаетъ къ переселеніямъ, создала отхожіе промыслы, весьма вредные въ экономическомъ и нравственномъ отношеніи, разстраивая семейный бытъ и проч. Она препятствуетъ разселенію и, слѣдовательно, способствуетъ увеличенію опустошительныхъ пожаровъ въ селеніяхъ, пріучаетъ и поддерживаетъ въ народѣ неуваженіе къ частной собственности; отсюда самовольныя лѣсныя порубки, потравы, захваты, кражи и прочее“ [1]). Стоитъ уничтожить общину, и Россія спасена: доколѣ же существуетъ общинное землевладѣніе у нашихъ крестьянъ, Россіи не выйти изъ того экономическаго положенія, въ которомъ она сейчасъ находится. Эти тирады вызываютъ смѣхъ даже среди

---

[1]) В. Дмитріевъ въ запискѣ, представленной въ Ярославскій губ. комитетъ.

большинства противниковъ общины, весьма скептически относящихся къ мысли исцѣлить всѣ язвы современной Россіи простымъ путемъ отмѣны общины. Защитники же общины съ неменьшимъ жаромъ доказываютъ, что только общиной Россія и держится: не будь общины, большая часть крестьянъ въ непродолжительномъ времени была бы обезземелена; всей этой массѣ не къ чему было бы приложить свой трудъ, такъ какъ наша слабая промышленность не въ состояніи ее пріютить, и пришлось бы погибать отъ недостатка средствъ существованія; сокращеніе спроса пошатнуло бы и обрабатывающую промышленность, а вмѣстѣ съ тѣмъ пострадали бы и государственные финансы.

Эти противорѣчивыя сужденія о роли, которую общинное землевладѣніе играетъ въ русской народной жизни, обусловливаются отчасти недостаточнымъ фактическимъ знаніемъ того, что происходитъ въ дѣйствительности. Въ большей мѣрѣ они должны быть поставлены на счетъ различіямъ въ общемъ міросозерцаніи, приводящимъ къ различнымъ оцѣнкамъ однихъ и тѣхъ же явленій. Но не малую роль играетъ и спутанность представленій объ общинѣ и общинныхъ порядкахъ. Чтобы разобраться въ этомъ хаосѣ мнѣній, утвержденій и аргументовъ, необходимо выяснить предварительно, что собственно мы разумѣемъ подъ земельной общиной, въ чемъ характерныя особенности этой формы землевладѣнія; необходимо проанализировать различныя проявленія общиннаго начала и уловить вліяніе каждаго изъ нихъ на народную жизнь, равно какъ и ихъ взаимную связь. Только тогда можно будетъ отдѣлить въ сложной массѣ явленій, въ жизни сопутствующихъ общиннымъ порядкамъ, то, что дѣйствительно связано неразрывно съ существомъ общиннаго строя, отъ того, что нарастаетъ болѣе или менѣе случайно въ силу историческихъ совпаденій, и установить точно тѣ дѣйствія, которыя должны быть поставлены на счетъ самой общинѣ въ ея чистомъ видѣ.

Характерной особенностью общиннаго землевладѣнія является, несомнѣнно, подчиненіе отдѣльнаго земледѣльца волѣ его однообщинниковъ. Но этотъ чисто формальный принципъ

можетъ получать самое разнообразное содержаніе, смотря по тому, на какія отношенія распространяется зависимость отдѣльнаго хозяина отъ воли всѣхъ. Зависимость эта можетъ сводиться къ такъ называемому принудительному сѣвообороту, т. е. къ обязательству вести хозяйство по вырабатываемому всѣми плану, воздѣлывать лишь тѣ растенія, какія принято, и производить сельскохозяйственныя работы въ то время, когда укажетъ сходъ. Въ другихъ случаяхъ ограниченія правъ отдѣльнаго владѣльца заключаются въ томъ, что безъ разрѣшенія общины онъ не можетъ свободно распоряжаться своими землями: продавать ихъ или сдавать въ аренду. При „долевомъ“ владѣніи, примѣромъ котораго можетъ служить большая часть нашихъ нѣмецкихъ колоній, а также владѣніе на такъ наз. четвертномъ правѣ, у отдѣльнаго хозяина рѣшеніемъ однообщинниковъ могутъ быть отбираемы принадлежащіе ему участки, но не иначе какъ подъ условіемъ замѣны ихъ равноцѣнными иными: по постановленію большинства можетъ быть производима „жеребьевка“ или „переверстка“. Здѣсь, слѣдовательно, общинникъ стѣсненъ въ правахъ владѣнія: онъ не можетъ предъявлять притязанія на опредѣленные земельные участки; гдѣ ему пахать и сѣять, зависитъ отъ воли общины. Но при долевомъ владѣніи отъ воли большинства не зависятъ по крайней мѣрѣ размѣры владѣнія отдѣльныхъ лицъ; при переверсткѣ община обязана отвести каждому хозяину, хотя и въ другомъ мѣстѣ, но не меньше того, что ему принадлежало раньше. Въ нашей великорусской передѣльной общинѣ не только положеніе, но и самый размѣръ участковъ опредѣляется волей большинства: сходъ рѣшаетъ на какихъ основаніяхъ распредѣлять землю; послѣ этого вычисляется, сколько кому приходится получить, а затѣмъ уже каждому хозяину отводятся участки соотвѣтствующаго размѣра. Сегодня у двора десять десятинъ, а завтра, смотря по тому, какъ заблагоразсудится односельчанамъ, можетъ оказаться и 15, но можетъ также остаться только пять.

Изъ этихъ примѣровъ видно, что основной принципъ общинной организаціи можетъ заполняться весьма различ-

нымъ содержаніемъ. Ясно, что дѣйствіе его на народную жизнь и на состояніе сельскаго хозяйства не можетъ быть одно и то же во всѣхъ случаяхъ его примѣненія. Тѣ дѣйствія, которыя производитъ подчиненіе индивидуума волѣ большинства по отношенію къ пользованію землей—принудительный сѣвооборотъ—не могутъ не отличаться отъ дѣйствій, обусловливаемыхъ ограниченіями правъ распоряженія и врядъ ли будутъ совпадать съ тѣми слѣдствіями, къ которымъ ведутъ стѣсненія въ правахъ владѣнія; переверстки—обмѣнъ участками съ замѣной отдаваемыхъ равноцѣнными иными—оказываютъ одно вліяніе, а передѣлы—измѣненіе размѣровъ землевладѣнія—другое. Между тѣмъ у насъ не всегда ясно различаютъ одни проявленія общиннаго начала отъ другихъ, и споръ постоянно запутывается неустановившейся терминологіей. Нерѣдко слово „община" употребляется въ чрезвычайно широкомъ смыслѣ; общинными называютъ, напримѣръ, порядки землевладѣнія, господствовавшіе въ Германіи въ началѣ 19 вѣка, и прусскія аграрныя реформы начала и середины прошлаго столѣтія, преслѣдовавшія цѣль уничтоженія черезполосицы и принудительнаго сѣвооборота, характеризуютъ какъ отмѣну общины. При этомъ опредѣляющимъ понятіе признакомъ служитъ формальный организаціонный принципъ, и всякій строй, при которомъ воля отдѣльнаго хозяина стѣснена рѣшеніями большинства, получаетъ названіе общиннаго. Напротивъ, когда мы, дебатируя вопросъ, быть или не быть общинѣ въ Россіи, противопоставляемъ наше общинное землевладѣніе нашему же подворному, которое гораздо глубже проникнуто общиннымъ духомъ нежели аграрный строй Пруссіи сто лѣтъ тому назадъ, мы употребляемъ слово „община" уже въ крайне спеціальномъ смыслѣ: мы разумѣемъ подъ общиной отнюдь не всякую группу землевладѣльцевъ, въ которой—безразлично, въ чемъ—отдѣльный хозяинъ вынужденъ подчиняться рѣшеніямъ большинства, но имѣемъ въ виду вполнѣ опредѣленный комплексъ такихъ ограниченій. Пока мы не пріобрѣтемъ привычки всегда точно указывать, какой именно объемъ ограниченій правъ отдѣльныхъ лицъ мы имѣемъ въ виду и не проанализи-

руемъ различныхъ проявленій общиннаго начала въ ихъ причинахъ и слѣдствіяхъ и въ ихъ взаимоотношеніяхъ, намъ въ спорѣ объ общинѣ не удастся выбраться на твердую почву и освободиться отъ встрѣчающихся теперь на каждомъ шагу ignoratio elenchi. Мы должны установить, чѣмъ вызываются и къ чему ведутъ ограниченія правъ распоряженія, каковы причины и дѣйствія принудительнаго сѣвооборота, чѣмъ обусловливаются переверстки, и какъ отражаются онѣ на состояніи сельскаго хозяйства, зачѣмъ предпринимаются передѣлы. Но мало и этого: между различными проявленіями общиннаго начала можетъ существовать тѣсная связь; передѣлы могутъ, напр., имѣть своими косвенными послѣдствіями явленія, которыя обусловливаются не ими, а сопровождающими ихъ въ большинствѣ случаевъ переверстками, и намъ надо знать, лежитъ ли эта связь между передѣлами и переверстками въ существѣ дѣла или же носитъ характеръ случайнаго совпаденія. Лишь тогда будемъ мы въ состояніи разобраться въ вопросѣ о дѣйствіи общиннаго строя на народную жизнь. Предварительнымъ анализомъ отдѣльныхъ проявленій общиннаго начала мы теперь и займемся, съ тѣмъ, чтобы систематизировать пріурочиваемые къ нимъ въ дебатахъ общіе аргументы за и противъ общины, а затѣмъ, переходя къ синтезу, разсмотримъ роль и значеніе той формы общины, о которой идутъ споры въ Россіи. Послѣ этого намъ не трудно будетъ оцѣнить по достоинству и проекты реформъ, намѣчающіеся въ великомъ разнообразіи въ трудахъ уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ.

„Подчиненіе индивидуума въ его хозяйственныхъ дѣйствіяхъ волѣ большинства“ — было время, когда самый фактъ такой зависимости безъ дальнѣйшаго анализа считался достаточнымъ основаніемъ для законодательнаго вмѣшательства. Нецѣлесообразность такого порядка и не доказывалась; она считалась аксіомой, изъ которой исходили всѣ дальнѣйшія разсужденія. Въ началѣ 19 вѣка и вплоть до середины его освобожденіе личности отъ всѣхъ стѣсненій ея хозяйственной свободы было главной задачей экономической политики въ передовыхъ государствахъ; принципъ laissez faire

безраздѣльно господствовалъ надъ умами; все, что сколько нибудь связывало отдѣльную личность, разсматривалось какъ неуспѣвшій еще отпасть пережитокъ средне-вѣковаго варварства, который необходимо во чтобы то ни стало смести какъ можно скорѣе. Но шли годы, и „бурь порывъ могучій разсѣялъ прежнія мечты“. Несостоятельность экономической доктрины либерализма обнаружилась воочію прежде даже, чѣмъ ей удалось осуществиться въ жизни съ полной силой; ростъ рабочаго движенія, общее усложненіе экономическихъ отношеній съ переходомъ къ капиталистическому производству, обостреніе международнаго соперничества съ быстрымъ развитіемъ міроваго хозяйства заставили отказаться отъ идеала ничѣмъ и никѣмъ нестѣсняемой борьбы всѣхъ противъ всѣхъ; доктрина государственнаго невмѣшательства пала быстрѣе, нежели возникла, и въ настоящее время отсутствіе полной свободы перестало быть въ хозяйственныхъ вопросахъ точнымъ синонимомъ устарѣлаго, нецѣлесообразнаго, подлежащаго немедленному уничтоженію. Въ особенности ярко эта реакція проявилась въ области аграрныхъ отношеній. Возьмемъ, какъ примѣръ, сосѣднюю намъ Германію, на которую постоянно ссылаются при рѣшеніи вопроса о судьбахъ общиннаго землевладѣнія. Здѣсь за послѣднія двадцать, тридцать лѣтъ стремленіе къ ограниченію свободы землевладѣльцевъ, борьба противъ „мобилизаціи“ земельной собственности, противъ обращенія земли въ товаръ приняла чрезвычайно крупные размѣры, выливаясь въ самыя разнообразныя формы. Крестьянскіе неотчуждаемые участки и заповѣдныя родовыя имѣнья крупныхъ землевладѣльцевъ; недробимые крестьянскіе дворы; обязательное и факультативное единонаслѣдіе; рентныя имѣнія, какъ форма государственной колонизаціи; ограниченія задолженности—какихъ только мѣръ не предлагалось и не принималось для помощи страждущимъ земледѣльцамъ путемъ ограниченія ихъ хозяйственной свободы. Если къ этому мы присоединимъ измѣнившееся отношеніе къ государственному, городскому и общинному хозяйству и обнаружившееся за послѣдніе годы стремленіе городовъ пріобрѣтать земельную собственность; если отмѣтимъ, что Пруссія, раньше гордив-

шаяся той рѣшительностью, съ которой въ первой половинѣ 19 вѣка въ ней были сметены послѣдніе остатки общинной собственности, теперь съ завистью глядитъ на юго-западныя нѣмецкія государства, сохранившія въ довольно широкихъ размѣрахъ такъ называемыя алльменды нетронутыми до нашихъ дней, и даже путемъ сдачи казенныхъ земель въ аренду общинамъ начинаетъ пытаться возстановить тѣ порядки, которые такъ ревностно разрушала полъ вѣка тому назадъ, то невозможность считать въ настоящее время ссылку на то, что община стѣсняетъ индивидуума, самоё по себѣ безъ дальнѣйшихъ доказательствъ аргументомъ противъ общиннаго землевладѣнія станетъ очевидной для всякаго, кто не застылъ на міровоззрѣніи манчестерства середины прошлаго вѣка. И если у насъ, преимущественно изъ среды крупныхъ землевладѣльцевъ, раздаются еще, какъ слабый откликъ давно минувшихъ временъ и уже забытыхъ настроеній, полныя паѳоса рѣчи противъ общины какъ организованной тираніи большинства, то считаться съ ними серьезно не приходится. Споръ идетъ не о принципіальномъ вопросѣ, мыслимо ли въ современномъ государствѣ признаніе неограниченнаго права собственности, а лишь о предѣлахъ стѣсненій свободы собственника и о формѣ ихъ. Должны ли ограниченія налагаться въ бюрократическомъ порядкѣ, исходя отъ лицъ, ими непосредственно незатрогиваемыхъ, въ формѣ законодательныхъ актовъ и административныхъ распоряженій, или же источникомъ ихъ должны быть воля самоуправляющихся группъ сосѣдей-землевладѣльцевъ, введенная, конечно, государственной властью въ опредѣленныя границы? каковы должны быть эти границы?—Вотъ основные вопросы, около которыхъ вращается споръ объ общинѣ,—вопросы по существу своему не мирящіеся съ схематизмомъ слишкомъ простыхъ рѣшеній, а требующіе внимательнаго изученія цѣлей и возможныхъ дѣйствій различныхъ видовъ общественнаго вмѣшательства въ права собственности. Не то обстоятельство, что отдѣльный хозяинъ въ своихъ движеніяхъ связанъ волей большинства односельчанъ, само по себѣ, а лишь, что подобная зависимость ведетъ къ опредѣленнымъ вреднымъ послѣдствіямъ, или

по крайней мѣрѣ не оправдывается достаточно важными задачами, можетъ служить доводомъ противъ общинныхъ распорядковъ. Чтобы составить сужденіе о роли общины, надо, слѣдовательно, прежде всего, установить, какими мотивами вызываются тѣ или иныя ограниченія правъ собственности въ общинѣ и къ какимъ худымъ или добрымъ послѣдствіямъ они приводятъ.

Начнемъ съ ограниченій свободы пользованія. Наибольшій интересъ среди нихъ представляетъ та группа, которой въ научной рѣчи присвоено наименованіе: принудительный сѣвооборотъ. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ господствуетъ принудительный сѣвооборотъ въ его наиболѣе рѣзкой, теоретически мыслимой формѣ, отдѣльный хозяинъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ по отношенію къ пашнѣ связанъ рѣшеніями большинства. Община опредѣляетъ раздѣленіе земли на поля; община устанавливаетъ систему хозяйства; община указываетъ, гдѣ воздѣлывать какое растеніе; община же назначаетъ, наконецъ, и время производства всѣхъ сельскохозяйственныхъ работъ. Отдѣльному общиннику не остается ни малѣйшей самостоятельности: онъ выполняетъ лишь то, что постановлено на сходѣ большинствомъ голосовъ. Онъ хотѣлъ бы произвести посѣвъ недѣлей раньше, но не смѣетъ; онъ считалъ бы полезнымъ раньше вывести въ поле навозъ, желалъ бы вспахать паръ лишній разъ, находилъ бы цѣлесообразнымъ замѣнить одно растеніе другимъ, ввести въ свой сѣвооборотъ клеверъ или занять паръ картофелемъ, но ни на что не имѣетъ права: большинство рѣшило по иному, и онъ долженъ слѣдовать волѣ своихъ односельчанъ.

Ясно, что подобная зависимость не можетъ не задерживать сельскохозяйственнаго прогресса. Самый предпріимчивый человѣкъ рискуетъ потерять охоту раздумывать надъ способами поднять хозяйство, разъ онъ лишенъ возможности экспериментировать и подвергать жизненной провѣркѣ приходящіе въ голову планы усовершенствованій. У кого не опустятся руки, если для того, чтобы испытать самое незначительное улучшеніе, въ полной успѣшности котораго и самъ еще не совсѣмъ увѣренъ, надо убѣдить большинство сосѣ-

дей пойти на рискъ? Въ цѣломъ, несомнѣнно, надо признать, что земли, на которыхъ господствуетъ принудительный сѣвооборотъ, не могутъ быть исходной точкой прогресса сельскохозяйственной техники.

Но столь же несомнѣнно, съ другой стороны, что непреодолимымъ препятствіемъ къ улучшенію сельскохозяйственной техники принудительный сѣвооборотъ не служитъ. Уже Гансену было ясно, что, препятствуя отдѣльнымъ лицамъ мѣнять пріемы хозяйствованья, принудительный сѣвооборотъ оставляетъ совершенно свободной всю общину, и что нѣтъ никакой внутренней связи между нимъ и трехпольемъ, какъ долгое время принимали на основаніи случайнаго совпаденья трехполья и общины въ Германіи и средней Россіи, внѣ предѣловъ которыхъ въ то время не было наблюденій надъ общинными порядками. Въ настоящее время мы не только можемъ подтвердить теоретическій выводъ Гансена фактическими данными, показывающими, что принудительный сѣвооборотъ встрѣчается при самыхъ разнообразныхъ системахъ хозяйства, но имѣемъ право пойти далѣе и утверждать, что принудительный сѣвооборотъ можетъ даже служить средствомъ для ускоренія перемѣнъ въ сельскомъ хозяйствѣ. Возможность рѣшеніемъ большинства понуждать отсталое и упорствующее въ своемъ невѣжествѣ меньшинство представляетъ изъ себя удобный механизмъ для проведенія въ жизнь новыхъ пріемовъ. Убѣдить всѣхъ трудно; на сотню понимающихъ всегда найдется десятокъ, другой лицъ, неспособныхъ схватить идею новой техники и оцѣнить ея значеніе; при необходимости склонять каждаго по одиночкѣ къ перемѣнѣ системы хозяйства, неминуемо должна теряться масса времени и силъ со стороны лицъ и учрежденій, пытающихся провести реформу хозяйства въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ. Если есть возможность осуществить планъ перемѣнъ во всей полнотѣ, не считаясь съ сопротивленіемъ или даже просто нежеланіемъ пошевелить мозгами извѣстнаго меньшинства, успѣхъ долженъ быть безусловно болѣе быстрымъ. Притомъ же невозможность для каждаго отдѣльнаго хозяина осуществить какое бы то ни было нововведеніе въ одиночку,

составляя препятствіе для начальной стадіи неувѣреннаго экспериментированья, въ то же время побуждаетъ человѣка, уже успѣвшаго убѣдиться въ цѣлесообразности нововведенія, вести дѣятельную агитацію въ его пользу. Изъ книжки ли, или на основаніи случайно встрѣтившагося чужаго примѣра мужикъ убѣждается въ возможности улучшить хозяйство при помощи травосѣянія; если онъ можетъ приступить къ реформѣ, никого не спрашивая, то онъ не станетъ ни съ кѣмъ и разговаривать, а прямо введетъ улучшеніе на своемъ небольшомъ участкѣ земли, и тѣмъ все кончится. Если же для того, чтобы осуществить нововведеніе въ своемъ собственномъ хозяйствѣ, ему надо склонить къ тому большинство однообщинниковъ, то онъ и будетъ пропагандировать улучшеніе, будетъ толковать съ сосѣдями, доказывая цѣлесообразность новаго начинанія, пока не соберетъ нужнаго для реформы большинства голосовъ. Принудительный сѣвооборотъ обладаетъ, такимъ образомъ, тенденціей обращать всякаго передоваго и предпріимчиваго хозяина въ дѣятельнаго пропагандиста улучшеній.

Эти общія соображенія находятъ себѣ яркое подтвержденіе въ исторіи распространенія травосѣянія среди нашего крестьянства. Какъ извѣстно, за послѣдніе годы во многихъ мѣстностяхъ—въ Московской, Тверской, Вятской, Пермской, Псковской, Смоленской, Ярославской губерніяхъ—крестьяне массами начали оставлять традиціонное трехполье и вводить на общинныхъ земляхъ улучшенные сѣвообороты съ посѣвомъ кормовыхъ травъ, преимущественно клевера. Нигдѣ начальный толчекъ не шелъ съ надѣльной земли, стоящей подъ дѣйствіемъ принудительнаго сѣвооборота. Вездѣ первые опыты производились или на купчей и арендованной землѣ, или на землѣ усадебной, на которую принудительный сѣвооборотъ не распространяется. Нерѣдко первое знакомство съ клеверомъ крестьяне почерпали на работахъ въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Но затѣмъ, когда убѣжденіе въ значеніи клевера для хозяйства проникало въ массу, клеверъ, рѣшеніемъ большинства, переносился на надѣльную пашню, причемъ посѣвы на усадьбѣ и прочія подготовительныя формы, играющія роль

эксперимента, тотчасъ же отступали на задній планъ. Чтобы составить представленіе о темпѣ, въ которомъ можетъ идти при наличности принудительнаго сѣвооборота подобное движеніе, достаточно примѣра Московской губерніи, гдѣ правильное травосѣяніе, появившееся впервые на крестьянскихъ земляхъ въ 1892 году, черезъ шесть лѣтъ охватило уже 232 деревни, а въ передовомъ Волоколамскомъ уѣздѣ успѣло распространиться почти на половину крестьянскихъ земель. Къ сожалѣнію у насъ нѣтъ достаточно точныхъ статистическихъ наблюденій надъ темпомъ распространенія травосѣянія въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ Германіи, гдѣ для облегченія движенія правительство постаралось отмѣнить принудительный сѣвооборотъ; но по всѣмъ имѣющимся даннымъ приходится признать, что ничего подобнаго той быстротѣ, съ которой новая система распространялась въ Московской губерніи, тамъ не наблюдалось.

Такимъ образомъ, если принудительный сѣвооборотъ и обладаетъ свойствомъ задерживать первые шаги техническаго прогресса, дѣлая земли, стоящія подъ его вліяніемъ, почти недоступными начальной стадіи неувѣреннаго экспериментированья, черезъ которую неминуемо должно пройти всякое улучшеніе, то, съ другой стороны, мы въ немъ находимъ дѣятельнаго сотрудника по распространенію уже установившихся усовершенствованныхъ пріемовъ хозяйства. Спрашивается, что имѣетъ большее значеніе? При отвѣтѣ на этотъ вопросъ приходится считаться съ цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, на первый взглядъ не стоящихъ съ общиной и принудительнымъ сѣвооборотомъ ни въ какой связи. Слѣдуетъ, прежде всего, обратить вниманіе на то, что и стоящій внѣ общины частный землевладѣлецъ никогда не начинаетъ пробовать улучшеніе сразу на поляхъ; прежде чѣмъ приступать къ ломкѣ системы хозяйства, онъ путемъ эксперимента на небольшихъ внѣ сѣвооборота лежащихъ участкахъ убѣждается въ томъ, что новые пріемы способны, дѣйствительно, дать хорошіе результаты. Но такіе внѣ принудительнаго сѣвооборота стоящіе участки всегда имѣются въ распоряженіи и у крестьянъ общинниковъ. Попробовать

улучшенныя сѣмена, испытать новое орудіе, провѣрить полезность искусственныхъ удобреній—для всего этого не нужно большой площади. Для подобныхъ пробъ вполнѣ достаточно усадебной земли, на которую принудительный сѣвооборотъ не распространяется. А въ случаѣ, если усадебной земли слишкомъ мало, община можетъ освободить отъ принудительнаго сѣвооборота и часть полевыхъ пріусадебныхъ земель, что часто встрѣчается въ дѣйствительности. Наконецъ, у многихъ крестьянъ есть арендуемыя и купчія земли, на которыхъ они могутъ свободно производить эксперименты. Примѣры распространенія травосѣянія въ нечерноземныхъ губерніяхъ, на которые было выше указано, съ полной ясностью обнаруживаютъ, что затруднительность производить опыты на земляхъ, стоящихъ подъ дѣйствіемъ принудительнаго сѣвооборота, не препятствуетъ крестьянамъ ознакомляться съ выгодами новыхъ пріемовъ земледѣльческой техники.

Еще болѣе существеннымъ представляется слѣдующее соображеніе.

Въ большинствѣ случаевъ—только объ этихъ случаяхъ у насъ и будетъ рѣчь—община и принудительный сѣвооборотъ охватываютъ и объединяютъ въ одно цѣлое мелкія крестьянскія хозяйства; общинныя организаціи, въ которыя вплетаются крупные землевладѣльцы, мы оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ для русскихъ условій они не представляютъ интереса. Но мелкое крестьянское хозяйство въ наше время, когда техническій прогрессъ всецѣло опирается на примѣненіе науки къ производительнымъ процессамъ, оказывается вообще неспособнымъ принимать дѣятельное участіе въ открытіи новыхъ пріемовъ техники. У мужика нѣтъ ни знаній, ни навыковъ, необходимыхъ для того, чтобы знанія воплощать въ пріемы практической работы; у него нѣтъ и средствъ для того, чтобы выдерживать требующую долгаго времени и большихъ затратъ стадію первоначальной провѣрки изобрѣтенныхъ пріемовъ, часто оказывающихся притомъ экономически невыгодными. Творцами новыхъ пріемовъ, что дальше, то больше, въ земледѣліи, какъ давно уже въ промышленности, становятся научныя лабораторіи и экспериментальныя

станціи. Даже крупнымъ землевладѣльцамъ начинаетъ становиться почти не подъ силу прокладывать самостоятельно новые пути. Мелкому же крестьянину освобожденіе отъ стѣсненій, налагаемыхъ принудительнымъ сѣвооборотомъ, не прибавило бы въ этомъ отношеніи ровно ничего. По неспособности вырабатывать новые пріемы мелкое землевладѣніе, свободное отъ всякихъ стѣсненій, стоитъ на одномъ уровнѣ съ тѣмъ, которое подчинено принудительному сѣвообороту. Не смотря на это, однако, мелкое хозяйство идетъ впередъ, мѣстами даже не отстаетъ отъ крупнаго, а кое-гдѣ его и обгоняетъ. На помощь ему приходитъ то же самое проникновеніе научнаго знанія въ жизненную практику, которое, вытѣсняя непосредственную эмпирію изъ области открытія новыхъ пріемовъ производства, дѣлаетъ самостоятельный техническій прогрессъ невозможнымъ для человѣка, невооруженнаго спеціальной подготовкой и значительными средствами. Дѣло въ томъ, что растутъ и пріобрѣтаютъ все большее вліяніе на жизнь не только науки о природѣ; совершенствуются также науки о человѣкѣ и обществѣ. Для успѣшной общественной работы не менѣе, нежели для борьбы съ силами природы, необходимы точное знаніе и опирающаяся на него техника: надо знать природу и образъ дѣйствія тѣхъ силъ, которыя мы желаемъ направлять; надо знать, какъ заставить ихъ дѣйствовать въ нужномъ намъ направленіи; надо умѣть найти цѣлесообразные пріемы, чтобы съ наименьшими затратами осуществлять наши намѣренія. И успѣхи общественныхъ наукъ ведутъ къ тому, что слѣпое вмѣшательство на удачу все болѣе и болѣе замѣняется въ общественной жизни сознательнымъ и планомѣрнымъ вліяніемъ, опирающимся на раціонально построенный планъ дѣйствій. Мелкое землевладѣніе не въ состояніи экспериментировать и подвигаться впередъ путемъ самостоятельной работы надъ улучшеніемъ техники. Горе не велико, разъ, зная это затрудненіе, мы умѣемъ считаться съ нимъ. Мы знаемъ, какъ наладить пропаганду вырабатываемыхъ на общественныя средства учеными спеціалистами новыхъ пріемовъ работы; мы умѣемъ организовать путемъ учрежденія кредитныхъ ассоціацій и

синдикатовъ приливъ нужныхъ средствъ къ крестьянскому хозяйству и доставить ему все, что нужно для реформы производства. Общество и государство берутъ заботу о выработкѣ и распространеніи новыхъ пріемовъ веденія хозяйства на себя, и благодаря умѣлой организаціи дѣла мелкое землевладѣніе пріобщается къ успѣхамъ сельскохозяйственной техники не въ меньшей мѣрѣ, нежели крупное. Не существенно, что мужикъ не дѣлаетъ великихъ открытій; прогрессъ отъ этого не страдаетъ; важно лишь, чтобы онъ былъ способенъ усваивать ихъ, когда ему на нихъ указываютъ.

Но проведенію въ жизнь разъ сдѣланныхъ усовершенствованій принудительный сѣвооборотъ, какъ мы уже видѣли, не только не препятствуетъ, но даже скорѣе содѣйствуетъ, представляя изъ себя механизмъ, который при умѣломъ обращеніи способенъ значительно облегчать и ускорять реформу хозяйства. Примѣръ же нашихъ земствъ показываетъ, что выработать пріемы умѣлаго съ нимъ обращенія дѣло не такое уже трудное.

При оцѣнкѣ значенія зависимости индивидуума отъ рѣшеній большинства, удерживающей отдѣльнаго хозяина отъ введенія перемѣнъ въ его хозяйствѣ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и того обстоятельства, что движеніе бываетъ не только впередъ, но и назадъ. Если при подъемѣ на гору тормазъ вреденъ, то на спускѣ онъ нерѣдко представляетъ не малую выгоду, и не легко рѣшить, что въ условіяхъ существованія нашего крестьянства имѣетъ большее значеніе. Кто не слыхалъ о такъ называемомъ пестропольѣ, встрѣчающемся въ черноземныхъ губерніяхъ? Малоземелье, недостатокъ хлѣба побуждаютъ мужика распахивать все, что только можно; наиболѣе бѣдные хозяева начинаютъ склоняться къ рѣшенію уничтожить паръ, хотя и понимаютъ, что это къ добру не поведетъ. Но при наличности принудительнаго сѣвооборота необходимо склонить къ этому большинство; между тѣмъ лучше обезпеченные хозяева рѣшительно отказываются отъ нововведенія, такъ какъ знаютъ, что безъ пара земля истощится въ самомъ непродолжительномъ времени. Тамъ, гдѣ принудительный сѣвооборотъ удерживается, техника остается

на старомъ уровнѣ. Тамъ же, гдѣ споры приводятъ къ тому, что принудительный сѣвооборотъ отмѣняется, и каждому предоставляется дѣйствовать по усмотрѣнію, тотчасъ на многихъ участкахъ устанавливается страшно истощающая землю культура зерновыхъ хлѣбовъ безъ пара и безъ достаточнаго удобренія. Точно также и необходимость производить сельскохозяйственныя работы въ назначаемые всей общиной дни имѣетъ и свои хорошія стороны. При той тѣсной зависимости отъ сосѣда помѣщика, въ которой такъ часто находится нашъ крестьянинъ, возможность вполнѣ свободно распоряжаться своимъ временемъ вела бы лишь къ тому, что время, удобное для сельскохозяйственныхъ работъ, уходило бы въ еще большей мѣрѣ, нежели теперь на работы у помѣщика, свое же поле обрабатывалось бы въ самую неподходящую пору. Словомъ, въ нашихъ условіяхъ привязывающій мужика къ опредѣленному хозяйственному плану механизмъ принудительнаго сѣвооборота получаетъ значеніе преграды противъ неосторожнаго и съ точки зрѣнія сельскохозяйственной культуры безразсуднаго подчиненія технической планомѣрности хозяйственной системы минутнымъ нуждамъ хозяина.

Подводя итогъ, мы можемъ, слѣдовательно, признать, что въ силу какъ общихъ тенденцій культурнаго развитія нашего времени, такъ и особенностей экономическаго положенія русскаго крестьянства невыгодныя стороны связанности отдѣльнаго хозяина принудительнымъ сѣвооборотомъ отступаютъ на задній планъ; выгоды же возможности обязывать отдѣльныхъ крестьянъ принимать ту систему хозяйства, которую считаетъ цѣлесообразной большинство, становятся все болѣе и болѣе ощутительными. Къ этому надо добавить, что вредныя послѣдствія принудительнаго сѣвооборота въ жизни нерѣдко смягчаются весьма замѣтнымъ образомъ. Дѣло въ томъ, что даже въ селеніяхъ, гдѣ право большинства опредѣлять пріемы пользованія пашней не подвергается никакимъ сомнѣніямъ, строгій принудительный сѣвооборотъ въ той крайней формѣ, которая конструируется теоретическимъ анализомъ, встрѣчается въ сущности не часто. Достаточно взгля-

нуть въ лѣтнее время, когда начинаютъ созрѣвать посѣвы, на яровое поле въ любой нашей деревнѣ, чтобы воочію убѣдиться, въ какой мѣрѣ обязательство воздѣлывать одно и то же растеніе представляется фикціей. Даже раздѣленіе на поля не всегда строго соблюдается; въ озимомъ полѣ постоянно разрѣшается сѣять яровое, если посѣвы за зиму пострадаютъ, или если хозяину почему либо не удастся управиться съ посѣвомъ осенью; въ случаѣ нужды разрѣшаютъ также работы производить не въ назначенное время, правда, съ извѣстными ограниченіями, имѣющими свой вполнѣ опредѣленный смыслъ, на которомъ мы остановимся ниже. Наконецъ, встрѣчаются и такіе случаи, гдѣ право навязывать общій планъ хозяйства оставляется совсѣмъ безъ использованія, и община предоставляетъ каждому хозяйничать на своей землѣ, какъ ему вздумается.

Спрашивается, гдѣ причины такого отношенія общины къ своимъ правамъ? Почему въ извѣстныхъ случаяхъ она такъ тѣсно связываетъ всѣхъ хозяевъ, а въ другихъ какъ бы забываетъ о возможности подчинять своимъ рѣшеніямъ дѣйствія отдѣльныхъ крестьянъ. Для отвѣта на этотъ вопросъ намъ надо разсмотрѣть причины, обусловливающія введеніе принудительнаго сѣвооборота. Причины эти выяснены уже давно, въ классическихъ работахъ Георга Гансена. Это общій выпасъ и, такъ называемая, спеціальная черезполосица.

Спеціальной черезполосицей называютъ такое расположеніе земельныхъ участковъ, при которомъ нельзя добраться до нѣкоторыхъ изъ нихъ, не переходя черезъ другіе. Ясно, что въ такихъ условіяхъ нельзя произвольно располагать работы на разныхъ участкахъ. На дальнемъ нельзя пахать, если ближній уже находится подъ всходами; съ другой стороны, нельзя начинать на дальнемъ уборки, пока на ближнемъ хлѣбъ еще стоитъ. Необходимо, слѣдовательно, устраиваться такъ, чтобы начинать работы и заканчивать ихъ одновременно. А для того, чтобы это требованіе не нарушалось, приходится выбирать для посѣва одни и тѣ же растенія. Къ тому же результату приводитъ и общій выпасъ скота на поляхъ.

Пока общее стадо пасется на пару, нельзя, конечно, позволять отдѣльнымъ хозяевамъ вспахивать ихъ участки, такъ какъ этимъ сокращается кормовая площадь. Съ другой стороны, къ тому времени, когда скотъ предполагается начать выгонять на жниво, весь хлѣбъ долженъ быть убранъ изъ поля, иначе неминуемы потравы.

Эта связь принудительнаго сѣвооборота съ спеціальной черезполосицей и общимъ выпасомъ настолько тѣсна, что принудительный сѣвооборотъ устанавливается фактически вездѣ, гдѣ разсматриваемыя причины налицо, хотя бы даже за большинствомъ не признавалось права произвольно опредѣлять и мѣнять порядокъ хозяйничанья. Лучшимъ примѣромъ такой формы отношеній, удерживающей все, что есть въ принудительномъ сѣвооборотѣ невыгоднаго, и устраняющей то, что въ немъ есть удобнаго, могутъ служить такъ наз. общія смѣны въ нашихъ малорусскихъ губерніяхъ; установленное въ интересахъ общаго выпаса обязательное трехполье не можетъ здѣсь быть устранено даже по волѣ большинства: лишь при единогласномъ рѣшеніи, котораго добиться совершенно невозможно, такъ какъ интересы разныхъ хозяевъ чрезвычайно противорѣчивы, можно здѣсь разстаться съ трехпольемъ. Ясно, что эта форма, къ которой нерѣдко приближались отношенія въ нѣмецкихъ деревняхъ времени аграрныхъ реформъ, является безусловнымъ тормазомъ прогресса, и по отношенію къ ней не можетъ быть двухъ мнѣній: путемъ ли полной отмѣны обязательнаго сѣвооборота или путемъ введенія принудительнаго сѣвооборота по рѣшенію большинства, но ее надо устранить, если желать движенія сельскохозяйственной техники впередъ. И у насъ изъ малорусскихъ губерній, дѣйствительно, раздаются настоятельныя требованія немедленнаго разрѣшенія этого вопроса.

Но если, такимъ образомъ, спеціальная черезполосица и общій выпасъ влекутъ за собою неизмѣнно принудительный сѣвооборотъ, то, съ другой стороны, тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, нѣтъ необходимости и въ строгомъ соблюденіи принудительнаго сѣвооборота. Если удается участки отдѣльныхъ землевладѣльцевъ расположить такъ, что къ каждому изъ нихъ

можно подъѣхать, не затрогивая другихъ; если удается, путемъ ли введенія стойловаго содержанія скота или путемъ выдѣленія достаточно большихъ выгоновъ, освободиться отъ необходимости пасти скотъ на поляхъ; то является полная возможность освободить отдѣльныхъ хозяевъ отъ становящихся теперь ненужными стѣсненій и предоставить имъ большую или меньшую свободу пользованія ихъ участками. Но агрономическія изслѣдованія съ такой очевидностью обнаруживаютъ экономическую невыгодность выпаса скота по пару и на жнивѣ, что пользованіе полями для общаго выпаса внѣ всякихъ сомнѣній въ недалекомъ будущемъ отойдетъ въ область преданій: стоитъ только этой идеѣ проникнуть въ сознаніе крестьянъ—организовать же пропаганду сельскохозяйственныхъ знаній мы теперь умѣемъ—и при первой возможности общій выпасъ будетъ отмѣненъ, а возможность эта для крестьянъ нечерноземныхъ губерній дается уже распространеніемъ травосѣянія. Съ паденіемъ же общаго выпаса вездѣ, гдѣ только принудительный сѣвооборотъ чувствуется какъ бремя, онъ немедленно будетъ отмѣненъ, такъ какъ съ специальной черезполосицей нашей общинѣ справиться не трудно при помощи переверстокъ (смотри ниже). Намъ уже сейчасъ извѣстно не мало случаевъ удачнаго пользованія представляющейся возможностью обходиться безъ принудительнаго сѣвооборота: классическимъ примѣромъ служатъ селенія, описанныя еще въ семидесятыхъ годахъ А. Посниковымъ.

Весьма существенно при этомъ, что нѣтъ необходимости совершенно устранять обѣ причины принудительнаго сѣвооборота для того, чтобы развязать руки отдѣльнымъ хозяевамъ. Можно устраиваться и проще. Для того, чтобы предоставить возможность воздѣлывать позднѣе созрѣвающія растенія, нѣкоторыя общины опредѣляютъ, напримѣръ, для разныхъ частей поля разные сроки начала выпаса; на тѣхъ участкахъ, гдѣ для выпаса назначенъ поздній срокъ, всякій желающій можетъ сѣять, что хочетъ, не стѣсняясь необходимостью прикончить уборку раньше, чѣмъ хлѣбъ успѣетъ вызрѣть. Точно также можно устраиваться и въ видахъ облегченія возможности начинать работы раньше обычнаго. Съ другой

стороны, и противъ спеціальной черезполосицы могутъ быть принимаемы мѣры, менѣе радикальныя, чѣмъ размежеваніе и проведеніе полевыхъ дорогъ ко всѣмъ участкамъ. Извѣстенъ напр. изъ практики русской общины такой случай, что въ силу принудительнаго сѣвооборота община предписываетъ засѣвать на участкахъ опредѣленнымъ хлѣбомъ лишь полосу такой ширины, чтобы можно было проѣхать; остальную землю разрѣшается засѣвать чѣмъ угодно. Такимъ путемъ и для тѣхъ, кто придерживается общепринятаго выбора культуръ, и для тѣхъ, кто желаетъ уклониться отъ него, создается возможность вести хозяйство, не задѣвая другъ друга.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что принудительный сѣвооборотъ можетъ выливаться въ весьма разнообразныя формы. И если въ томъ своемъ видѣ, когда онъ носитъ чисто фактическій характеръ, а не покоится на рѣшеніи большинства, онъ имѣетъ лишь невыгодныя стороны, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ большинство обладаетъ правомъ опредѣлять образъ дѣйствій меньшинства, но пользуется этимъ правомъ въ мягкой формѣ, онъ обладаетъ всѣми разобранными нами выгодами, будучи въ то же время свободнынъ отъ тѣхъ вредныхъ последствій, къ которымъ можетъ вести зависимость личной иниціативы отъ воли массы. Съ точки зрѣнія преуспѣянія сельскаго хозяйства такая форма отношеній и должна быть несомнѣнно признана при мелкомъ землевладѣніи наиболѣе цѣлесообразной.

Принудительнымъ сѣвооборотомъ далеко не исчерпываются разнообразныя формы, въ которыя можетъ выливаться зависимость отъ большинства по отношенію къ пользованію земельнымъ участкомъ. Хозяйство земледѣльца слагается, вѣдь, не изъ одной пашни. Зависимость отъ общества можетъ выражаться также въ стѣсненіяхъ по отношенію къ пользованію остальными угодьями и, что не менѣе важно, хотя по большей части упускается изъ виду, въ установленіи обществомъ распредѣленія земель на угодья. По отношенію къ лугамъ, напримѣръ, очень часто встрѣчается опредѣленіе срока, къ которому сѣно должно быть убрано; за малоземельемъ скотъ выгоняютъ не только на поля, но и

на луга по окончаніи сѣнокоса, и нельзя допустить, чтобы одинъ хозяинъ задерживалъ остальныхъ. Я не буду подробно разбирать этихъ проявленій зависимости отдѣльныхъ землевладѣльцевъ отъ воли всѣхъ, такъ какъ они даютъ мало новаго. Напомню только, что по отношенію къ лѣсамъ сознаніе необходимости ограничить свободу пользованія ими привело повсюду къ изданію весьма стѣснительныхъ лѣсныхъ законовъ. Правда, подчиненіе отдѣльныхъ лѣсовладѣльцевъ общинѣ часто оказывается недостаточнымъ, такъ какъ и цѣлыя общины обращаются нерѣдко съ своими лѣсами не лучше отдѣльныхъ хозяевъ, въ силу чего запретительные лѣсные законы приходится распространять и на нихъ. Но самый фактъ существованія лѣсныхъ законовъ показываетъ, что въ отсутствіи свободы распоряженія лѣсами вреда не видятъ и въ тѣхъ странахъ, гдѣ общины нѣтъ. При томъ нельзя не признать, что способность общины сопротивляться искушенію свести лѣсъ въ минуту острой нужды все же значительна по сравненію съ отдѣльными лѣсовладѣльцами: и въ Германіи, и въ Швейцаріи раздѣлъ общинныхъ лѣсовъ постоянно сопровождался ихъ вырубкой.

Вообще по отношенію къ измѣненіямъ угодій въ еще большей мѣрѣ нежели по отношенію къ измѣненію техники обработки земли имѣетъ силу замѣчаніе, что задержка измѣненій не всегда вредна. Слишкомъ уже часто перемѣны производятся подъ вліяніемъ неотступныхъ нуждъ минуты, ради удовлетворенія мгновенной потребности владѣльца, хотя бы и въ ущербъ устойчивости хозяйства. Примѣры вырубки лѣсовъ и обращенія всей земли подъ пашню у нашихъ мужиковъ, страдающихъ отъ малоземелья, достаточно извѣстны [1]).

Я не буду останавливаться на тѣхъ проявленіяхъ общиннаго начала, которыя выражаются въ налагаемыхъ общиной ограниченіяхъ свободы распоряженія принадлежащими ея членамъ земельными участками, въ запрещеніяхъ сдачи

[1]) Въ Грайворонскомъ у. ком. состоялось даже постановленіе обязать крестьянскія общества отчислять 10% полевой земли въ запасную усадебную.

ихъ въ аренду, въ стѣсненіи права продажи и залога, въ вмѣшательствѣ въ порядокъ наслѣдованія. Мало отличаясь по своимъ дѣйствіямъ отъ тѣхъ стѣсненій свободы распоряженія, которыя исходятъ отъ государства въ законодательномъ порядкѣ, или поддерживаются силою обычнаго права, они съ достаточной внимательностью разбираются въ общихъ изслѣдованіяхъ по экономіи земледѣлія. Въ то же время они настолько сплетаются съ самыми разнообразными жизненными интересами земледѣльческаго населенія, что намъ пришлось бы перебрать чуть не всѣ важнѣйшіе вопросы аграрной политики; заходить такъ далеко представляетъ тѣмъ менѣе смысла, что въ спорѣ о русской общинѣ ограниченія свободы распоряженія не играютъ видной роли; на тѣхъ же изъ нихъ, которыя затрагиваются въ дебатахъ, будетъ цѣлесообразнѣе остановиться впослѣдствіи при разборѣ жизненнаго значенія спеціально той комбинаціи разнообразныхъ ограниченій свободы личности, которой характеризуется наша русская община.

Тѣмъ внимательнѣе должны мы разсмотрѣть тѣ ограниченія, которыя распространяются на права владѣнія, ибо въ этихъ мѣрахъ, всего глубже затрагивающихъ интересы отдѣльныхъ землевладѣльцевъ, находитъ себѣ самое рѣзкое выраженіе общинное начало, а, съ другой стороны, рѣдко встрѣчаясь внѣ сферы общинныхъ отношеній, онѣ представляются и менѣе изученными.

Ограниченія правъ владѣнія имѣютъ три главныхъ формы: переверстку, передѣлъ и изъятіе земли изъ пользованія отдѣльныхъ хозяевъ съ оставленіемъ за ними права на полученіе извѣстной доли дохода. Подъ переверсткой мы разумѣемъ при этомъ производимый по постановленію большинства хозяевъ обмѣнъ участками безъ измѣненія размѣровъ владѣнія каждаго изъ нихъ; передѣломъ же называемъ измѣненіе размѣровъ владѣнія отдѣльныхъ лицъ по волѣ большинства, хотя бы и не сопровождаемое переверсткой.

Противники общиннаго землевладѣнія охотно избираютъ переверстку мишенью своихъ выстрѣловъ. „Нарушая увѣренность въ томъ, что участокъ земли, который земледѣлецъ

сегодня воздѣлываетъ, будетъ ему принадлежать и завтра, переверстка отбиваетъ охоту ухаживать за землей и ведетъ къ хищническому хозяйству. Зачѣмъ бережно относиться къ производительнымъ силамъ земли, чего ради затрачивать на улучшенія трудъ и капиталъ, если неизвѣстно, кто пожнетъ плоды заботъ, если завтра приведенный въ хорошее состояніе участокъ можетъ быть взятъ, а взамѣнъ него по волѣ большинства отведенъ участокъ, никуда негодный и совершенно запущенный? При такихъ условіяхъ практичнѣе вести дѣло такъ, чтобы возможно скорѣе вымотать изъ земли все, что она можетъ дать, предоставляя отбирать и пускать въ обмѣнъ уже истощенные участки". Этому разсужденію нельзя отказать въ извѣстной долѣ основательности. Личный интересъ, безспорно, главный стимулъ хозяйственной дѣятельности, и неувѣренность въ томъ, что результаты трудовъ пойдутъ на пользу трудящемуся, способна расхолаживать энергію самаго предпріимчиваго хозяина и понижать интересъ къ дѣлу. Въ доказательство можно привести не мало примѣровъ изъ жизни. У насъ въ Россіи, напримѣръ, въ мѣстностяхъ, гдѣ навозное удобреніе только начинаетъ входить въ обиходъ крестьянскаго хозяйства, ко времени, когда начинаютъ ожидать переверстки, многіе бросаютъ удобрять свои полосы, чтобы навозъ не пропалъ для нихъ съ обмѣномъ участками; въ случаѣ, если переверстка заставляетъ себя долго ждать, бываетъ, что урожаи въ деревнѣ въ силу этого замѣтно понижаются. Но не слѣдуетъ преувеличивать значенія этихъ соображеній; дѣйствительность гораздо сложнѣе, нежели ее изображаетъ эта упрощенная психологія и, если мы присмотримся къ жизни внимательнѣе, то убѣдимся, что неувѣренность въ прочности владѣнія часто не препятствуетъ самому заботливому отношенію къ землѣ. Уже А. Посниковъ проводилъ параллель съ арендой, которая, какъ извѣстно изъ примѣра многихъ западно-европейскихъ странъ, отнюдь не исключаетъ интенсивныхъ формъ сельскаго хозяйства, а въ то же время по степени обезпеченности владѣнія стоитъ не выше участія въ общинѣ съ періодическими переверстками. Еще ярче, на мой взглядъ, слѣдующій аргументъ. Не слышно,

чтобы германское законодательство относительно мѣръ противъ черезполосицы повлекло за собой пониженіе уровня сельскаго хозяйства; а между тѣмъ оно создаетъ какъ разъ ту неувѣренность во владѣніи, о которой твердятъ наши противники общины. Главное содержаніе законовъ объ аррондированьѣ заключается въ томъ, что они дѣлаютъ возможнымъ производить обмѣнъ участками, хотя бы и не имѣлось согласія всѣхъ затрогиваемыхъ обмѣномъ владѣльцевъ; извѣстное большинство—напр. двѣ трети владѣльцевъ или владѣльцы двухъ третей земли—а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже меньшинство получаетъ право требовать переверстки противъ воли остальныхъ въ видахъ сокращенія числа участковъ и улучшенія ихъ расположенія. Такимъ образомъ съ момента изданія закона вплоть до момента осуществленія переверстки во всей странѣ должна была бы, если бы разбираемый нами доводъ имѣлъ ту силу, какая ему приписывается, воцариться неувѣренность во владѣніи, а такъ какъ реформа затянулась, и даже теперь еще аррондированье завершено далеко не вездѣ, то въ результатѣ долженъ былъ бы получиться полный упадокъ германскаго сельскаго хозяйства. Болѣе того: разъ произведенная переверстка не вырываетъ зла съ корнемъ; по истеченіи извѣстнаго промежутка времени—лѣтъ черезъ двадцать, тридцать—по причинамъ, на которыхъ мы ниже остановимся, опять развивается та же черезполосица, и переверстку оказывается необходимымъ повторить. Въ виду этого прусскій законъ 2 апрѣля 1872 года прямо опредѣляетъ, что принудительный обмѣнъ участками можетъ быть повторяемъ по желанію большинства по истеченіи тридцати лѣтъ, а въ случаяхъ особой нужды и раньше. Что это какъ не община съ періодическими переверстками? Какое существенное отличіе между нѣмецкой деревней, къ которой прилагается этотъ законъ, и нашими четвертниками-однодворцами? Между тѣмъ, такая возможность лишиться плодовъ трудовъ своихъ никого въ Германіи не смущаетъ и не останавливаетъ отъ затратъ на улучшеніе хозяйства; напротивъ, всѣ единодушно признаютъ, что законодательство объ округленіи земельныхъ уча-

стковъ сильно содѣйствовало подъему сельскаго хозяйства. Ясно, слѣдовательно, что дѣло не такъ просто, какъ кажется на первый взглядъ. Разбираемый нами мотивъ, если и дѣйствуетъ, то отнюдь не съ стихійной, не знающей преградъ силой. Иногда онъ, несомнѣнно, задерживаетъ улучшенія, въ другихъ же условіяхъ онъ оказывается безсильнымъ. Разсмотримъ, что собственно въ этихъ случаяхъ парализуетъ его дѣйствіе. Для большей опредѣленности остановимся на одномъ какомъ-нибудь видѣ сельско-хозяйственныхъ улучшеній, напримѣръ на отношеніи переверстокъ къ навозному удобренію,—вопросъ, который часто поднимался въ комитетахъ противниками общины. Mutatis mutandis все, что касается этого частнаго вопроса, можетъ быть перенесено и на другіе виды затратъ труда и капитала въ сельскомъ хозяйствѣ.

У насъ въ Россіи не мало мѣстъ, гдѣ потребность въ навозномъ удобреніи совсѣмъ еще не ощущается, или по крайней мѣрѣ не сознается. Переложное хозяйство, занимающее у насъ громадныя пространства, опирается на возстановленіе плодородія земли путемъ продолжительнаго отдыха, въ теченіе котораго земля не подвергается воздѣйствію со стороны человѣка. Ясно, что въ этихъ условіяхъ, гдѣ никто еще не думаетъ объ удобреніи, переверстки не могутъ оказывать вреднаго вліянія.

Съ другой стороны, есть въ Россіи мѣстности, гдѣ безъ удобренія жить нельзя, гдѣ уже издавна ведется трехпольное хозяйство, покоящееся всецѣло на удобреніи, гдѣ всѣ хозяева имѣющійся у нихъ въ распоряженіи навозъ вывозятъ на поля, зная хорошо, что иначе они ничего не соберутъ. Казалось бы, что здѣсь, гдѣ удобреніе играетъ такую роль въ хозяйствѣ, пагубное вліяніе переверстокъ должно было сказываться всего сильнѣе. Но, на дѣлѣ, отсюда почти не слышно жалобъ, чтобы переверстки мѣшали удобренію. Это и понятно: разъ удобряютъ всѣ, никто не рискуетъ потерять удобреніе при перемѣнѣ участка: отдается участокъ удобренный, но и взамѣнъ получается унавоженный. Издержки на хозяйство, какъ бы велики они ни были по своей абсолютной высотѣ, разъ только они вошли въ общій обиходъ, пе-

реверстками не затрогиваются; при однообразномъ способѣ веденія хозяйства, хотя бы самаго интенсивнаго, переверстки вреда не приносятъ.

Но есть въ Россіи полоса, откуда доносятся жалобы на переверстки со стороны лицъ, желающихъ удобрять свои поля, гдѣ съ другой стороны, присматриваясь внимательнѣе къ общиннымъ распорядкамъ, мы замѣчаемъ сложную систему мѣръ, принимаемыхъ въ видахъ удовлетворенія этихъ недовольныхъ. Это тѣ уѣзды нашей черноземной полосы, гдѣ не такъ еще давно разстались съ переложной системой, гдѣ до сравнительно недавняго времени, благодаря плодородію почвы, обходились даже при трехпольѣ безъ удобренія и только на нашихъ глазахъ настолько истощили землю, что измѣненіе системы хозяйства стало, дѣйствительно, необходимостью. На мысль поискать исхода въ удобреніи напасть было не трудно, такъ какъ примѣры помѣщичьихъ и даже крестьянскихъ хозяйствъ, пользующихся удобреніемъ, есть передъ глазами. Но привести это намѣреніе въ исполненіе въ условіяхъ существованія нашего черноземнаго крестьянства не легко. Земля вся распахана, скота держится мало, запасъ навоза, слѣдовательно, не великъ. Между тѣмъ, за бѣдностью лѣсомъ навозъ нуженъ на топливо. Что остается, вывозится на коноплянники, которые безъ унаваживанія совсѣмъ не идутъ. Къ тому же при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости надѣлъ отводился крестьянамъ нерѣдко крайне неудобно, и требуются весьма значительныя затраты труда, чтобы вывести навозъ на поля. Все это задерживаетъ распространеніе удобренія совершенно независимо отъ общинныхъ порядковъ. Но все же въ концѣ концовъ сознаніе, что безъ унаваживанія полей обойтись нельзя, беретъ верхъ. Конечно, не всѣ члены общины сразу приходятъ къ этому убѣжденію; сперва рѣшаются удобрять свои участки отдѣльные, болѣе предпріимчивые,—надо думать, и болѣе состоятельные—крестьяне. Другіе же колеблятся, поджидаютъ. Піонерамъ первое время приходится, дѣйствительно, туго. Вывозить навозъ имъ не мѣшаютъ, но требуютъ, чтобы черезъ это не сокращалось время выпаса скота на паровомъ полѣ;

удовлетворить этому требованію не легко, такъ какъ приходится откладывать вывозку навоза до слишкомъ поздняго времени. Съ другой стороны, община не считаетъ нужнымъ принимать какія бы то ни было мѣры для защиты удобряющихъ свои участки хозяевъ отъ потерь при переверсткахъ, и всякій, кто рѣшается на нововведеніе, постоянно рискуетъ, что вывезенный въ поле навозъ не будетъ использованъ, такъ какъ на слѣдующій годъ участокъ отберутъ. На этой именно стадіи и наблюдаются тѣ явленія, на которыя ссылаются противники общины; здѣсь встрѣчается, что передъ переверсткой всѣ прекращаютъ удобрять поля, что предпочитаютъ навозъ вываливать въ оврагъ вмѣсто того, чтобы везти его за нѣсколько верстъ въ поля, что при долгой отсрочкѣ переверстки наступаетъ рѣзкое пониженіе урожаевъ. Но это стадія переходная. По мѣрѣ того, какъ число передовыхъ хозяевъ возрастаетъ, по мѣрѣ того, какъ убѣжденіе въ цѣлесообразности навознаго удобренія проникаетъ въ массу, начинаютъ озабочиваться тѣмъ, чтобы дѣлу улучшенія хозяйства не ставилось лишнихъ препятствій. Мѣстами ограничиваются тѣмъ, что удлиняютъ сроки переверстокъ, мѣстами переверстки даже вовсе пріостанавливаютъ или выдѣляютъ для хозяйства съ удобреніемъ особыя полосы, навозники, которыя исключаются изъ переверстокъ. Мѣстами же измышляются остроумнѣйшія мѣропріятія, на которыя, впрочемъ, конечно, нападаютъ далеко не всѣ, предоставленныя собственной изобрѣтательности общины.

Чѣмъ переверстка мѣшаетъ удобренію? Тѣмъ, что хозяинъ, не успѣвшій еще использовать вывезенный имъ въ поле навозъ, рискуетъ вмѣсто своей удобренной полосы получить неунавоженную. Но этотъ рискъ можетъ быть устраненъ. Достаточно, напримѣръ, при переверсткѣ исключить тѣхъ хозяевъ, которые своихъ участковъ не удобряли, и ограничить обмѣнъ лишь тѣми, которые ухаживали за землей хорошо, или же подвергнуть участки неунаваживавшихъ хозяевъ отдѣльной переверсткѣ. Можно также—мѣра менѣе радикальная—отдѣльно распредѣлять земли унавоженныя и земли неунавоженныя такъ, чтобы каждый хозяинъ получилъ свою долю и въ тѣхъ,

и въ другихъ: при такомъ положеніи дѣла никто не рискуетъ потерять всю удобренную землю и остаться съ запущенной, эта извѣстная потеря для лучшихъ хозяевъ неминуема. Эти мѣры еще не обнаруживаютъ особаго сочувствія общества; въ нихъ не заключается никакого понужденія удабривать землю, общество относится вполнѣ индифферентно къ тому, унаваживаетъ хозяинъ свою полосу или нѣтъ, и заботится только о томъ, чтобы обѣимъ партіямъ были развязаны руки. По мѣрѣ того какъ на сторону унаваживанія переходитъ все больше и больше хозяевъ, мѣры покровительства начинаютъ принимать болѣе рѣшительныя формы. Общество иногда прямо обязываетъ всѣхъ удобрять отведенную имъ землю, иногда запрещаетъ продавать навозъ на сторону, или не разрѣшаетъ вывозить навозъ на купчія и снятыя въ аренду земли, если не удобрена достаточно надѣльная земля. Извѣстны даже случаи, когда община не разрѣшаетъ продавать скотъ изъ опасенія, какъ бы земля не осталась безъ удобренія. Всѣ эти мѣры понужденія вызываются главнымъ образомъ даже не переверстками, а тѣмъ, что при черезполосицѣ и мелкополосицѣ крестьянскихъ земель остающіяся неудобренными полосы, высасывая удобреніе изъ прилегающихъ участковъ, непосредственно причиняютъ не малый ущербъ сосѣдямъ. Но въ результатѣ ихъ въ общинѣ устанавливается болѣе или менѣе равномѣрное унаваживаніе земель, насколько позволяютъ запасы навоза, и для того, чтобы переверстки не имѣли вреднаго вліянія, оказывается въ большинствѣ случаевъ вполнѣ достаточнымъ пріурочивать ихъ ко времени передъ вывозомъ навоза въ поле, т. е. при обычныхъ пріемахъ хозяйствованія подвергать имъ паровое поле. Въ случаѣ же, если не смотря на все, продолжаютъ встрѣчаться очень рѣзкія различія въ силѣ удобренія, всегда есть возможность принять дальнѣйшія мѣры. Хозяину, который получаетъ полосу, значительно хуже удобренную, нежели та, которую онъ отдалъ, уплачиваютъ нѣкоторое вознагражденіе; бываетъ и такъ, что, наоборотъ, съ хозяина, которому достается очень хорошо удобренный участокъ, взыскиваютъ въ пользу стараго владѣльца извѣстную сумму; изъ южной Германіи, гдѣ мѣстами

альмендныя земли несмотря на весьма интенсивное хозяйство продолжаютъ подвергаться правильнымъ переверсткамъ, извѣстны случаи, когда для цѣлей правильнаго вознагражденія за произведенныя затраты общество ведетъ строгій учетъ вывозимаго въ поле навоза и при переверсткахъ по установленнымъ нормамъ вычисляетъ, въ какой мѣрѣ навозъ, пошедшій на удобреніе отбираемаго участка, остался неиспользованнымъ и долженъ быть оплаченъ тѣмъ, кому этотъ участокъ поступаетъ.

Разнообразныя мѣры устраненія нежелательныхъ послѣдствій переверстокъ можно, обобщая, свести къ тремъ типамъ. Переверстка не препятствуетъ такимъ затратамъ труда и капитала, которыя дѣлаются всѣми; слѣдовательно, для того, чтобы сдѣлать ее безвредной по отношенію къ опредѣленному ряду сельскохозяйственныхъ улучшеній, надо озаботиться тѣмъ, чтобы эти улучшенія производились равномѣрно всѣми хозяевами. Эта идея лежитъ въ основѣ мѣропріятій, носящихъ характеръ профилактическихъ, не допускающихъ развиться такому состоянію дѣлъ, при которомъ переверстка можетъ быть вредна. Такого рода мѣропріятія безспорно достигаютъ цѣли, но, сопровождаясь стѣсненіями свободы отдѣльныхъ хозяевъ, они неизбѣжно наталкиваются на сильное сопротивленіе, и для того, чтобы они могли быть проведены въ жизнь, польза тѣхъ улучшеній, которыя они дѣлаютъ обязательными для всѣхъ, должна быть очень велика и всѣми или по крайней мѣрѣ значительнымъ большинствомъ вполнѣ ясно сознаваться. Легче осуществима та форма покровительства передовымъ хозяевамъ, при которой община, не прибѣгая къ понужденію остальныхъ, какъ бы разрываетъ связь между тѣми и другими, устанавливая для обѣихъ группъ самостоятельныя переверстки; переверстка производится и здѣсь, но обмѣну подвергаются одинъ на другой лишь одинаково обрабатываемые участки; улучшенные участки составляютъ особую категорію и тотъ, кто своей земли не меліорируетъ, въ раздѣлѣ ихъ не принимаетъ участія. И при такомъ положеніи дѣлъ страхъ обмѣна участками не можетъ служить препятствіемъ къ улучшенію. Но оба вида мѣръ имѣютъ

тотъ недостатокъ, что по самому существу своему пріурочиваются къ опредѣленному типу улучшеній, тогда какъ улучшенія могутъ быть разнообразны до безконечности. Мы можемъ выдѣлить въ отдѣльную категорію участки удобренные, участки, осушенные или орошенные, меліорированные луга, луга, очищенные отъ кочекъ или лѣсной поросли и т. п., какъ это и встрѣчается въ дѣйствительности. Но вѣдь въ одной и той же общинѣ разные хозяева могутъ производить самыя разнообразныя меліораціи, и тогда установить эквивалентность разныхъ улучшеній и указанными выше путями сдѣлать обмѣнъ участками безвреднымъ, представляетъ слишкомъ уже большія трудности. Въ такихъ условіяхъ остается прибѣгнуть къ третьему способу, именно, къ введенію системы вознагражденій за улучшенія, превышающія среднюю норму; кто тѣмъ или инымъ способомъ улучшитъ свой участокъ, не теряетъ при переходѣ этого участка въ чужія руки своихъ издержекъ: всю созданную меліораціей добавочную цѣнность выплачиваетъ ему тотъ, къ кому участокъ переходитъ при переверсткѣ. Такая система вознагражденій за улучшенія, вполнѣ аналогичная такъ называемяя teuant right въ арендномъ правѣ, съ особеннымъ успѣхомъ примѣняется у насъ, какъ и вездѣ, гдѣ встрѣчается общинное землевладѣніе, къ садамъ: при переходѣ въ другія руки участка, засаженнаго фруктовыми деревьями или ягодными кустами, получатель выплачиваетъ по установленной общиной таксѣ старому владѣльцу, сколько причитается по числу деревьевъ и кустовъ.

Подобными мѣропріятіями при внимательномъ отношеніи къ дѣлу несомнѣнно всегда можетъ быть устраняемо вредное вліяніе переверстокъ. Но было бы крайне непрактично навязывать общинѣ ту или другую изъ этихъ формъ, какъ это пытается сдѣлать законъ о передѣлахъ 1893 года. Условія существованія крестьянъ на протяженіи Россійской Имперіи настолько разнообразны, что механической регламентаціей, хотя бы она и преслѣдовала самыя добрыя цѣли, ничего не достигнешь; возлагать же задачу приспособленія общихъ правилъ и регламентовъ къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго случая на земскихъ начальниковъ и

иныхъ представителей мѣстной администраціи врядъ ли кто сочтетъ цѣлесообразнымъ. Единственно, что могло бы быть сдѣлано для облегченія общинѣ задачи борьбы съ вредными послѣдствіями переверстокъ, это ознакомленіе съ различными способами ея разрѣшенія. Насколько же находимые самими мужиками пріемы иной разъ лучше отвѣчаютъ потребностямъ, нежели внушенныя благими намѣреніями хитросплетенія бюрократіи, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ Мценскомъ уѣздѣ крестьяне подмѣтили, что на участкахъ, занятыхъ въ яровомъ полѣ гречихой, въ озимомъ лучше родится рожь; что, слѣдовательно, посѣвъ гречи является своего рода удобреніемъ подъ рожь. Обычно, какъ отмѣчено выше, переверстки у насъ производятся по пару, въ силу чего выигрышъ долженъ былъ бы доставаться не тѣмъ, кто сѣялъ гречиху. Какъ помочь бѣдѣ? Въ обществахъ, гдѣ посѣвъ гречихи сильно распространился, нашли очень простой выходъ: перенесли переверстки съ пароваго поля на яровое. А попробовали бы творцы закона 1893 года рѣшить задачу путемъ уплаты вознагражденій!

Внимательное наблюденіе общинныхъ порядковъ, какъ они слагаются въ дѣйствительности, обнаруживаетъ, такимъ образомъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вредъ переверстокъ сознается самими крестьянами, общиной вырабатывается весьма цѣлесообразная, порой, правда, довольно сложная система мѣръ, при помощи которыхъ переверстки обезвреживаются; нерѣдко въ такихъ условіяхъ община вполнѣ самопроизвольно и вовсе прекращаетъ переверстки. Почему же она не дѣлаетъ этого всегда? Не лучше ли было бы обязать всѣ общины закономъ въ случаяхъ, когда не всѣ хозяева ведутъ свое хозяйство совершенно одинаково по установившейся рутинѣ, и переверстка можетъ оказаться вредной для сельско-хозяйственнаго производства, переверстки прекращать? Какой смыслъ въ этомъ обмѣнѣ полосъ? Стоитъ ли принимать изъ за него столько хлопотъ?

Разсѣять эти сомнѣнія можетъ только анализъ цѣлей и слѣдствій переверстокъ.

Основная функція переверстки устраненіе черезполосицы.

Вездѣ, гдѣ не существуетъ самой строгой регламентаціи перехода земельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки, запрещающей всякое дробленіе ихъ при наслѣдованіи, при продажѣ и т. д. и вводящей систему такъ назыв. замкнутыхъ дворовъ, съ теченіемъ времени роковымъ образомъ развивается и не можетъ не развиваться черезполосица. Дробленіе земли между сонаслѣдниками,—въ особенности при обычномъ способѣ раздѣла на равныя части всѣхъ отдѣльныхъ полосъ, обусловливаемомъ технической безпомощностью неподготовленныхъ къ выполненію межевыхъ работъ крестьянъ—прикупка несмежныхъ участковъ, полученіе земли въ приданое за женой въ мѣстностяхъ, гдѣ женщины не исключаются отъ наслѣдованія земли,—все это въ теченіе какихъ-нибудь двадцати-тридцати лѣтъ доводитъ до того, что на мѣстѣ полной округленности владѣній воцаряется вездѣ, гдѣ не принимается никакихъ мѣръ, далеко идущая черезполосица со всѣми ея экономическими неудобствами: съ мелкополосицей, затрудняющей примѣненіе болѣе совершенныхъ способовъ обработки, съ многополосицей, требующей столько даромъ пропадающаго времени на переѣзды, и даже съ принудительнымъ сѣвооборотомъ, если дѣло успѣваетъ дойти до того, что возникаетъ спеціальная черезполосица, т. е. на нѣкоторые участки становиться невозможнымъ проѣхать иначе, какъ черезъ другіе [1]).

Какъ же измѣнить это положеніе дѣлъ? Какія принять мѣры противъ развитія черезполосицы? Прежде всего приходитъ въ голову путь добровольныхъ соглашеній. При помощи обмѣна участковъ по взаимному соглашенію, продажей далеко лежащихъ и прикупкой смежныхъ участковъ можно, безспорно, въ концѣ концовъ округлить свои владѣнія; примѣры встрѣчаются въ жизни. Но многаго этимъ не достигнешь: путь прикупки непрактиченъ потому, что владѣльцы

---

[1]) Весьма поучительнымъ въ этомъ отношеніи представляется сдѣланное въ Рѣжицкомъ у. ком. Витебткой губерніи указанія на примѣръ Верховской волости Рѣжицкаго уѣзда, въ которой за послѣдніе сорокъ лѣтъ все крестьянское населеніе разселилось изъ деревень въ хуторы: оказывается, что были уже случаи возникновенія черезполосицы при дѣленіи наслѣдства, а переверсткамъ начинаютъ снова подвергать разъ уже разверстанные участки.

смежныхъ участковъ, видя желаніе округлить владѣніе, поднимаютъ чрезмѣрно цѣны; путь добровольныхъ соглашеній мало удобенъ въ силу того, что при помощи обмѣна между двумя-тремя хозяевами рѣдко бываетъ возможно достигнуть округленія; въ общемъ случаѣ приходится захватывать значительное число владѣльцевъ, а тогда слишкомъ трудно добиться единогласія. Можно смѣло утверждать, что общаго процесса роста черезполосицы тѣ немногія округленія, которыхъ удается достичь путемъ добровольныхъ сдѣлокъ, почти не замедляютъ.

Остается только путь переверстки, путь принужденія тѣхъ хозяевъ, которые не желаютъ идти на обмѣнъ. На этотъ путь и вступаютъ вездѣ, гдѣ уничтоженію черезполосицы придается значеніе. Если при этомъ, какъ у насъ въ Россіи, имѣется на лицо правильно функціонирующій механизмъ общинныхъ переверстокъ, т. е. существуетъ право общины большинствомъ голосовъ принуждать всѣхъ къ обмѣну участками, то по отношенію къ землямъ, стоящимъ подъ этимъ режимомъ, не представляется надобности ни въ какихъ дальнѣйшихъ законодательныхъ актахъ: здѣсь уничтоженіе черезполосицы, по скольку она оказывается отяготительной—ибо и черезполосица при мелкомъ землевладѣніи имѣетъ иногда свои опредѣленныя цѣли, обезпечивая хотя отчасти земледѣльца отъ случайностей погоды—не представляетъ никакихъ затрудненій и можетъ быть всегда осуществлено самими крестьянами; единственнымъ препятствіемъ служитъ техническая неподготовленность крестьянъ, неумѣнье и нежеланіе производить бонитировку земель. Тамъ же, гдѣ общины, имѣющей право производить переверстки, нѣтъ, приходится ее создавать [1]), примѣры чего извѣстны изъ аграрной исторіи; классической иллюстраціей являются такъ называемыя Gehöferschaften изъ окрестностей Трира, гдѣ послѣ долгаго, почти вѣковаго перерыва въ началѣ XVIII вѣка многія селенія самопроизвольно

[1]) Тимскій у. ком. выразилъ пожеланіе, чтобы въ цѣляхъ устраненія черезполосицы было произведено измѣреніе и обязательное размежеваніе всей площади надѣльной земли.

для устраненія успѣвшей развиться до крайнихъ предѣловъ черезполосицы возобновили добрый старый обычай періодическихъ переверстокъ. Можно при этомъ, конечно, права требовать обмѣна участками и не предоставлять большинству владѣльцевъ, а передать все дѣло на благоусмотрѣніе администраціи [1]), какъ это было отчасти въ Пруссіи по старому законодательству, дѣлавшему обмѣнъ участками для округленія въ извѣстныхъ случаяхъ обязательнымъ, а всѣ заботы по разверстанію, возлагавшему на правительственныхъ чиновниковъ. Но такой порядокъ объяснялся исключительно тѣмъ, что разверстаніе не было тогда самостоятельной мѣрой, а играло лишь роль придатка при иныхъ реформахъ. Позднѣйшее же законодательство и въ Пруссіи, какъ и во всей остальной Германіи, поставило производство переверстокъ въ видахъ округленія въ зависимость отъ желанія большинства владѣльцевъ. Различія между отдѣльными странами заключаются лишь въ томъ, какъ опредѣляется это большинство: прусскій законъ 2 апрѣля 1872 года требуетъ согласія владѣльцевъ болѣе, нежели половины площади, представляющей въ то же время болѣе половины кадастроваго чистаго дохода, разрѣшая повторять переверстку по истеченіи не менѣе тридцати лѣтъ по желанію владѣльцевъ трехъ четвертей площади. Въ бывшемъ герцогствѣ Нассаускомъ, по законодательнымъ актамъ 2 января 1830 года, требовалось согласіе двухъ третей владѣльцевъ, имѣющихъ право голоса въ общинѣ и владѣющихъ не менѣе чѣмъ половиной площади; переверстка могла по желанію владѣльцевъ половины площади распространяться даже на пріусадебную землю и усадьбы. Сходныхъ принциповъ придерживаются также законы баденскій 5 мая 1856 года съ новеллой 21 мая 1886 года, баварскій 29 мая 1886 года и вюртембергскій 30 марта 1886 года, и только гессенскій законъ 29 августа 1887 года нѣ-

[1]) Въ цѣломъ рядѣ комитетовъ выражалось пожеланіе. чтобы четвертнымъ владѣльцамъ было предоставлено закономъ право производить для устраненія черезполосицы переверстки на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ онѣ разрѣшаются при общинномъ землевладѣніи.

сколько уклоняется отъ южно-нѣмецкаго типа, поставляя переверстку въ зависимость отъ желанія владѣльцевъ болѣе половины площади, хотя и онъ предоставляетъ право вето $^4/_5$ владѣльцевъ.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что законодательство объ округленіи сводится въ своихъ современныхъ формахъ къ предоставленію большинству землевладѣльцевъ права производить переверстку, не стѣсняясь нежеланіемъ остальныхъ. Это обстоятельство не мѣшало бы имѣть въ виду нашимъ противникамъ общины, являющимся въ тоже время по большей части горячими сторонниками размежеванія и округленія и страстными поклонниками нѣмецкаго законодательства. Если столь восхваляемая ими, но къ сожалѣнію мало имъ знакомая аграрная политика германскихъ государствъ не останавливается передъ тѣмъ, чтобы законодательнымъ путемъ вводить переверстки, то, казалось бы, ясно, что принудительный обмѣнъ участками имѣетъ свои выгоды, перевѣшивающія неудобства нарушенія спокойнаго владѣнія. Сокращеніе черезполосицы стоитъ того, чтобы ради него поступиться безсрочностью владѣнія.

Но можетъ быть нѣмецкимъ законодателямъ посчастливилось найти способы устраненія вредныхъ послѣдствій переверстокъ? Присматриваясь къ техникѣ размежеванія въ Германіи, не трудно убѣдиться, что обычный порядокъ недалеко ушелъ отъ тѣхъ пріемовъ, до которыхъ добираются сами собой мужики-общинники. Техника размежеванія въ Германіи, если отвлечься отъ деталей, знаетъ двѣ главныхъ формы: прусскую и нассаускую, или, какъ ихъ правильнѣе называть послѣ законовъ восьмидесятыхъ годовъ, распространившихъ технику, близкую къ бывшей нассауской, на всю южную Германію, сѣверно-нѣмецкую и южно-нѣмецкую. Въ Пруссіи конечной цѣлью аграрныхъ реформъ первой половины 19 столѣтія было созданіе крѣпкаго, свободнаго отъ всякихъ средне-вѣковыхъ путъ крупнаго помѣстья. Размежеваніе являлось лишь однимъ изъ средствъ къ этому; характерно для мотивовъ законодателя постановленіе, что размежеванія при извѣстныхъ условіяхъ можетъ требовать одинъ владѣлецъ противъ желанія

всѣхъ остальныхъ; характерно и то, что подсчетъ голосовъ ведется не по числу владѣльцевъ, а по площади владѣній. Въ силу этого главной задачей было отведеніе каждому владѣльцу участка непремѣнно въ одной межѣ; о крестьянахъ при этомъ думали мало, но, благодаря сравнительно крупнымъ размѣрамъ крестьянскихъ владѣній, проведеніе реформы не встрѣтило такихъ затрудненій какъ въ другихъ мѣстахъ. Стремленію округлять въ Пруссіи приносится въ жертву все. Законъ разрѣшаетъ, если нужно, взамѣнъ хорошей земли отводить плохую,—разумѣется, въ соотвѣтственно большемъ количествѣ. Позволяется одно угодье замѣнять другимъ, напримѣръ отводить пашню вмѣсто луга. Если нельзи иначе устроиться, то позволяется даже противъ воли хозяевъ переносить усадьбы. Единственный предѣлъ, который закономъ полагается произволу межевыхъ комиссій, заключается въ требованіи отводить взамѣнъ старыхъ участки такого рода, чтобы не было необходимости мѣнять радикально систему хозяйства; нельзя, напр., заставить путемъ замѣны пашни лугами перемѣнить зерновое хозяйство на скотоводческое, нельзя хозяйство безлошадное поставить въ такія условія, чтобы оно вынуждено было обзаводиться лошадьми. Въ этихъ же предѣлахъ, поскольку то требуется для сведенія владѣній всѣхъ хозяевъ къ одной межѣ, предоставляется распоряжаться по произволенію. Эквивалентность получаемаго новаго участка отдаваемымъ взамѣнъ него достигается предварительной бонитировкой земель; никакихъ особыхъ мѣръ для защиты сдѣланныхъ на улучшеніе затратъ не принимается.

Иначе слагается техника размежеванія въ южно-нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ размежеванію подлежатъ преимущественно крестьянскія земли, глѣ къ тому же крестьянское землевладѣніе по сравненію съ сѣверо-востокомъ очень мелкое. Съ ея особенностями русская публика была ознакомлена еще въ 70 годахъ А. Посниковымъ; однако и сейчасъ случается наталкиваться на утвержденіе, что прусскій типъ разверстанія представляется единственно раціональнымъ. Между тѣмъ цѣлесообразность „нассауской" методы и приспособленность ея къ жизненнымъ условіямъ ясно доказы-

вается уже тѣмъ, что все новѣйшее законодательство объ уничтоженіи черезполосицы въ южно-германскихъ государствахъ стоитъ на ея почвѣ. Да надо замѣтить, что и въ Пруссіи принципъ сведенія владѣній къ одной межѣ неумолимо проводится лишь въ законѣ; на практикѣ же, поскольку она уже видна изъ инструкцій межевыхъ коммисій, пришлось сильно поступиться принципіальной послѣдовательностью, и въ такихъ случаяхъ, напримѣръ, гдѣ разныя угодья оказывались неравномѣрно распредѣленными по участку, подлежащему размежеванію, разрѣшалось отводить каждому владѣльцу и болѣе одного участка; къ подобнымъ же послабленіямъ пришлось прибѣгать и въ тѣхъ случаяхъ, когда почвы разнаго качества не были распредѣлены равномѣрно, а вся хорошая земля лежала въ одномъ концѣ, вся плохая въ другомъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда участокъ былъ очень великъ, и разстоянія отъ жилищъ пріобрѣтали слишкомъ большое значеніе: вмѣсто того, чтобы разселять крестьянъ, какъ то предвидѣлось въ законѣ, на практикѣ предпочитали отводить по нѣсколько участковъ на разныхъ разстояніяхъ. Но въ Пруссіи подобныя мѣры являлись лишь послабленіемъ, уклоненіемъ отъ буквы и духа закона, вызываемымъ жизненными осложненіями. На югѣ Германіи подобная система принята прямо въ законахъ. Здѣсь совсѣмъ не преслѣдуется цѣли добиться того, чтобы каждый владѣлецъ получилъ землю въ одной межѣ; недостижимость этого слишкомъ очевидна для законодателя. Здѣсь желанія ограничиваются болѣе скромнымъ; не уничтожить черезполосицу, а смягчить ее, довести до тѣхъ предѣловъ, когда она перестаетъ быть отяготительной для мелкаго хозяина, вотъ чѣмъ задается законъ. Добиться, чтобы полосы не были слишкомъ узки, чтобы ко всѣмъ былъ удобный доступъ, чѣмъ устраняется необходимость принудительнаго сѣвооборота; попутно произвести нѣкоторыя коренныя меліораціи—орошеніе, дренажъ—дальше этого здѣсь не идутъ помышленія. Самое же размежеваніе производится тѣмъ способомъ, который изъ поконъ вѣковъ примѣняется въ нашихъ деревняхъ, да и вездѣ, гдѣ существуютъ общинныя переверстки и передѣлы: земля разбивается на

коны въ зависимости отъ характера почвы, отъ разстоянія отъ селенія, отъ прочихъ отражающихся на удобствахъ хозяйничанья условій, и въ каждомъ конѣ участникамъ отводятся полосы соотвѣтствующей величины. При этомъ только самая разбивка на коны производится опытнымъ землемѣромъ, которому удается провести ее болѣе раціональнымъ способомъ, съ возможно меньшимъ числомъ коновъ такъ, чтобы полосы не были слишкомъ мелки—кое гдѣ законъ прямо опредѣляетъ, ниже какого предѣла величина полосъ не должна опускаться—такъ, чтобы ко всѣмъ участкамъ былъ проѣздъ. Равноцѣнность новыхъ и старыхъ участковъ достигается и здѣсь тѣмъ, что предварительно путемъ бонитировки опредѣляется, какая часть общей цѣнности земли приходится на долю каждаго участника, а затѣмъ уже на новыхъ планахъ каждому отводится количество земли, пропорціональное его долѣ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что техника размежеванія тамъ, гдѣ она примѣняется къ условіямъ крестьянскаго хозяйства, не отличается существенно отъ того, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ наши мужики—общинники. Отсюда, на мой взглядъ, очевидный выводъ: предоставьте крестьянамъ, благо въ ихъ распоряженіи есть готовый механизмъ, размежевываться самимъ, когда они чувствуютъ въ томъ надобность, не навязывая имъ никакихъ правилъ, и они сумѣютъ лучше распорядиться, нежели сочиняющій законопроекты петербургскій столоначальникъ или приводящій ихъ на мѣстахъ въ исполненіе земскій начальникъ. Если у насъ и чувствуется потребность въ законодательномъ понужденіи, то развѣ только къ отмежеванію владѣній разныхъ общинъ другъ отъ друга и, въ особенности, къ размежеванію земель крестьянскихъ и земель частнаго владѣнія. Въ нашей научной и публицистической литературѣ часто описывалось, какъ удачно, съ точки зрѣнія помѣщичьихъ интересовъ, были вымежеваны надѣльныя земли при освобожденіи крестьянъ; какъ путемъ прижимокъ изъ-за прогоновъ, изъ-за почти неизбѣжныхъ при настоящемъ расположеніи надѣла потравъ и т. п. помѣщики закабаливаютъ себѣ свои бывшія деревни. Во многихъ

губерніяхъ чуть не въ большей части селеній надѣлъ расположенъ съ точки зрѣнія сельскохозяйственной техники совершенно невозможнымъ образомъ[1]): раскиданный въ десяткѣ кусковъ, растянутый въ длинную и узкую ленту въ нѣсколько сажень ширины и много верстъ длины, отрѣзанный отъ водопоя онъ настоятельно требуетъ болѣе совершеннаго отграниченія. Съ общиной ли или безъ нея, но въ такихъ условіяхъ, нельзя съ успѣхомъ вести хозяйство; самому предпріимчивому и интеллигентному собственнику не добиться здѣсь добрыхъ результатовъ. Жалобы на такое расположеніе надѣловъ раздаются отовсюду, требованіе приступить къ размежеванію крестьянскихъ земель и земель помѣщичьихъ высказывалось во многихъ комитетахъ, и было бы весьма желательно, чтобы Особое Совѣщаніе озаботилось удовлетвореніемъ этой насущной потребности нашей деревни, въ сторонѣ оставивъ безцѣльныя и неосуществимыя мечтанія о размежеваніи крестьянскихъ земель въ предѣлахъ общины.

Борьба съ черезполосицей, на которой я остановился съ такой подробностью изъ-за того, что у насъ черезполосицѣ склонны придавать очень большое значеніе, а между тѣмъ относительно способовъ ея устраненія царитъ величайшая путаница понятій, является основной функціей переверстки. Но нерѣдко переверстки предпринимаются и по инымъ мотивамъ. Переверстка играетъ напр. часто роль вспомогательнаго средства при раздѣлѣ земли: вмѣсто того, чтобы гнаться за полной равноцѣнностью всѣхъ участковъ, для чего при обычномъ способѣ дѣлежа землю пришлось бы дробить на слишкомъ мелкія полосы, иногда предпочитаютъ дѣлить землю не совсѣмъ поровну, а затѣмъ мѣняться участками. Кому при раздѣлѣ достанется участокъ похуже, тотъ получитъ хорошій при обмѣнѣ и, слѣдовательно, ничего не потеряетъ. Къ переверсткѣ же прибѣгаютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда

---

[1]) См., напримѣръ, занимающій 62 страницы списокъ длинноземельныхъ и черезполосныхъ селеній 13 уѣздовъ Курской губерніи, представленный въ Корочанскій уѣздный комитетъ уполномоченнымъ Министерства Земледѣлія П. Н. Соковнинымъ.

обществу надо, выдѣлить участокъ извѣстной величины, напр. подъ школу, если представляется несправедливымъ или неудобнымъ взять все требующееся количество земли у кого нибудь одного. Переверстка производится при переходѣ отъ одной системы хозяйства къ другой, въ особенности, если при этомъ требуется измѣнить число полей. Безъ переверстокъ, или по своимъ экономическимъ послѣдствіямъ съ ними въ данномъ отношеніи вполнѣ совпадающихъ отчужденій почти нѣтъ возможности при мелкомъ хозяйствѣ осуществлять коренныя меліораціи; для доказательства можно сослаться на примѣръ германскихъ государствъ, гдѣ за отсутствіемъ готовыхъ общинныхъ организацій новѣйшее законодательство о производствѣ обводнительныхъ и осушительныхъ работъ создаетъ нѣкоторый суррогатъ ихъ, предоставляя большинству владѣльцевъ право въ интересахъ сельскаго хозяйства принуждать къ участію въ меліораціи и не желающихъ и распоряжаться безъ стѣсненія землей ихъ, если потребуется напр. проводить по ней канавы.

Всѣ указанные выше мотивы переверстокъ коренятся въ приспособленіи общины къ жизненнымъ условіямъ, въ которыхъ приходится вести хозяйство. Но нельзя отрицать, что временами большинство злоупотребляетъ своимъ правомъ производить принудительный обмѣнъ участковъ, и переверстка получаетъ характеръ эксплуатаціи меньшинства большинствомъ; обмѣнъ производится напр. для того, чтобы дать хозяевамъ, неудобряющимъ своихъ полосъ, воспользоваться хорошо обработанными участками болѣе старательныхъ сосѣдей. Особенно часто о такого рода переверсткахъ приходится слышать изъ мѣстностей, гдѣ господствуетъ переложное хозяйство; здѣсь многимъ дворамъ не подъ силу поднимать цѣлину, и они требуютъ переверстки въ надеждѣ получить уже распаханную землю, противъ чего впрочемъ часто не возражаютъ и богачи, для которыхъ трудъ распашки болѣе чѣмъ окупается замѣной выпаханной земли свѣжей.

Въ основѣ своей переверстка задается, такимъ образомъ, весьма важными хозяйственными функціями, хотя иногда и способна преслѣдовать эгоистическія цѣли злоупотребляющаго

своей властью большинства. Съ другой стороны, нарушая безсрочность владѣнія, переверстка можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ пониженіе интереса земледѣльца къ улучшенію принадлежащаго ему участка, но противъ этого вреднаго вліянія, сказывающагося притомъ же далеко не во всѣхъ условіяхъ съ равной силой, могутъ быть принимаемы разнообразныя мѣры. При попыткахъ регламентировать производство переверстокъ надо, слѣдовательно, быть крайне осторожнымъ, дабы не затронуть тѣхъ разнообразныхъ и вполнѣ законныхъ интересовъ, которымъ переверстки служатъ. Но къ этому выводу мы еще вернемся.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать на то обстоятельство, что переверстки, особенно, если онѣ производятся часто, своимъ косвеннымъ послѣдствіемъ имѣютъ нѣкоторое подобіе принудительнаго сѣвооборота. Дѣло въ томъ, что если черезъ нѣсколько лѣтъ происходитъ обмѣнъ участками, то отдѣльному хозяину становится весьма затруднительнымъ устанавливать на своей землѣ систему хозяйства сильно отличающуюся отъ общепринятой. Слишкомъ много хлопотъ требовалось бы для того, чтобы приводить достающіеся при обмѣнѣ участки въ нужный видъ. Если участки переходятъ напр. изъ рукъ въ руки черезъ каждые три года, то становится практически невозможнымъ вести на нихъ четырехпольное хозяйство, хотя бы даже община предоставляла всѣмъ полную свободу выбора системы. Тамъ, гдѣ существуетъ очень большое разнообразіе въ системахъ хозяйства, соображеніе это является, несомнѣнно, вѣскимъ аргументомъ противъ переверстокъ.

Мы переходимъ теперь къ тому проявленію общиннаго начала, около котораго концентрируется споръ о русской общинѣ. До сихъ поръ мы касались такихъ ограниченій свободы отдѣльнаго земледѣльца рѣшеніями большинства однообщинниковъ, которыя не затрогиваютъ размѣровъ владѣнія. Переверстка, безспорно, представляетъ изъ себя очень далеко идущее вмѣшательство въ права землевладѣльца, но все же при ней взамѣнъ стараго участка дается равноцѣнный, и послѣ нея всѣ владѣютъ тѣми же цѣнностями, что и ранѣе. Но зависимость отдѣльнаго лица отъ общества можетъ идти

и дальше; большинство можетъ имѣть осуществляемое въ формѣ такъ называемыхъ передѣловъ право измѣнять по произволенію самые размѣры владѣнія отдѣльныхъ своихъ членовъ противъ ихъ желанія, отбирая землю у однихъ и передавая ее другимъ.

При подобномъ перераспредѣленіи можно было бы, конечно, не руководствоваться никакимъ общимъ принципомъ, а опредѣлять вполнѣ произвольно, кому прибавить земли и у кого взять. Но такая теоретически вполнѣ мыслимая форма въ дѣйствительности не встрѣчается; распредѣленіе земли всегда совершается на основаніи какой-нибудь общей нормы, которою уже и опредѣляется, сколько кто долженъ получить.

Нормы эти могутъ быть весьма разнообразны, но всѣ ихъ можно свести къ нѣсколькимъ типичнымъ формамъ. Въ основѣ ихъ лежатъ два принципа: перераспредѣленіе земли имѣетъ цѣлью привести владѣніе всѣхъ общинниковъ въ соотвѣтствіе или съ потребностями хозяйствъ или съ ихъ силой. Изъ разверстокъ по потребительнымъ нормамъ наиболѣе распространенною является разверстка по наличнымъ мужскимъ душамъ, при которой земля распредѣляется между дворами пропорціонально числу мужчинъ всякаго возраста, не исключая и малолѣтнихъ; въ послѣднее время у насъ въ Россіи разверстка по мужскимъ наличнымъ душамъ начинаетъ кое-гдѣ уступать мѣсто разверсткѣ по ѣдокамъ, при которой принимается во вниманіе и число душъ женскаго пола въ семьѣ. Среди разверстокъ по силѣ хозяйствъ наибольшее значеніе имѣетъ разверстка по работникамъ, т. е. пропорціонально числу мужчинъ рабочаго возраста, иногда осложняемая тѣмъ, что принимаются во вниманіе и полуработники, которымъ отводится не полный надѣлъ; иногда при разверсткѣ по работникамъ принимаются въ разсчетъ и женскія рабочія силы, какъ это было напр. общимъ правиломъ въ русской крѣпостной общинѣ, гдѣ земля распредѣлялась по тягламъ, по числу брачныхъ паръ въ семьѣ.

Мотивы, которыми община руководствуется при выборѣ той или иной системы разверстки, весьма разнообразны.

Сравнительно просто обстоитъ дѣло тамъ, гдѣ выборъ останавливается на разверсткѣ по рабочей силѣ. Здѣсь главнымъ основаніемъ для выбора служитъ то, само по себѣ совершенно ненормальное, но у насъ въ Россіи до послѣдняго времени довольно распространенное явленіе, что земля не окупаетъ платежей. Нормированный такъ, чтобы оплатить не только землю, но и личность выходящаго на волю крестьянина, выкупъ, въ особенности въ первое время послѣ реформы, во многихъ мѣстностяхъ далеко превосходилъ то, что можно было при существовавшихъ системахъ хозяйства выручить съ земли; надѣльная земля была крестьянину въ тягость тѣмъ болѣе, что на сторонѣ можно было арендовать землю на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ. Между тѣмъ бросить надѣлъ не было возможности: освобожденный отъ зависимости барину, мужикъ былъ привязанъ къ землѣ черезъ посредство общины и круговой поруки. Волей неволей приходилось изворачиваться, и единственнымъ исходомъ являлось наваливать землю, а съ нею и платежи на тѣхъ, кто могъ ихъ выдержать: на семьи съ большимъ количествомъ работниковъ, которые могли добыть средства работой на сторонѣ; на семьи, сравнительно богатыя, съ большимъ количествомъ скота и т. п. Чѣмъ рѣзче было несоотвѣтствіе между платежами и доходностью земли, тѣмъ точнѣе приходилось соблюдать равновѣсіе между платежеспособностью двора и количествомъ предоставляемой ему для пользованія и оплаты земли; тѣмъ, что земля была бремя, опредѣлялся не только выборъ принципа разверстки, но и выборъ формы.

Иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ общинахъ, гдѣ доходъ съ земли превышаетъ то, что приходится за нее платить. Здѣсь земля уже перестаетъ быть въ тягость, никто отъ нея не отказывается, напротивъ всякій стремится получить возможно больше. Съ другой стороны, здѣсь круговая порука не даетъ себя такъ чувствовать и не связываетъ общества въ выборѣ системы. Здѣсь можно безъ риска остановиться на любой системѣ разверстки. Какая изъ нихъ принимается, зависитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ того, какъ слагается большинство, и распутать мотивы, которыми опредѣляется

образованіе партій, представляется дѣломъ очень нелегкимъ. Главнымъ мотивомъ является несомнѣнно стремленіе каждаго хозяина получить какъ можно больше земли; отъ этого прежде всего зависитъ, на сторону какой системы кто станетъ, кто примкнетъ къ партіи, оттягивающей передѣлъ, кто будетъ стоять за возможно скорое осуществленіе его. Но одной жаждой земли всего не объяснить. Наблюденія показываютъ, что процессъ въ дѣйствительности гораздо сложнѣе. Ни въ одномъ изъ наблюденныхъ съ достаточной точностью и детальностью случаевъ число лицъ, выигрывающихъ землю, не составляетъ тѣхъ $^2/_3$ числа общинниковъ, которыя необходимы для постановленія приговора о передѣлѣ; не часто оно доходитъ до двухъ третей даже вмѣстѣ съ числомъ голосовъ тѣхъ хозяевъ, которые отъ передѣла ни выигрываютъ земли, ни проигрываютъ. Слѣдовательно для того, чтобы передѣлъ могъ состояться, за него по какимъ-нибудь инымъ соображеніямъ должны голосовать и такіе хозяева, у которыхъ онъ отнимаетъ землю. Мы имѣемъ и прямыя доказательства этого: въ Острогожскомъ уѣздѣ былъ произведенъ точный анализъ подачи голосовъ въ 32 общинахъ, и оказалось, что около $^3/_4$ хозяйствъ подало голосъ такъ, какъ того требовалъ интересъ къ увеличенію землевладѣнія, остальные же голосовали противъ прямого интереса; при этомъ, изъ числа хозяевъ, выигрывавшихъ при передѣлѣ, только 2,6% голосовало противъ передѣла; напротивъ, изъ числа хозяевъ терявшихъ землю, чуть не половина голосовала за передѣлъ—42%; особенно же любопытно, что изъ числа хозяевъ, непосредственно не заинтересованныхъ въ передѣлѣ, подавляющее большинство—93%—подало голосъ за передѣлъ.

Чѣмъ можетъ вызываться такой образъ дѣйствія? Отчасти матерьяльными же интересами, перекрещивающими стремленіе къ увеличенію землевладѣнія, отчасти, несомнѣнно, соображеніями общаго, принципіальнаго характера, сочувствіемъ тому началу, которое лежитъ въ основаніи идеи передѣла. Кулакъ, который снимаетъ много земли въ аренду у своихъ односельчанъ, не откажется другой разъ поступиться частью своего надѣла, если имѣетъ основаніе ожидать отъ передѣла

значительнаго прироста землевладѣнія у тѣхъ крестьянъ, которые находятся отъ него въ зависимости. Съ другой стороны, онъ будетъ противъ передѣла, даже если передѣлъ сулитъ ему небольшой прибавокъ, если при этомъ много теряютъ тѣ изъ общинниковъ, которые сдали ему свою землю. Передѣлъ по большей части сопровождается переверсткой— изъ-за соображеній, на которыхъ мы остановимся ниже. Въ силу этого противъ передѣла подастъ иной разъ голосъ тотъ, кому не хочется мѣнять свой участокъ на чужой, а за передѣлъ, напротивъ, будетъ стоять тотъ, кто находитъ выгоду въ такомъ обмѣнѣ, разсчитывая напримѣръ на сокращеніе черезполосицы, но не надѣется добиться переверстки безъ передѣла. Но что не безъ вліянія остаются и мотивы высшаго порядка, оспаривать, мнѣ кажется, трудно: чѣмъ иначе объяснить хотя бы тотъ фактъ, что среди лицъ, непосредственно незаинтересованныхъ, такое громадное большинство голосуетъ за передѣлъ? Я не вижу, почему въ этой группѣ косвенныя матерьяльныя выгоды передѣла могли бы быть такъ велики. Наконецъ, то вліяніе, которое имѣла на развитіе идеи передѣла всеобщая воинская повинность, свидѣтельствуетъ непреложно о роли альтруистическихъ мотивовъ.

Разсмотримъ теперь, какъ производится передѣлъ. Вопросъ этотъ чрезвычайно важенъ по связи съ вопросомъ о соотношеніи между передѣлами и переверстками. По своимъ задачамъ обѣ операціи не имѣютъ ничего общаго: можно преслѣдовать цѣль обмѣна участками, не желая затрогивать размѣровъ владѣнія отдѣльныхъ хозяевъ; можно, напротивъ, желать увеличить размѣры землевладѣнія однихъ членовъ общины за счетъ другихъ, нисколько не стремясь къ переверсткѣ. Но на практикѣ передѣлъ и переверстка такъ часто сопровождаютъ другъ друга, что не мало времени потребовалось для того, чтобы выдѣлить оба понятія, а очень многіе и теперь еще плохо отличаютъ передѣлъ отъ обмѣна участками. Между тѣмъ связь между передѣломъ и переверсткой не носитъ характера неразрывной, и передѣлы могутъ свободно проходить безъ переверстки.

Переверстка, какъ мы видѣли, имѣетъ своей главной

цѣлью устраненіе или смягченіе черезполосицы. При передѣлѣ, если онъ захватываетъ большое число лицъ, черезполосица въ деревнѣ сильно возрастаетъ, такъ какъ при обычномъ способѣ распредѣленія земли по жребію тѣмъ крестьянамъ, землевладѣніе которыхъ должно быть увеличено, прибавка лишь по случаю можетъ достаться въ участкахъ, смежныхъ съ ихъ полосами. Чтобы избавиться отъ черезполосицы и предпринимаютъ переверстку, т. е. общій обмѣнъ участками.

Связь эта, устанавливающаяся черезъ посредство черезполосицы, настолько тѣсна, что въ Европейской Россіи не часто удается наблюдать передѣлы, не сопровождающіеся переверстками. Но ясно, что связь эта отнюдь не необходимая. При извѣстныхъ условіяхъ крестьяне ростъ черезполосицы могутъ предпочесть переверсткѣ, напримѣръ, если всѣ хозяева владѣютъ не очень многими, но за то сравнительно крупными участками земли—примѣры встрѣчаются въ Сибири—или если землей очень дорожатъ—встрѣчается нерѣдко въ примѣненіи къ пріусадебной землѣ, въ южной Германіи мѣстами также къ пашнямъ и лугамъ. Для облегченія отказа отъ переверстки принимаются иногда особыя мѣры; можно напр. видоизмѣнить технику раздѣла и вмѣсто того, чтобы отрѣзать долю отъ каждой полосы того хозяина, которому убавляютъ землю, брать у него, сколько требуется, цѣлыхъ полосъ; съ другой стороны, между тѣми хозяевами, которымъ надо прибавить земли, прирѣзки можно распредѣлять не мелкими полосками, а болѣе крупными участками и притомъ не по жребію, а соображаясь съ расположеніемъ земель. Техническія трудности, въ силу которыхъ этимъ пріемамъ не удается вытѣснить обычную систему дѣлежа въ другихъ условіяхъ, здѣсь почти устраняются, такъ какъ хозяева, которымъ земля прирѣзается, заинтересованы въ томъ, чтобы получить смежные со старыми участки, и охотно помирятся съ небольшими неточностями при раздѣлѣ. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда не удается обойтись совсѣмъ безъ переверстки, можно при стараніи свести обмѣнъ участками до незначительныхъ размѣровъ. При каждомъ передѣлѣ часть хозяевъ—иногда до половины—

остается фактически при старыхъ размѣрахъ владѣнія; при такъ называемыхъ частныхъ передѣлахъ, затрогивающихъ лишь отдѣльные дворы, размѣры владѣнія остаются безъ перемѣнъ у большей части общинниковъ. Ихъ и не трогаютъ, предоставляя имъ владѣть старыми участками; обмѣнъ производятъ лишь между тѣми, у кого земли прибавляется и убавляется. Этотъ способъ часто встрѣчается въ южно-германскихъ общинахъ, которыя вообще склонны придерживаться системы частныхъ передѣловъ. Другой способъ сократить обмѣнъ участками состоитъ въ такъ называемой передвижкѣ, при которой измѣненіе размѣровъ владѣнія каждаго двора производится за счетъ сосѣдняго участка; ясно, что при этой системѣ владѣльцы того участка, съ котораго начинаютъ, и того, которымъ кончаютъ, удерживаютъ своей старой земли столько, на сколько они имѣютъ право; остальные хозяева сдвигаются болѣе или менѣе значительно съ своихъ старыхъ полосъ, но такъ какъ прирѣзки и отрѣзки, чередуясь, компенсируются, то многіе и изъ владѣльцевъ среднихъ участковъ остаются въ концѣ концовъ на своихъ мѣстахъ. Этотъ способъ нерѣдко примѣняется къ пріусадебнымъ землямъ.

Пользуясь всѣми этими пріемами можно, если не жалѣть вниманія, добиться того, что въ переверсткѣ послѣ передѣла вовсе не будетъ чувствоваться потребности, или по крайней мѣрѣ обмѣнъ участками будетъ сведенъ до ничтожныхъ размѣровъ. Мы имѣемъ, слѣдовательно, право утверждать, что община, въ которой производятся передѣлы, можетъ обходиться и безъ переверстокъ, что переверстки ей нужны для тѣхъ же цѣлей, какъ всякой группѣ мелкихъ землевладѣльцевъ, хотя бы и не имѣющей права мѣнять размѣры владѣнія своихъ сочленовъ по желанію большинства,—выводъ, крайне важный для оцѣнки передѣльной общины.

Намъ остается теперь разсмотрѣть послѣднее проявленіе общиннаго начала, именно изъятіе земли по волѣ большинства изъ индивидуальнаго пользованія общинниковъ. Основнымъ мотивомъ для такого изъятія служитъ большая выгодность крупнаго предпріятія по сравненію съ мелкимъ. Наши поклонники общины охотно выдвигаютъ возможность легкаго

перехода къ общему хозяйству какъ видный аргументъ въ ея пользу и грустятъ по поводу того, что вытѣсненія единоличнаго пользованія артельной обработкой не наблюдается; противники же общины не безъ злорадства отмѣчаютъ, что надежды на переходъ къ общему хозяйству плохо осуществляются. И тѣ и другіе забываютъ, что вопросъ о техническихъ преимуществахъ крупнаго хозяйства въ земледѣліи представляется по меньшей мѣрѣ спорнымъ; въ новѣйшей спеціальной литературѣ даже довольно единодушно признается, что, въ особенности при интенсивныхъ системахъ, мелкое хозяйство, споспѣшествуемое разнообразными формами коопераціи, получившими за послѣдніе годы поразительно быстрое распространеніе, вполнѣ способно соперничать съ крупнымъ и даже одерживаетъ надъ нимъ побѣды. Но если такъ, то нѣтъ основаній привѣтствовать переходъ отъ системы раздачи общинной земли въ пользованіе отдѣльнымъ дворамъ къ общинному хозяйству при всѣхъ условіяхъ, какъ шагъ впередъ, и нечего огорчаться, если подобный переходъ не происходитъ по всей линіи. Тамъ, гдѣ мелкое хозяйство, дѣйствительно, невыгодно, мы постоянно видимъ, что общинники соединяются и хозяйничаютъ сообща. Лѣсное хозяйство, напр., крайне не практично вести на мелкихъ участкахъ, и мы почти не встрѣчаемъ, чтобы лѣса распредѣлялись въ индивидуальное пользованіе. Столь же рѣдко встрѣчается, чтобы пользованіе выгонами принимало иную форму, кромѣ совмѣстнаго выпаса. И по отношенію къ пашнѣ мы встрѣчаемъ примѣры, если не артельной обработки, наблюдаемой лишь въ исключительныхъ случаяхъ, то совмѣстнаго выполненія отдѣльныхъ работъ. Изъ Московской губерніи имѣются, напримѣръ, свѣдѣнія, что кое-гдѣ послѣ перехода къ правильному травосѣянію мужики начали производить посѣвъ клевера сообща и даже обзаводиться общинными сѣялками: объясняется это тѣмъ, что сѣять клеверъ на узкихъ полосахъ оказалось слишкомъ неудобнымъ.

Помимо экономической невыгодности мелкаго предпріятія мотивомъ для изъятія земли изъ личнаго пользованія можетъ служить иногда стремленіе путемъ сдачи земли въ аренду

обезпечить общинѣ значительный денежный доходъ, не прибѣгая къ обложенію членовъ общины денежными сборами. Встрѣчаясь спорадически повсюду, мотивъ этотъ имѣетъ особенно большое значеніе у насъ на югѣ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, которыя за счетъ образуемаго путемъ сдачи земли въ аренду колонизаціоннаго фонда пріобрѣтаютъ въ большомъ количествѣ земли для малоземельнымъ и безземельныхъ колонистовъ.

Обращаясь теперь отъ анализа отдѣльныхъ проявленій общиннаго начала [1]) къ изображенію мнѣній уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ по вопросу о вліяніи русской общины на русскую жизнь спросимъ прежде всего, что собственно представляетъ изъ себя наша русская община? Какими признаками она характеризуется?

Общинное начало проявляется въ подчиненіи отдѣльнаго земледѣльца рѣшеніямъ большинства однообщинниковъ.. Нашъ вопросъ можетъ быть, слѣдовательно, точнѣе формулированъ такъ: гдѣ проходитъ въ русской общинѣ демаркаціонная линія, отдѣляющая права отдѣльныхъ хозяевъ отъ правъ большинства? Что можетъ быть въ ней предпринимаемо при согласіи большинства хозяевъ и для какихъ дѣйствій необходимо единогласное рѣшеніе всѣхъ? Отвѣтъ не сложенъ: въ русской общинѣ отдѣльный владѣлецъ не имѣетъ никакихъ правъ, воля большинства всесильна. Большинство можетъ предписывать каждому хозяину, какъ ему пользоваться своимъ участкомъ, можетъ заставить лугъ распахать, а пашню запустить подъ лугъ, можетъ указывать, когда пашню пахать, что на ней воздѣлывать и когда производить посѣвъ. Общество нерѣдко ограничиваетъ отдѣльныхъ хозяевъ и въ распоряженіи отводимыми имъ участками, запрещая, напр., сдачу земли въ аренду. Общество можетъ производить переверстки и можетъ передѣлять землю, отнимая ее у однихъ и передавая другимъ. Словомъ, принципіально всѣ

---

[1]) Тѣмъ, кто поинтересовался бы болѣе детальнымъ анализомъ, я могу указать на мою нѣмецкую работу объ общинѣ: A. Tschuprow. Die Feldgemeinschaft. Eine morphologische Studie. Strassburg, 1902.

виды вмѣшательства большинства въ права отдѣльнаго хозяина въ русской общинѣ на лицо, общиннику же не остается иныхъ правъ, кромѣ подачи голоса на сходахъ.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что объемъ правъ, которыми община пользуется фактически, нерѣдко настолько уклоняется отъ предоставляемаго ей закономъ, а, съ другой стороны, и самъ законъ настолько лишенъ опредѣленности, что установить вполнѣ точно интересующую насъ грань представляется почти невозможнымъ. Право общины запрещать сдачу надѣльной земли въ аренду подвергается сомнѣніямъ, такъ что нѣкоторые комитеты сочли даже нужнымъ въ числѣ своихъ постановленій выдвинуть требованіе о признаніи его за общиной [1]). По закону право переверстокъ и передѣловъ не распространяется на усадебную землю, между тѣмъ мѣстами общины передѣляютъ ее наравнѣ съ пашней. Съ другой стороны, община въ дѣйствительности далеко не всегда пользуется всѣми, предоставляемыми ей закономъ правами. Сибирская община почти не знаетъ принудительнаго сѣвооборота, нѣкоторыя общины не производятъ передѣловъ, другія не прибѣгаютъ и къ переверсткамъ. При такомъ разнообразіи жизненныхъ воплощеній того объема правъ, который закономъ присваивается нашей общинѣ, возникаетъ вопросъ, какіе элементы этого комплекса болѣе существенны и какіе менѣе важны, что̀ собственно опредѣляетъ для насъ, остается ли еще община общиной, или уже перестаетъ ею быть. Такимъ рѣшающимъ признакомъ служитъ перераспредѣлительная функція—передѣлъ. Община, прекратившая перераспредѣленіе земли между своими членами, не есть уже болѣе община въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы обычно употребляемъ это слово. Напротивъ, община, совершающая правильные предѣлы, но

---

[1]) Опочецкій у. ком.; Жиздринскій у. ком.; Велижскій у. ком. Напротивъ того, комитеты Витебскій уѣздный, Витебскій губернскій (на срокъ не болѣе 12 лѣтъ), Курскіе уѣздный и губернскій (на срокъ до передѣла), Чадскій уѣздный (но лишь при сдачѣ односельчанамъ) желали бы освободить сдачу надѣльной земли въ аренду отъ стѣснительнаго для сдатчика требованія заручиться согласіемъ общества.

отказавшаяся отъ принудительнаго сѣвооборота или не вмѣшивающаяся въ сдачу и съемъ надѣловъ, не теряетъ въ нашихъ глазахъ права именоваться общиной. Съ этой основной передѣльной функціи мы и начнемъ изслѣдованіе вліянія общиннаго строя на экономическую жизнь Россіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

А. Чупровъ.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ И НОВАЯ ПРАКТИКА СЕНАТА.

I.

Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія юридическій міръ и все русское общество съ особой тревогой слѣдили за малѣйшими слухами о томъ, какъ въ комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ разрѣшается судьба суда присяжныхъ. Этотъ судъ сдѣлался близкимъ и дорогимъ обществу, а потому оно не могло оставаться равнодушнымъ, когда до него доходили частными путями извѣстія, что судъ присяжныхъ будетъ кореннымъ образомъ реформированъ, и когда въ журнальныхъ статьяхъ являлись даже отдѣльные проекты такой реформы (напримѣръ, проекты г.г. Дейтриха и Закревскаго).

Спеціальная литература также не молчала: отвѣтомъ на многочисленныя и голословныя нападки извѣстной части нашей прессы, глумившейся надъ судомъ присяжныхъ и именовавшей его „невѣжественнымъ судомъ улицы“, отвѣтомъ на реформаторскіе проекты взять судъ присяжныхъ подъ опеку короннаго суда въ виду его неустойчивости, слабости, а во многихъ отношеніяхъ и несостоятельности,—явился рядъ работъ въ защиту присяжнаго суда, среди которыхъ на первое мѣсто слѣдуетъ поставить капитальный трудъ А. М. Бобрищева-Пушкина: „Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ“. Разсмотрѣвъ и разобравъ тысячи разнообразныхъ вердиктовъ, съ фактами и цифрами въ рукахъ

авторъ убѣдительно доказалъ всю несостоятельность ходячихъ нападокъ на судъ присяжныхъ. Оказалось, во-первыхъ, что хотя другіе суды выносятъ нѣсколько (и притомъ незначительно) меньшій процентъ оправдательныхъ приговоровъ, но зато сила репрессіи присяжныхъ *чужда колебаній*, свойственныхъ, напримѣръ, суду съ сословными представителями, и притомъ *постепенно и равномѣрно повышается*, тогда какъ у болѣе репрессивнаго короннаго суда замѣчается наклонность къ нѣкоторому пониженію; выяснилось, далѣе, что присяжные засѣдатели въ Россіи, даже при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, умѣютъ составить и выразить въ вердиктѣ здравое и вполнѣ самостоятельное мнѣніе, и что главными свойствами русскаго суда присяжныхъ являются отсутствіе формализма, осторожное отношеніе къ дѣлу, разумное пользованіе доказательствами вообще и косвенными уликами въ частности, а также чрезвычайно цѣлесообразное отношеніе къ рецидивистамъ съ одной стороны и къ малолѣтнимъ преступникамъ съ другой.

Наряду съ этимъ появились статьи, въ которыхъ дѣлалась оцѣнка различныхъ проектовъ реформировать судъ присяжныхъ. Не останавливаясь на этомъ подробно [1]), мы все же считаемъ необходимымъ отмѣтить наиболѣе существенныя черты спора.

1) Предлагалось сократить компетенцію суда присяжныхъ, изъявъ изъ его вѣдѣнія возможно больше дѣлъ, т. е. идти дальше по тому пути, по которому уже шло наше законодательство, устранившее присяжныхъ уже въ текстѣ судебныхъ уставовъ отъ разсмотрѣнія политическихъ преступленій и затѣмъ рядомъ новеллъ изъявшее изъ вѣдѣнія присяжныхъ преступленія печати, многія преступленія противъ порядка управленія, служебныя преступленія, банковыя преступленія и др. По поводу этого проекта были сдѣланы указанія, что онъ лишенъ принципіальной опоры, ибо, если судъ присяж-

---

[1]) Болѣе обстоятельный и полный разборъ былъ сдѣланъ пишущимъ эти строки въ работѣ: „Современная борьба взглядовъ за и противъ суда присяжныхъ и реформаторскія попытки въ этой области“. Кіевъ, 1897 г.

ныхъ плохъ и не заслуживаетъ довѣрія, то его нужно отмѣнить, а не сократить; далѣе, является недоказанной необходимость изъятія того именно, а не иного рода дѣлъ, и сверхъ того все дальше и дальше расширяющіяся изъятія колеблютъ прочность присяжнаго института, смущаютъ общество и часто не приводятъ къ намѣченной цѣли (какъ это, напримѣръ, было у насъ съ попыткой замѣнить присяжныхъ засѣдателей сословными представителями,—попыткой, которая теперь даже оффиціально признана неудачнымъ экспериментомъ).

2) Предлагалось устраненіе присяжныхъ отъ рѣшенія тѣхъ дѣлъ, гдѣ имѣется налицо сознаніе подсудимаго; мотивировалось это желаніемъ облегчить присяжныхъ, сократить время и издержки процесса къ обоюдной выгодѣ государства и подсудимаго, а также избѣгнуть „особенно скандальныхъ оправданій“. Такое предложеніе дѣлалось и у насъ въ коммиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, но было отвергнуто, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ибо, во-первыхъ, присяжные рѣшаютъ лишь болѣе важныя дѣла, которыхъ вовсе не такъ много, чтобы работа присяжныхъ требовала облегченій во что бы то ни стало; во-вторыхъ, сокращеніе времени и издержекъ въ данномъ случаѣ никакихъ выгодъ подсудимому не доставляетъ и въ то же время можетъ повредить общественному интересу, требующему возможно полнаго и независимаго разсмотрѣнія важнѣйшихъ дѣлъ, а maximum того и другаго имѣетъ мѣсто именно на судѣ присяжныхъ; въ третьихъ, рекомендуемая система, какъ показалъ опытъ примѣняющихъ ее государствъ, порождаетъ на практикѣ многочисленныя практическія затрудненія (какое брать сознаніе,—на предварительномъ или на судебномъ слѣдствіи? Какъ быть, если сознавшійся подсудимый беретъ сознаніе обратно? Какъ относиться къ случаямъ неполнаго или условнаго сознанія?). Самая же важная ошибка приверженцевъ разсматриваемой мѣры заключается въ томъ преувеличенномъ значеніи, которое они придаютъ сознанію обвиняемаго: оно было понятнымъ въ эпоху господства теоріи формальныхъ доказательствъ, когда сознаніе, regina probationum, являлось синонимомъ ви-

новности, но оно совершенно непонятно теперь, когда сознаніе является только однимъ изъ моментовъ дѣла, подлежащихъ оцѣнкѣ по внутреннему убѣжденію судей.

3) Предлагалось, далѣе, подчинить вердикты присяжныхъ контролю короннаго суда, предоставивъ послѣднему право отмѣнять своей властью каждый, по его мнѣнію ошибочный, вердиктъ; этотъ порядокъ пытался въ 1893 году ввести у насъ министръ юстиціи Манасеинъ, но его предположенія не осуществились. Защитники указаннаго порядка говорятъ, что необходимо равенство охраны интересовъ подсудимаго и интересовъ публичныхъ: если справедливость требуетъ предоставленія суду права отмѣнять приговоръ, которымъ вслѣдствіе явной ошибки присяжныхъ былъ осужденъ невинный, то нельзя же отвергать возможность ошибки присяжныхъ въ пользу подсудимаго, а въ этомъ случаѣ коронный судъ также долженъ имѣть право отмѣнить вердиктъ, которымъ къ крайнему соблазну всѣхъ и вреду общественнаго интереса отпускается на свободу изобличенный и явно виновный преступникъ. Но (нельзя не замѣтить на это) на какомъ основаніи мы можемъ говорить, что отпущенъ именно „изобличенный“ и „виновный“? Современный процессъ, разставшійся съ инквизиціонными порядками и осудившій ихъ, имѣетъ въ основѣ своей то положеніе, что каждый обвиняемый признается невиннымъ до тѣхъ поръ, пока противное не будетъ доказано, и что каждое разумное сомнѣніе относительно виновности должно быть толкуемо въ пользу подсудимаго. Говорятъ обыкновенно о случаяхъ собственнаго сознанія, но эту комбинацію мы уже разобрали и знаемъ, что она твердой опоры не имѣетъ.

Коронному суду необходимо было предоставить право отмѣны неправильныхъ съ его точки зрѣнія обвинительныхъ вердиктовъ, ибо иначе получилось бы страшное насиліе закона надъ судейской совѣстью: судья долженъ былъ бы приговорить къ наказанію, иногда тяжкому, невиннаго по его убѣжденію человѣка; право отмѣны явилось крайней, но неизбѣжной мѣрой, которая, какъ свидѣтельствуетъ опытъ, весьма рѣдко примѣняется на практикѣ. Тѣмъ не менѣе

нигдѣ, кромѣ Испаніи, законодатель не пошелъ дальше и не предоставилъ суду аналогичнаго права относительно приговоровъ оправдательныхъ: становясь на формальную точку зрѣнія на виновность, коронный судъ вступилъ бы въ коллизію съ чуждой формализма оцѣнкой по совѣсти вопроса о виновности, свойственной суду присяжныхъ; отсюда проистекла бы частая отмѣна формально неправильныхъ обвинительныхъ вердиктовъ, а вмѣстѣ съ этимъ совершенно поколебался бы авторитетъ присяжнаго суда, въ пустой звукъ обратилось бы его драгоцѣнное свойство, именуемое независимостью, уменьшились бы у присяжныхъ чувство отвѣтственности и интересъ къ дѣлу и получилось бы вредное для общества впечатлѣніе полнаго отсутствія солидарности между короннымъ и присяжнымъ судомъ.

4) Послѣдній проектъ реформы предлагаетъ слить присяжныхъ и судей въ одну коллегію. На первый взглядъ это очень просто и ясно: юристы помогутъ присяжнымъ знаніемъ права и судейской опытностью, присяжные внесутъ элементъ непосредственности и знанія условій жизни. Но, вникая глубже, мы увидимъ, что такимъ рѣшеніемъ въ корень подрывается (какъ и въ разсмотрѣнной выше комбинаціи) независимость суда присяжныхъ въ рѣшеніи вопроса о виновности, т. е. уничтожается коренной признакъ, такъ сказать душа этого суда; это будетъ судъ шеффеновъ, смѣшанная комиссія, особое присутствіе суда,—словомъ все что угодно, но не судъ присяжныхъ.

Хотятъ такимъ путемъ обезпечить вліяніе коронныхъ судей на присяжныхъ; но возможность вліянія не исключена и безъ сліянія, только теперь вліяніе дѣйствуетъ въ судебномъ засѣданіи, открыто, гласно и на глазахъ сторонъ, во всякую минуту имѣющихъ право протеста при нарушеніи ихъ интересовъ, а тогда вліяніе будетъ келейнымъ и безконтрольнымъ; оно уменьшитъ свободу сужденій присяжныхъ вообще, а при такъ называемыхъ „сѣрыхъ“ составахъ легко превратитъ присяжныхъ засѣдателей въ безгласныхъ засѣдателей.

Таковы были реформаторскія попытки, имѣвшія цѣлью

ослабить судъ присяжныхъ и главнымъ образомъ воспрепятствовать тѣмъ случаямъ, когда „правда и милость“ суда совѣсти заставляютъ его отступать отъ буквы закона и формальнаго взгляда на виновность.

Эти попытки были въ виду у комиссіи, пересматривавшей судебные уставы, въ ихъ пользу подавались иногда голоса, но, когда результатъ работъ былъ опубликованъ въ видѣ проектовъ, всѣ друзья присяжнаго суда съ облегченіемъ вздохнули: грозу пронесло мимо, ибо хотя явилась новая форма, также названная судомъ присяжныхъ, образующая для разсмотрѣнія нѣкоторыхъ дѣлъ смѣшанную комиссію изъ трехъ судей и девяти присяжныхъ съ повышеннымъ цензомъ, но эта форма оставила неприкосновенной дѣйствующую организацію и компетенцію суда присяжныхъ: ее предположено было ввести взамѣнъ суда палаты съ сословными представителями, а также тамъ на окраинахъ, гдѣ введеніе нормальнаго присяжнаго суда признавалось и признается правительствомъ невозможнымъ.

Попытки поколебать современныя права присяжныхъ оказались, такимъ образомъ, неудавшимися. Но всѣ эти попытки имѣли характерную общую черту: вооружаясь противъ оправданія присяжными лицъ, формально виновныхъ, и стремясь сдѣлать въ будущемъ такіе вердикты невозможными, авторы попытокъ не отрицали *права* присяжныхъ выносить такіе вердикты *при современной организаціи суда присяжныхъ;* они боролись съ этимъ правомъ и предлагали наилучшіе, по ихъ мнѣнію, способы *ограниченія или уничтоженія этого права въ законодательномъ порядкѣ.*

Если бы законодатель внялъ имъ, то можетъ быть реформа оказалась бы гибельной не только для суда присяжныхъ, но и вообще для русскаго правосудія. Тѣмъ не менѣе ей пришлось бы подчиниться, памятуя, что „dura lex, sed lex“.

Но законодатель не внялъ, и ограничительной по отношенію къ суду присяжныхъ реформы до сихъ поръ не послѣдовало. Казалось, можно было успокоиться, если бы не послѣдовало нѣчто въ высшей степени любопытное, странное и неожиданное: ударъ суду присяжныхъ былъ нанесенъ

внѣ законодательнаго пути простымъ разъясненіемъ сената; учрежденіе, пересозданное судебными уставами императора Александра II, подняло руку на одинъ изъ важнѣйшихъ устоевъ произведенной тѣми же уставами реформы.

II.

Дѣло въ томъ, что сенатъ уже давно обнаруживалъ тенденцію растолковать законъ въ томъ смыслѣ, будто присяжные, признавая фактъ преступленія, могутъ оправдать подсудимаго лишь при наличности одной изъ поименованныхъ въ законѣ причинъ невмѣняемости. Но эту тенденцію сенатъ проводилъ безъ особаго упорства, безъ стремленія добиться во что бы то ни стало послушанія своему разъясненію и, наконецъ, безъ тѣхъ выводовъ, которые могли бы быть сдѣланы изъ принятаго имъ тенденціознаго положенія.

Благодаря такой корректности, а также благодаря тому, что въ судебномъ мірѣ еще держится сознаніе, что сенатское разъясненіе (помимо дѣла, по которому оно состоялось) не есть законъ, нисколько не является удивительнымъ, что почти по сей день сенатское разъясненіе покоилось мирно, присяжные въ десяткахъ тысячъ случаевъ при наличности формальной вины выносили вердиктъ: „нѣтъ, невиновенъ“, защитники же свободно ходатайствовали объ оправданіи защищаемыхъ ими подсудимыхъ и внѣ поименованныхъ въ законѣ случаевъ невмѣняемости, не смотря на сознаніе подсудимаго и иныя улики.

Что же касается предсѣдательствующихъ, то они въ большинствѣ случаевъ соблюдали объективность и не старались, опираясь на тенденцію, преподанную сенатомъ, оказать давленіе на присяжныхъ или на защиту; тамъ же, гдѣ обнаруживалось обратное отношеніе, и результатъ обычно былъ прямо противоположенъ желаемому: оправдательный вердиктъ не только выносился, но и выносился съ чрезвычайной быстротой.

Такъ дѣло шло до послѣдняго времени. Въ первой же половинѣ 1903 года состоялось новое разъясненіе сената; при

обстоятельствахъ, на которыхъ мы останавливаться не будемъ, ибо они уже нѣсколько разъ опубликованы въ спеціальныхъ юридическихъ журналахъ, сенатъ, въ лицѣ отдѣленія уголовнаго кассаціоннаго департамента, ссылаясь на „прямой смыслъ" закона и на свои рѣшенія по дѣламъ Мельницкихъ, Свиридова и Линевича, подтвердилъ вышеуказанную нами тенденцію, но при этомъ высказалъ положенія, поражающія своей категоричностью, и предпринялъ рядъ не менѣе рѣшительныхъ мѣръ: 1) сенатъ заявилъ, что *присяжные не имѣютъ права оправдывать сознавшихся обвиняемыхъ*, разъ не было возбуждено сомнѣній относительно вмѣняемости обвиняемаго и не оспаривался фактъ совершенія преступленія именно имъ, ибо *такое право противорѣчитъ прямому смыслу закона;* 2) сенатъ разъяснилъ предсѣдателямъ, что они *обязаны всякій разъ напоминать присяжнымъ*, что, придя къ убѣжденію о существованіи субъективныхъ, изложенныхъ въ вопросѣ, признаковъ виновности подсудимаго, *они*, во исполненіе возложенныхъ на нихъ закономъ обязанностей, *не имѣютъ права отвѣчать* на этотъ вопросъ *отрицательно*, и 3) защитникъ, утверждавшій, что при указанныхъ условіяхъ присяжные имѣютъ право оправдать подсудимаго, преданъ дисциплинарной отвѣтственности, и дѣйствія его признаны вредными для правосудія и, въ явное нарушеніе 745 ст. уст. угол. суд., выказывающими неуваженіе къ закону.

Таковы факты и таково рѣшеніе, которое будетъ богато всевозможными послѣдствіями и оставитъ долгій и замѣтный слѣдъ въ судебныхъ лѣтописяхъ. Но гдѣ истина? Справедливъ ли и законенъ ли происходящій на нашихъ глазахъ экспериментъ надъ русскимъ правосудіемъ?

Не колебаясь, мы отвѣчаемъ на поставленные вопросы полнымъ и твердымъ отрицаніемъ. Гдѣ опора въ законѣ для сенатскаго разъясненія? Сенатъ глухо говоритъ о противорѣчіи прямому смыслу закона. Поищемъ этотъ законъ.

1) Если рѣчь идетъ о текстѣ присяги („не оправдывать виновнаго"), то вѣдь здѣсь не сказано не оправдывать сознавшагося, или не оправдывать уличеннаго; слѣдовательно, каждый присяжный присягаетъ лишь въ томъ, что онъ по

какимъ либо внѣ правосудія стоящимъ мотивамъ не подастъ голоса за оправданіе подсудимаго, котораго *онъ самъ признаетъ виновнымъ по внутреннему убѣжденію и совѣсти*; съ формальнымъ понятіемъ виновности здѣсь нѣтъ ничего общаго.

2) Если подразумѣвать ст. 92 ул. и признавать, что она исчерпываетъ всѣ случаи невмѣненія на судѣ, то нужно доказать безусловную правильность такого взгляда и его обязательность для присяжныхъ при разсмотрѣніи вопроса о виновности. Ни то, ни другое до сихъ поръ не доказано. Не говоря уже о самомъ сенатѣ, который иногда признавалъ возможность расширительнаго толкованія упомянутой статьи, расширительное ея примѣненіе необходимо и оно проникло давно въ судебную практику, вопреки буквѣ самой статьи, ибо иначе суду пришлось бы, игнорируя успѣхи психіатріи и психопатологіи, наказывать лицъ душевно-больныхъ и лицъ, дѣйствовавшихъ безсознательно, но не подходящихъ подъ терминологію цитируемой статьи. Не даромъ представители доктрины, во главѣ съ нынѣшнимъ министромъ юстиціи Н. В. Муравьевымъ, прямо утверждаютъ, что „ограниченіе оправданія при невмѣненіи однѣми законными причинами его совершенно не основательно“.

3) Обратимся къ 1 ч. ст. 771 у. у. с.; здѣсь сказано, что судъ объявляетъ подсудимаго оправданнымъ, когда дѣяніе, въ коемъ онъ былъ обвиняемъ, признается недоказаннымъ, не подлежащимъ вмѣненію по законнымъ причинамъ или не воспрещеннымъ закономъ подъ страхомъ наказанія. Буквальное и ограничительное толкованіе этой статьи привело бы къ абсурду: она, напримѣръ, не упоминаетъ о случаѣ, когда дѣяніе, безусловно воспрещенное, признается доказаннымъ, а вполнѣ вмѣняемый подсудимый объявляется невиновнымъ по недостатку уликъ. Понятно поэтому, что эту статью всегда толковали расширительно, и что коронный судъ, даже находя, что оправданъ изобличенный, и что въ дѣлѣ нѣтъ законныхъ причинъ невмѣненія, тѣмъ не менѣе всегда выносилъ, примѣняя 1 ч. 771 ст., оправдательный приговоръ.

Характерно, что при всей смѣлости своихъ новыхъ разъясненій, сенатъ все же не дошелъ до конца, такъ что въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные, игнорируя предсѣдательское разъясненіе, и впредь будутъ выносить „беззаконные“ оправдательные вердикты, коронный судъ попрежнему долженъ будетъ объявлять „виновныхъ“ оправданными по суду и отпускать на свободу. Здѣсь предписанія закона настолько категоричны, что никакія поползновенія растолковать ихъ въ предвзятомъ направленіи не могутъ имѣть мѣста.

4) Запрещеніе суду присяжныхъ оправдывать сознавшихся и вообще формально виновныхъ нельзя основывать и на той общей формулѣ, что судъ присяжныхъ есть судъ подзаконный. Можно думать, что судъ присяжныхъ остается подзаконнымъ и въ томъ случаѣ, когда онъ оправдываетъ формально виновныхъ; для этого должно лишь признать, что *законъ даетъ суду присяжныхъ право выносить такіе оправдательные вердикты.*

Такое признаніе необходимо. Было время, когда теорія и законодательство стремились раздѣлить подлежащіе рѣшенію на судѣ вопросы на вопросы факта и права, и первые предоставить рѣшенію присяжныхъ, а вторые—коронныхъ судей. Но теорія давно уже отъ этого раздѣленія отказалась, а на практикѣ оно оказалось прямо таки невозможнымъ. Какъ справедливо замѣтилъ Бобрищевъ-Пушкинъ въ уже цитированной нами книгѣ, „содержаніе слова *виновенъ* въ вердиктѣ присяжныхъ засѣдателей обнимаетъ такое неисчислимое количество признаковъ дѣянія, особенностей въ личности подсудимаго, оттѣнковъ проявленія его воли, утилитарныхъ и этическихъ соображеній, какое не можетъ быть охвачено ни закономъ, приличнымъ дѣлу, ни самымъ полнымъ юридическимъ поученіемъ презуса“ (стр. 38—39).

Основываясь на этихъ соображеніяхъ, всѣ законодательства континентальнаго типа предоставили присяжнымъ рѣшеніе вопроса о виновности *въ полномъ его объемѣ*; они дозволили присяжнымъ *по всестороннемъ* обсужденіи этого вопроса постановлять *безъ мотивировки* свой приговоръ, основанный не на какихъ либо формальныхъ понятіяхъ и предустановлен-

ныхъ презумпціяхъ, а исключительно на внутреннемъ убѣжденіи, основанномъ на свободной оцѣнкѣ по совѣсти всѣхъ обстоятельствъ дѣла. И у насъ по 811 ст. у. у. с. *присяжнымъ*, разъ не выдѣлены отдѣльные вопросы, *ставится совокупный вопросъ о виновности, на который законъ безъ всякихъ ограниченій предоставляетъ имъ право отвѣтить да или нѣтъ.*

Если-бы критикуемое нами разъясненіе Сената было правильнымъ, то по отношенію къ сознавшимся и вообще къ формально изобличеннымъ подсудимымъ суду присяжныхъ вовсе не долженъ былъ бы предлагаться вопросъ о виновности. Для чего нужна была бы эта комедія съ постановкой даннаго вопроса, разъ мы считали бы, что онъ предрѣшенъ, и что присяжные не смѣютъ дать другого отвѣта, кромѣ положительнаго? Разъ законъ прямо требуетъ постановки этого вопроса *во всякомъ случаѣ*, то отсюда ясно вытекаетъ возможность и законность не только положительнаго, *но и отрицательнаго отвѣта*, а это обстоятельство въ корень подрываетъ новую практику Сената и указываетъ на отсутствіе твердой законной почвы у его послѣднихъ разъясненій.

Все изложенное приводитъ насъ къ убѣжденію, что *присяжные засѣдатели, оправдывая сознавшагося или вообще съ формальной точки зрѣнія виновнаго подсудимаго, не совершаютъ никакой узурпаціи и не выходятъ за предѣлы правъ, предоставленныхъ имъ самимъ же законодателемъ.*

Да это и понятно. Если бы было иначе, если бы законодатель не признавалъ указаннаго права и считалъ описанные оправдательные приговоры беззаконіемъ, то что же помѣшало бы ему прекратить такое беззаконіе путемъ новаго закона? Какъ мы видѣли, въ самыхъ различныхъ проектахъ „сокращенія“ суда присяжныхъ и у насъ и въ Европѣ недостатка не было, а между тѣмъ повсемѣстно дѣйствуетъ судъ присяжныхъ, который, по справедливому замѣчанію проф. Фойницкаго, сдѣлался „естественнымъ судьей по всѣмъ важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ для человѣка европейской культуры“, повсемѣстно этотъ судъ выноситъ тысячи якобы „беззаконныхъ“ вердик-

товъ,—и законодатель безмолвствуетъ. Неужели законодатели молчали бы десятки лѣтъ и терпѣли бы систематическое попраніе закона, имѣя полную возможность издать новый законъ и этимъ положить конецъ невозможному положенію дѣлъ? Ясно, что они молчали потому, что не видѣли передъ собой никакого нарушенія закона, т. е. признавали, что присяжнымъ по закону и по самому духу ихъ института принадлежитъ право свободно понимать понятіе „виновенъ" и класть это пониманіе въ основу оправдательныхъ приговоровъ.

Въ особенности важно отмѣтить, что это право у насъ признавалось и въ коммисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. Чтобы устранить это право, предлагалось предоставить коронному суду, въ случаѣ сознанія подсудимаго, непосредственно приступать къ разрѣшенію дѣла, увольняя присяжныхъ засѣдателей отъ участія въ таковомъ, *если сознаніе безспорно принято сторонами*. Но и въ этой редакціи большинствомъ голосовъ предложеніе было отвергнуто, т. е. прежнее право присяжныхъ сохранилось безъ измѣненія.

Далѣе, особенно любопытнымъ является то обстоятельство, что, если теперь въ роли сократителя правъ суда присяжныхъ мы видимъ уголовный кассаціонный департаментъ Сената, то напротивъ горячаго защитника оспариваемыхъ правъ присяжныхъ мы имѣемъ въ недавнемъ прошломъ въ лицѣ. . . . уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената! Какъ выше было указано, въ 1893 г. министръ юстиціи Манасеинъ во всеподданнѣйшей запискѣ предложилъ между прочимъ предоставить Сенату право передавать уголовныя дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ въ случаѣ единогласнаго признанія коронным судомъ, что присяжными оправдано лицо, несомнѣнно виновное въ приписываемомъ ему преступномъ дѣяніи. Между прочимъ былъ запрошенъ по этому поводу уголовный кассаціонный департаментъ, который рѣзко возразилъ противъ предложенной мѣры, обсудивъ ее въ распорядительныхъ засѣданіяхъ $189^3/_4$ года ноября 29—января 17. Изъ аргументаціи его, опубликованной въ матерьялахъ по пересмотру судебной части, для насъ важно отмѣтить слѣдующее.

Сенатъ призналъ *одной изъ важнѣйшихъ гарантій обви-*

няемаго то обстоятельство, что присяжные призваны закономъ окончательно высказаться о винѣ или невинности подсудимаго на основаніи внутренняго убѣжденія, сложившагося путемъ постепенной работы ума и совѣсти. Сенатъ высказалъ, что, установляя судъ присяжныхъ на ряду съ коллегіей коронныхъ судей, законъ возлагаетъ на первыхъ разрѣшеніе не только вопроса о совершеніи преступленія обвиняемымъ, но и вопроса о его виновности. Наконецъ, Сенатъ выяснилъ, что *для коллегіи коронныхъ судей существуютъ данныя, предустанавливающія виновность подсудимаго*, и въ числѣ ихъ главнымъ образомъ *сознаніе подсудимаго*, не опровергаемое обстоятельствами дѣла, тогда какъ *для присяжныхъ, дѣйствующихъ по внутреннему убѣжденію совѣсти, слова „совершилъ“ и „виновенъ“ вовсе не являются синонимами* и можно съ достовѣрностью утверждать, что многіе изъ сознавшихся и дѣйствительно совершившихъ преступленіе оправдываются по соображеніямъ, относящимся до ихъ личности, свойствъ и послѣдствій дѣянія, условій его совершенія и т. д.

Итакъ то, что теперь признается „беззаконными“ оправданіями, самъ же сенатъ, какъ видимъ, признавалъ нормальнымъ и законнымъ явленіемъ, вполнѣ свойственнымъ организаціи и духу суда присяжныхъ. Перемѣна значительная, малопонятная и во всякомъ случаѣ удивительная!

III.

Признавая неправильной новую сенатскую практику, мы eo ipso отвергнемъ и сдѣланные на ея основаніи практическіе выводы, т. е. мѣры, принятыя сенатомъ по отношенію къ предсѣдателямъ съ одной стороны и защитникамъ— съ другой. Раньше, чѣмъ подробно разобрать эти мѣры, мы должны остановиться еще на одной сторонѣ вопроса.

Допустимъ на минуту, что сенатъ имѣлъ нѣкоторыя основанія для своего взгляда. Вѣдь ненормальный съ его точки зрѣнія порядокъ существуетъ вездѣ, гдѣ только введенъ судъ

присяжныхъ (континентальнаго образца) и не вызываетъ ни экстренныхъ мѣръ, ни ограничительныхъ толкованій; и у насъ въ теченіе почти сорока лѣтъ онъ мирно существовалъ, свидѣтельствуя этимъ самымъ сорокалѣтіемъ, что правосудію отъ существующаго порядка не грозило и не грозитъ опасности. Зачѣмъ же понадобилось *именно теперь* сдѣлать рѣшительные шаги, не имѣющіе безспорной опоры въ законѣ, въ корень подрывающіе самую суть присяжнаго суда и основныя права защиты? Своевременно-ли, цѣлесообразно-ли было такое новое и нигдѣ неслыханное разъясненіе правъ присяжныхъ, заключающее въ себѣ отказъ отъ ранѣе высказаннаго, прекрасно и подробно мотивированнаго мнѣнія?

И здѣсь нельзя дать другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго.

Даже тѣ теоретики, которые отвергаютъ право присяжныхъ исправлять законъ и оправдывать лицъ формально виновныхъ, указываютъ при этомъ, что вооружаться противъ этого права слѣдуетъ лишь при наличности цѣлаго ряда условій, ибо иначе получится зло горшее и большее. Напримѣръ, профессоръ Фойницкій непремѣннымъ условіемъ строго-подзаконной дѣятельности суда присяжныхъ признаетъ то, чтобы законы были доступны пониманію населенія и согласны съ моральными воззрѣніями общества. Разъ же, какъ это имѣетъ мѣсто у насъ, законы весьма погрѣшаютъ въ этомъ отношеніи, а сверхъ того мѣста заключенія часто служатъ въ дѣйствительности школою порока и преступленія, то присяжные, „эти люди жизни“, оправдывая вопреки очевидности, чтобы сохранить подсудимаго для общества, „предпочитаютъ зло меньшее злу, болѣе настоятельному и тяжкому“ (Фойницкій: „Курсъ уголовнаго процесса“ стр. 461).

Не забудемъ, что новое уголовное уложеніе все еще не введено, что нашъ дѣйствующій уголовный кодексъ единогласно признается плохимъ и страшно устарѣлымъ, что судебные уставы все еще перерабатываются. При такихъ условіяхъ, переживая переходный періодъ въ полномъ смыслѣ этого слова и имѣя полную возможность дождаться въ бли-

жайшемъ будущемъ разъясненія спорныхъ вопросовъ и разрѣшенія назрѣвшихъ неудобствъ (если бы таковыя при современной организаціи суда присяжныхъ были) *путемъ законодательнымъ*, выступать съ новыми толкованіями да еще и стремиться къ приданію имъ силы настоящаго закона,— это пріемъ, который едва ли заслуживаетъ одобренія.

Но путь, по которому пошелъ сенатъ, заключаетъ въ себѣ много другихъ опасныхъ сторонъ. Являя собою возвратъ къ теоріи формальныхъ доказательствъ, благодаря преувеличенной роли, приписанной „собственному признанію", новая сенатская практика ниспровергаетъ по пути нѣсколько незыблемыхъ основъ процесса. Разъ присяжные не имѣютъ права оправдать сознавшагося или изобличеннаго подсудимаго, то значитъ еще до ихъ вердикта кто-то рѣшилъ судьбу этого подсудимаго. Кто же? Очевидно не слѣдователь, ибо весь матерьялъ предварительнаго слѣдствія можетъ на судѣ быть не только провѣряемъ, но и оспариваемъ; очевидно также, что и не коронный судъ, ибо его слово имѣетъ мѣсто уже послѣ вердикта присяжныхъ; не могли рѣшить вопросъ ни эксперты, ни свидѣтели, ни прокуроръ, ни защитникъ, ибо всѣ эти лица не судьи. Не могъ бы, казалось, рѣшить этотъ вопросъ и подсудимый, а между тѣмъ, такъ какъ по мнѣнію Сената предосужденіе уже состоялось, а другой, кромѣ подсудимаго, участвующей въ процессѣ фигуры мы не видимъ (ибо перебрали всѣхъ остальныхъ), то приходится признать этого подсудимаго авторомъ его же осужденія, благо онъ имѣлъ неосторожность признать свою вину. Мы блистательно такимъ образомъ возвращаемся въ средніе вѣка съ ихъ взглядомъ на подсудимаго, какъ на виновнаго, и отказываемся отъ добытаго тяжкой борьбой лучшаго лозунга процесса новаго времени, въ силу котораго, доколѣ не послѣдовало компетентнаго приговора, каждый обвиняемый почитается невиннымъ.

Далѣе, не имѣя возможности непосредственно предписать что либо присяжнымъ и заставить ихъ слѣдовать своему (какъ мы убѣдились, несостоятельному) разъясненію, Сенатъ избралъ путь прямого давленія на предсѣдательствующихъ и

защиту. Вѣдь теперь ни одинъ предсѣдатель не гарантированъ отъ дисциплинарныхъ мѣръ, разъ онъ не пожелаетъ подчиняться „новому курсу"; немудрено, что число и рвеніе „послушныхъ" предсѣдательствующихъ будетъ возрастать съ каждымъ днемъ; вѣдь сенату такъ легко проконтролировать, исполняется ли его предписаніе: присяжные оправдали сознавшагося, а предсѣдатель не разъяснилъ имъ, что они не имѣютъ права это дѣлать. Какой прекрасный и какой новый поводъ для прокурорскаго кассаціоннаго протеста, какая опасность для бѣднаго непослушнаго предсѣдателя!

Но и послушаніе будетъ имѣть свои тяжелыя стороны. Представимъ себѣ составъ присяжныхъ стойкій, убѣжденный и хоть немного знакомый съ тѣми правами, которыя признавались за присяжными до наступленія „новой эры". Разъяснилъ предсѣдатель, что нельзя оправдывать сознавшагося, а они черезъ минуту вышли съ оправдательнымъ вердиктомъ, и тотъ же предсѣдатель провозглашаетъ рѣшеніе суда, оправдывающее подсудимаго на основаніи 1 ч. 771 ст. уст. угол. суд. Каково его положеніе, каковъ будетъ его авторитетъ при предсѣдательствованіи по дальнѣйшимъ дѣламъ той же сессіи, какъ посмотрятъ присяжные на преподанное имъ разъясненіе, видя, что коронный судъ обязанъ подчиниться ихъ „незаконному вердикту"?

Но представимъ себѣ также еще тотъ случай, когда предсѣдатель въ душѣ убѣжденъ въ неправильности сенатскаго разъясненія. Что сказать о послушаніи его при такой комбинаціи? Отвѣтъ, кажется, ясенъ.

Переходимъ къ защитникамъ. До сихъ поръ защитники имѣли право выяснять на судѣ всѣ обстоятельства, которыя могли бы имѣть въ глазахъ присяжныхъ значеніе для оправданія подсудимаго или для смягченія его участи. Теперь имъ не только воспрещено говорить о правѣ присяжныхъ оправдать сознавшагося подсудимаго, но даже признано, что такія слова есть беззаконіе, требующее репрессіи въ дисциплинарномъ порядкѣ. Что до того, что при наличности вѣскихъ соображеній, величайшіе и безупречнѣйшіе представители европейской адвокатуры 19 вѣка считали профессіональнымъ

долгомъ и долгомъ совѣсти просить объ оправданіи сознавшихся? Объ этомъ нужно основательно забыть. Fiat justitia и горе побѣжденнымъ, т. е., виноватъ, не побѣжденнымъ, а учившимся профессіональной этикѣ, не заглядывая въ сенатскія разъясненія.

За что же грозитъ защитнику репрессія? „За нарушеніе закона", отвѣчаетъ сенатъ и тутъ же прибавляетъ, что это нарушеніе состоитъ въ томъ, что защитникъ, *обязанный знать разъясненія сената* по дѣламъ Свиридова etc., *не повинуется* этимъ разъясненіямъ. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, откуда взялъ Сенатъ основанія для созданія новой юридической повинности для защитниковъ знать сенатскія разъясненія. Что въ интересахъ дѣла и по чувству любознательности желательно знакомство защиты съ кассаціонными рѣшеніями,— это несомнѣнно, но до обязанности, т. е. до принудительнаго и обязательнаго изученія этихъ рѣшеній, еще далеко; такая обязанность можетъ вытекать или изъ закона, или изъ статутовъ профессіи, но оба источника по данному вопросу хранятъ гробовое молчаніе.

Далѣе, является ли непослушаніе сенатскимъ разъясненіямъ дисциплинарнымъ проступкомъ? До сихъ поръ и среди людей науки, и среди судебныхъ практиковъ единогласно признавалось, что Сенатъ является по закону не законодателемъ, а истолкователемъ законовъ. Поэтому его рѣшеніе, внѣ предѣловъ того дѣла, по которому оно было постановлено, есть лишь *толкованіе* закона, т. е. хотя и авторитетное, но не обязательное мнѣніе. Своимъ послѣднимъ разъясненіемъ Сенатъ призналъ, что защитники, подъ страхомъ дисциплинарной отвѣтственности, должны раздѣлять его толкованіе закона, т. е. другими словами создалъ новый и нигдѣ еще неизвѣстный проступокъ защитниковъ: свободное, добросовѣстное и по убѣжденію, но несогласное со взглядами Сената, толкованіе уголовнаго закона. Немудрено, что не только совѣты присяжныхъ повѣренныхъ, а даже судебныя палаты, въ качествѣ второй и послѣдней инстанціи по дисциплинарнымъ дѣламъ адвокатуры, отказываются подчиниться такимъ „новымъ вѣяніямъ".

Нельзя, наконецъ, не указать, что эти вѣянія создали громадную почву для произвола. Нѣтъ никакихъ точныхъ признаковъ, за исключеніемъ личнаго усмотрѣнія предсѣдателя, по которымъ послѣдній объективно могъ бы рѣшить, выходитъ ли защитникъ за дозволенныя рамки, разъ защитникъ избѣгаетъ роковой формулы: „прошу объ оправданіи“. И вотъ прошло такъ мало времени съ момента появленія сенатскаго указа, и уже опубликованы случаи попытокъ остановить рѣчь защитника не потому, что онъ просилъ объ оправданіи, а потому, что его рѣчь, по мнѣнію предсѣдателя, *клонилась* къ такому оправданію. Кажется, дальше идти некуда!

IV.

Много терній испытало на пути своемъ молодое, созданное уставами 1864 года, русское правосудіе. Рядъ новеллъ измѣнилъ его характеръ; съ однѣхъ сторонъ его зданіе подкапывалось, съ другихъ—обезображивалось пристройками, абсолютно чуждыми первоначальнаго плана и стиля.

Сравнительно менѣе поколебленными до сихъ поръ оставались два устоя: свобода суда присяжныхъ и свобода защиты; на нихъ, насколько извѣстно изъ опубликованныхъ законодательныхъ проектовъ, не посягнули и при пересмотрѣ судебныхъ уставовъ.

Теперь эти устои поколеблены руками кассаціоннаго сената и притомъ, какъ мы убѣдились, поколеблены безъ всякой опоры въ законѣ. Укрѣпленіе намѣченнаго сенатомъ порядка грозитъ многими и весьма гибельными послѣдствіями.

Но сенатское разъясненіе, при всей его авторитетности, все же не есть законъ; пока еще не сказано рѣшающее слово законодателя, русское общество можетъ питать надежду, что русское правосудіе минуетъ уготованная ему горькая чаша, а русскіе юристы должны возвысить свой голосъ и дружно возразить противъ новыхъ экспериментовъ, ничего добраго не сулящихъ родинѣ и ея правосудію.

Работа наша уже, собственно говоря, закончена; но такъ

какъ вслѣдъ за сенатскими разъясненіями появился очень интересный циркуляръ г. министра юстиціи, то мы въ интересахъ полноты нашего очерка скажемъ нѣсколько словъ и объ этомъ циркулярѣ.

По словамъ этого циркуляра, у присяжныхъ не можетъ быть отнято принадлежащее каждому вѣрноподданному право ходатайства передъ Монархомъ о помилованіи или о смягченіи участи осужденныхъ; поэтому на коронный судъ возложена обязанность представлять такія ходатайства министру юстиціи для дальнѣйшаго направленія дѣла.

На первый взглядъ этотъ циркуляръ заслуживаетъ привѣтствія; онъ расширяетъ право присяжныхъ; онъ даетъ имъ выходъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они не считаютъ возможнымъ вынести оправдательный приговоръ и въ то же время считаютъ кару, грозящую подсудимому, слишкомъ тяжкой или совершенно по особенностямъ даннаго случая неподходящей; онъ, наконецъ, несомнѣнно, продиктованъ самыми симпатичными побужденіями.

Но.., есть и обратная сторона медали. Во-первыхъ, циркуляръ устанавливаетъ, какъ справедливо было уже отмѣчено въ печати В. Д. Набоковымъ, новый и совершенно несоотвѣтствующій закону путь обращенія „вѣрноподданныхъ" къ милосердію Монарха черезъ судъ и министра юстиціи, тогда какъ до сихъ поръ законъ зналъ лишь единственный путь черезъ канцелярію по принятію прошеній. Во-вторыхъ, мотивировка циркуляра едва ли правильна: если каждому вѣрноподданному разрѣшается обращаться съ ходатайствомъ къ Монарху о милости, то это лишь по дѣламъ, касающимся близко самого просителя или членовъ его семьи, или, наконецъ, лицъ, находящихся съ нимъ въ какой либо особой связи (духовнаго родства, воспитанія и т. п.).

Право же просить за совершенно постороннихъ едва ли можетъ быть конструировано, а такими посторонними, несомнѣнно, являются для присяжныхъ тѣ лица, которыхъ они судили, ибо законъ не допускаетъ никакой особой близости между судьей и подсудимымъ и предписываетъ въ такихъ случаяхъ отводъ.

Наконецъ, право такого ходатайства до сихъ поръ никогда не принадлежало присяжнымъ; оно было предоставлено лишь коронному суду и помѣщено въ раздѣлѣ судебныхъ уставовъ, посвященномъ *исключительно* этому суду; такъ, видимо, понимала дѣло и коммисія по пересмотру судебныхъ уставовъ, ибо въ ней въ 1896 году было поставлено и принято предложеніе предоставить *въ законодательномъ порядкѣ* присяжнымъ засѣдателямъ то именно право, которое теперь объявлено и безъ того имъ принадлежащимъ.

Все сказанное убѣждаетъ насъ, что разбираемый циркуляръ, при всей его благой тенденціи, также не имѣетъ опоры въ законѣ, какъ и новая сенатская практика, и вводитъ путемъ административнаго распоряженія то, что должно быть введено путемъ законодательнымъ.

Сверхъ того мы его находимъ несвоевременнымъ: онъ можетъ дать нѣкоторую опору той сенатской практикѣ, съ ошибочностью и вредными послѣдствіями которой мы уже ознакомились. Теперь къ разъясненію присяжныхъ, что они не имѣютъ права оправдывать сознавшихся и изобличенныхъ подсудимыхъ, будетъ прибавляемо указаніе предсѣдателя, что за то они имѣютъ право ходатайства о помилованіи подсудимаго или смягченіи его участи. Циркуляръ, такимъ образомъ, даетъ неопирающійся на законѣ выходъ изъ того тяжелаго положенія, которое создано новой сенатской практикой; онъ, слѣдовательно, будетъ содѣйствовать ея укрѣпленію, столь нежелательному, на нашъ взглядъ, для интересовъ русскаго правосудія.

Проф. **М. П. Чубинскій.**

КОДИФИКАЦІЯ И ТОЛКОВАНІЕ.

(Историческая параллель).

I.

XIX вѣкъ начался въ Германіи горячею проповѣдью Савиньи, направленною противъ идеи кодификаціи, и проповѣдь эта нашла себѣ отзвукъ во всемъ мыслящемъ обществѣ; а закончился XIX вѣкъ изданіемъ кодекса объединенной Германской Имперіи.

Значитъ ли это, что все, о чемъ думалъ Савиньи, чѣмъ онъ смущался, отъ чего предостерегалъ, оказалось фантазіею, что мы „призваны кодифицировать“? и Наполеоновъ кодексъ, противъ котораго Савиньи направлялъ самыя ядовитыя свои стрѣлы, явился не тормазомъ, а двигателемъ юридической мысли?—до того, что увлеченные побѣднымъ его шествіемъ соотечественники Савиньи—тѣ самые, которые такъ долго и свято чтили завѣты учителя—отступили отъ него и увѣровали въ чужихъ боговъ?

Или же Савиньи былъ правъ, и только мы измѣнились,—мы успѣли разъяснить то, что его тревожило, мы добыли то, что ему было неизвѣстно,—словомъ мы *стали* способны кодифицировать?

Брошюру Савиньи постигла странная участь. Какъ боевой памфлетъ, она направлялась противъ опредѣленнаго практическаго предложенія. Савиньи находилъ, что право, завѣщанное

намъ Римомъ и средними вѣками, находится въ слишкомъ безпорядочномъ состояніи, чтобы можно было его кодифицировать; притомъ — что̀ еще важнѣе — онъ находилъ, что всякій кодексъ по существу своему способствуетъ окаменѣнію юридическихъ нормъ и задерживаетъ дальнѣйшее ихъ развитіе. Противъ перваго изъ этихъ недостатковъ средство было довольно простое. Необходимо выждать; всякая поспѣшность здѣсь можетъ быть гибельна: она можетъ привести только къ тому, что странѣ будетъ дано нѣчто плоское, натасканное. „Когда еврейскій народъ у горы Синая не пожелалъ дожидаться божественнаго закона, онъ въ нетерпѣніи создалъ себѣ золотого тельца, и изъ-за этого были разбиты истинныя скрижали завѣта"... Надо, слѣдовательно, изучать исторію, надо упорядочивать наслѣдіе прошлыхъ вѣковъ.

Второй недостатокъ, какъ мы увидимъ ниже, лежалъ гораздо глубже, — противъ него въ сущности у Савиньи средствъ не оказалось.

Но еще въ преддверіи обоихъ этихъ вопросовъ Савиньи натолкнулся на разсужденіи представителей школы естественнаго права о томъ, что кодификація возможна, ибо право, рождаясь разомъ въ головѣ законодателя, разомъ же и въ любой моментъ можетъ быть зарегистрировано. Сметая эту теорію съ своего пути, Савиньи доказывалъ, что право наравнѣ съ прочими проявленіями народнаго духа — съ религіею, съ языкомъ — растетъ и зрѣетъ постепенно. Но Савиньи нисколько не скрывалъ отъ себя, что *этимъ* вопросъ о кодификаціи не разрѣшается, ибо кодифицировать можно вѣдь и постепенно созрѣвшее, исторически сложившееся право. Только о такой кодификаціи въ сущности и шла рѣчь, только противъ такой кодификаціи и борется затѣмъ Савиньи на всемъ протяженіи своей книжки. Однако семь маленькихъ страничекъ, посвященныхъ вопросу о происхожденіи права, заключали въ себѣ магическую силу; онѣ отвѣтили требованіямъ эпохи, въ нихъ выразилось то, что просилось наружу, они стали лозунгомъ въ борьбѣ со школою естественнаго права; книжка Савиньи именно благодаря имъ была объяв-

лена евангеліемъ исторической школы, а самъ Савиньи пророкомъ новой истины. Блескъ этой истины затмилъ все остальное содержаніе брошюры. Забыта была и сдана въ архивъ практическая задача, подвинувшая Савиньи на борьбу, забытъ былъ въ особенности тотъ второй, затронутый, но не сполна разрѣшенный, Савиньи вопросъ объ окаменѣлости кодифицированнаго законодательства и средствахъ устранить ее.

И даже самое увлеченіе историческими изслѣдованіями, охватившее всю германскую юриспруденцію и владѣвшее ею въ теченіе всего девятнадцатаго вѣка, не было вовсе связано съ сомнѣніями Савиньи относительно способности его эпохи къ исполненію кодификаторской работы. Это было увлеченіе чисто идейное, отдающее романтизмомъ породившей его эпохи, направленное на самый процессъ назрѣванія права, это было окрашенное нѣкоторою сенситивностью стремленіе подслушать самый ростъ права,—удовлетвореніе рвавшагося наружу ирраціональнаго элемента, но это не было подготовленіемъ будущей кодификаціи. Въ теченіе вѣка юридическая мысль совершала чудеса въ области историческаго творчества: разрыты были архивы, усовершенствованы методы, систематизированы вновь собранные факты. Но о кодексѣ никто не думалъ. И когда затѣмъ въ 70-хъ годахъ, послѣ побѣдоносныхъ войнъ и объединенія Германіи, подогрѣтое національное чувство искало опоры для единства, между прочимъ, и въ единомъ національномъ кодексѣ, то никому въ голову не приходило провѣрять сомнѣнія Савиньи; никто не спрашивалъ себя: а можно ли уже подводить итоги, раскрыто ли все, что̀ было сокровенно,—упорядочено ли римско-германское наслѣдіе? Рудольфъ Зомъ, самъ историкъ права, какъ нельзя лучше формулировалъ настроеніе момента въ слѣдующихъ словахъ: „Дѣло кодификаціи должно было совершено. Мы должны кодифицировать во имя германскаго единства. Долгъ дастъ намъ и силы“ [1]).

Гдѣ же при такихъ условіяхъ было думать о другомъ, волновавшемъ Савиньи, сомнѣніи,—о сомнѣніи, направлен-

---

[1]) Rudolph S o h m. Über den Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuches. Berlin. 1896. S. 3.

номъ противъ кодификацiи вообще;—гдѣ было думать о созданiи гарантiй противъ омертвѣнiя права, отлитаго въ форму кодекса?

II.

Эту проблему игнорировали въ теченiе всего XIX вѣка. И теперь, опьяненные первыми успѣхами кодификацiоннаго творчества, германскiе ученые торжествуютъ побѣду надъ похороненными сомнѣнiями молодого Савиньи и даже слегка надъ ними посмѣиваются.

Однимъ изъ характерныхъ проявленiй такого отношенiя является юбилейный даръ, поднесенный германскому обществу выдающимся германскимъ пандектистомъ „по случаю первой годовщины рожденiя германскаго уложенiя". Въ полусерьезныхъ, полушутливыхъ „Письмахъ незнакомца" [1]) поется восторженная хвала новому уложенiю, и розовыя надежды на безконечное безоблачное существованiе подъ сѣнью новаго закона переплетаются съ горькими укоризнами и насмѣшками по адресу тревожныхъ чувствъ, волновавшихъ нѣкогда творца исторической школы.

„Я бы хотѣлъ выразить восторгъ (Jubel) по поводу того, что мы наконецъ избавлены отъ римскаго права и отъ всего мусора старой юриспруденцiи. Я сдѣлалъ бы это и ранѣе, при введенiи уложенiя, но все мое время занято было весьма мучительными усилiями вышибить у себя изъ головы всѣ мои прежнiя, составляющiя для меня теперь только помѣху, юридическiя познанiя... Теперь всякiй, кто въ юные годы крѣпко внѣдритъ въ себя новое уложенiе, гарантированъ на время всей своей юридической карьеры. Онъ знаетъ наконецъ съ величайшею точностью и увѣренностью, *что̀ есть право*, не тревожимый всѣми тѣми сомнѣнiями, которыми мы, старики, заражены были (infiziert) съ молодости, и которыя, какъ болѣзнь, прилипли къ намъ навсегда" [2]).

---

[1]) Briefe eines Unbekannten über die Rechtswissenschaft. Eine Gabe zur ersten Geburtstagsfeier des neuen deutschen bürgerlichen Rechts. Leipzig. 1901. Авторъ „Писемъ", какъ выяснилось впослѣдствiи,—профессоръ Лейпцигскаго университета, Оскаръ ф. Бюловъ.

[2]) Стр. 1 и 9.

А если все же сомнѣніе явится? если кодексъ дастъ возможность рѣшить спорный вопросъ двояко, или если волна жизни вынесетъ нѣчто, не предусмотрѣнное кодексомъ, что̀ тогда? Оказывается, и тогда нѣтъ надобности прибѣгать къ познаніямъ, усвоеннымъ въ юности, и къ „инфицированнымъ“ старческимъ сомнѣніямъ. „Такъ какъ правосудіе имѣетъ цѣлью изслѣдовать волю законодателя возможно точно и полно, то мы были бы избавлены отъ всѣхъ затрудненій, *если бы было устроено постоянное центральное учрежденіе для истолкованія этой воли*“ (стр. 50). Это очень легко сдѣлать: „достаточно устроить такъ, чтобы коммисія, составлявшая уложеніе, была вновь созвана, существовала бы непрерывно и давала на вопросы судовъ краткіе (!) отвѣты о томъ, что̀ *они*, члены коммисіи, имѣли въ виду, чего *они* хотѣли“ (стр. 51).

Въ этомъ тонко задуманномъ сооруженіи непредусмотрительно опущены только нѣкоторыя детали. Какъ быть, если окажется, что члены коммисіи, сверхъ того, что̀ сказали, ничего больше не думали, ничего больше не желали? Какъ быть, если и думали, но запамятовали? Какъ быть, если коммисія во всемъ составѣ или въ части сойдетъ въ могилу?—что дѣлать бѣдному кодексу безъ коммисіи?

Да, не даромъ призывается здѣсь на помощь авторитетъ Фридриха Великаго: всѣ просвѣщенные и непросвѣщенные абсолютисты всегда вѣрили въ то, что такъ называемый законодатель знаетъ все—нужно только спросить его. Наполеонъ I, узнавъ, что появился первый комментарій къ кодексу, воскликнулъ: „Они погубили мой кодексъ“.

III.

XIX вѣкъ во Франціи начался изданіемъ Наполеонова кодекса. И онъ, подобно германскому, также удовлетворялъ прежде всего стремленію къ единству: „Le but principal auquel nous devons aspirer c'est l'unité“ [1]). Онъ сплачивалъ во едино двѣ полосы

[1]) Рѣчь Камбасареса въ конвентѣ 9 августа 1793 г. Fenet. Recueil complet des travaux préparatoires du Code Civil, t. I, стр. 3.

Франціи, жившія до того подъ дѣйствіемъ различныхъ правъ; онъ же уничтожалъ и разнообразіе въ правахъ лицъ и сословій, подводя ихъ подъ общій нивелиръ гражданскихъ правъ. И онъ также представлялся творцамъ своимъ вѣнцомъ міозданія,—святынею, къ которой нельзя прикасаться: „C'est une espèce d'arche sainte pour la quelle nons donnerons l'exemple d'un *respect réligieux*" [1]).

Закругленность системы, замыкающей въ ясно очерченные предѣлы *все* право, логическая стройность, дозволяющая съ изяществомъ переходить отъ опредѣленія къ опредѣленію, отъ вывода къ выводу, словесная упрощенность, срѣзывающая незамѣтно для глазъ углы наиболѣе трудныхъ построеній—таковы были отличительныя особенности законодательнаго акта, наскоро составленнаго и наскоро одобреннаго краткими вотумами законодательныхъ инстанцій. Эти особенности пришлись по душѣ французамъ,—онѣ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали природнымъ ихъ наклонностямъ. „Французъ воспринимаетъ ясно и отчетливо, онъ неспособенъ уходить вглубь,—онъ не знаетъ смутныхъ предчувствій. Онъ воспринимаетъ одну идею, но ее онъ воспринимаетъ ясно и отчетливо. Совокупность идей онъ воспринимаетъ, только расположивши ихъ въ извѣстномъ порядкѣ". Такъ характеризуетъ свойства французскаго ума Ипполитъ Тэнъ.

Съ этими свойствами ума французы набросились на объектъ столь благодарный, какъ Наполеоновъ кодексъ. Работа мысли цѣлаго вѣка ушла на его истолкованіе. Комментаторская литература Франціи достигла невиданныхъ доселѣ размѣровъ. Колоссальные, 30—40 томные труды комментаторовъ приводятъ въ изумленіе всякаго, кто къ нимъ прикоснулся: нуженъ былъ дѣйствительно религіозный піэтетъ, чтобы столько силъ ума, столько жизней вложить въ освѣщеніе самыхъ незамѣтныхъ закоулковъ, въ испытаніе всѣхъ возможныхъ комбинацій понятій, опредѣленій, дѣленій и подраздѣленій. Казалось, вся область человѣческихъ отношеній исчерпана, на всѣ будущіе

---

[1]) Motifs du projet de loi concernant le Code Napolion (Code Napoleon, изд. 1807, стр. III).

случаи даны отвѣты, вся воля законодателя выяснена, сомнѣніямъ не можетъ болѣе быть мѣста. И однако, когда этотъ египетскій трудъ четырехъ смѣнившихъ другъ друга поколѣній исполненъ, являются недовольные люди и оглашаютъ воздухъ жалобами на вымираніе юридической жизни, на безсиліе ея вырваться изъ тисковъ кодекса. Эти люди— талантливые представители молодой Франціи, рѣшившіе порвать съ традиціонной системой преклоненія передъ „священнымъ кивотомъ" и выставить публично на видъ всѣ язвы кодифицированнаго законодательства.

Въ 1890 году появилась журнальная статья профессора Парижскаго юридическаго факультета Раймона Салейля подъ заглавіемъ: „Quelques mots sur le rôle de la methode historique dans l'enseignement du droit" [1]). Въ 1899 году вышла въ свѣтъ и скоро обратила на себя вниманіе всего ученаго міра книга профессора Дижонскаго университета François Geny: „О методѣ толкованія", съ введеніемъ того же Салейля. И въ статьѣ, и въ книгѣ, и во введеніи проводится одна и та же мысль:

„Правовая жизнь для нашей французской цивилизаціи достигла своего кульминаціоннаго пункта въ Кодификаціи, почти всеобщей,—въ огромномъ законодательствѣ, высѣченномъ почти изъ одного куска.

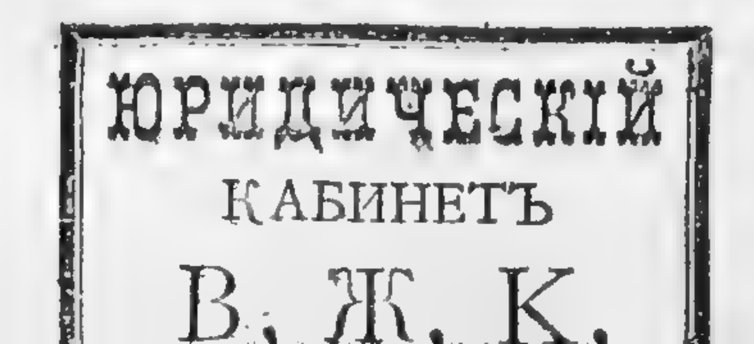
„Но сумѣла ли наша наука открыть и использовать пути и средства, наиболѣе пригодныя для реализаціи нашей цѣли?.... Не преувеличили-ли мы роль и власть законодателя? Не покорялись ли мы слишкомъ часто генію разъѣдающей логики, забывая жизненныя реальности и ихъ требованія" [2])?

„Подавленные и какъ бы ослѣпленные результатами кодификаціи, современные французскіе комментаторы приняли, какъ постулатъ, идею о томъ, что формальное законодательство въ состояніи развернуть всѣ юридическія правила, необходимыя для удовлетворенія надобностей соціальной жизни

---

[1]) Revue internationale de l'enseignement, t. XIX. 1890. Paris. pp. 482—503.

[2]) Geny. Methode d'Interpretation, p. 6.

ЮРИДИЧЕСКІЙ
КАБИНЕТЪ
В. Ж. К.

въ области гражданскаго права.... *Sous ces procédés etroits et strictes vraiment la science juridique étouffait et s'etialait* [1]).

И это задыханіе юридической жизни во Франціи противопоставляется расцвѣту ея въ Германіи, – въ той самой Германіи, которая ликуетъ нынѣ отъ радости, что „сумѣла разомъ освободиться отъ мусора старой юриспруденціи".

„Германскіе романисты, говоритъ Салейль, продолжали въ этомъ столѣтіи дѣло римскихъ юристовъ, мнѣнія коихъ принимались за законъ. Такъ называемое нынѣшнее римское право (das heutige römische Recht) есть право, которое оставалось подъ непрерывнымъ вліяніемъ эволюціи юридической мысли въ ея самомъ высокомъ выраженіи... Во Франціи мы не можемъ разсчитывать ни на науку, ни на судебную практику, ибо Франція представляетъ одну изъ тѣхъ рѣдкихъ странъ, гдѣ право имѣетъ только одинъ путь для своего проявленія. *Берегитесь*! (*Qu'on y prenne garde!*) Право, какъ всякое произведеніе человѣческаго духа, питается свободою" [2])....

При чтеніи этихъ строкъ вамъ кажется въ началѣ, будто вся вина въ толкователяхъ, въ неумѣлыхъ пріемахъ, но вы видите, какъ шагъ за шагомъ перспектива раздвигается, и горечь изливается наконецъ на самый законъ, на идею кодификаціи, какъ тормозящую развитіе юридической мысли. И передъ глазами этихъ нарекающихъ рѣетъ римскій преторъ, какъ единственное годное орудіе для жизненнаго толкованія закона,—и постепенное назрѣваніе права внѣ законодательныхъ абстракцій кажется имъ единственнымъ нормальнымъ путемъ развитія. Римскіе пріемы оказываются „пріемами естественнаго образованія права въ противоположность искусственному орудію (instrument artificiel), которое завѣщало намъ въ видѣ закона доктринерское ученіе объ общественномъ договорѣ (Contrat Social); эти пріемы ищутъ элементовъ своего развитія не вверху, въ поднебесныхъ сферахъ абстрактной идеологіи, а внизу, въ реальныхъ условіяхъ жизни" (Pré-

---

[1]) Ibidem. Préface de R. Saleilles, p. V—VII.

[2]) Saleilles. Quelques mots, p. 490.

face, XI). Преторская юрисдикція была наиболѣе поразительнымъ орудіемъ „юридическаго творчества,—орудіемъ необычайно точнымъ, ибо это былъ путь опыта, постепенныхъ испытаній" (Quelques mots, p. 486).

Вы чувствуете, на какой путь ступили бы эти люди, если бы не было тачки у ихъ ногъ въ видѣ кодекса. Именно „тачки у ногъ". Ибо нигдѣ не видно, что̀ положительнаго даетъ имъ кодексъ: они передъ нимъ сухо расшаркиваются,—но у васъ есть ощущеніе, точно черезъ него желаютъ незамѣтно перепрыгнуть. и весь вопросъ только въ томъ, какъ это сдѣлать благовиднѣе—онъ все же „священный кивотъ". И потому, хотя говорятъ о методѣ „интерпретаціи" кодекса, даютъ въ сущности методъ деликатнаго выталкиванія закона и подстановки на его мѣсто чего-то иного.... И конечная цѣль всѣхъ этихъ пріемовъ—выйти за предѣлы кодекса. Au de là! Au de là du Code civil!—такъ восклицаетъ Geny, такъ заканчиваетъ свое введеніе Saleilles.

Au delà: въ этомъ согласны оба.

Они расходятся въ деталяхъ. Geny съ необычайной простотой предлагаетъ сдѣлать надстройку надъ кодексомъ: руководствуйтесь наукою, обычаемъ, но сверхъ кодекса. Кодексъ самъ по себѣ, а надстройка сама по себѣ. Saleilles же, болѣе тонкій, опасающійся разрыва между равноправными источниками юридическихъ нормъ, желалъ бы хоть внѣшнимъ образомъ подвести новые принципы подъ букву дѣйствующаго закона, спасти единство правоисточника и съ нимъ вмѣстѣ прочность гражданскаго оборота.

Но развѣ этимъ искусственнымъ пріемомъ можетъ быть спасена прочность? Развѣ подведеніе новыхъ явленій подъ случайно сходственныя слова можетъ въ комъ либо вселить увѣренность въ его правахъ? Что же остается тогда отъ главнаго достоинства кодифицированнаго законодательства, отъ несомнѣнности дѣйствующаго закона?

Но все это только деталь; не она ихъ интересуетъ.

Одинъ говоритъ: Par le Code, mais au delà du Code. Другой исправляетъ: Au delà du Code, mais par le Code. Но оба признаютъ, что существенно для нихъ не par, а

именно au delà; Салейль такъ и резюмируетъ основную мысль: „Ce à quoi nous tenons le plus c'est „à *l'Au delà*“ [1]).

А этимъ самымъ они доказываютъ, что не могутъ управиться съ кодексомъ—они живо ощущаютъ только недостатки кодификаціи, но не имѣютъ средствъ излѣчить ихъ.

Они возвращаются къ тому, что̀ волновало Савиньи, ищутъ опоры въ исторіи, въ обычномъ правѣ; понуривъ головы, они стоятъ передъ золотымъ тельцомъ и плачутъ о разбитыхъ скрижаляхъ завѣта....

Для нихъ самихъ ясно, что это не что иное, какъ отдаленный отзвукъ сомнѣній, волновавшихъ нѣкогда творца исторической школы:

„Je ne doute pas pour ma part qu'il n'y ait là qu'une conséquence assez lointaine peut-être dans la réalisation pratique de la campagne menée par les jurisconsultes de l'école de Savigny“ [2]).

IV.

Однако для Савиньи дѣло, какъ мы видѣли, не исчерпывалось исторіею, обычнымъ правомъ, и вообще всѣмъ тѣмъ, что ведетъ къ внѣшнему упорядоченію права. Вдумчиво вчитываясь въ маленькую книжку Савиньи, вы слышите въ ней скорбную ноту сомнѣнія, идущаго глубже, — только одну эту ноту вы въ ней и слышите.

Савиньи понималъ преимущества кодифицированнаго законодательства. Эти преимущества составляютъ для насъ нынѣ аксіому, не требующую дальнѣйшихъ доказательствъ. Если могла быть рѣчь объ опредѣленности нормъ и прочности гражданскаго оборота безъ кодифицированнаго законодательства въ небольшой городской общинѣ, при наличности одного судьи, сосредоточивающаго въ своихъ рукахъ все авторитетное толкованіе правовыхъ нормъ, при классѣ юристовъ, въ теченіе вѣковъ передающаго свои завѣты изъ поколѣнія въ поколѣніе—то при нынѣшнихъ условіяхъ, при демократизаціи обществен-

[1]) Geny. Methode d'Interprétation. Préface, p. XIII.

[2]) Quelques mots, p. 486.

ной жизни, при раскрѣпощеніи человѣческой личности и связанномъ съ этимъ разнообразіи ея дѣятельности, при расчлененіи судебныхъ функцій между огромной массою отдаленныхъ другъ отъ друга органовъ,—отсутствіе кодифицированнаго законодательства явилось бы злѣйшею общественною язвою. Но именно сознаніе важности кодификаціи и безсиліе, обнаруженное XIX вѣкомъ въ борьбѣ съ ея трудностями, заставляетъ съ особымъ вниманіемъ прислушаться къ тѣмъ нотамъ сомнѣнія, которыя прозвучали безъ отзвука въ юномъ трудѣ Савиньи.

Кодексъ есть замкнутая система правилъ, сковывающая судью. Судья долженъ всякое свое рѣшеніе дедуцировать изъ формулы, впередъ начертанной въ кодексѣ. Между тѣмъ жизнь пестра и разнообразна до безконечности. Вчерашняя формула, охватывающая сполна явленія вчерашняго дня, не вполнѣ или вовсе не покрываетъ новаго явленія, вынырнувшаго сегодня. Новое явленіе нуждается въ защитѣ—это ощущаетъ судейская совѣсть, это диктуется соображеніями соціальнаго свойства. И защиты оно въ кодифицированномъ законѣ не находитъ. Мало того: въ кодифицированномъ законѣ оно наталкивается подчасъ на нормы, съ виду ему враждебныя, нормы обобщенныя изъ недостаточнаго числа случаевъ, осложненныя случайными явленіями: условіями древняго процесса, отжившаго политическаго строя и проч. и проч. Какъ же быть? Создавать законъ для каждаго отдѣльнаго случая нельзя; самая возможность формулированія обобщенной нормы выясняется только изъ накопленія огромнаго числа конкретныхъ отношеній. Консерватизмъ нормъ—величайшее благо кодифицированнаго законодательства—призываетъ къ сохраненію нормы въ ея нетронутомъ видѣ; чувство справедливости, соображенія соціальныя требуютъ ея расширенія. Какъ устранить эту коллизію?

Савиньи требовалъ, чтобы до приступа къ кодификаціи, были найдены руководящія основоположенія (leitende Grundsätze), достаточно обширныя для того, чтобы вмѣщать все богатство жизненныхъ явленій, соприкасающихся съ правовою областью.

Но гдѣ ручательство въ томъ, что болѣе широкая формула дѣйствительно покроетъ всѣ грядущія явленія? гдѣ предѣлъ широтѣ обобщенія? Почему именно въ этомъ пунктѣ остановится жизнь? Значитъ, спасеніе не въ общей формулѣ.

Рекомендуя розысканіе наиболѣе обобщенныхъ положеній, Савиньи и самъ понималъ, что не въ этомъ панацея противъ золъ кодификаціи; иначе какъ объяснить нескрываемое его сочувствіе фантастическому проекту возсозданія претуры въ видѣ органа, производящаго на срокъ опыты въ примѣненіи законовъ [1]): не для чего, очевидно, было бы строить это сооруженіе, если бы все богатство дѣйствительныхъ случаевъ могло быть охвачено впередъ формулированною нормою.

Поэтому то онъ съ особеннымъ жаромъ, скорѣе инстиктивно, чѣмъ сознательно, ищетъ разрѣшенія загадки въ *другомъ* мѣстѣ—въ изученіи *метода примѣненія нормъ.* Онъ съ любовью и преклоненіемъ останавливается на изображеніи метода римскихъ юристовъ. Этому изображенію посвящены въ книжкѣ Савиньи самыя вдохновенныя страницы. Въ нихъ заложено—несознанное, быть можетъ, самимъ авторомъ и не оцѣненное, во всякомъ случаѣ, потомствомъ—основаніе для особливаго метода толкованія юридическихъ нормъ,—метода, при которомъ только и можетъ быть сглажено различіе между правомъ кодифицированнымъ и некодифицированнымъ.

„Для римскихъ юристовъ, такъ Савиньи описываетъ ихъ методъ, правовыя понятія и опредѣленія не являются продуктомъ произвола, они для нихъ *живыя реальныя существа*; бытіе этихъ существъ, ихъ генеалогія имъ знакомы, словно люди, съ которыми находишься въ продолжительномъ интимномъ общеніи.... Право вообще не имѣетъ самодовлѣющаго существованія,—сущность его есть не что иное, какъ та же человѣческая жизнь, разсматриваемая съ особенной стороны. Когда наука отвлекается отъ этого своего объекта, она мо-

---

[1]) Ср. отзывъ о его книгѣ Schrader'a „Die prätorischen Edicte der Römer auf unsere Verhältnisse übertragen“ (Приложеніе къ 2-му изданію „Beruf unserer Zeit“).

жетъ достигнуть значительной степени формальнаго совершенства, и все же она будетъ лишена истинной реальности. Но именно съ этой стороны методъ римскихъ юристовъ обнаруживаетъ все свое превосходство. Когда имъ предстоитъ обсудить юридическій казусъ, они исходятъ *изъ непосредственнаго живаго созерцанія его* (lebendigste Anschauung), и мы видимъ, какъ передъ нашими глазами шагъ за шагомъ возникаетъ и измѣняется все отношеніе. Какъ будто бы этотъ именно случай есть исходный пунктъ всей юриспруденціи, которая только еще должна быть найдена, именно отправляясь отъ даннаго мѣста. Такимъ образомъ для нихъ теорія и практика въ сущности одно и то же, ихъ теорія разработана для самаго непосредственнаго примѣненія, и ихъ практика всегда очищена научною обработкою. Въ каждомъ юридическомъ положеніи они видятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и случай примѣненія; въ каждомъ практическомъ случаѣ—правило, которымъ онъ опредѣляется" [1]).

Такъ Савиньи характеризуетъ искусство римскихъ юристовъ. Именно искусство. Ибо созерцаніе юридическаго отношенія *стихійно* вызывало въ умѣ юриста образъ живого существа, жизненный законъ котораго и опредѣлялъ судьбу изслѣдуемаго явленія. Когда римскій юристъ анализировалъ практическій случай изъ области договора купли-продажи или найма, онъ не оперировалъ надъ абстрактною категоріею купли, найма съ опредѣленными, зарегистрированными подъ ними рубриками правъ и обязанностей: передъ его глазами неотступно стоялъ *образъ* покупщика и продавца, наймодавца и нанимателя, со всѣми свойственными имъ *психическими* чертами, во всеоружіи ихъ *экономическаго* интереса; такъ ощущая отношеніе, онъ сразу ощупью добирался до того, что̀ составляетъ основу отношенія, что̀ въ немъ прочно, постоянно, безъ чего идти дальше нельзя,—и съ легкостью отметалъ все, что являлось только случайнымъ налетомъ: „отсюда, съ этого мѣста онъ строилъ юриспруденцію". Отъ живыхъ людей, съ ихъ типичными душевными

---

[1]) Vom Beruf, 3 Aufl., S. 29—31.

свойствами, въ ихъ типичной соціальной средѣ, онъ абстрагировалъ и отношеніе; и въ этой абстракціи не переставалъ биться пульсъ жизни. Юридическое отношеніе для него существовало какъ нѣчто самоцѣльное, какъ бы движущееся по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ двигался живой субъектъ, отъ котораго оно отдѣлилось; отдѣльныя части этого отношенія связывались для него тѣми самыми психическими или соціальными факторами-мотивами, которые породили ихъ въ душѣ живыхъ людей. Юридическія отношенія дышали для него каждое особою жизнью; какъ отдѣльныя самостоятельныя существа, они оборонялись въ своей цѣлостности, „естественно" отталкивали части имъ несродныя, притягали родственныя.

Такъ римскій юристъ примѣнялъ норму. И этотъ пріемъ сохраняетъ все свое значеніе и при кодексѣ. Основою его служитъ живое ощущеніе коренныхъ, повторяющихся мотивовъ человѣческой дѣятельности и существенныхъ элементовъ человѣческаго общежитія,—то, что можно было бы назвать внутреннею логикою юридическихъ институтовъ. А кодексъ не идетъ въ разрѣзъ съ этою внутреннею логикою. Въ основахъ своихъ онъ всегда согласенъ съ коренными побужденіями человѣческой дѣятельности. Онъ можетъ—вслѣдствіе близорукости непосредственныхъ творцовъ его, вслѣдствіе случайныхъ условій момента, — игнорировать ихъ, иногда и уродовать, но онъ не вступаетъ съ ними въ сознательную коллизію. Кодексъ есть гербарій, въ которомъ засушены растенія иногда великолѣпно сохранившіяся, иногда скомканныя, случайно поврежденныя. По этимъ засушеннымъ экземплярамъ нужно распознавать затѣмъ всѣ вновь возникающіе, на волѣ произрастающіе молодые побѣги, и дать имъ надлежащую, свойственную ихъ природѣ, культуру. И если при обозрѣніи вашего гербарія вы убѣждаетесь, что въ немъ отдѣльные виды засушены не въ типичной ихъ формѣ, что иные повреждены вслѣдствіе неумѣлости собирателя, иные просто недоразвиты—вы не съ ними, не съ этими скомканными, недоразвитыми экземплярами будете считаться, вы возстановите для себя ихъ истинный цѣлостный образъ и съ нимъ сопоставите живое растеніе; если окажется, что ряды у васъ не-

полны, вы не будете возводить этой неполноты на степень должнаго—вы восполните пробѣлы. Главное: нужно умѣть возстановлять истинные образы поврежденныхъ или недоразвитыхъ тѣлъ.

Этотъ процессъ возстановленія живыхъ тѣлъ, составляющій самую душу примѣненія нормъ, былъ, есть и на всегда останется искусствомъ,—искусствомъ, одинаково необходимымъ при кодексѣ и безъ кодекса. Но это искусство, при настоящихъ усложнившихся условіяхъ жизни, при все болѣе возрастающемъ разнообразіи мотивовъ человѣческой дѣятельности, должно вступить въ тѣсный союзъ съ наукою. Наука должна пойти къ нему на службу: она укажетъ пріемы и матеріалъ для опредѣленія тѣхъ самыхъ основныхъ экономическихъ, этическихъ, соціальныхъ побужденій, изъ рамокъ которыхъ никакое юридическое творчество выйти не можетъ, съ которыми оно вынуждено считаться.

Какимъ образомъ использовать эту помощь науки въ созданіи образовъ-типовъ, съ которыми юристъ, по творческому вдохновенію, свяжетъ конкретное явленіе? Какъ ввести исторію, психологію, соціологію въ самый методъ толкованія и дать возможность толковать кодифицированный законъ, безъ явныхъ и тайныхъ попытокъ подкопаться подъ него? И еще—быть можетъ, самое важное: этотъ методъ толкованія не стоитъ ли въ связи съ самою проблемою кодификаціи, не освѣщаетъ ли онъ ее съ новой стороны, не измѣняетъ ли онъ самую ея постановку?

Отвѣты на всѣ эти вопросы выходятъ изъ рамокъ исторической параллели. Мы, можетъ быть, когда-нибудь еще къ нимъ вернемся.

М. Винаверъ.

ОБРАЩЕНІЕ ВЗЫСКАНІЯ НА ПРИВИЛЕГІИ.

Въ судебной практикѣ встрѣчаются случаи, хотя и не часто, обращенія взысканія на привилегіи. Между тѣмъ въ нашихъ дѣйствующихъ законахъ никакихъ указаній относительно того, могутъ ли привилегіи подлежать понудительному отчужденію, и если могутъ, то въ какомъ порядкѣ должно производиться такое отчужденіе, какія мѣры можетъ принимать лицо, приводящее рѣшеніе въ исполненіе, при оцѣнкѣ данной привилегіи, при обнародованіи о ея продажѣ, при самой продажѣ и при изъятіи ея изъ владѣнія собственника и передачѣ покупщику.

Если исходить изъ того положенія, что по дѣйствующему уставу гражданскаго судопроизводства, привилегіи не относятся ни къ имуществамъ, вообще изъятымъ отъ обращенія на нихъ взысканія за долги лицъ, коимъ принадлежатъ (ст. 973—976), ни къ имуществамъ, публичная продажа которыхъ должна производиться съ соблюденіемъ особыхъ условій (ст. 1040—1044), то слѣдуетъ прійти къ заключенію, что на всякую привилегію, какъ и на всякое другое имущественное право должника, кредиторы его всегда могутъ обращать свои взысканія и требовать отчужденія ихъ по общимъ правиламъ отчужденія движимаго имущества.

Однако, такому безусловному выводу препятствуетъ прежде всего самая природа привилегій, которыя суть не что иное, какъ продуктъ интеллектуальной дѣятельности человѣка, какъ произведенія ума и мысли, которые вообще не могутъ служить предметомъ свободнаго гражданскаго обращенія безъ прямо выраженнаго на то согласія ихъ авторовъ. какъ это прямо указывается въ законѣ относительно литературныхъ произведеній (ст. 1041 уст. уг. суд.), и какъ это предполагается установить по проекту уст. гр. суд., по силѣ 1325 ст.

коего, правила опредѣляющія порядокъ понудительнаго отчужденія литературныхъ, художественныхъ и музыкальныхъ произведеній *распространяются и на привилегіи на изобрѣтенія и усовершенствованія, на фабричные рисунки и модели, а также на предметы, въ коихъ осуществляется право на привилегію или на рисунокъ и модель.*

Но законопроектъ не есть законъ, и пока не получилъ надлежащей санкціи верховной власти не можетъ быть полагаемъ въ основаніе разрѣшенія возникающихъ въ жизни сомнѣній и недоумѣній, которыя согласно 9 ст. уст. уг. суд., при неполнотѣ или недостаткѣ положительнаго закона, должны быть разрѣшаемы на общемъ смыслѣ законовъ.

Это послѣднее правило приводитъ насъ къ тому заключенію, что для разрѣшенія занимающаго насъ вопроса, мы должны обратиться къ общему разуму дѣйствующихъ законовъ и имъ обосновать тотъ или другой выводъ или, лучше сказать, отвѣтъ на означенный вопросъ.

Для сего прежде всего необходимо выяснить, что именно законъ подразумѣваетъ подъ словомъ *привилегія?*.

На этотъ послѣдній вопросъ мы имѣемъ отвѣтъ въ самомъ законѣ Въ ст. 168 устава о промышленности (изд. 1893 г.) слово *привилегія* опредѣлялось такъ: „Привилегія есть *актъ*, выданный отъ правительства поименованному лицу, или лицамъ, свидѣтельствующій, что описанное въ ономъ открытіе, изобрѣтеніе или усовершенствованіе было въ свое время предъявлено правительству, и предоставляющій тому лицу, или тѣмъ лицамъ, исключительное право пользоваться сдѣланнымъ открытіемъ, изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ въ продолженіи назначеннаго времени, какъ своею собственностью“ [1]).

Такимъ образомъ, по словамъ закона, *привилегія есть актъ.* Сущность дѣла, однако, указываетъ, что привилегія есть не актъ, а *право*,—право *исключительнаго пользованія* въ теченіе опредѣленнаго времени сдѣланнымъ открытіемъ, изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ для извлеченія возможныхъ изъ этого выгодъ столько же путемъ осуществленія открытія, изобрѣтенія или усовершенствованія, сколько и путемъ устраненія всякой въ этомъ отношеніи конкуренціи, въ чемъ, собственно и состоитъ привилегія. Посему привилегія, какъ

[1]) Нынѣ статья эта исключена и опредѣленія слова привилегія въ законоположеніяхъ о привилегіяхъ 1896 г. нѣтъ.

право исключительнаго пользованія, всегда будетъ оставаться привилегіей, какъ бы ни называли актъ, удостовѣряющій принадлежность ея данному лицу,—привилегіей, какъ она называется у насъ, бреветомъ, какъ называютъ его во Франціи, патентомъ, какъ называютъ его въ Германіи и пр. Слѣдовательно, если мы говоримъ о привилегіи, какъ объектѣ взысканія, то подъ этимъ словомъ подразумѣваемъ не актъ, а самое право, удостовѣряемое актомъ, называемымъ тоже привилегіей.

Итакъ, привилегія есть право, и притомъ право имущественное, которое во многихъ отношеніяхъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ имущественныхъ правъ, но въ другихъ имѣющее свои отличія.

„Получившій привилегію имѣетъ право исключительнаго пользованія указаннымъ въ ней изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ въ теченіе всего срока дѣйствія привилегіи и вслѣдствіе сего можетъ: 1) приводить въ исполненіе изобрѣтеніе или усовершенствованіе, принимать мѣры къ его усовершенствованію и дозволять другимъ пользоваться онымъ; 2) отчуждать самую привилегію на весь срокъ ея дѣйствія или на часть сего срока, и 3) преслѣдовать судомъ самостоятельное пользованіе его правами и всякое иное нарушеніе сихъ правъ“ (ст. 22 зак. о прив.), и—„виновный въ самовольномъ пользованіе чужою, выданною въ установленномъ порядкѣ привилегіею на изобрѣтеніе, наказывается арестомъ или должною пенею не свыше пятисотъ рублей“ (ст. 621 улож. о наказ. изд. 1903 г.); такому же наказанію подвергается и торговецъ, виновный въ продажѣ предмета, завѣдомо изготовленнаго въ нарушеніе права привилегіи на изобрѣтеніе (id, ст. 622).

Изъ этихъ узаконеній явствуетъ, что наше законодательство, предоставляя собственнику привилегіи полную свободу въ правѣ распоряженія ею по своему усмотрѣнію, ставитъ право привилегіи въ рядъ всѣхъ другихъ имущественныхъ правъ, но въ то же установливаетъ особыя мѣры охраненія этого права не только въ случаяхъ прямого посягательства на него, но и въ случаяхъ простаго нарушенія, угрожая всякому нарушителю не одною отвѣтственностью за убытки, причиненные такимъ нарушеніемъ, но и уголовнымъ наказаніемъ, чѣмъ сильно выдѣляетъ это право изъ ряда всѣхъ другихъ имущественныхъ правъ.

Чѣмъ же, спрашивается, вызывается это?

Необходимо замѣтить, что законоположенія, имѣющія цѣлію оказать особое покровительство праву каждаго открывателя или изобрѣтателя, извѣстны не одному нашему законодательству. Можно утвердительно сказать, что среди всѣхъ цивилизованныхъ государствъ

трехъ частей свѣта, т. Европы, Америки (Аргентина, Боливія, Бразилія, Гватемала, Гвіана, Экуадоръ, Канада, Мексика, Перу, Чили, Соединенные Штаты, острова Бермудскіе и др.) и Африки (Капская колонія, Наталь, бывшія республики Оранжевая и Трансвааль, Тунисъ и острова св. Маврикія), и нѣкоторыхъ государствъ Океаніи, включая туда и австралійскія колоніи,—нѣтъ теперь ни одного, въ которомъ не было бы разсматриваемыхъ законоположеній. И почти во всѣхъ этихъ странахъ они появились только въ послѣднее время, на пространствѣ какихъ нибудь шестидесяти лѣтъ прошлаго столѣтія (1830 1890). [1]) Хотя же въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ законы о привилегіяхъ издавались и много ранѣе второй четверти XIX вѣка, но побудительныя причины изданія ихъ были совершенно иныя, чѣмъ тѣ, которыя вызвали изданіе нынѣ дѣйствующихъ правилъ о томъ же предметѣ. Такъ: Statute of Monopolies Іакова I, изданный еще въ 1623 году, вызванъ былъ крайне развившимся злоупотребленіемъ центральной власти предоставлять право монополіи и исключительнаго пользованія кому угодно, по собственному усмотрѣнію, что, само собою разумѣется, не могло не вызывать въ населеніи извѣстнаго недовольства и даже раздраженія, заставившихъ перваго короля изъ фамиліи Стюартовъ принять нѣкоторыя мѣры къ прекращенію такого ненормальнаго порядка вещей и оградить права иниціаторовъ въ дѣлѣ индустріи и особенно въ области промышленности обрабатывающей. По существу своему этотъ статутъ преслѣдовалъ идею необходимости оградить разсматриваемыя права въ такой же мѣрѣ, въ какой законъ ограждалъ всѣ прочія имущественныя права гражданъ трехъ соединенныхъ королевствъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи еще въ XVII столѣтіи существовали кое-какія правила, силою коихъ оказывалось извѣстное покровительство фабричнымъ знакамъ, но привилегіи на новыя открытія и изобрѣтенія могли быть выдаваемы только верховною властію даннаго государства, отъ усмотрѣнія которой вполнѣ зависѣло предоставить или не предоставить открывателю право исключительнаго пользованія своимъ избрѣтеніемъ съ устраненіемъ всякой посторонней конкуренціи. Добиться полученія такого права вообще было дѣломъ нелегкимъ, и потому большинство открытій дѣлались общимъ достояніемъ, не доставляя ихъ авторамъ никакихъ существенныхъ выгодъ. Во Франціи, до начала великой революціи, промышленность не была свободной; она находилась въ рукахъ не отдѣльныхъ лицъ, а цѣлыхъ корпорацій, которыя присвоивали себѣ

[1]) Наши законы о привилегіяхъ изданы въ 1833 г. см. П. С. З.

право на каждое новое открытіе, на каждое новое усовершенствованіе, сдѣланныя ихъ членами. Открыватели и изобрѣтатели, не принадлежавшіе ни къ какой промышленной корпораціи, находились въ такомъ же положеніи, въ какомъ собратья ихъ находились въ Германіи и въ другихъ странахъ, гдѣ признаніе за изобрѣтателемъ права собственности на сдѣланное новое изобрѣтеніе зависѣло отъ произвола главы государства. По объявленіи промышленности свободной, появились первые законы, дающіе каждому право *требовать* отъ правительства предоставленія ему полной гарантіи безпрепятственнаго пользованія произведеніемъ своей мысли. Такія узаконенія были изданы въ 1791 г.—7 января и 25 мая,—и эти узаконенія едва ли не первыя изъ всѣхъ, полагаемыхъ въ основу нынѣ вездѣ дѣйствующихъ правилъ по этому предмету.

Дѣйствующія въ настоящее время уже повсюду узаконенія о привилегіяхъ и патентахъ, т. е. узаконенія ограждающія права изобрѣтателей въ области индустріи, стали появляться съ того времени, когда была сознана вся важность того значенія, которое для каждой страны должно имѣть возможно широкое развитіе промышленности вообще и промышленности обрабатывающей въ особенности. Пробужденію этого сознанія сильно содѣйствовало начавшееся во второй четверти прошлаго столѣтія непомѣрно быстрое развитіе жизни цивилизованныхъ народовъ, повлекшее за собою радикальную перемѣну въ прежнихъ условіяхъ жизни. Все то, съ чѣмъ мирились прежде, чѣмъ довольствовались люди, не зная лучшаго, оказалось болѣе чѣмъ неудовлетворительнымъ при появившихся новыхъ условіяхъ. Совершенно незамѣтно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ естественно народились новыя потребности; возникла необходимость въ предметахъ, о которыхъ полвѣка назадъ никто и думать не могъ. Этотъ все возрастающій спросъ на предметы уже не роскоши и удобства, а самой настоятельной необходимости, не могъ не вызвать и соотвѣтствующаго предложенія, которое скоро стало опереживать спросъ, вызывая соревнованіе въ другихъ и побуждая человѣка все къ новой и новой творческой дѣятельности.

Это развитіе творческой дѣятельности человѣческой мысли и неисчислимыя блага, приливающія въ страну, въ которой появлялось что либо новое и полезное, не могли не обратить на себя вниманія кого слѣдуетъ. Правительства не могли не замѣтить, что всякое новое открытіе, изобрѣтеніе или усовершенствованіе служитъ къ обогащенію страны и народа, и не могли оставаться въ прежней бездѣятельности, не могли не подумать о томъ, что развитію такой дѣятельности необ-

ходимо не только содѣйствовать всячески, но и всѣми мѣрами оказывать покровительство.

Послѣднее стало понятно само собою, Для того, чтобы изобрѣтать, дѣлать новыя открытія и усовершенствованія въ какой бы то ни было области, нужно учиться, работать и думать. Но на то, другое и третье человѣкъ способенъ только тогда, когда такъ или иначе его трудъ будетъ вознаграждаемъ. Въ области эстетическаго творчества такимъ вознагражденіемъ нерѣдко является одно нравственное удовлетвореніе и тѣ слава и извѣстность, которыя сообщаютъ автору его талантливыя литературныя, художественныя или музыкальныя произведенія. Въ области техническихъ открытій и изобрѣтеній на это нечего расчитывать. Никто не станетъ справляться о томъ, кто изобрѣлъ какой-нибудь усовершенствованный фонарь или какую-либо лампу, но всѣ будутъ покупать и платить деньги, что собственно и нужно изобрѣтателю. А между тѣмъ достиженіе и этой послѣдней цѣли, цѣли реальнаго вознагражденія, невозможно инымъ путемъ, какъ путемъ предоставленія изобрѣтателю права исключительнаго пользованія въ теченіе опредѣленнаго времени плодами своего изобрѣтенія, ибо съ одной стороны—никакое правительство не въ состояніи вознаграждать каждаго изобрѣтателя, а съ другой—немыслимо разсчитывать на возможность полученія какой-либо выгоды, если бы каждое изобрѣтеніе тотчасъ по своемъ появленіи дѣлалась общимъ достояніемъ: всегда появятся производители всякой новой полезной вещи и притомъ съ такими средствами, что для небогатаго изобрѣтателя никакая конкуренція не будетъ возможной.

Такимъ образомъ, единственный путь для вознагражденія изобрѣтателей и для поощренія другихъ стремиться къ новымъ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ,—это изданіе точныхъ и опредѣлительныхъ правилъ, коими надежно могли бы ограждаться права изобрѣтателей. Этими правилами устанавливаются какъ бы договорныя отношенія между государствомъ съ одной стороны и каждымъ изобрѣтателемъ другой. Государство объявляетъ всѣмъ и каждому: открывайте, изобрѣтайте и совершенствуйте, что вамъ угодно; за это вамъ не буду платить, но вмѣсто платы принимаю на себя обязанность строго охранять ваши права, не дозволяя никому въ теченіе опредѣленнаго періода времени воспроизводить то, что вы придумаете, и даже преслѣдуя и наказывая уголовной карой каждаго нарушителя этихъ вашихъ правъ. Обязанность охраненія такихъ вашихъ правъ я принимаю на себя не только въ отношеніи каждаго изобрѣтателя лично, но и въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, кому онъ добровольно пере-

уступить свое право установленнымъ въ законѣ порядкомъ. Затѣмъ, по истеченіи назначеннаго срока, изобрѣтеніе дѣлается общимъ достояніемъ, и каждый желающій пріобрѣтаетъ право осуществлять его и пользоваться въ свою выгоду, но тѣмъ доставляя и выгоду странѣ расширеніемъ промышленности въ ней

Теперь мы должны принять во вниманіе, что почти тѣ же самыя побужденія, которыя заставляютъ правительство оказывать особое покровительство открытіямъ и изобрѣтеніямъ въ области индустріи, заставляютъ тѣ же правительства особо покровительствовать литературной, художественной и музыкальной собственности. Покровительство послѣдней вызывается необходимостью поощрять развитіе въ странѣ духовныхъ силъ народа; покровительство первымъ—необходимостью содѣйствовать развитію матеріальныхъ благъ. Эта однородность причинъ производитъ и однородность послѣдствій: сущность правилъ, ограждающихъ право литературной, художественной и музыкальной собственности, и правилъ, охраняющихъ права открывателей и изобрѣтателей,—одна и та же, и если есть различіе между тѣми и другими правилами, то оно объясняется различіемъ въ самой природѣ этихъ правъ. Изобрѣтатели и открыватели пріобрѣтаютъ право исключительнаго пользованія своими открытіями, изобрѣтеніями и усовершенствованіями не прежде, какъ по признанію этого права правительственной властью, т. е. по удостовѣреніи, такъ сказать, послѣднею того, что данное право дѣйствительно принадлежитъ такому то лицу, или такимъ-то лицамъ, и должно принадлежать ему или имъ, разъ не будетъ оспорено кѣмъ либо постороннимъ въ установленномъ порядкѣ; право писателей, художниковъ и музыкантовъ не удостовѣряется правительствомъ, т. к. въ такомъ удостовѣреніи нѣтъ никакой надобности, ибо принадлежность этого права слишкомъ очевидна и потому признается принадлежащимъ имъ силою самого закона.

Другое различіе, устанавливаемое закономъ между этими правами заключается въ различіи продолжительности сроковъ исключительнаго пользованія ими. Привилегіи на открытія и изобрѣтенія выдаются на опредѣленный и сравнительно короткій срокъ, тогда какъ право литературной, художественной и музыкальной собственности присвоивается автору на всю его жизнь и правопреемникамъ его на послѣдующія пятьдесятъ лѣтъ со дня его смерти (ст. 1185 зак. гр.). Но и это различіе объясняется различіемъ природъ разсматриваемыхъ правъ: государство не имѣло бы никакихъ выгодъ, если бы сроки пользованія привилегіями на открытія и изобрѣтенія были столь же продолжительны, какъ продолжительны сроки пользованія авторскимъ

правомъ, ибо для успѣшности развитія промышленности необходимо чтобы производительность извѣстнаго рода не оставалась въ однихъ рукахъ внѣ возможности всякой конкуренціи, всегда способствующей улучшенію, распространенію и удешевленію каждаго предмета, чего нѣтъ въ произведеніяхъ изъ области духовно-эстетической.

Затѣмъ всѣ остальныя правила, ограждающія то и другое право уже ничѣмъ ни различаются. Какъ каждый авторъ есть полный собственникъ своего произведенія и можетъ распоряжаться этимъ правомъ собственности по своему усмотрѣнію и преслѣдовать даже въ уголовномъ порядкѣ нарушителей его правъ, такъ и собственникъ привилегіи на открытіе, изобрѣтеніе и усовершенствованіе въ правѣ неограниченно распоряжаться ею по своему усмотрѣнію и привлекать къ суду виновныхъ въ нарушеніи этого вида права собственности.

Эта совершенно полная аналогія между разсматриваемыми правами и регулирующими ихъ правилами даетъ справедливое основаніе для примѣненія къ разрѣшенію занимающаго насъ вопроса того общаго принципа, по которому—ubi eadem ratio, ibi eadem legis dispositio.

Въ числѣ мѣръ, коими законъ ограждаетъ авторскія права, имѣются двѣ слѣдующія: „пріобрѣтеніе съ публичнаго торга картинъ статуй и другихъ изящныхъ произведеній, а равно сочиненій и переводовъ, *не даетъ покупщику права художественной или литературной собственности*", и „сочиненія и переводы рукописные и напечатанные, но не обращенные еще въ продажу самимъ сочинителемъ или переводчикомъ, *не подлежатъ публичной продажѣ* ни при жизни сочинителя или переводчика безъ особаго его на то согласія, ни по смерти его, безъ согласія его наслѣдниковъ" (ст. 1040 и 1041 уст. гр. суд.). Правила эти въ уставѣ гражданскаго судопроизводства не новыя; они были и въ законахъ о судопроизводствѣ гражданскомъ (2244 ст. ч. 2 т. X изд. 1857), откуда заимствованы и перенесены составителями уставовъ 1864 г. въ уставъ гражд. суд. Въ основу ихъ была положена та идея, что произведенія ума и мысли, какъ продуктъ интелектуальной дѣятельности человѣка, не должны быть уравниваемы съ тѣми имущественными правами, которыя въ силу своей природы всегда могутъ быть предметомъ свободнаго гражданскаго оборота. Умъ и мысль неотъемлемыя принадлежности человѣка; неотъемлемы должны быть и произведенія ихъ. Высказать или не высказать извѣстную мысль, сдѣлать или не сдѣлать ее достояніемъ всѣхъ — зависитъ исключительно отъ этого члеловѣка, и какъ никто не можетъ быть принуждаемъ къ тому, чтобы онъ высказалъ то, что думаетъ, такъ невозможно принудить его къ тому,

чтобы разъ высказанная и изложенная на письмѣ мысль могла бы быть пріобрѣтаема каждымъ желающимъ, если на это не дается согласія высказавшимъ ее. Одно то, что мысль высказана, выражена на письмѣ и даже облечена въ такую форму, которая должна содѣйствовать ея распространенію, еще не доказываетъ того, что высказавшій ее твердо рѣшился сдѣлать ее извѣстною всѣмъ. Быть можетъ въ самую послѣднюю минуту авторъ извѣстнаго произведенія усомнился въ истинѣ того, что имъ высказано, и это сомнѣніе остановило его на пути къ распространенію высказаннаго. Понудительное отчужденіе умственныхъ произведеній при такихъ условіяхъ было бы тяжкимъ насиліемъ надъ душевными свойствами человѣка, ибо продавалась бы не вещь, принадлежащая ему, не какое либо право имущественнаго характера, а нѣчто совершенно иное, нѣчто совершенно несоизмѣримое съ тѣмъ, что можетъ имѣть рыночную цѣну; продавалась бы частица души человѣка.

Совершенно иное, когда авторъ произведенія самъ обращаетъ его въ продажу. Этимъ онъ самъ ставитъ свое произведеніе въ рядъ обыкновенныхъ вещей, имѣющихъ свою цѣну, какъ получившихъ способность свободнаго обращенія. Тутъ будетъ продаваться уже не мысль, не неотъемлемая частица интелекта, а просто книга, которую можно вездѣ купить.

То же самое усматривается и въ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ. Это, какъ было сказано выше, такой же продуктъ ума и мысли человѣка, какъ и всякое изящное произведеніе, и право пользованія имъ принадлежитъ изобрѣтателю не потому, что ему выдается привилегія, которая есть не что иное, какъ актъ, удостовѣряющій, что открытіе или изобрѣтеніе сдѣлано имъ, а потому, что они являются произведеніями такого же духовнаго творчества, такія же частицы интелекта, неразрывно связанныя съ нимъ и потому одинаково неотъемлемыя.

Такое близкое сходство, можно сказать, полное тождество между природами этихъ двухъ правъ, не можетъ не служить основаніемъ къ тому, чтобы правила, ограждающія авторское право, имѣли примѣненіе и къ праву на привилегіи. Возможность такого распространительнаго толкованія здѣсь вполнѣ умѣстна, ибо по правилу 9 ст. уст. гр. суд., въ случаѣ недостатка закона, возникшее недоумѣніе должно быть разрѣшаемо на основаніи общаго смысла законовъ. Закона же, дающаго прямой отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ, въ нашемъ законодательствѣ нѣтъ, а изъ общаго смысла ихъ вытекаетъ тотъ выводъ, что если законодатель признаетъ необходимымъ издать правила

для огражденія извѣстнаго права, но о другомъ, совершенно тождественномъ въ его глазахъ по самой своей природѣ, правѣ не упомянулъ, то это молчаніе не можетъ быть не разсматриваемо, какъ простой недосмотръ, какъ случайный пропускъ, который всегда можетъ быть восполненъ судомъ путемъ примѣненія вполнѣ аналогичнаго къ нему случая, предусмотрѣннаго закономъ.

Все изложенное приводитъ къ тому заключенію, что по духу нашего законодательства, привилегія, какъ право исключительнаго пользованія сдѣланнаго должникомъ открытія, изобрѣтенія или усовершенствованія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать понудительному отъ него отчужденію и быть объектомъ взысканія.

На томъ же основаніи должно быть признано, во 1-хъ то, что предметы, уже воспроизведенные должникомъ—собственникомъ привилегіи—и обращенные въ продажу, могутъ быть понудительно отчуждаемы, и во 2-хъ то, что если привилегія пріобрѣтена должникомъ отъ другаго лица, то она можетъ быть отчуждаема отъ него и продана съ публичнаго торга, но съ тѣмъ, чтобы покупщикъ обязался исполнить всѣ тѣ условія, исполнить которыя онъ обязался предъ прежнимъ хозяиномъ привилегіи. Послѣднее потому, что у лица, пріобрѣвшаго привилегію отъ другаго лица, она является простымъ правомъ имущественнымъ, поступившимъ въ число тѣхъ имущественныхъ правъ, отчужденіе и пріобрѣтеніе коихъ ничѣмъ не ограничено, какъ это слѣдуетъ и изъ смысла 1042 ст. уст., по силѣ которой, „рукописи, пріобрѣтенныя для изданія, а равно и право на напечатаніе ихъ продаются", но „съ обязательствомъ исполнить всѣ условія, заключенныя прежнимъ ихъ хозяиномъ".

Этимъ, однако, и ограничивается та аналогія между авторскимъ правомъ и привиллегіями на открытія и изобрѣтенія, которую можно проводить для разрѣшенія вопросовъ, возникающихъ при обращеніи взысканія на привилегіи. Для разрѣшенія другихъ, возникающихъ здѣсь вопросовъ, правила 1040—1042 ст. уст. гр. суд. уже не даютъ намъ никакого матеріала, и мы должны искать его въ другихъ подходящихъ сюда узаконеніяхъ.

Первымъ и важнѣйшимъ изъ этихъ вопросовъ является вопросъ о томъ, могутъ ли быть предметомъ взысканія тѣ приспособленія—машины, инструменты, аппараты и пр.,—которыя получившій привилегію завелъ для осуществленія сдѣланнаго имъ изобрѣтенія, т. е. для воспроизведенія предметовъ своего изобрѣтенія?

Проектомъ устава гражданскаго судопроизводства вопросъ этотъ разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ. По правилу приведенной

выше 1325 ст. проекта, взысканіе не можетъ быть обращаемо какъ на самую привилегію, *такъ и на предметы, въ коихъ осуществляется право на нее.* Что же касается дѣйствующаго законодательства, то изъ него нельзя вывести такого заключенія.

Прежде всего укажемъ на то, что въ случаѣ объявленія должника несостоятельнымъ, въ конкурсную массу поступаетъ все его имущество за исключеніемъ лишь того, которое положительно изъято отъ этого закономъ. Въ числѣ же предметовъ, не подлежащихъ обращенію въ конкурсъ, правила устава судопроизводства торговаго не упоминаютъ о предметахъ, въ коихъ осуществляется право на привилегію. Но эти предметы нельзя разсматривать не только какъ нѣчто тождественное съ самой привилегіей, но и какъ ея принадлежность, которой нельзя отдѣлить отъ нея, ибо принадлежностью, судьба которой всегда подчиняется судьбѣ главной вещи, могутъ быть признаваемы или тѣ предметы, которые самимъ закономъ признаются принадлежностью извѣстной вещи, какъ напримѣръ предметы, перечисленные въ ст. 386—392 ч. 1 т. X, или тѣ, кои находятся въ неразрывной органической связи съ главною вещью (ср. р. гр. к. д. с. 1878 № 216). Съ другой стороны, предметы, въ коихъ осуществляется право на привилегію, могутъ имѣть весьма значительную цѣнность, могутъ даже составлять цѣлое состояніе, какое же основаніе можно указать, дабы признать эти предметы неподлежащими обращенію въ конкурсную массу при несостоятельности ихъ собственника?

Необходимо поэтому признать, что въ случаѣ объявленія владѣльца привилегіи несостоятельнымъ должникомъ, *предметы, въ коихъ осуществляется право на привилегію, подлежатъ обращенію въ конкурсную массу.*

Этотъ выводъ подтверждается тѣмъ еще, что если эти предметы будутъ находиться въ собственной фабрикѣ должника, освобожденіе которой отъ обращенія въ конкурсъ уже рѣшительно невозможно, то составляя по 388 ст. зак. гр., принадлежность самой фабрики, они должны слѣдовать за судьбою фабрики.

Но, само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ ни конкурсъ, ни пріобрѣтатель разсматриваемыхъ предметовъ не вправѣ употреблять ихъ на воспроизведеніе того, на право воспроизведенія чего должнику дана привилегія, иначе выходило бы то, что и сама привилегія понудительно отчуждена отъ должника, что германскими судами признается возможнымъ и чего по нашимъ дѣйствующимъ законамъ, какъ сказано выше, признать невозможно.

Итакъ, предметы, въ коихъ осуществляется право на привилегію,

въ случаѣ объявленія собственника привилегіи несостоятельнымъ должникомъ, могутъ быть обращаемы на удовлетвореніе его кредиторовъ.

Посмотримъ теперь, возможно ли обращать ихъ на удовлетвореніе личныхъ кредиторовъ, когда должникъ не объявляется несостоятельнымъ.

Въ уставѣ гражд. судопр. имѣется правило (4 п. 974 ст.), по которому инструменты и снаряды, необходимые должнику для ежедневныхъ, по его ремеслу или промыслу, занятій, не причисляются вообще къ имуществамъ, не подлежащимъ отчужденію за долги ихъ собственника ни въ какомъ случаѣ. Изъ этого нельзя не вывести того заключенія, что наше законодательство, не отказывая въ своемъ покровительствѣ индустріи, все же не ставитъ производителей въ такое привилегированное состояніе, при которомъ всякаго рода механическія приспособленія къ ихъ дѣятельности составляли бы нѣчто особенное, отличное отъ всякаго другого имущества, неотъемлемое отъ нихъ, какъ неотъемлемы чисто личныя—неимущественныя права. И едва ли можно найти какое либо основаніе для того, чтобы признать, что этому общему правилу не должны подчиняться тѣ предметы, въ коихъ осуществляется право на привилегію, ибо, если законодатель, въ виду высшихъ государственныхъ соображеній, объявляетъ право на привилегію неотъемлемымъ, то изъ этого нельзя выводить, что покровительство свое новымъ открытіямъ, изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ онъ распространяетъ до того широко, что и всѣ приспособленія, необходимыя для воспроизведенія предметовъ новаго открытія, изобрѣтенія или усовершенствованія онъ ставитъ рядомъ съ самимъ правомъ, или связываетъ ихъ съ послѣднимъ неразрывной связью. Онъ не можетъ устанавливать такой связи уже потому, что не можетъ не предусматривать того чрезвычайнаго различія между приспособленіями, нужными для воспроизведенія однихъ предметовъ и необходимыми для воспроизведенія другихъ. Для осуществленія одного изобрѣтенія необходимы самые простые снаряды; для воспроизведенія другого потребна цѣлая фабрика съ самыми разнообразными и дорого стоющими машинами и аппаратами; посему, если признавать, что предметы, въ которыхъ осуществляется право на привилегію, вообще изъемлятся изъ ряда имуществъ, на которыя можно обращать взысканіе, то слѣдуетъ признать, что и цѣлыя фабрики, учрежденныя для осуществленія всякаго новаго изобрѣтенія или усовершенствованія, должны почитаться неотъемлемыми отъ ихъ собственниковъ, получившихъ привилегію, на весь тотъ періодъ времени, на который дана привилегія. Но ничего подобнаго допустить невозможно.

Эти соображенія не могутъ не приводить къ тому выводу, что постановленіе 1325 ст. новаго проекта устава, по которой взысканіе не можетъ быть обращаемо и на предметы, въ которыхъ осуществляется право на привилегію, какъ оно не можетъ быть обращаемо на самую привилегію, не находитъ себѣ оправданія въ той идеѣ, которая положена въ основу всѣхъ законодательствъ о привилегіяхъ.

Такимъ образомъ, на приспособленія или предметы, въ коихъ осуществляется право на привилегію, всегда можетъ быть обращаемо взысканіе и притомъ совершенно безотносительно къ тому, можетъ ли оно въ то же время быть обращено и на самую привилегію, какъ въ случаѣ, когда она должникомъ пріобрѣтена отъ кого либо, или не можетъ, какъ въ случаѣ, когда собственникомъ ея является самъ изобрѣтатель. Самое большее, что здѣсь можетъ быть допущено,— это примѣненіе правила приведеннаго выше 4 п. 974 ст. уст. гр. суд., но и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда разсматриваемые предметы или приспособленія ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ инструментовъ или снарядовъ, необходимыхъ должнику въ его ежедневныхъ, по его ремеслу или промыслу, занятіяхъ. Коль же скоро эти приспособленія являются уже самостоятельнымъ и цѣннымъ имуществомъ, каковы фабрики, заводы и болѣе или менѣе обширныя мастерскія, объ освобожденіи ихъ отъ обращенія на нихъ взысканія не должно быть и рѣчи?

Теперь обратный вопросъ:—въ тѣхъ случаяхъ, когда взысканіе можетъ быть обращаемо на самую привилегію, допустимо ли понудительное отчужденіе права на привилегію безъ одновременнаго отчужденія и приспособленій для осуществленія права на нее?

Вопросъ этотъ возбуждается представляющеюся несправедливостію отнять право и оставить средства для осуществленія его. Вѣдь разъ нѣтъ права, оно не можетъ быть осуществляемо, и оставленіе средствъ для его осуществленія не можетъ не представляться несправедливымъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, при значительной стоимости ихъ, они ни къ чему иному не могутъ быть приспособлены и ни на что иное не могутъ быть обращены. Въ этихъ случаяхъ будетъ выходить такъ, что человѣкъ будетъ подвергаться совершенно напрасному разоренію, чего законъ не долженъ допускать и чего нѣтъ въ обратныхъ случаяхъ, т. е. когда отчуждаются приспособленія, и оставляется право. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, собственникъ привилегіи, лишенный средствъ осуществлять ее, сохраняетъ за собою право и всегда можетъ такъ или иначе осуществить его, продать его другому лицу или обзавестись вновь необходимыми для того средствами.

Но какъ ни несправедливо представляется такое отдѣльное отчужденіе одной привилегіи, оно не можетъ быть признано недопустимымъ какъ въ виду отсутствія прямого указанія на то закона, такъ и по отсутствію той неразрывной связи между правомъ на привилегію и предметами, въ коихъ оно осуществляется, которая необходима для признанія этихъ предметовъ принадлежностью права.

Такимъ образомъ за кредиторомъ должно быть признано право требовать обращенія его взысканія на самую привилегію безъ обращенія его на приспособленія, и ни судебный приставъ, ни судъ не могутъ отказать взыскателю въ такомъ его требованіи. Но за то самъ должникъ имѣетъ полную возможность парализовать домогательство взыскателя и сохранить за собою право на привилегію. На это онъ уполномочивается самимъ закономъ: по правилу 977 ст. уст., „должникъ *имѣетъ право требовать*, чтобы нѣкоторыя изъ вещей его не были подвергаемы аресту, если прочія, по сдѣланной оцѣнкѣ, достаточны для удовлетворенія взысканія“. Коль же скоро должникъ *имѣетъ право требовать*, то, само собою разумѣется, это требованіе его не можетъ не быть удовлетворено, хотя бы взыскатель и настаивалъ на томъ, что онъ обращаетъ взысканіе на привилегію, а не на приспособленіе къ ней. Привилегія не должна быть исключаема изъ числа предметовъ, арестуемыхъ по указанію должника, а также и отъ продажи, только при условіи недостаточности указанныхъ должникомъ приспособленій.

Итакъ, если должникъ при обращеніи производимаго съ него взысканія, которое, по требованію кредитора, обращается на привилегію, желаетъ, чтобы прежде были проданы приспособленія къ ней, то онъ долженъ заявить объ этомъ исполняющему рѣшеніе судебному приставу, и такимъ путемъ устранить ту несправедливость, возможность которой возбуждаетъ разсматриваемый вопросъ.

Несомнѣнно, однако, то, что такое право можетъ принадлежать владѣльцу привилегіи лишь въ томъ случаѣ, когда на нее обращается взысканіе по претензіямъ личныхъ его кредиторовъ, и не можетъ принадлежать ему въ тѣхъ случаяхъ, когда привилегія является вещнымъ обезпеченіемъ взыскиваемаго долга. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ взысканіе должно быть обращено исключительно на имущество, обезпечивающее долгъ, а не на какое либо другое, вслѣдствіе чего должникъ уже не можетъ требовать, чтобы имущество, обезпечивающее долгъ, было замѣнено другимъ.

По поводу этого слѣдуетъ замѣтить, что право на привилегію, какъ всякое имущественное право, всегда можетъ быть объектомъ

обезпеченія, если владѣлецъ его изъявляетъ на то согласіе. Слѣдовательно, оно можетъ быть и предметомъ залога и притомъ не только тогда, когда первымъ пріобрѣтателемъ (открывателемъ или изобрѣтателемъ) переуступлено другому и вслѣдствіе сего поступило въ рядъ имуществъ, имѣющихъ свойство свободнаго гражданскаго оборота, но и тогда, когда оно никому еще не передано, т. е.—самъ изобрѣтатель не лишенъ право подвергнуть выданную ему привилегію залогу на общемъ основаніи. Это вытекаетъ изъ прямаго указанія приведеннаго выше займа: „получившій привилегію можетъ въ опредѣленное привилегіею время пользоваться открытіемъ, изобрѣтеніемъ или усовершенствованіемъ, приводить въ исполненіе изобрѣтеніе или усовершенствованіе, принимать мѣры къ его распространенію, дозволять пользоваться онымъ другимъ и отчуждать самую привилегію“ словомъ, получившій привилегію имѣетъ полное и неограниченное право распоряжаться ею, какъ и всякою другою вещью, принадлежащею ему въ собственность, по своему усмотрѣнію, а слѣдовательно, можетъ отдавать ее въ закладъ.

На основаніи этого послѣдняго закона, право на привилегію можетъ быть и предметомъ найма, изъ чего слѣдуетъ, что привилегія можетъ находится у посторонняго лица на всякомъ правѣ, значитъ и на правѣ аренды и вообще временнаго пользованія. Если теперь такой временный владѣлецъ привилегіи дѣлается чьимъ либо должникомъ, на имущество котораго обращается взысканіе, или впадаетъ въ полную неоплатность, вслѣдствіе чего объявляется несостоятельнымъ должникомъ,—можетъ на принадлежащее ему право временнаго пользованія привилегіею быть предметомъ обращеннаго на него взысканія или поступить въ конкурсную массу?

Первая половина этого послѣдняго вопроса разрѣшается въ отрицательномъ смыслѣ бесусловно,—т. е. кредиторъ временнаго владѣльца привилегіи, или, лучше сказать, пользователя ею, не можетъ обращать на нее своего взысканія и требовать продажи такого права. Правительствующій сенатъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній (1886 г. № 67) подробно разобралъ вопросъ о возможности обращенія взысканія на арендное право вообще, и совершенно справедливо пришелъ къ тому заключенію, что наши законы не допускаютъ возможности понудительнаго отчужденія арендна го права: „по 402 ст. т. X ч. I, говоритъ онъ, наличные капиталы, заемныя письма, закладныя и обязательства всякаго рода принадлежатъ къ имуществамъ движимымъ. Къ этому разряду, безъ сомнѣнія, надлежитъ отнести и право арендатора, потому что оно опредѣляется законами, помѣщенными въ

книгѣ четвертой X т 1 ч. объ обязательствахъ по договорамъ. Но именно потому, что это не есть вещное право, а обязательственное, отнесенное къ разряду имуществъ движимыхъ лишь по особому постановленію закона, а не по природѣ своей, какъ напр. предметы, указанные въ 401 ст. т. X ч. 1, нельзя выводить примѣнимость 933 ст. уст. гр. суд., къ такому праву только потому, что въ этой статьѣ обращеніе взысканія на движимое имущество предусматривается какъ способъ исполненія рѣшенія". Сопоставляя затѣмъ разныя узаконенія, сенатъ продолжаетъ: „изъ смысла этихъ законовъ, явствуетъ, что кредитору предоставляется воспользоваться только цѣнностями, уже принадлежащими должнику или несомнѣнно слѣдующими ему во исполненіе договоровъ; но доколѣ изъ договорныхъ отношеній должника къ третьимъ лицамъ не возникло право его на какую либо *опредѣленную цѣнность*, взыскатель не имѣетъ права ни замѣщать своего должника въ видахъ отысканія этой слѣдующей ему цѣнности въ случаѣ спора, ни понуждать третьихъ лицъ къ исполненію договоровъ, ни извлекать изъ обязательствъ, устанавливающихъ права должника, тотъ матеріальный интересъ, который вообще сопряженъ съ обладаніемъ должникомъ этими правами,—а уполномоченъ закономъ пользоваться лишь тѣмъ, что въ данное время безспорно слѣдуетъ, или уже принадлежитъ должнику, и только при несостоятельности сего послѣдняго допускается непосредственное отношеніе взыскателя къ третьимъ лицамъ съ замѣстительствомъ должника. Если же такимъ образомъ не можетъ быть допущена продажа правъ должника по долговымъ обязательствамъ, несмотря на постановленіе 933 ст. уст. гр. суд. и на то, что и эти права отнесены къ имуществамъ движимымъ, то тѣмъ менѣе допустимъ подобный способъ удовлетворенія взыскателя на счетъ арендныхъ правъ должника. Не будучи уполномоченъ закономъ ни осуществлять, вмѣсто должника его права по обязательству, ни домогаться досрочнаго удовлетворенія посредствомъ продажи этого права для того, чтобы превратить его въ матеріальную цѣнность, какую оно можетъ представлять въ данное время, взыскатель, конечно, не имѣетъ права простирать своего притязанія на измѣненіе болѣе сложныхъ юридическихъ отношеній, установленныхъ между арендаторомъ и владѣльцемъ нанятаго имущества".

Что касается случаевъ объявленія временнаго владѣльца привилегіи несостоятельнымъ должникомъ, то вопросъ о правѣ на привилегію конкурса подлежитъ разрѣшенію на основаніи точнаго смысла 3 п. 477 ст. уст. суд. торг., т. е.—отъ конкурса зависитъ принять

договоръ къ исполненію или отказаться отъ него, предоставивъ собственнику привилегіи искать на массѣ наравнѣ съ другими заимодавцами.

Здѣсь полагаемъ умѣстно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе, чисто практическаго свойства: привилегія есть актъ, выдаваемый правительствомъ на имя опредѣленнаго лица или лицъ; слѣдовательно, при продажѣ ея съ публичнаго торга, не достаточно одной простой передачи ея покупщику, какъ это дѣлается при продажѣ съ публичнаго торга всякой другой движимой вещи (ст. 1058 уст. гр. суд.); переходъ права собственности на привилегію долженъ быть удостовѣренъ письменно. Кто-же, спрашивается, долженъ удостовѣрить переходъ привилегіи по продажѣ ея съ публичнаго торга?—Если принять во вниманіе, что законъ не предоставляетъ судебнымъ приставамъ дѣлать какія бы то ни было постановленія и выдавать обращающимся къ нимъ лицамъ какія либо удостовѣренія, но предоставляетъ имъ право выдавать лишь выписки изъ журнала (ст. 951 уст.), то необходимо прійти къ тому заключенію, что приставъ не имѣетъ права надписью своею на актѣ привилегіи удостовѣрить переходъ ея къ другому лицу; такое удостовѣреніе должно быть сдѣлано судомъ примѣнительно къ правилу 1083 ст. уст., которой опредѣляется порядокъ учиненія надписи о передачѣ взыскателю именныхъ билетовъ на принадлежащіе должнику капиталы, находящіеся въ кредитныхъ установленіяхъ; но для сего нѣтъ надобности вызывать должника и требовать, чтобы онъ подписалъ требуемую надпись, ибо разъ привилегія продана, всякое участіе должника въ дальнѣйшей процедурѣ является уже излишнимъ и ненужнымъ. Значитъ, вполнѣ достаточно, если покупщикъ привилегіи представитъ ее въ надлежащій судъ вмѣстѣ съ выпискою изъ журнала, въ который по правилу 1056 ст. уст., судебный приставъ долженъ вносить всѣ подробности торга на движимое имущество и будетъ просить объ учиненіи соотвѣтствующей надписи. Такое обращеніе къ суду для констатированія факта-пріобрѣтенія права на привилегію необходимо для пріобрѣтателя и въ другомъ отношеніи: по силѣ 25 ст. закона о прив., о передачѣ привилегіи другому лицу первоначальный хозяинъ ея долженъ донести о томъ департаменту торговли и мануфактуръ для надлежащій о томъ публикаціи въ вѣдомостяхъ. Но очевидно, въ разсматриваемомъ случаѣ объ обязаніи первоначальнаго хозяина привилегіи исполнить означенное требованіе закона не можетъ быть и рѣчи; посему, сообщеніе департаменту должно быть сдѣлано уже самимъ пріобрѣтателемъ, но съ надлежащимъ удостовѣреніемъ о переходѣ къ нему привилегіи

покупкою съ публичнаго торга; такое удостовѣреніе, конечно, должно быть выдано судомъ.

Послѣдній вопросъ, возбуждаемый обращеніемъ взысканія на привилегіи, заключается въ слѣдующемъ: по 1325 ст. проекта новаго устава, права на привилегіи во всемъ сравниваются съ авторскими правами. Авторскія же права, какъ по проекту (ст. 1322), такъ и по дѣйствующему уставу (ст. 1041), не подлежатъ понудительному отчужденію безъ согласія автора, а по смерти его, *безъ согласія его наслѣдниковъ*. Спрашивается теперь, должно ли быть распространяемо это правило и на наслѣдниковъ изобрѣтателя и открывателя? Намъ кажется, что этотъ вопросъ долженъ быть и нынѣ разрѣшаемъ въ смыслѣ утвердительномъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи законныхъ наслѣдниковъ, которые являются продолжателями юридической личности умершаго, и потому имъ должны принадлежать всѣ тѣ права, которыя принадлежали самому наслѣдодателю. Посему, право на привилегію не можетъ быть отчуждаемо понудительнымъ порядкомъ и отъ законныхъ наслѣдниковъ изобрѣтателя, и притомъ, совершенно независимо отъ того, какимъ путемъ привилегія перешла къ нимъ въ наслѣдство, путемъ ли законнаго наслѣдованія или по завѣщанію.

Болѣе спорнымъ представляется вопросъ относительно постороннихъ лицъ, унаслѣдовавшихъ привилегію по завѣщанію изобрѣтателя, ибо здѣсь уже не будетъ наслѣдованія въ тѣсномъ смыслѣ слова, а лишь простое пріобрѣтеніе безмезднымъ способомъ, принятіе дара; а такъ какъ и при обыкновенномъ дареніи подаренное право на привилегію должно быть разсматриваемо не иначе, какъ право имущественное, не пользующееся особыми преимуществами, то и въ случаѣ даренія посредствомъ завѣщанія оно не должно пользоваться никакими особыми преимуществами. Допустить противное сему толкованію, значитъ допустить и то, что и отъ простого одареннаго привилегія не можетъ быть отчуждаема. Но это едва ли возможно допустить, такъ какъ ничѣмъ невозможно оправдать такое преимущество лица, пріобрѣвшаго привилегію чрезъ дареніе, предъ всѣми другими возмездными пріобрѣтателями ея.

Въ заключеніе считаемъ необходимымъ замѣтить, что все сказанное относится исключительно къ привилегіямъ на открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія, и ни въ какомъ случаѣ не должно относиться ко всякаго другого рода привилегіямъ, каковы, напр., привилегіи на право производить какую либо торговлю въ данной мѣстности съ устраненіемъ всякой конкуренціи со стороны тѣхъ лицъ, которымъ

не дано права на производство той же торговли. Такъ: по правиламъ устава врачебнаго, содержать аптеки разрѣшается не всякому, а лишь тѣмъ, кому дано на это дозволеніе въ установленномъ порядкѣ. Такія дозволенія во многихъ мѣстностяхъ Россіи называются тоже привилегіями; но эти привилегіи не имѣютъ ничего общаго съ разсматриваемыми, и понудительное отчужденіе ихъ, хотя быть можетъ и съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ особыхъ условій, всегда возможно.

В. Л. Исаченко.

БРОДЯЖЕСТВО ПО НОВОМУ УГОЛОВНОМУ УЛОЖЕНІЮ [1]).

III.

Въ то самое время, когда проектъ уголовнаго уложенія разсматривался особымъ совѣщаніемъ, Государственному Совѣту пришлось, между тѣмъ, войти въ обсужденіе вопроса объ усиленіи репрессіи за бродяжество и изысканіи наиболѣе дѣйствительныхъ мѣръ борьбы съ нимъ при разсмотрѣніи совершенно другого законопроекта, а именно представленія Министерства Юстиціи отъ 25 марта 1900 года по вопросу объ отмѣнѣ и ограниченіи ссылки. Измѣненія, внесенныя въ уложеніе о наказаніяхъ въ опредѣленія о бродяжествѣ закономъ 12 іюня 1900 г., для уясненія и оцѣнки постановки этого преступленія въ новомъ уголовномъ уложеніи представляютъ особый интересъ потому, что, съ одной стороны, законъ 12 іюня можетъ, по справедливости, считаться не только послѣднимъ, но и наиболѣе яркимъ и законченнымъ выраженіемъ взгляда законодателя на дѣйствительное значеніе бродяжества въ современной русской жизни, а съ другой — въ выработкѣ этого закона принимали участіе тѣ же правительственные органы, которымъ принадлежитъ и послѣдняя, получившая законодательную санкцію, редакція постановленій о бродяжествѣ новаго уголовнаго уложенія,—Министерство Юстиціи и Государственный Совѣтъ. Обсужденію предположеній объ отмѣнѣ и ограниченіи ссылки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ усиленіи репрессіи за бродяжество въ Государственномъ Совѣтѣ предшествовало, какъ извѣстно, подробное и весьма широко постановленное изслѣдованіе этихъ вопросовъ въ особой, образованной по Высочайшему повелѣнію, комиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки, въ которой принимали между прочимъ участіе два члена редакціонной комиссіи по составленію новаго уголовнаго уложенія; вопросъ о бродяжествѣ вызвалъ въ комиссіи споръ; было

[1]) См. Вѣстникъ Права, Январь, стр. 102—132.

высказано два мнѣнія, и хотя одно изъ этихъ мнѣній представлялось только однимъ голосомъ, тѣмъ не менѣе для всесторонняго освѣщенія вопроса и въ виду научнаго авторитета лица, которому принадлежало это мнѣніе, на дебатахъ, происходившихъ въ комиссіи по вопросу о бродяжествѣ, и вообще на исторіи измѣненій, внесенныхъ въ постановленія объ отвѣтственности за это преступленіе закономъ 12 іюня 1900 г., необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться, тѣмъ болѣе, что въ работахъ, предшествовавшихъ изданію этого закона, содержатся весьма цѣнныя данныя, отлично освѣщающія разсматриваемый вопросъ съ бытовой стороны.

Исторія вопроса объ усиленіи наказаній за бродяжество ведетъ свое начало почти съ того же времени, когда, въ силу указанныхъ выше причинъ, а именно недостатка мѣстъ въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ и тюрьмахъ, единственнымъ и нормальнымъ наказаніемъ за бродяжество явилось водвореніе въ Сибири (поселеніе бродягъ за Кавказомъ отмѣнено въ 1867 году). Уже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ начали поступать представленія мѣстныхъ начальствъ о необходимости повышенія репрессіи за это преступленіе, установленія болѣе дѣйствительныхъ мѣръ борьбы съ нимъ. Надлежащее движеніе вопросъ этотъ получилъ, однако, только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, по возвращеніи въ Петербургъ командированнаго въ 1881 году, по Высочайшему повелѣнію, для ознакомленія на мѣстахъ съ дѣйствительнымъ положеніемъ каторги и ссылки Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія [1]). Указавъ на ненормальность условій отбыванія уголовнаго наказанія лишенными всѣхъ правъ состоянія преступниками, Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія, въ представленной имъ запискѣ по обозрѣнію тюремной части въ Сибири, признавалъ необходимымъ, въ видахъ сохраненія за каторгой особаго характера ссылки, тяжкихъ внѣшнихъ работъ и строгаго тюремнаго заключенія, равно предотвраще-

---

[1]) Въ запискѣ о ссылкѣ, представленной Начальникомъ Главнаго Тюремнаго Управленія Министру Внутреннихъ Дѣлъ 28 декабря 1886 года [напечатана въ справкѣ „по вопросу о значеніи ссылки какъ наказанія“ (стр. 46—79), составленной Государственною Канцеляріею въ 1900 году при разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ проекта новаго уголовнаго уложенія], имѣются указанія, что еще въ половинѣ семидесятыхъ годовъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ было выработано предположеніе объ измѣненіи наказанія за бродяжничество и о замѣнѣ присуждаемой за оное ссылки на водвореніе ссылкою въ каторжныя работы на болѣе продолжительные сроки, не получившее разрѣшенія, въ виду предпринятаго общаго пересмотра уголовныхъ законовъ (стр. 74).

нія осужденнымъ въ каторжныя работы возможности совершать побѣги, локализировать ссылку преступниковъ на островѣ Сахалинѣ и въ Забайкальской области и въ то же время установить за бродяжество самую высшую мѣру наказанія [2]. Первое изъ этихъ предположеній тогда же получило осуществленіе. Что же касается одобреннаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ проекта Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія замѣнить для бродягъ ссылку на водвореніе въ Сибири ссылкою въ каторжныя работы съ сосредоточеніемъ всѣхъ осужденныхъ за это преступленіе на островѣ Сахалинѣ, то эта мѣра встрѣтила нѣкоторыя возраженія со стороны Министерства Юстиціи, которому вопросъ этотъ былъ дважды сообщаемъ на заключеніе въ 1882 и 1886 годахъ [3]. Возраженія Министерства Юстиціи были направлены, впрочемъ, только противъ предположенія установить за бродяжество въ законѣ каторжныя работы. Съ необходимостью устраненія условій,

---

[2]) Повторяя это предложеніе нѣсколько лѣтъ спустя, Начальникъ Главнаго Тюремнаго Управленія г. Галкинъ-Враскій, между прочимъ, говоритъ (ibidem, стр. 55—56): „. . . Изъ года въ годъ передвигаются по трактамъ и тюрьмамъ Россійской Имперіи тысячи людей, познавшихъ льготы, которыя они могутъ извлечь изъ устарѣвшаго закона, съ циническою откровенностью смѣющихся надъ правосудіемъ и лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ изобличаемыхъ въ ихъ дѣйствительномъ званіи, благодаря смѣлости и находчивости чиновъ тюремной администраціи и полиціи. Во всѣхъ пересыльныхъ тюрьмахъ эти бродяги, слѣдующіе на водвореніе, держатъ въ негласномъ повиновеніи себѣ всю арестантскую среду, знакомятъ ее заранѣе со всѣми особенностями сибирской ссылки, научаютъ—гдѣ и какъ съ наибольшими шансами на безнаказанность избавиться отъ присужденнаго наказанія или, какъ выражается ссыльный, „перемѣнить свою участь", то-есть обратиться изъ каторжнаго въ бродягу и затѣмъ въ ссыльно-водворяемаго. Этотъ видъ ссыльныхъ, по истинѣ, наиболѣе опасный врагъ общественной безопасности и правосудія, и современное состояніе ссылки на водвореніе, по справедливости, является однимъ изъ главнѣйшихъ основаній громаднаго количества побѣговъ съ каторги на материкѣ Азіатской Россіи".

[3]) Мѣстными главными начальствами предположенія Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія были встрѣчены очень сочувственно (отзывы ихъ напечатаны въ той же справкѣ, стр. 80—83). По поводу проектированнаго усиленія наказанія за бродяжество Пріамурскій генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ заявилъ, „что мѣра эта сразу уменьшитъ число бродягъ до несравненно низшей цифры, а вмѣстѣ съ этимъ облегчится возможность надзора за этимъ людомъ, нынѣ наводняющимъ всѣ сибирскія дороги и тропы, и ловить который не достало бы не только никакой полиціи, но и наличныхъ силъ всего населенія. Весь контингентъ преступниковъ, приговариваемыхъ нынѣ къ ссылкѣ на водвореніе,—полагалъ баронъ Корфъ—отпадетъ въ самомъ скоромъ времени и поэтому принимать его въ разсчетъ даже вовсе не слѣдуетъ, кромѣ развѣ первыхъ одного или двухъ лѣтъ" (ibidem, стр. 80).

дѣлающихъ недѣйствительнымъ наказаніе, опредѣляемое за это преступленіе,—условій, заключающихся въ полномъ отсутствіи надзора за водворенными бродягами и проистекающей отсюда легкости побѣговъ, Министерство Юстиціи вполнѣ соглашалось, но полагало, что эта цѣль могла бы быть достигнута и безъ усиленія наказаній за бродяжество—водвореніемъ ихъ въ такой мѣстности, побѣгъ изъ коей былъ бы сопряженъ съ наибольшими трудностями, а именно на островѣ Сахалинѣ. Такъ какъ Министерство Юстиціи предполагало при этомъ, что водворенные на Сахалинѣ бродяги не будутъ оставлены безъ занятій, и что бродяги, не нашедшіе себѣ частныхъ заработковъ, на точномъ основаніи закона, по распоряженію администраціи, будутъ употребляться на всякаго рода работы, въ томъ числѣ и на менѣе тяжкіе виды каторжныхъ работъ, и въ то же время принимало во вниманіе, что и при установленіи за бродяжество ссылки въ каторжныя работы осужденные бродяги чрезъ нѣкоторое время водворенія на островѣ Сахалинѣ должны были бы обращаться въ то же положеніе ссыльно-поселенцевъ, то оно имѣло полное право сказать, какъ оно и сдѣлало это въ своемъ отзывѣ (12 февраля 1887 года, № 5010), что предложенныя имъ мѣры мало чѣмъ разнились отъ предположеній Начальника Главнаго Тюремнаго Управленія.

Въ представленіи объ ограниченіи ссылки, внесенномъ въ Государственный Совѣтъ 26 февраля 1888 года за подписями Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, статью 951 улож. наказ. предполагалось изложить такъ: „Бродяга, называющій себя непомнящимъ родства, или же подъ инымъ какимъ либо предлогомъ упорно отказывающійся объявить о своемъ состояніи или званіи и постоянномъ мѣстѣ жительства, присуждается: къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 4 года, потомъ же водворяется въ Восточной Сибири или Пріамурскомъ краѣ, по усмотрѣнію Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Женщины отдаются въ тюрьмы на тотъ же срокъ и потомъ отправляются на водвореніе въ Сибирь...... *Примѣчаніе.* Бродяги, признаваемые негодными къ работамъ въ арестантскихъ отдѣленіяхъ, не освобождаются отъ содержанія въ сихъ мѣстахъ заключенія, но употребляются въ оныхъ на занятія, соотвѣтствующія ихъ силамъ и состоянію здоровья“... Въ разсмотрѣніе существа этого предположенія Государственный Совѣтъ въ то время, однако, не вошелъ, такъ какъ, остановившись сначала на финансовой сторонѣ вопроса, призналъ, что принятіе указанной мѣры, находившейся въ связи съ предположеніями объ ограниченіи судебной ссылки, должно было бы увеличить численность тюремнаго населенія приблизительно на 1667

человѣкъ ежегодно, что, въ свою очередь, повлекло бы за собою новые постоянные расходы казны въ количествѣ около 1.475.738 р. въ годъ, независимо отъ единовременныхъ затратъ на устройство новыхъ и расширеніе существующихъ тюремныхъ помѣщеній въ суммѣ до 5.000 000 руб. Находя, что въ то трудное для русскихъ финансовъ время увеличеніе государственныхъ расходовъ могло бы было быть допущено только на удовлетвореніе неотложныхъ потребностей, и не признавая такого значенія за вопросомъ объ ограниченіи судебной ссылки и усиленіи уголовной отвѣтственности за бродяжество, Государственный Совѣтъ поручилъ Министрамъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, по взаимному между ними соглашенію, войти въ новое соображеніе вопросовъ объ ограниченіи ссылки въ Сибирь на поселеніе, объ отмѣнѣ ссылки на житье въ Сибирь и другія отдаленныя губерніи и объ измѣненіи наказаній за бродяжество, съ тѣмъ, чтобы предположенія по этимъ предметамъ, въ связи съ соображеніями о срокѣ приведенія въ дѣйствіе проектированныхъ мѣръ, о необходимыхъ для сего средствахъ и о вызываемыхъ означенными мѣрами измѣненіяхъ въ дѣйствующемъ уголовномъ законодательствѣ внесены были на уваженіе Государственнаго Совѣта (журналъ Соединенныхъ Департаментовъ Государственнаго Совѣта 16 и 18 апрѣля и 9 мая 1888 года, № 60).

Хотя въ слѣдующемъ же 1889 году между Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи состоялось соглашеніе о выдѣленіи вопроса объ усиленіи отвѣтственности за бродяжество изъ числа вопросовъ, возбуждавшихся предположеніями объ измѣненіи объема судебной ссылки, тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ оставался безъ движенія до 1895 года, когда онъ былъ вторично возбужденъ Начальникомъ Главнаго Тюремнаго Управленія, опять таки по возвращеніи его изъ поѣздки въ Сибирь и на островъ Сахалинъ. По соглашенію съ Министерствомъ Юстиціи, 5 мая 1895 года Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ изданъ циркуляръ, коимъ губернаторамъ предлагалось, въ видѣ временной мѣры: 1) тѣхъ изъ осужденныхъ за бродяжество, не старѣе 50 лѣтъ, исключая евреевъ, которые, по медицинскому освидѣтельствованію, окажутся здоровыми и годными къ работамъ, направлять въ пересыльныя тюрьмы для высылки ихъ затѣмъ на островъ Сахалинъ и 2) хронически больныхъ и неспособныхъ къ работамъ бродягъ оставлять въ больницахъ или отсылать, на основаніи существующихъ законоположеній, для поселенія въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Начальству острова Сахалина вмѣстѣ съ тѣмъ было поручено высланныхъ на Сахалинъ бродягъ подвергать принудитель-

нымъ работамъ наравнѣ съ ссыльно-каторжными—задержанныхъ въ предѣлахъ Европейской Россіи въ теченіе 1½ года, а задержанныхъ въ Сибири въ теченіе 4 лѣтъ, на основаніи правилъ о временныхъ заводскихъ работникахъ и водворяемыхъ рабочихъ (уст. ссыльн., ст. 321, 507). Какъ свидѣтельствуетъ авторъ оффиціальнаго труда „Ссылка въ Сибирь", изданнаго въ 1900 году Комиссіей о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки (стр. 277), циркуляръ 1895 года былъ для бродягъ крупной непріятностью. Многіе непомнящіе родства стали тотчасъ же его припоминать и обращаться въ простыхъ безписьменныхъ. Согласно цифровымъ даннымъ, приведеннымъ въ журналахъ комиссіи (стр. 17), въ томъ же самомъ году ежегодное число ссылаемыхъ за бродяжество, превышавшее до того 1000 чел., сразу сократилось до 491 чел., а въ 1898 и 1899 годахъ не превышало и 300 чел. въ годъ.

Образованная въ 1899 году, по Высочайшему повелѣнію, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, Комиссія о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки, приступивъ къ разрѣшенію вошедшаго въ программу ея вопроса объ отмѣнѣ ссылки на водвореніе и измѣненіи наказаній за бродяжество, какъ и слѣдовало ожидать, придала большое значеніе результатамъ циркуляра 1895 г. Опытъ примѣненія этого циркуляра на практикѣ показалъ, по мнѣнію Комиссіи, что преступленіе бродяжества сравнительно легко поддается уголовной репрессіи, если эта репрессія примѣняется въ цѣлесообразной формѣ. Разсчитывая на то, что съ проектированной Комиссіей почти полной отмѣной ссылки на поселеніе число бродягъ должно еще значительно сократиться, Комиссія приняла, однако, вмѣстѣ съ тѣмъ въ соображеніе, что такъ какъ отмѣна каторги не предполагается, то будущій контингентъ бродягъ, наряду съ количественнымъ уменьшеніемъ, окажется, по всей вѣроятности, качественно концентрированнымъ, т. е. будетъ состоять почти сплошь изъ присужденныхъ къ высшему наказанію тяжкихъ и закоренѣлыхъ преступниковъ. Признавая себя обязанной поэтому отнестись къ вопросу объ установленіи за бродяжество такого наказанія, посредствомъ котораго съ этимъ преступленіемъ можно было бы успѣшно бороться, съ особымъ вниманіемъ, Комиссія прежде всего единогласно рѣшила возстановить прежнее основное наказаніе за бродяжество—отдачу въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 4 года съ установленіемъ для бродягъ особаго порядка отбыванія этого наказанія, отличающагося болѣе суровымъ тюремнымъ режимомъ, воспрещеніемъ вывода ихъ на внѣшнія работы, перевода въ разрядъ исправляющихся, а слѣдовательно, и сокращенія имъ срока заключенія. „Подоб-

ное наказаніе, по мнѣнію Комиссіи — читаемъ въ ея журналѣ (стр. 18)—будетъ имѣть весьма устрашающее значеніе для такихъ тунеядцевъ, привыкшихъ къ праздности людей, какими являются большинство бродягъ, и по всей вѣроятности поведетъ къ обнаруженію многими изъ нихъ своего истиннаго происхожденія". Затѣмъ, въ виду доказаннаго опытомъ цѣлесообразнаго вліянія высылки бродягъ на островъ Сахалинъ на сокращеніе ихъ ежегоднаго числа, Комиссія остановилась на вопросѣ, надлежитъ ли эту мѣру примѣнять и на будущее время, или ссылка на водвореніе должна быть отмѣнена, и наказаніе бродягъ ограничено только тяжкимъ видомъ срочнаго заключенія. При разрѣшеніи этого вопроса въ средѣ Комиссіи произошло разногласіе. Одинъ членъ Комиссіи, И. Я. Фойницкій, высказался противъ предположенія наказывать бродягъ, званіе коихъ не обнаружено, ссылкою на водвореніе или на поселеніе, причемъ въ поданномъ имъ особомъ мнѣніи подробно развилъ тѣ соображенія, въ силу которыхъ онъ не находитъ возможнымъ согласиться на примѣненіе къ бродягамъ пожизненной ссылки (приложеніе № 2 къ журналамъ Комиссіи, стр. 118—124). По мнѣнію И. Я. Фойницкаго, установленіе пожизненной ссылки для бродягъ за сокрытіе своего происхожденія не только не имѣетъ за себя правовыхъ основаній, но не можетъ быть оправдано даже и утилитарными соображеніями, хотя такіе институты, какъ наказаніе, казалось бы, не могутъ опираться исключительно на соображенія подобнаго рода. Въ доказательство того, что пожизненная ссылка въ примѣненіи къ бродягамъ не имѣетъ за себя правовыхъ основаній, И. Я. Фойницкій прежде всего указываетъ на то, что „для людей, стремящихся путемъ запирательства личности скрыть свое преступное прошлое, пожизненная ссылка представляется наказаніемъ *несправедливымъ*, частью въ виду того, что скрываемыя ими преступленія далеко неодинаковы, такъ что было бы неправильно подвергать ихъ за одинъ фактъ запирательства одному и тому же наказанію, частью и потому, что съ началами современнаго уголовнаго процесса въ глубокомъ противорѣчіи стоитъ примѣненіе къ обвиняемому наказаній за попытки его скрыть свою виновность. Для раскрытія ея въ распоряженіи государства имѣются нынѣ многообразные способы, до фотографіи и антропологическихъ измѣреній включительно, и одно лишь несовершенство примѣняемыхъ государствомъ для этой цѣли способовъ отнюдь не можетъ создавать вины на сторонѣ частнаго лица, получающаго или могущаго получить отъ такого несовершенства какія либо выгоды". Далѣе, находитъ И. Я. Фойницкій, предположеніе о наказуемости бродягъ ссылкою на водвореніе

или на поселеніе опирается на мысль, что бродяги, отказывающіеся обнаружить свое истинное происхожденіе, принадлежатъ къ опаснымъ для общества рецидивистамъ, прибѣгающимъ къ такому запирательству для сокрытія своей тяжкой преступности или даже присужденія ихъ къ тяжкому наказанію, именно, главнымъ образомъ къ каторгѣ, и что они всегда могутъ обнаружить свое происхожденіе. „Въ дѣйствительности же—говоритъ онъ—кромѣ стремленія скрыть свои преступность и судимость, весьма часто многія другія причины настоятельно побуждаютъ человѣка скрывать свое происхожденіе или даже лишаютъ его возможности доказать таковое при всей его къ тому доброй волѣ. Причинами этими особенно богаты бытовыя условія нашей жизни. Сюда можно отнести: религіозный фанатизмъ, на почвѣ котораго выростаетъ у насъ паломничество, странничество и отрицаніе паспортной системы; семейныя драмы и домашнія огорченія всякаго рода, въ высшихъ проявленіяхъ своихъ способныя доводить человѣка до самоубійства физическаго или до самоубійства гражданскаго, выражающагося въ рѣшимости разстаться со своимъ именемъ и поставить крестъ на прошломъ; огорченія нераздѣленной любви; наконецъ, и иного рода личныя или даже имущественныя бѣдствія, оказывающія порою до того могучее психическое вліяніе на человѣка, имъ подвергнувшагося, что онъ не останавливается передъ полнымъ разрывомъ со всѣмъ прежнимъ, если не для избѣжанія, то по крайней мѣрѣ для смягченія ихъ постояннаго напора, и одѣваетъ на себя маску. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, очевидно, сокрытіе прежняго имени и принятіе новаго само по себѣ не только не представляетъ для общежитія какой либо опасности, но даже, напротивъ, очень часто дѣлается въ цѣляхъ облегчить себѣ возможность честнаго и спокойнаго гражданственнаго существованія, что для общежитія можетъ быть только полезно. Для того, чтобы защищать противоположное положеніе и утверждать, что всѣ или почти всѣ бродяги, скрывающіе свое происхожденіе, тѣмъ самымъ скрываютъ свои прежнія преступленія и прибѣгаютъ къ этому для избѣжанія наказанія, слѣдовало бы представить соотвѣтствующія данныя о томъ, кѣмъ въ дѣйствительности оказывались люди, судившіеся и осужденные за бродяжество, когда происхожденіе ихъ удавалось обнаружить впослѣдствіи. Такихъ данныхъ Комиссія въ распоряженіи своемъ не имѣетъ, а по случаямъ, доходившимъ изъ судебной практики до моего свѣдѣнія, я считаю возможнымъ утверждать, что въ числѣ ихъ нерѣдко встрѣчались люди безъ всякаго преступнаго прошлаго. Мало того: нельзя отрицать возможности даже такихъ случаевъ, когда бродяга,

при самой доброй волѣ обнаружить свое происхожденіе, не въ состояніи сдѣлать этого по причинамъ, отъ него не зависящимъ, напр., въ виду несовершенства дѣйствующей системы метрическихъ записей и паспортной, слабости полицейской организаціи, преступной дѣятельности или небрежности третьихъ лицъ, а порою даже вслѣдствіе силъ стихійныхъ. Невозможность доказать истинное происхожденіе здѣсь въ концѣ концовъ сводится къ несовершенствамъ общественныхъ пріемовъ дѣятельности, а за нихъ, очевидно, частное лицо не можетъ быть привлекаемо къ уголовной отвѣтственности".

„Еще болѣе усугубляется—продолжаетъ онъ — несправедливость такого тяжкаго наказанія, какъ пожизненная ссылка для бродягъ за сокрытіе ими своего происхожденія, установившимся въ нашей судебной практикѣ положеніемъ, согласно которому обнаруженіе истиннаго происхожденія бродяги облегчаетъ его участь тогда лишь, когда оно послѣдовало до обращенія приговора къ исполненію. Коренное же измѣненіе его невозможно, такъ какъ производство изслѣдованій о происхожденіи бродяги сопряжено было бы съ неимовѣрными трудностями послѣ того, какъ бродяга уже сосланъ, и его отдѣляютъ отъ родины тысячи верстъ".

Переходя къ соображеніямъ утилитарнаго характера, приводимымъ въ пользу установленія для бродягъ пожизненной ссылки, И. Я. Фойницкій утверждаетъ, что и эти соображенія по ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ оказываются призрачными: „Три причины—говоритъ онъ— въ прежнее время вызывали у насъ главнымъ образомъ развитіе бродяжества: крѣпостное состояніе, рекрутчина и ссылка. Съ отпаденіемъ двухъ первыхъ причинъ бродяжничество значительно сократилось, а насколько оно еще остается, оно питается по преимуществу ссылкою. И этою то мѣрою, порождающею и поддерживающею бродяжество, надѣются противодѣйствовать ему!" Останавливаясь въ частности на предположеніи сосредоточить ссылку бродягъ на островѣ Сахалинѣ, И. Я. Фойницкій замѣчаетъ, что, независимо отъ чрезмѣрной тяжести этого наказанія за такое преступленіе, чисто формальное и даже фиктивное, слѣдуетъ имѣть въ виду, что и съ Сахалина происходятъ побѣги; кромѣ того, мѣстность эта, ссылка въ которую обходится государству весьма дорого, не представляетъ сколько нибудь надежныхъ условій для прочнаго водворенія и, по отзывамъ безпристрастныхъ частныхъ изслѣдователей, если не исчерпана уже для ссылки теперь, то въ скоромъ времени будетъ окончательно переполнена.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ И. Я. Фойницкій находилъ безу-

словно необходимымъ совершенно измѣнить систему борьбы съ бродяжествомъ, замѣнивъ ссылку бродягъ, развивающую въ нихъ только кочевыя наклонности и стремленіе въ праздности противоположною системою продолжительнаго и непрерывнаго воспитанія въ рабочихъ привычкахъ, съ постояннымъ надзоромъ и устойчивою дисциплиною: „Если послѣ продолжительнаго, напр. въ теченіи 4—6 лѣтъ, заключенія въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ или въ исправительномъ домѣ,—говоритъ И. Я. Фойницкій—бродяга пріобрѣлъ привычки правильнаго труда и гражданственности, то онъ можетъ быть выпущенъ на свободу въ предѣлахъ Имперіи съ тою же и даже большею безопасностью, какъ на Сахалинѣ бродяга, прошедшій ссыльное воспитаніе, причемъ, конечно, личность его со всею точностью установляется путемъ фотографіи и антропометрическихъ измѣреній, а затѣмъ отъ губернскаго начальства ему выдается паспортъ, подъ которымъ онъ и значится впослѣдствіи, подвергаясь на первое время полицейскому надзору. Если, однако, несмотря на исполнившееся заключеніе, онъ не усвоилъ себѣ никакого честнаго мастерства или ремесла и продолжаетъ обнаруживать наклонность къ бродяжеству или преступленіямъ, то губернскому начальству, вмѣсто выдачи ему паспорта на руки, слѣдуетъ предоставить власть помѣщать его въ рабочій домъ на дальнѣйшій срокъ до 5 лѣтъ, не въ видѣ наказанія, а въ качествѣ мѣры предупредительной, для продолженія трудоваго воспитанія. Затѣмъ, по истеченіи такимъ образомъ не менѣе 10 лѣтъ со времени первоначальнаго задержанія, всякій бродяга по необходимости настолько измѣнится, что полное его освобожденіе не представитъ болѣе для общества никакой опасности, а если бы эта надежда не оправдалась, то въ распоряженіи власти останутся фотографическіе снимки и антропометрическія записи, при помощи которыхъ личность каждаго бродяги можетъ быть установлена со всею точностью“.

Предсѣдатель и остальные члены Комиссіи съ предложеніемъ И. Я. Фойницкаго не нашли возможнымъ согласиться. Обсудивъ представленныя имъ соображенія противъ предположенія ссылать бродягъ на островъ Сахалинъ, большинство Комиссіи признало, что соображенія эти далеко не имѣютъ рѣшающаго значенія. Не отрицая того, что среди бродягъ могутъ встрѣчаться иногда личности и безъ преступнаго прошлаго, большинство Комиссіи обратило вниманіе, однако, на то, что всѣ безъ исключенія изслѣдователи ссылки приходили къ заключенію, что подъ именемъ бродягъ скрываются или люди, совершившіе настолько важныя преступленія, что имъ выгодно скрывать свою истинную личность и подвергнуться наказанію за бродяжество,

какъ слабѣйшему, или, еще чаще,—бѣглые каторжные и ссыльные, стремящіеся по типичному арестантскому выраженію „перемѣнить свою участь“. Но даже и по отношенію къ единичнымъ личностямъ, скрывающимъ свое званіе по инымъ побужденіямъ большинство Комиссіи затруднилось признать ссылку мѣрою нецѣлесообразной, „ибо по условіямъ современной жизни—говоритъ Комиссія (журналъ, стр. 21)—подобныя личности могутъ быть терпимы развѣ въ отдаленныхъ малонаселенныхъ окраинахъ“.... Не находя возможнымъ поэтому отказаться отъ ссылки бродягъ на островъ Сахалинъ, но рѣшительно высказавшись противъ водворенія ихъ въ Сибири, большинство Комиссіи сочло необходимымъ изъять опредѣленіе мѣста ссылки изъ вѣдѣнія административной власти и указать въ самомъ законѣ, что бродяги должны быть ссылаемы на водвореніе на островъ Сахалинъ [1]).

И Министръ Юстиціи и Государственный Совѣтъ къ предположеніямъ большинства Комиссіи вполнѣ присоединились. Повторивъ всѣ соображенія, приведенныя большинствомъ Комиссіи, Министръ Юстиціи, съ своей стороны, высказался за отмѣну содержавшагося во 2 части статьи 952 уложенія о наказаніяхъ правила о наказаніи бродягъ розгами за ложное показаніе о своемъ званіи. „Это послѣднее постановленіе—читаемъ въ представленіи (стр. 96) противорѣчитъ основнымъ началамъ современнаго уголовнаго процесса, въ силу коихъ обвиняемый не можетъ быть присуждаемъ къ дачѣ правдивыхъ объясненій“. Государственный Совѣтъ относительно проектированныхъ правилъ о наказаніяхъ за бродяжество ограничился частичными замѣчаніями кодификаціоннаго характера. Въ журналѣ Соединенныхъ Департаментовъ нѣтъ даже и намека на то, чтобы основной вопросъ о необходимости усиленія репрессіи за это преступленіе вызвалъ въ средѣ Департаментовъ хотя малѣйшее сомнѣніе.

---

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что въ программу Комиссіи о мѣропріятіяхъ по отмѣнѣ ссылки входилъ, между прочимъ, вопросъ объ учрежденіи для борьбы съ бродяжествомъ (въ западно-европейскомъ смыслѣ) рабочихъ домовъ съ принудительнымъ трудомъ, внесенный въ нее учрежденною при Министерствѣ Юстиціи въ 1898 году, подъ предсѣдательствомъ сенатора Мѣщанинова, Комиссіею для разработки вопроса о мѣрахъ борьбы противъ профессіональнаго нищенства и бродяжества. Вопросъ этотъ остался Комиссіей нерaзсмотрѣннымъ и въ настоящее время переданъ, согласно Высочайшему повелѣнію 13 мая 1903 года, въ Высочайше учрежденную, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, Особую Комиссію для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія.

IV.

Постановленія объ отвѣтственности за бродяжество закона 12 іюня 1900 года и новаго уголовнаго уложенія являются, несомнѣнно, побѣдою—первыя болѣе полной, вторыя менѣе полной—сторонниковъ точки зрѣнія на это преступленіе, лежащей въ основѣ дѣйствующаго закона. При выработкѣ какъ тѣхъ, такъ и другихъ законоположеній, эта точка зрѣнія, имѣющая многочисленныхъ защитниковъ главнымъ образомъ среди юристовъ-практиковъ, какъ было указано, встрѣтила рѣшительныя возраженія со стороны юристовъ-теоретиковъ, находившихъ ее совершенно несогласимою съ основными началами права и процесса. Развитыя болѣе или менѣе подробно въ объясненіяхъ Редакціонной Комиссіи по составленію новаго уголовнаго уложенія, въ статьяхъ В. Д. Набокова и А. А. Жижиленко и въ особомъ мнѣніи И. Я. Фойницкаго, возраженія эти, если опустить изъ нихъ все, неимѣющее прямого отношенія къ вопросу, могутъ быть формулированы въ слѣдующихъ шести тезисахъ: 1) система дѣйствующаго законодательства о бродяжествѣ построена на презумпціи, что всякій бродяга непремѣнно тяжкій уголовный преступникъ. Пріемъ этотъ долженъ быть признанъ неправильнымъ, во первыхъ, потому, что современная наука уголовнаго права вообще отказалась отъ всякихъ ни на чемъ неоснованныхъ презумпцій, во вторыхъ, потому, что указанная презумпція опровергается данными судебной практики, свидѣтельствующими о томъ, что превращеніе въ бродягу не всегда обусловливается въ дѣйствительности желаніемъ скрыть свою преступность и прежнюю судимость, но и многими другими побужденіями (Редакціонная Комиссія, Фойницкій, Набоковъ, Жижиленко); 2) преслѣдованіе въ бродяжествѣ желанія избѣгнуть отвѣтственности за совершенное преступленіе находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ началами современнаго уголовнаго процесса, не допускающими примѣненія къ обвиняемому наказаній за попытки скрыть свою вину (Фойницкій); 3) обнаруженіе бѣжавшихъ преступниковъ и нераскрытыхъ виновниковъ преступленій должно быть достигаемо не драконовскими постановленіями относительно бродягъ, а другими болѣе гуманными и болѣе совершенными мѣрами, до фотографіи и антропометрическихъ измѣреній включительно, и одно лишь несовершенство примѣняемыхъ государствомъ съ этою цѣлью способовъ не можетъ создавать вины на сторонѣ частнаго лица, получающаго или могущаго получить отъ такого несовершенства какія либо выгоды (Фойницкій, Набоковъ);

4) опредѣляемое бродягамъ наказаніе налагается всегда въ одной и той же мѣрѣ, за совершенною неизвѣстностью побужденій, которыя заставляютъ обвиняемаго скрывать свое званіе, и невозможностью поэтому соразмѣрить тяжесть наказанія со степенью вины (Редакціонная Комиссія); 5) примѣненіе къ бродягамъ пожизненной ссылки нецѣлесообразно уже потому, что, какъ показалъ опытъ, бродяжество въ настоящее время питается главнымъ образомъ ссылкою, слѣдовательно, мѣра эта совершенно неспособна оградить населеніе отъ бродягъ (Фойницкій), и 6) разсмотрѣніе дѣлъ о бродягахъ на судѣ не соотвѣтствуетъ задачамъ судебной дѣятельности, съ одной стороны, потому, что въ дѣлахъ этихъ судъ является не рѣшителемъ какого либо спорнаго вопроса, а чисто исполнительною властью, примѣняющею законъ къ безспорному факту, удостовѣренному путемъ дознанія и предварительнаго слѣдствія, съ другой—также и потому, что, разбирая дѣла о бродягахъ, судъ разсматриваетъ не совершившееся преступленіе, а преступленіе совершающееся, и притомъ совершающееся именно въ моментъ судебнаго разбирательства, въ самомъ судѣ (Редакціонная Комиссія). Правильны-ли эти тезисы? Выдерживаютъ ли они въ достаточной степени критику, чтобы, опираясь на нихъ, можно было утверждать, что постановленія дѣйствующаго законодательства о бродяжествѣ безусловно обречены на упраздненіе и, если и представляютъ интересъ, то только историческій и бытовой, что „съ юридической точки зрѣнія нельзя отнестись иначе, какъ съ самымъ рѣшительнымъ отрицаніемъ къ той постановкѣ, которую понятіе бродяжества получило ab ovo въ нашемъ правѣ?“ [1]).

Мы позволяемъ себѣ съ этими положеніями не согласиться и думаемъ, что соображенія, приводимыя въ доказательство неудовлетворительности точки зрѣнія на бродяжество, лежащей въ основѣ дѣйствующаго закона, могутъ показаться убѣдительными только съ перваго взгляда.

Первый и наиболѣе сильный аргументъ, выдвигаемый сторонниками противнаго мнѣнія, заключается въ указаніи, что постановленія о бродягахъ дѣйствующаго права опираются на презумпцію, что подъ маскою бродяги непремѣнно скрывается тяжкій преступникъ,—презумпцію, часто оказывающуюся ошибочной. На основаніи извѣстныхъ ему случаевъ изъ судебной практики проф. Фойницкій считаетъ себя въ правѣ утверждать, что къ сокрытію своего имени и зва-

---

[1]) Ср. Набоковъ, ibidem, стр. 48.

нія могутъ побудить человѣка не только желаніе заставить забыть его преступное прошлое, но и многія другія причины—религіозный фанатизмъ, семейныя драмы, всякаго рода личныя и имущественныя бѣдствія, огорченія нераздѣленной любви. Для того, чтобы защищать противоположное положеніе и предполагать, что всѣ или почти всѣ бродяги, скрывающіе свое происхожденіе, тѣмъ самымъ скрываютъ свои прежнія преступленія и прибѣгаютъ къ этому для избѣжанія наказанія, по мнѣнію проф. Фойницкаго, надлежало бы представить соотвѣтствующія доказательства. Такими доказательствами—находитъ онъ, могли бы явиться данныя о томъ, кѣмъ въ дѣйствительности оказывались люди, судившіеся и осужденные за бродяжество, когда происхожденіе ихъ удавалось впослѣдствіи обнаружить. Данныя эти собрать, разумѣется, можно, но, вопреки мнѣнію проф. Фойницкаго, мы позволяемъ себѣ думать, что отъ представленія подобныхъ данныхъ разрѣшеніе затронутаго имъ вопроса не подвинется ни на шагъ впередъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что изъ общаго числа дѣлъ о бродягахъ, закончившихся обвинительными приговорами, ежегодно возобновляется 10%, и что по всѣмъ этимъ дѣламъ оказывается, что причинами побудившими къ бродяжеству лицъ, впослѣдствіи возстановленныхъ въ правахъ, были „семейныя драмы“ или „огорченія нераздѣленной любви“. Можно ли отсюда заключить, что и въ остальныхъ 90% мотивами бродяжества являются побужденія столь же невиннаго свойства? Очевидно, нѣтъ, такъ какъ подобное утвержденіе было бы равносильно выводу, что если изъ 100 лицъ, сознавшихся въ убійствѣ, одно оказалось впослѣдствіи въ совершеніи преступленія невиновнымъ, то, слѣдовательно, и относительно остальныхъ 99 надлежитъ предполагать, что они приняли на себя напрасно чужую вину. Не впадая въ противорѣчіе съ логикой, нельзя отождествлять исключеніе и общее правило; недаромъ говорится, что l'exception confirme la règle. Но, если методъ, рекомендуемый проф. Фойницкимъ для провѣрки основательности презумпціи, служащей опорою дѣйствующимъ законамъ о бродягахъ, оказывается несостоятельнымъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что презумпція эта вообще не имѣетъ подъ собою почвы. Достаточно сказать, что согласно оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, чуть ли не 80% всѣхъ бродягъ задерживается въ Сибири и губерніяхъ, смежныхъ съ Сибирью [1]), что нѣтъ ни одного изслѣ-

---

[1]) Ср. Селивановъ, ibidem, стр. 81: „Громадное большинство бродягъ задерживается въ сосѣднихъ съ Сибирью губерніяхъ. Хотя точныхъ цифръ количества ежегодно задерживаемыхъ тамъ бродягъ и нѣтъ, но приблизительно о

дованія о ссылкѣ, ни оффиціальнаго ни частнаго, въ которомъ бы не указывались въ качествѣ важнѣйшихъ факторовъ современнаго бродяжества каторга и ссылка. „Какъ велико наличное число бродягъ (въ Сибири), пишетъ въ 1899 году г. Дриль, опредѣлить невозможно.... Безъ преувеличенія можно признать, что половина поселенцевъ не остается на мѣстахъ причисленія, а изъ нихъ половина превращается въ бродягъ, которые, вслѣдствіе своего прошлаго и безпрерывнаго передвиженія по тюрьмамъ и этапамъ, лишены почти всякихъ признаковъ нравственности и способны на всякое преступленіе" [1]). Двадцать лѣтъ ранѣе Н. В. Муравьевъ, на основаніи изслѣдованій Ядринцева, Максимова, Шелгунова и другихъ и оффиціальныхъ данныхъ, опредѣлялъ число сибирскихъ бродягъ въ 30—40 тысячъ [2]). Но, если признавать, чего не отрицаетъ и самъ проф. Фойницкій, что современное бродяжество питается по преимуществу ссылкою, и что значительная часть поселенцевъ и ссыльно-каторжныхъ, съ цѣлью „перемѣнить свою участь", превращается въ бродягъ, то необходимо признавать и обратное положеніе, т. е. что въ огромномъ большинствѣ случаевъ подъ псевдонимомъ бродяги скрываются бѣглые каторжные и ссыльные, тѣмъ болѣе, что ежегодное

томъ можно судить потому, что напр. въ 1876 году изъ 2990 судившихся бродягъ 623 судились въ Екатеринбургскомъ окружномъ судѣ. Раздѣливъ же 2990, цифру всѣхъ бродягъ, на количество судовъ 6 судебныхъ округовъ, по которымъ имѣются свѣдѣнія, на каждый судъ приходится лишь 58 бродягъ. Тоже было и въ 1877 году, когда въ округѣ ближайшей къ Сибири судебной палаты—Казанской судилось болѣе $1/3$ всѣхъ задержанныхъ бродягъ. Намъ извѣстно также, что въ судахъ Московскомъ и Тверскомъ въ періодъ 1879—1883 г.г. изъ судившихся въ нихъ бродягъ по крайней мѣрѣ $8/10$ были задержаны въ губерніяхъ, сосѣднихъ съ Сибирью, и были пересланы во внутрь Россіи въ виду ложныхъ ихъ показаній о своемъ званіи".

[1]) Дриль, Ссылка во Франціи и Россіи, 1899 г., стр. 159—160.

[2]) Муравьевъ, ibidem, стр. 84—85. По словамъ автора, бывали періоды, когда сибирскіе остроги до того переполнялись наловленными бродягами, что власти оказывались вынужденными дѣлать подъ рукою распоряженія о пріостановленіи ловли, такъ какъ сажать вновь задерживаемыхъ бродягъ становилось некуда. Положеніе это въ достаточной степени иллюстрируютъ приводимые авторомъ примѣры. Такъ, напр., въ 1866 году въ Кулечинской волости, близъ Омска, при розыскахъ по поводу убійства одного еврейскаго семейства было взято разомъ 200 бродягъ. Въ слѣдующемъ, 1867, году въ Юдинской волости, Тобольской губерніи, облавы, произведенныя по случаю убійства трехъ проѣзжихъ монахинь, дали мѣстнымъ острогамъ 500 человѣкъ бродягъ. Въ 1864—1865 годахъ близъ Иркутска, по разсказамъ обывателей и самихъ бродягъ, ихъ зимовало болѣе 4.000 человѣкъ.

число ссыльныхъ, „пропадающихъ безъ вѣсти“, превышаетъ въ нѣсколько разъ число бродягъ, задерживаемыхъ въ теченіе года. Что изъ этого положенія, имѣющаго значеніе общаго правила, возможны изъятія, никто разумѣется не станетъ спорить; желательно даже при выработкѣ закона, вопреки правилу: „quod semel aut bis existit praetereunt legislatores“, возможность этихъ изъятій принять во вниманіе, но не изъятія же долженъ имѣть главнымъ образомъ въ виду законодатель, проектируя для бродягъ общій законъ! [1]).

(Окончаніе слѣдуетъ).

М. Боровитиновъ.

---

[1]) По поводу нашего указанія въ январской книжкѣ „Вѣстника Права“ (стр. 102) на ошибку, допущенную въ статьѣ г. Якоби „Наше законодательство о бродяжничествѣ“, намъ доставлено письмо г. Якоби, въ которомъ послѣдній, въ видахъ возстановленія истины, проситъ разъяснить, что, хотя упрекъ, обращенный къ нему, по существу болѣе, чѣмъ справедливъ, но онъ направленъ не по надлежащему адресу, такъ какъ отвѣтственность за происшедшую ошибку должна всецѣло пасть на редактора. Изъ письма видно, что статья г. Якоби была доставлена бывшему редактору „Вѣстника Права“ г. Сліозбергу въ 1902 году, когда новое уголовное уложеніе еще не было обнародовано, причемъ въ рукописи дѣйствующее законодательство о бродяжествѣ сравнивалось не съ новымъ уголовнымъ уложеніемъ, а съ его *проектомъ*. Въ печатномъ текстѣ слово „проектъ“ оказалось замѣненнымъ вездѣ словами „новое уголовное уложеніе“, безъ предувѣдомленія о томъ г. Якоби, несмотря на выраженное имъ желаніе лично корректировать свою статью.

Н. К. МИХАЙЛОВСКІЙ.

Некрологъ.

Въ ночь съ 27 на 28 января умеръ отъ разрыва сердца Николай Константиновичъ Михайловскій.

Въ продолженіе тридцати пяти лѣтъ, начиная съ 1869 года, когда Михайловскій вступилъ въ обновленную редакцію Отечественныхъ Записокъ, онъ былъ журнальнымъ бойцомъ и вождемъ—вождемъ не только журнальнаго стана, но и цѣлаго и опредѣленнаго общественно-политическаго направленія. Мы бы сказали—партіи, если бы партія не предполагала, кромѣ внутренняго единства стремленій и цѣлей, кромѣ единства знамени, еще и объединяющую внѣшнюю организацію, которой, по обстоятельствамъ времени и мѣста, недостаетъ русскимъ общественнымъ подраздѣленіямъ и группировкамъ. Но не для одного этого направленія, которое представлялъ собою Михайловскій, для котораго его имя—одно время—было лозунгомъ и паролемъ, смерть его является утратою тяжелой, невознаградимой... Скорбь утраты должна почувствоваться всей русской печатью, всѣмъ русскимъ обществомъ,—по крайней мѣрѣ, всей мыслящей и сознательной частью его, которая съ литературой дышетъ одною жизнью, для которой литература есть живое біеніе ея собственнаго пульса, такъ что самые фазисы ея существованія выражаются и отмѣчаются развитіемъ и смѣной, приливомъ и отливомъ, подъемомъ и паденіемъ литературныхъ теченій и направленій. Словомъ, вся русская интеллигенція не можетъ не отозваться

на смерть Михайловскаго острой болью: въ могилу ушелъ человѣкъ и писатель, принадлежавшій—по размѣрамъ своего таланта, а еще болѣе по размѣрамъ и продолжительности своего писательскаго воздѣйствія—къ тѣмъ немногимъ избранникамъ, которые наложили на русскую интеллигенцію индивидуальный отпечатокъ своего образа, оставили неумирающій слѣдъ своей личности на міровоззрѣніи и на всемъ умственномъ складѣ своего поколѣнія. И, быть можетъ, не будетъ преувеличеніемъ—сказать, что изъ числа этихъ немногихъ избранниковъ, властителей думъ своей эпохи, для насъ, для людей этого поколѣнія, воспитавшихся подъ вліяніемъ Михайловскаго, онъ былъ наиболѣе родной и близкій.

Это поколѣніе такъ называемыхъ семидесятниковъ, молодость которыхъ приходится на середину и конецъ семидесятыхъ и начало восьмидесятыхъ годовъ. Для него Михайловскій былъ по истинѣ воспитателемъ, тѣмъ, что нѣмцы называютъ Erzieher. Среди тѣхъ, кто одновременно съ Михайловскимъ подвизался на поприщѣ литературы, и даже въ одномъ съ нимъ лагерѣ, были и превосходившіе его талантомъ: стоитъ назвать Салтыкова, не говоря уже о такихъ именахъ, какъ Толстой или Достоевскій. Но никто изъ нихъ не имѣлъ такой власти надъ мыслью современной ему интеллигенціи, какъ Михайловскій; въ томъ широкомъ размахѣ, который характеризуетъ умственныя и нравственныя стремленія этого времени, вліянію Михайловскаго принадлежитъ крупная роль, еще не вполнѣ оцѣненная по достоинству; подъ этимъ вліяніемъ сложился отчасти и своеобразный обликъ русской интеллигенціи, какъ особаго общественно-психологическаго типа. Впрочемъ, говоря о Михайловскомъ, не вполнѣ умѣстно, быть можетъ, пользоваться такими выраженіями, какъ власть надъ мыслью, властитель думъ; въ этихъ выраженіяхъ есть что то эмфатическое, мало подходящее къ характеру таланта, ко всей вообще писательской манерѣ Михайловскаго, которая была свободна отъ эмфаза. Въ литературномъ талантѣ Михайловскаго не было ничего властительнаго, деспотическаго, навязчиваго; его писанія съ внѣшней стороны являются свободной, легкой импровизаціей, непринужденной и безпритязательной бесѣдой умнаго

и разносторонняго человѣка, которая меньше всего напоминаетъ страстную, повелительную проповѣдь. Михайловскій былъ чуждъ не только проповѣдническаго паѳоса, но и всякаго вообще догматизма, научнаго, философскаго или политическаго; по умственному складу своему онъ не былъ построителемъ системъ—для этого въ его натурѣ было слишкомъ много струнъ, и эти струны были слишкомъ отзывчивы, и къ тому же онъ былъ для этого слишкомъ умственно честенъ—онъ обладалъ въ высокой степени тѣмъ качествомъ свободнаго ума, которое Нитше называетъ Rechtsschaftenheit des Geistes. Въ умѣ Михайловскаго были орлиныя черты—зоркость, острая проницательность и та гордость, которая не мирится съ преднамѣренною ограниченностью, замкнутостью системы, которой претитъ и преднамѣренное, добровольное ослѣпленіе, закрывающее глаза на зіяющіе въ системѣ пробѣлы или провалы: Михайловскій не былъ изъ числа охотниковъ перебираться черезъ такіе провалы по жердочкамъ діалектики или заполнять ихъ словами... Въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ Михайловскій разсказываетъ, что въ молодости онъ одно время думалъ объ адвокатской карьерѣ. Одно можно сказать: хорошо, что онъ не сдѣлался адвокатомъ, хорошо не только для русской литературы, но и для него самого, ибо настоящихъ данныхъ для этого у него не было. Вѣрнѣе, ему не хватало не столько достоинствъ, сколько недостатковъ, которые въ адвокатскомъ дарованіи тѣсно и необходимо связаны съ самыми достоинствами. Способность къ законченнымъ построеніямъ, конструкціямъ—она, конечно, была у Михайловскаго, какъ у всякаго крупнаго ума, но уравновѣшивалась или даже перевѣшивалась у него способностью и силой анализа; ему было свойственно и краснорѣчіе, но было чуждо ораторское увлеченіе—не говоря уже о риторской поддѣлкѣ подъ это увлеченіе—которое сливаетъ въ одинъ потокъ различныя, часто несродныя струи, заставляя ихъ нестись къ одной цѣли, бить въ одну точку, и скрадываетъ ихъ внутреннюю несогласованность, иногда враждебность. Не безъинтересно отмѣтить, что это подавленіе или подчиненіе ораторской стихіи въ дарованіи Михайлов-

скаго другимъ элементамъ его таланта писателя и мыслителя закрывала для нѣкоторыхъ его читателей и истинные размѣры этого таланта. Статьи Михайловскаго были журнальныя импровизаціи, онѣ и не могли быть иными по самымъ условіямъ журнальной работы—и русскій читатель съ давнихъ поръ, еще со временъ Бѣлинскаго, привыкъ къ этой литературной формѣ, которая изо всѣхъ другихъ является, конечно, наименѣе законченной и опредѣленной. Но у предшественниковъ Михайловскаго, съ которыми талантъ его иногда сопоставляется,—напримѣръ у Писарева,—недостатокъ внѣшней законченности и закругленности не замѣчается, благодаря перевѣсу ораторскихъ свойствъ; сила ораторскаго увлеченія, цѣльность и стройность синтетической конструкціи замѣняютъ внѣшнюю архитектуру формы, или даже самая импровизація, направляемая этими ораторскими силами, сразу отливается въ очертанія болѣе твердыя и законченныя, напоминающія произведеніе искусства.

Вольная импровизація Михайловскаго текла прихотливо, зигзагами, захватывая на пути самыя разнообразныя темы; нѣкоторыя темы были у него излюбленныя, онъ къ нимъ часто возвращался, но ни разу не исчерпывалъ ихъ до конца. Онъ не вколачивалъ своихъ мыслей въ голову читателю, точно гвозди; онъ не забиралъ его въ плѣнъ, не наступалъ ему на горло, а оставлялъ ему свободу его собственнаго сужденія. Это, да еще въ связи съ быстрой отзывчивостью Михайловскаго—въ горячее время его журнальной дѣятельности ему приходилось писать по двѣ и по три статьи въ мѣсяцъ—объясняетъ, почему онъ не пріобрѣлъ массы послѣдователей изъ породы тѣхъ, которые клянутся словами учителя, и почему его частные взгляды, его рѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ—философіи ли, соціологіи, публицистики или литературной критики—иногда не чужды, во первыхъ, противорѣчій и, во вторыхъ, не оказали такого вліянія на умы, какъ общее его міровоззрѣніе. И именно поэтому онъ былъ не властителемъ, не тираномъ, а воспитателемъ своего поколѣнія. Онъ далъ ему нѣчто большее, чѣмъ размѣнную монету готовыхъ и отчеканенныхъ приговоровъ; онъ на-

училъ его глядѣть на вещи, располагать ихъ и оцѣнивать съ извѣстной *перспективы*—той самой, съ которой онъ самъ оцѣнивалъ всѣ явленія жизни и литературы, которой онъ былъ неизмѣнно вѣренъ отъ первой до послѣдней написанной имъ страницы, и которая образуетъ внутреннее единство всего его разнообразнаго литературнаго труда. Конечно, Михайловскій не былъ единоличнымъ творцомъ этой перспективы, онъ не создалъ ее изъ ничего, онъ не открылъ ее такъ, какъ Колумбъ открылъ Америку. Но болѣе или менѣе смутныя, не вполнѣ сознанныя умственныя и моральныя стремленія своей эпохи онъ слилъ въ одну идею, или, вѣрнѣе, въ одинъ идеалъ, въ концепцію такого всеобщаго, универсальнаго характера, который приближается къ религіозному творчеству. Тотъ „богъ живой“, котораго Михайловскій носилъ въ своемъ сердцѣ, сталъ богомъ живымъ и для современной русской интеллигенціи. Этотъ богъ есть человѣческая личность, которой ростъ и гармоническое развитіе составляетъ то, что единственно способно придать смыслъ всему историческому процессу; не только вся телеологія историческаго процесса заключается въ человѣческой личности, но она есть мѣра всѣхъ вещей, въ ней лежатъ всѣ критеріи, познавательный, моральный, эстетическій, она есть та единственная, верховная цѣнность, отъ которой заимствуютъ свою цѣну всѣ остальныя вещи. Человѣческая личность является для Михайловскаго не только общей идеей, которая освѣщаетъ и подчиняетъ себѣ всѣ его воззрѣнія,—эта же личность и ея отношеніе къ историческому процессу есть излюбленный предметъ его изслѣдованія, тотъ рудникъ, изъ котораго онъ черпалъ большинство своихъ излюбленныхъ темъ. Человѣческая личность, какъ дѣятель историческаго процесса и какъ его произведеніе; какъ герой исторіи и какъ ея жертва; условія, способствующія процвѣтанію или подавленію личности; человѣческая личность, атрофировавшаяся до того, что превратилась въ палецъ отъ ноги, въ органъ однообразной соціальной функціи,—и та же личность, какъ цѣльная индивидуальность, въ которой соціальное творчество есть естественное и

нормальное проявленіе богатства и гармонія жизненныхъ силъ. Таковы излюбленные сюжеты Михайловскаго, къ которымъ постоянно обращалась его бодрая, живая, энергичная мысль.

Здѣсь, въ этихъ немногихъ строкахъ, не мѣсто останавливаться на разнообразныхъ частныхъ приложеніяхъ этой общей идеи у Михайловскаго. Свою перспективу онъ развертывалъ въ теченіе многихъ лѣтъ и со всевозможныхъ точекъ зрѣнія; если тѣ или иныя частныя его оцѣнки и не всегда встрѣчали общее признаніе, и не разъ вызывали рѣзкую и упорную полемику, то вліяніе самаго критерія, которымъ онъ пользовался, рельефно сказывается и у тѣхъ, которые выступали въ качествѣ его противниковъ. Это вліяніе можно прослѣдить въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ умственной жизни русскаго общества, даже въ такихъ спеціальныхъ научныхъ сферахъ, которыя находятся въ сторонѣ отъ главныхъ направленій литературной дѣятельности Михайловскаго.

Д. Левинъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Рудольфъ Штаммлеръ. *Ученіе о справедливомъ правѣ.* (*R. Stammler. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin.* 1902. 627 S.).

Новое сочиненіе Штаммлера представляетъ крупный интересъ, какъ попытка философски подойти ко многимъ животрепещущимъ вопросамъ права вообще и гражданскаго въ особенности. Какъ бы мы ни отнеслись въ концѣ концовъ къ этой попыткѣ, она во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны образованнаго юридическаго міра. Мысли, высказываемыя авторомъ, даже тамъ, гдѣ съ ними нельзя соглашаться, дѣйствуютъ всегда возбуждающимъ образомъ; онѣ поднимаютъ духъ юриста надъ безконечной вереницей параграфовъ кодекса, заставляютъ подумать о нихъ съ общей, философской точки зрѣнія *цѣли*. А именно этого уже давно не достаетъ современной юриспруденціи.

Я не имѣю, конечно, въ виду передать здѣсь все содержаніе книги: это потребовало бы много времени и много мѣста; моею цѣлью является изложить лишь основныя идеи этого труда, чтобы ознакомить съ ними тѣхъ, кто съ самимъ трудомъ ознакомиться не можетъ.

Если я перевожу заглавіе книги, какъ „Ученіе о *справедливомъ* правѣ", то заранѣе оговариваюсь, что такой переводъ не совсѣмъ точенъ: „richtiges Recht" Штаммлера, какъ читатель увидитъ ниже, есть нѣчто такое, что не поддается передачѣ какими либо общепринятыми выраженіями. Кромѣ „справедливаго права", у меня мелькали выраженія „правильное право", „вѣрное право", „цѣле-

сообразное право“, но въ концѣ концовъ они удовлетворяли меня еще менѣе, чѣмъ первое.

„Ученіе о справедливомъ правѣ“ начинается введеніемъ (Eröffnung стр. 1—18) и распадается на 3 книги. Первая носитъ заглавіе „Понятіе справедливаго права“ (Begriff des richtigen Rechts стр. 21—168), вторая—„Метода справедливаго права“ (Methode des r. R. стр. 171—308), и третья—„Практика справедливаго права“ (Praxis des r. R. стр. 311—598). Въ концѣ слѣдуетъ заключеніе „Призваніе справедливаго права“ (Beruf des. r. R. стр. 601—627).

Есть, говоритъ Штаммлеръ во введеніи, *два вида правовѣдѣнія* (Rechtslehre). Одно изъ нихъ ставитъ своею задачей изученіе исторически-даннаго права, причемъ это изученіе является для него, и конечною цѣлью. Это правовѣдѣніе онъ называетъ *правовѣдѣніемъ техническимъ* (technische Rechtslehre). Такое изученіе, конечно, имѣетъ свой смыслъ, но оно не есть единственно возможное и единственно должное: для полноты научнаго познанія права необходимо изучать его и съ другой стороны. Право есть средство для достиженія извѣстныхъ соціальныхъ цѣлей, и потому необходимо каждый разъ оцѣнивать ту или другую норму съ точки зрѣнія этихъ цѣлей, для чего необходимо найти и надлежащій методъ этой оцѣнки. Это составляетъ задачу другого рода правовѣдѣнія—*правовѣдѣнія теоретическаго* (theoretische Rechtslehre).

Какъ ни почтенна сама по себѣ задача правовѣдѣнія техническаго, она не можетъ удовлетворить всѣмъ запросамъ человѣческаго духа. Часто и горько жалуются, говоритъ Штаммлеръ, на непопулярность чисто-юридической работы, на отчужденіе между юристами и народомъ; причиной этихъ явленій служитъ именно изолированіе юриспруденціи, какъ правовѣдѣнія техническаго. Утративъ представленіе о своемъ предметѣ, какъ о нѣкоторомъ служебномъ членѣ въ цѣломъ соціальнаго бытія, техническая юриспруденція неизбѣжно должна была утратить связь съ общею духовною жизнью современности, и правъ былъ Лютеръ, когда сказалъ „юристъ, если онъ только юристъ, жалкая вещь“.

Если такимъ образомъ правовѣдѣніе техническое должно восполняться и освѣщаться правовѣдѣніемъ теоретическимъ, если юриспруденція должна не только констатировать положительное право, но и судить его, то дальнѣйшая задача науки о правѣ сводится къ установленію того, какимъ требованіямъ должно удовлетворять

всякое право, чтобы соотвѣтствовать общей соціальной идеѣ права, т. е. именно къ *ученію о справедливомъ правѣ.*

Понятію этого справедливаго права и посвящена первая книга, причемъ Штаммлеръ опредѣляетъ здѣсь отношеніе этого понятія къ другимъ смежнымъ сферамъ—къ положительному праву, нравственности, естественному праву, идеѣ помилованія и, наконецъ, къ разнообразнымъ другимъ неопредѣленнымъ понятіямъ вродѣ „естественнаго правоваго чувства“, „народнаго правосознанія“ и т. д.

Отношеніе справедливаго права къ *положительному праву*, говоритъ Штаммлеръ, мы не должны представлять себѣ такъ, какъ, будто бы положительное право всецѣло наполняло собою предназначенную для него область правовыхъ явленій, а справедливое право стояло надъ нимъ, какъ нѣкоторая тѣнь или образъ. При установленіи этого различія идетъ рѣчь не о какихъ-либо пространственныхъ границахъ между ними, а о границахъ логическихъ. Всякое положительное право по матеріальному характеру своего содержанія будетъ или справедливымъ или нѣтъ, а справедливое право, въ свою очередь, есть положительное право, обладающее свойствами справедливости. Справедливое право и положительное право относятся, поэтому, другъ къ другу, какъ видъ къ роду. Справедливое право стоитъ не внѣ положительнаго права, какъ нѣкоторая норма съ неюридическими требованіями; оно не тождественно съ тѣмъ желаемымъ правомъ, которое противопоставляютъ праву исторически сложившемуся. Справедливое право есть положительное право, обладающее извѣстными матеріальными свойствами, но оно относится ко всякому праву—прошлому, настоящему, грядущему; оно обозначаетъ собою только методъ критической оцѣнки всякаго содержанія юридическихъ нормъ. Теоретическое правовѣдѣніе, которое должно исходить изъ идеи справедливаго права, вовсе не имѣетъ своею задачей написать какой-либо идеальный кодексъ, оно должно имѣть дѣло лишь съ исторически ростущимъ правомъ.

Подобная оцѣнка положительнаго права тѣмъ болѣе законна и тѣмъ болѣе необходима, что всякое право во всѣ времена и вездѣ по самому своему назначенію (опредѣлять условія правильнаго соціальнаго существованія) есть не что иное, какъ попытка быть справедливымъ правомъ, есть „*Zwangsversuch zum Richtigen*“.

Это „стремленіе къ справедливому“ сказывается въ цѣлой массѣ отдѣльныхъ явленій. Когда заходитъ рѣчь о созданіи новыхъ нормъ, говорятъ о требованіяхъ справедливости, моральныхъ обязанностяхъ, соціальной этикѣ, или ссылаются на общее благо, общественный порядокъ и т. д. Всѣ эти выраженія обозначаютъ одно и то же— что содержаніе права должно соотвѣтствовать требованіямъ справедливаго права Подобныя же выраженія фигурируютъ часто въ дѣловыхъ сношеніяхъ оборота и въ судебной практикѣ. Уже римское право говорило о bonum et aequum, bona fides, aequitas, naturalis ratio и т. д.; современные кодексы говорятъ о доброй совѣсти (Treu und Glauben), добрыхъ нравахъ (gute Sitten), требованіяхъ справедливости (Billigkeit) и т. д. Отдѣльные вопросы, которые ставятъ въ этихъ выраженіяхъ современные кодексы передъ судомъ и теоріей, не могутъ быть разрѣшены изолированно; всѣ они сводятся къ одному центральному вопросу о справедливомъ правѣ. Удастся разрѣшить правильно этотъ центральный вопросъ, тогда и для всѣхъ указанныхъ частныхъ вопросовъ практикѣ преподаны будутъ надлежащія и единообразныя указанія.

Но разрѣшенія этого центральнаго вопроса нельзя найти въ ученіяхъ *нравственности*. Идея справедливаго права глубоко отлична отъ идеи морали (Раздѣлъ II. Richtiges Recht und sittliche Lehre). Правда, между правомъ и нравственностью нѣтъ разницы въ объектѣ ихъ нормъ (Einheit des Stoffes): и тѣ и другія имѣютъ въ виду дѣйствія людей, ихъ поведеніе; но разница заключается въ особыхъ задачахъ права и морали (Verschiedenheit der Aufgaben), въ особыхъ способахъ, которыми осуществляется въ обѣихъ областяхъ „стремленіе къ справедливому“ (das Wollen des Richtigen). Мораль стремится воздѣйствовать на внутреннее настроеніе человѣка, вызвать въ немъ добрую волю и добрую мысль (gute Gesinnung); право же имѣетъ своею задачей регулировать сообразно съ соціальнымъ идеаломъ внѣшнее поведеніе человѣка, независимо отъ его внутреннихъ побужденій.

Съ другой стороны, идея справедливаго права не есть только возстановленіе *идеи естественнаго права*. (Разд. III. Richt. Recht und Naturrecht). Естественное право есть право сообразное „естеству“, „природѣ“—но природѣ чего? Въ этомъ отношеніи замѣчается два направленія: одно говоритъ, что право должно соотвѣтствовать природѣ *человѣка*, другое—природѣ *права*. Къ первому направленію принадлежатъ Г. Гроцій, Гоббсъ, Пуффендорфъ и даже Томазіусъ, хотя всѣ они различно опредѣляютъ, въ чемъ заключается природа человѣка;

только Руссо оставилъ эту точку зрѣнія и перенесъ центръ тяжести на вопросъ о природѣ и общихъ цѣляхъ самаго права и этимъ приблизилъ ученіе о естественномъ правѣ къ ученію о справедливомъ правѣ. Но даже при такой постановкѣ вопроса въ ученіе о естественномъ правѣ вплеталась масса разнообразныхъ ошибочныхъ предпосылокъ, которыя дѣлали это ученіе совершенно ненаучнымъ и безпочвеннымъ. Выставлялось утвержденіе, что естественное право возникаетъ изъ чистаго разума, что оно есть нѣчто дѣйствительное и дѣйствующее независимо отъ такого или иного законодательнаго установленія. Объединяя въ одномъ вопросѣ и критическій методъ оцѣнки правовыхъ нормъ и вопросъ о понятіи и принудительности права, естественно-правовыя доктрины этимъ самымъ обрекали себя на полную безплодность. Съ другой стороны, желая создать идеальный кодексъ съ неизмѣннымъ и безусловнымъ содержаніемъ, онѣ теряли подъ собой научную, историческую почву. Ученіе о справедливомъ правѣ должно избѣгать этихъ ошибокъ; оно должно поставить своею задачей выработать только общедѣйствительный формальный методъ оцѣнки съ точки зрѣнія соціальнаго идеала всего необходимо измѣнчиваго содержанія эмпирически данныхъ и эмпирически даваемыхъ правовыхъ нормъ. И если справедливое право называть естественнымъ правомъ, то это будетъ естественное право съ измѣняющимся содержаніемъ (ein Naturrecht mit wechselndem Inhalte).

Въ области положительнаго права мы встрѣчаемся, далѣе, съ институтомъ *помилованія* (Разд. IV. Richt. Recht und Gnade). Обыкновенно его связываютъ съ уголовнымъ правомъ, но оно есть и въ гражданскомъ правѣ, напр. въ видѣ restitutio. Во всѣхъ случаяхъ помилованіе имѣетъ своей задачей возстановленіе справедливаго права противъ противорѣчащаго ему положительнаго; идея помилованія и идея справедливаго права одна и та же; помилованіе есть только нѣкоторое особое средство для достиженія справедливаго права, нѣкоторый особый путь, которымъ это послѣднее себя осуществляетъ.

Наконецъ, говорятъ часто о *„естественномъ правовомъ чувствѣ“* о *„народномъ духѣ“*, о *„господствующихъ въ обществѣ воззрѣніяхъ“* и т. д. (Разд. V. Richt. Recht und ungeprüfte Rechtsauffassung). Но всѣ эти представленія, поскольку въ нихъ заключается зерно истины, содержатъ въ себѣ лишь идею того же справедливаго права, а внѣ этой идеи они или ничего не говорятъ, или совершенно ошибочны. Такъ, въ частности, выраженіе „естественное правовое

чувство“ (natürliches Rechtsgefühl) въ лучшемъ случаѣ указываетъ на психологическій источникъ понятія справедливаго права, но ни въ какомъ случаѣ не опредѣляетъ, почему диктуемая имъ норма желательна и цѣлесообразна; для этого нуженъ иной критерій, чѣмъ самое чувство. Идея „народнаго духа“ (Rechtsempfinden der Volksseele) есть лишь продуктъ юридической романтики; „господствующія въ обществѣ воззрѣнія“ (die in einer Rechtsgemeinschaft herrschenden Anschauungen) сами нуждаются въ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія справедливаго права, равно какъ и „классовая мораль“ (Klassenmoral). Если, наконецъ, нерѣдко апеллируютъ къ „свободному усмотрѣнію судьи“ (freies richterliches Ermessen), то и это усмотрѣніе должно быть не субъективно-произвольнымъ, а объективно-цѣлесообразнымъ: судья долженъ отыскивать содержаніе своего приговора по методѣ справедливаго права.

Этой „*методѣ справедливаго права*“ и посвящена вторая книга Если справедливое право есть извѣстный методъ оцѣнки всякаго эмпирически даннаго содержанія права съ точки зрѣнія общей идеи права, то въ чемъ же заключается эта общая, основная *идея права?* Выясненіе этого коренного вопроса составляетъ тему 1-го раздѣла этой книги (Die Idee des richt. Rechts).

Такъ какъ право вообще есть средство наилучшимъ образомъ регулировать совмѣстную жизнь въ обществѣ, то общая идея права можетъ опредѣляться только *соціальнымъ идеаломъ*. Но въ чемъ же онъ состоитъ?

Нерѣдко въ качествѣ соціальнаго идеала выставляли *свободу* гражданъ. Много разъ какъ все государственное устройство въ цѣломъ, такъ и содержаніе отдѣльныхъ нормъ осуждалось именно потому, что ими стѣснялась внѣшняя свобода лицъ; индивидуальная свобода возводилась такимъ образомъ на степень мѣрила законовъ, на степень верховнаго начала справедливаго права. Но это воззрѣніе приводитъ къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ и прежде всего оно противорѣчитъ понятію права вообще. Это послѣднее есть *принудительное* регулированіе; его велѣнія въ смыслѣ ихъ дѣйствія не зависятъ отъ согласія или несогласія подданныхъ. Сохранять въ принципѣ эту принудительность регулированія и въ то же время цѣлью его выставлять неограниченную свободу индивида,—значитъ очевидно впадать въ неразрѣшимое противорѣчіе.

Съ требованіемъ свободы, какъ извѣстно, обыкновенно соеди-

нялось требованіе *равенства*. Но и идея равенства не опредѣляетъ соціальнаго идеала; она обозначаетъ только то, что всѣ граждане съ точки зрѣнія права должны подлежать одинаковой методѣ сужденія, но въ чемъ заключается исходная посылка этой методы—принципъ равенства опредѣлить, конечно, не можетъ.

Чаще же всего въ качествѣ соціальнаго идеала объявляется *благо гражданъ, ихъ счастье*—возможно большая сумма этого счастья для возможно большаго количества индивидовъ. Но и этотъ соціальный эвдемонизмъ не выдерживаетъ критики. Доставленіе субъективнаго счастья задача для права уже a priori неразрѣшимая: внутренняго счастья, мира въ самомъ себѣ не можетъ дать субъекту никакой законъ. Развѣ можетъ чувство счастья быть отдѣлено отъ самого чувствующаго субъекта и, подобно средствамъ пропитанія, распредѣлено между гражданами?

Единственно правильной формулой соціальнаго идеала можетъ быть только такая: *общество должно обезпечивать каждому индивиду лучшее осуществленіе его цѣлей, чѣмъ это было бы возможно для него внѣ общества*. Основой всякаго правопорядка является мысль, что въ немъ всѣ отдѣльные индивиды лучше могутъ вести борьбу за существованіе, что каждый изъ нихъ благодаря нахожденію въ обществѣ лучше можетъ служить самому себѣ. Такимъ образомъ общимъ элементомъ всякихъ правовыхъ положеній является идея оцѣнки индивидуальныхъ стремленій въ духѣ общности (der Gedanke des Abwägens der Einzelwünsche im Sinne der Gemeinschaft). На что направляются эти стремленія, безразлично; содержаніе ихъ можетъ случайно совпадать у всѣхъ, но оно не можетъ поэтому только стать верховнымъ идеаломъ общества. То что подлежитъ согласованію и регулированію въ обществѣ, есть единственно *индивидуальное, въ своемъ содержаніи свободное хотѣніе* (das in dem Inhalte seiner Ziele freie Wollen), а потому конечной формулой соціальнаго идеала будетъ *„сообщество свободно хотящихъ людей“*—Gemeinschaft der frei wollenden Menschen.

Изъ этой общей идеи естественно вытекаютъ слѣдующіе общіе *принципы справедливаго права*. (Разд. II. Die Grundsätze des richt. Rechts). Такъ какъ сообразно указанному соціальному идеалу каждый отдѣльный членъ общества долженъ мыслиться, какъ нѣкоторая самоцѣль, то отсюда само собой слѣдуетъ: во-первыхъ, что каждый можетъ преслѣдовать свои разумные интересы и въ этомъ отношеніи долженъ быть уважаемъ другими, а во-вторыхъ то, что онъ долженъ въ свою очередь признавать и другихъ равною самоцѣлью

и вслѣдствіе этого предоставлять и другимъ участіе въ благахъ совмѣстной жизни Первое Штаммлеръ называетъ *принципомъ уваженія* (Grundsatz des Achtens), второе—*принципомъ участія* (Grundsatz des Theilnehmens).

Принципъ уваженія постулируетъ затѣмъ слѣдующія правила: а) воля одного лица не можетъ быть предоставлена произволу другаго; б) всякое правовое требованіе должно допускаться лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы лицо обязанное все-таки оставалось при этомъ „себѣ ближайшимъ" (dass der Verpflichtete sich noch der Nächste sein kann), т. е. чтобы въ этой обязанности своей оно все-таки чувствовало свой собственный интересъ.

Принципъ участія въ свою очередь, обозначаетъ: а) никто изъ членовъ общества не можетъ по произволу быть исключенъ отъ правоваго общенія, и б) всякая представляемая закономъ власть можетъ быть исключающей (другаго отъ общенія) лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы исключаемый могъ все-таки считать себя „себѣ ближайшимъ".

Приложеніе этихъ общихъ принциповъ къ той или другой конкретной нормѣ, къ тому или другому конкретному случаю нуждается, однако, еще въ нѣкоторой посредствующей мыслительной операціи: необходимо имѣть передъ собою такъ сказать *прообразъ справедливаго права.* (Разд. V Vorbild des richt. Rechts.—Раздѣлы III—Stoff des richt. Rechts и IV—Mittel des richt. Rechts—мы здѣсь для сохраненія послѣдовательности принуждены опустить).

Каждый долженъ быть уважаемъ, какъ самоцѣль, но въ свою очередь долженъ уважать въ такомъ же смыслѣ и другихъ; отъ каждаго можетъ быть требуемо только то, чего онъ самъ при равныхъ условіяхъ можетъ потребовать отъ другихъ. Но въ обществѣ люди стоятъ другъ къ другу въ различныхъ отношеніяхъ: одни ближе, другіе дальше; отъ однихъ я могу потребовать большаго, отъ другихъ меньшаго, но зато и самъ первымъ обязанъ (въ смыслѣ своего поведенія) давать больше, другимъ меньше. Такимъ образомъ вокругъ каждаго лица по степени соціальной близости располагаются разнообразные *концентрическіе круги*. Это ясно выражается напримѣръ въ концентрическихъ классахъ наслѣдниковъ и въ сферѣ семейныхъ отношеній; но подобные же ближайшіе концентрическіе круги выдѣляются, напримѣръ, въ товариществѣ, при страхованіи и т. д. Если теперь между двумя лицами возникаетъ споръ, какимъ поведеніемъ и въ какой мѣрѣ одинъ изъ нихъ обязанъ другому, то для рѣшенія этого спора въ духѣ справедливаго права

обоихъ спорящихъ надо мысленно поставить въ надлежащій концентрическій кругъ, въ нѣкоторую спеціальную общность (Sondergemeinschaft); тогда мѣра справедливаго поведенія и исполненія ихъ другъ другу опредѣлится яснѣе.

Установленіе указанной мѣры для различныхъ конкретныхъ отношеній составляетъ обыкновенно задачу законодателя и слѣд. входитъ въ область *политики права*; но въ извѣстныхъ случаяхъ законодатель предоставляетъ разрѣшеніе этого вопроса непосредственно юрисдикціи, т. е. *судьямъ*; это именно тамъ, гдѣ законодатель предписываетъ рѣшать „по справедливой оцѣнкѣ“, на основаніи „добрыхъ нравовъ“ и т. д. Въ такихъ случаяхъ методъ справедливаго права проникаетъ непосредственно въ *практику*, справедливое право дѣлается непосредственно практическимъ.

Обзоръ этой *практики справедливаго права* составляетъ содержаніе III книги (Praxis des richt. Rechts), представляющей для цивилиста спеціальный интересъ: Штаммлеръ беретъ здѣсь цѣлый рядъ гражданско-правовыхъ явленій, приводитъ соотвѣтствующія нормы положительнаго права (главнымъ образомъ римскаго и новаго обще-германскаго) и подвергаетъ ихъ оцѣнкѣ съ точки зрѣнія своего справедливаго права.

Прежде всего авторъ беретъ вопросъ объ *осуществленіи правъ* (Разд. I. Richtiges Ausführen von Rechtsverhältnissen.). Нашъ положительный законъ, говоритъ Штаммлеръ, предоставляетъ субъекту исключительныхъ правъ (напр. права собственности) въ принципѣ неограниченное пользованіе ими (qui jure suo utitur nemini facit injuriam); онъ не возлагаетъ на него обязанности относиться при этомъ со справедливымъ вниманіемъ къ интересамъ другихъ лицъ. Отъ этого общаго принципа есть только нѣкоторыя отдѣльныя, спеціально оговоренныя, исключенія (т. н. законныя ограниченія права собственности, напр. § 904 Герм. улож.), да болѣе общее исключеніе, состоящее въ запрещеніи пользоваться своимъ правомъ единственно ради шиканы (§ 226 Герм. ул., т. н. Schikanenverbot). Подобная постановка вопроса не согласна съ принципами справедливаго права. Необходимо было бы, напротивъ, установленіе общаго правила, что каждый можетъ пользоваться своимъ правомъ лишь настолько, насколько это согласно съ идеей справедливаго права. Съ этой точки зрѣнія указанное запрещеніе шиканы представляется не расширеніемъ началъ справедливаго права, а, наоборотъ, суженіемъ ихъ.

Интересной иллюстраціей примѣненія началъ справедливаго права является Штаммлеровское рѣшеніе знаменитаго въ исторіи германской юрисдикціи *процесса мельника Арнольда* изъ эпохи Фридриха Великаго. Собственникъ участка, лежавшаго по теченію рѣки выше мельницы, соорудилъ для своихъ надобностей плотину и тѣмъ сдѣлалъ, конечно, эксплуатацію мельницы затруднительной. На предъявленный мельникомъ искъ судъ отвѣтилъ отказомъ, сославшись на то, что сосѣдъ только осуществлялъ свое право. Фридрихъ Великій былъ возмущенъ такимъ приговоромъ и отдалъ судей подъ уголовный судъ; этотъ послѣдній, однако, обвиняемыхъ оправдалъ, сославшись на то же самое правило. Тогда король собственною властью отрѣшилъ оправданныхъ отъ должности, засадилъ ихъ на годъ въ крѣпость, а самый приговоръ (по дѣлу мельника) отмѣнилъ. Не одобряя, конечно, столь энергическаго вмѣшательства короля, Штаммлеръ признаетъ тѣмъ не менѣе, что въ основѣ его возмущенія лежало неудовлетворенное чувство справедливаго права. Описанный выше методъ этого послѣдняго приводитъ дѣйствительно къ иному рѣшенію нашего случая. Мельникъ и его сосѣдъ должны быть мысленно поставлены въ нѣкоторую спеціальную для нихъ общность (Sondergemeinschaft), причемъ оба они должны пользоваться своимъ правомъ такъ, чтобы каждый изъ нихъ все-таки оставался „себѣ ближайшимъ". Мельникъ не долженъ нести на себѣ всего вреда, но и его сосѣдъ также не долженъ вовсе отказываться отъ своихъ справедливыхъ интересовъ; справедливое отношеніе между ними можетъ быть достигнуто только *пропорціональнымъ разложеніемъ вреда между обоими.*

Я остановился на этомъ случаѣ подробнѣе только потому, что на немъ мы видимъ примѣръ Штаммлеровскаго проведенія принциповъ и «прообраза» справедливаго права въ практику. Рядъ другихъ приводимыхъ здѣсь же примѣровъ я, конечно, принужденъ оставить въ сторонѣ.

Напротивъ, съ точки зрѣнія справедливаго права Штаммлеръ весьма цѣнитъ § 242 Герм. ул. (Должникъ обязанъ исполнить обязательство такъ, какъ того требуетъ добрая совѣсть — „*nach Treu und Glauben*".); здѣсь, говоритъ онъ, высказана прекрасная общая мысль, что въ обязательственныхъ отношеніяхъ должно царить справедливое взаимное поведеніе заинтересованныхъ лицъ. Изъ этого правила вытекаетъ, напр., невозможность удалить квартиранта изъ квартиры въ случаѣ болѣзни его или его семейства; изъ него же могутъ быть выведены всѣ разумныя мѣры противъ без-

застѣнчивой эксплуатаціи въ сферѣ рабочихъ договоровъ, договоровъ съ антрепренерами, въ области отношеній ремесленнаго ученичества и т. д.: личность должника не должна приноситься въ жертву кредитору. Въ этомъ же параграфѣ заключается, далѣе, вѣрный масштабъ для разрѣшенія многихъ спорныхъ вопросовъ и изъ области договоровъ объ имуществахъ.

Къ той же категоріи нормъ, предписывающихъ примѣнять принципы справедливаго права къ вопросу объ осуществленіи правъ, относятся разныя общія запрещенія *злоупотреблять семейственными правами*, правомъ на супружескія отношенія и правами родительской власти. Тѣмъ же духомъ проникнуты, наконецъ, предписанія сдѣлать что-либо *„если это осуществимо“* (wenn es thunlich ist, напр., оповѣстить контрагента о наступившей невозможности исполненія) и предписанія судьѣ опредѣлить коллидирующіе интересы *„по справедливому усмотрѣнію“* (nach billigem Ermessen).—

Идея справедливаго права выражается, затѣмъ, въ *ограниченіяхъ договорной свободы* (Разд. II. Die Grenzen der Vertragsfreiheit), въ ограниченіяхъ правила „uti lingua nuncupascit ita jus esto“. Конечно, свобода индивидуальнаго самоопредѣленія необходима, но тотъ принципъ, что никто не долженъ быть жертвой другого, требуетъ разнообразныхъ ограниченій этой свободы. Часто эти ограниченія указаны опредѣленно самимъ закономъ, но общее дополненіе этихъ спеціальныхъ ограниченій составляетъ принципъ ничтожности договоровъ, *противныхъ добрымъ нравамъ* (§ 138 Герм. ул.) „Добрые нравы“ обозначаютъ здѣсь не мораль: мораль никогда не можетъ быть границей права (намекъ на Steinbach'a „Moral, als Grenze des Rechtserwerbs und der Rechtsausübung“); при ясномъ различеніи права и морали безнравственныхъ договоровъ быть не можетъ (намекъ на Lotmar'a „Der unmoralische Vertrag“); добрые нравы обозначаютъ здѣсь именно принципы справедливаго права. При рѣшеніи вопроса о томъ, противенъ ли данный договоръ этимъ принципамъ, нужно обращать вниманіе только на его *содержаніе*, а не на мотивы или на способъ его заключенія. Рядъ интересныхъ практическихъ примѣровъ иллюстрируетъ затѣмъ эти положенія.

Если справедливое право требуетъ разумнаго пользованія предоставляемыми закономъ правами, то, съ другой стороны, оно знаетъ и извѣстныя *самостоятельныя обязанности* (Разд. III. Pflichten des richt. Rechts). Такъ напр. § 814 и § 534 Герм. ул. говорятъ о предоставленіяхъ и дареніяхъ, соотвѣтствующихъ нравственной

обязанности (Zuwendungen u. Schenkungen, die einer sittlichen Pflicht entsprechen): уплаченное во исполненіе такой обязанности не можетъ быть требуемо назадъ по правиламъ condictio indebiti (§ 814), подаренное не подлежитъ возврату даже тамъ, гдѣ дареніе вообще подлежитъ повороту (§ 534). «Нравственная обязанность» здѣсь есть опять-таки не что иное, какъ обязанность по принципамъ справедливаго права.

Такую же обязанность представляетъ обязательство *лицъ невмѣняемыхъ* возмѣстить изъ своего имущества причиненный ими вредъ, „насколько того требуетъ справедливость и въ особенности имущественное положеніе обѣихъ сторонъ“ (§ 829 герм. ул.). Штаммлеръ выражаетъ при этомъ сожалѣніе, что не удержался въ цѣломъ видѣ § 752 проекта II, гдѣ это правило распространялось на всѣ случаи причиненія вреда, не подлежащаго вмѣненію за отсутствіемъ вины.

Сюда же, наконецъ, относитъ Штаммлеръ и § 826, гдѣ возлагается обязанность возмѣстить вредъ въ случаѣ умышленнаго дѣянія или упущенія вопреки добрымъ нравамъ.

Принципы справедливаго права опредѣляютъ и *толкованіе сдѣлокъ* (Разд. IV Feststellung eines rich. Geschäftsinhalts). Основнымъ и общимъ началомъ въ этой области должно быть признано, что каждая отдѣльная сдѣлка должна быть согласна съ принципами справедливаго права и что въ случаяхъ какихъ либо сомнѣній насчетъ истиннаго содержанія волеизъявленія надо всегда предполагать въ качествѣ желаемаго содержаніе объективно-справедливое (einen objectiv-richtigen Inhalt). Таковъ долженъ быть истинный смыслъ § 133 и всѣхъ отдѣльныхъ относящихся сюда положеній германскаго закона (относительно ошибки и т. д.).

Наконецъ, принципы справедливаго права должны опредѣлять и необходимое *прекращеніе правъ* (Разд. V Begründetes Ende von Rechtsverhältnissen). Предоставленіе исключительныхъ правъ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ членамъ общества является только извѣстнымъ техническимъ средствомъ для достиженія справедливаго сожительства. Какъ только эти права перестаютъ служить этой цѣли, они теряютъ основаніе для своего дальнѣйшаго существованія. Дѣйствующее законодательство знаетъ лишь нѣкоторыя частныя положенія въ этомъ смыслѣ (напр., § 960 герм. ул.: собственность на дикихъ звѣрей теряется, когда они возвращаются въ состояніе первоначальной свободы), но было бы цѣлесообразнѣе, если бы это правило было формулировано общимъ образомъ.

Въ *заключеніи* (Beruf des richt. Rechts) Штаммлеръ пытается опредѣлить то мѣсто, которое, по его мнѣнію, должна занимать идея справедливаго права въ *общей системѣ соціальнаго познанія* (Sociale Systematik).

Предметъ соціальнаго познанія составляетъ общественная жизнь людей, которая слагается изъ совмѣстнаго дѣйствованія—Zusammenwirken—соединенныхъ индивидовъ. Въ этомъ понятіи Zusammenwirken надо отличать элементъ обусловливающій (форму) отъ элемента обусловливаемаго (матеріи): первымъ являются внѣшне-установленныя правила (право), вторымъ—самое поведеніе людей. *Іерингъ* прекрасно чувствовалъ, что научное изученіе права должно ставить это послѣднее всегда въ связь съ самою соціальною жизнью, иначе право превратилось бы въ хаотическій конгломератъ разрозненныхъ повелѣній. Вслѣдствіе этого онъ вводитъ въ кругъ наблюденія интересы и потребности, считаетъ цѣль творцомъ конкретныхъ юридическихъ установленій. Но существо соціальнаго бытія осталось для Іеринга нераскрытымъ: отношенія (Lebensverhältnisse) и правовыя нормы являются для него самостоятельно-дѣйствительными предметами, находящимися другъ къ другу въ отношеніяхъ взаимодѣйствія. Это представленіе, однако, совершенно ошибочно. Право не есть какая либо самостоятельная вещь, противополагаемая житейскимъ интересамъ и отношеніямъ. Для соціальнаго познанія интересы, цѣли, потребности являются только какъ соціально-регулированныя: они представляютъ лишь матеріальный элементъ единаго понятія общества, межъ тѣмъ какъ право является элементомъ формальнымъ. Этимъ опредѣляется мѣсто права въ цѣломъ соціальнаго бытія: оно есть обусловливающая форма согласнаго поведенія и дѣйствованія, а справедливое право есть наилучшее строеніе этой формы.

Идея справедливаго права имѣетъ, равнымъ образомъ, центральное значеніе и для *соціальной исторіи* (gesellschaftliche Entwickelungslehre). Исторія соціальныхъ явленій есть въ существѣ своемъ не что иное, какъ постепенное развитіе средствъ для достиженія неизмѣнной и абсолютной цѣли соціальнаго бытія – наилучшей совмѣстной жизни индивидовъ. При всякомъ измѣненіи въ исторіи правовыхъ отношеній естественными вопросами являются: въ чемъ именно заключалась негодность прежнихъ порядковъ, какъ средствъ для достиженія справедливаго сожительства; какія цѣли были поставлены вновь и какими средствами предполагалось ихъ достигнуть? Если же исторія государствъ и народовъ есть не что иное,

какъ исторія средствъ, то, конечно, верховной, руководящей и объединяющей идеей этой исторіи можетъ быть только общая идея этихъ средствъ—идея справедливаго права.

Познаніе міра соціальныхъ явленій есть только часть въ познаніи *всего*; единство соціальнаго бытія есть только частная сторона конечнаго всеобъемлющаго *Единства*. Постиженіе этого конечнаго Единства выходитъ, разумѣется, за предѣлы соціальнаго познанія, но во всякомъ случаѣ центральный пунктъ этого познанія—идея справедливаго права—является необходимой ступенью для этого постиженія.

Таково основное содержаніе книги Штаммлера—голый скелетъ, съ котораго я по необходимости долженъ былъ снять все то, что превращаетъ систему костей въ живую, пластическую фигуру. Но уже этотъ скелетъ, полагаю, показываетъ, сколько интересныхъ и живыхъ вопросовъ затрагивается въ изложенной книгѣ. Правда, взгляды, высказываемые здѣсь Штаммлеромъ, до нѣкоторой степени высказываются имъ не впервые; многое есть въ зародышѣ уже въ его прежнихъ трудахъ, главнымъ образомъ въ „*Wirtschaft und Recht* (1896)“ и въ „*Das Recht der Schuldverhältnisse in seinen allgemeinen Lehren* (1897)“. Но въ „Ученіи о справедливомъ правѣ“ идеи автора приведены въ систему, являются предъ нами въ видѣ нѣкотораго юридически-философскаго цѣлаго. Этого уже давно не бывало въ нашей цивилистической литературѣ, и въ этомъ именно заключается большая цѣнность изложеннаго труда.

Разумѣется, очень многое въ этомъ „юридически-философскомъ цѣломъ“ можетъ быть горячо и не безъ вѣскихъ основаній оспариваемо. Возраженія могутъ вызывать, прежде всего, взгляды Штаммлера на разныя положенія новаго Германскаго кодекса, напр., его панегирическое отношеніе къ такимъ „бланкетнымъ“ статьямъ этого послѣдняго, какъ § 138, 829, 826 и н. др. (Мое отношеніе къ этимъ параграфамъ см. въ статьяхъ „Вѣстника Права“: „Принудительный альтруизмъ“, „Справедливость, усмотрѣніе судьи и судебная опека“, „Возмѣщеніе вреда и разложеніе его“). Положеніе частныхъ лицъ передъ судьей, создаваемое этими бланкетными параграфами, невольно заставляютъ вспоминать Штаммлеровскій же „принципъ уваженія“, первое правило котораго гласитъ: „воля одного лица не можетъ быть предоставлена произволу другого“!

Впрочемъ, приступая къ своей „Практикѣ справедливаго права“, Штаммлеръ самъ оговаривается, что это лишь первая попытка,

которая можетъ оказаться не вполнѣ совершенной. „Если, говоритъ онъ, *понятіе* и *метода* справедливаго права должны стоять ясно и прочно, то *практика* его легко можетъ нуждаться въ поправкахъ“ (стр. 315).

Мы думаемъ, однако, что и въ области „понятія“ и „методы“ не все стоитъ такъ ясно и прочно, чтобы не возбуждать никакихъ сомнѣній; таковъ, напр., Штаммлеровскій „прообразъ“ справедливаго права, все его ученіе о „концентрическихъ кругахъ“ и мн. др.

При всемъ этомъ „Ученіе о справедливомъ правѣ“ я думаю, займетъ видное мѣсто въ юридической и спеціально въ цивилистической литературѣ. Своимъ ученіемъ о „правовѣдѣніи теоретическомъ“ и своей идеей справедливаго права Штаммлеръ становится въ ряды того все болѣе и болѣе усиливающагося направленія въ современной юриспруденціи, которое пробиваетъ себѣ дорогу подъ разными наименованіями—соціальной политики, новаго естественнаго права и т. д. Какъ бы мы ни отнеслись къ особымъ воззрѣніямъ Штаммлера, во всякомъ случаѣ полнаго сочувствія заслуживаютъ его основныя предпосылки: если правовѣдѣніе желаетъ занять достойное его мѣсто въ ряду соціальныхъ наукъ, оно должно стать „правовѣдѣніемъ теоретическимъ“; оно должно брать право, какъ *средство* для достиженія соціальныхъ цѣлей, а самыя эти цѣли разсматривать въ свѣтѣ единства — *единства соціальнаго идеала.* Для осуществленія всего этого, конечно, знанія положительнаго закона недостаточно, но—правъ былъ Лютеръ, когда сказалъ: „юристъ, если онъ только юристъ, жалкая вещь“!

І. Покровскій.

ЗАМѢТКИ.

I. Новѣйшее эмиграціонное законодательство.

Исторія эмиграціонной политики представляетъ значительную неустойчивость и неопредѣленность: правительства отдѣльныхъ государствъ то совершенно запрещали эмиграцію и строго наказывали за нарушеніе этого запрещенія, то поощряли ее и даже субсидировали эмигрантовъ, то наконецъ, дозволяли эмиграцію, но только подъ извѣстными условіями. Собственно говоря, положеніе, въ силу котораго свобода эмиграціи не должна быть ограничиваема государствомъ, стало общепринятымъ только въ XIX столѣтіи. Въ этотъ вѣкъ, въ особенности къ концу его, наблюдается общая и постоянная тенденція не къ запрещенію или ограниченію эмиграціи, но къ регулированію ея. Это регулированіе совершалось и совершается главнымъ образомъ законодательнымъ путемъ [1]). Въ основаніи такой политики лежитъ глубоко вѣрная мысль Рошера. „Одно простое человѣколюбіе, говоритъ онъ не допускаетъ того, чтобы эмиграція была также свободна, какъ свободенъ полетъ птицъ".

Ранѣе всѣхъ другихъ государствъ на путь эмиграціоннаго законодательства выступила Англія. Начиная съ 1803 г., въ Англіи издаются Passengers Acts, имѣвшіе своей цѣлью упорядоченіе условій перевозки эмигрантовъ. Развитіе эмиграціи въ Германіи побудило и это государство вступить на тотъ же путь. Изъ германскихъ государствъ раньше другихъ на законодательное регулированіе пере-

---

[1]) Battaglia. Versuch einer systematischen und kritischen Darstellung des allgemeinen modernen Auswanderungsrechtes 1897.

селенческаго движенія обратили вниманіе вольные города—Бременъ и Гамбургъ. Чрезъ эти порты шли главные потоки эмиграціи изъ Германіи, Австро-Венгріи и Россіи, это обстоятельство и дало толчокъ развитію здѣсь эмиграціоннаго законодательства [1]). Послѣдней по времени попыткой законодательнаго регулированія эмиграціоннаго движенія является Германскій законъ 1897 г. и итальянскій 1901 г.

Въ настоящемъ очеркѣ мы и разсмотримъ эти два закона.

Первый вопросъ, на который должно отвѣтить эмиграціонное законодательство,—это вопросъ о свободѣ эмиграціи. Итальянскій законъ (art. I) признаетъ свободу ея только въ предѣлахъ, установленныхъ дѣйствующимъ правомъ. Лица, подлежащія отбытію воинской повинности, въ возрастѣ свыше 18 лѣтъ, могутъ эмигрировать съ особаго разрѣшенія соотвѣтствующаго начальства. Состоящіе на дѣйствительной службѣ, если имъ не исполнилось 28 лѣтъ, также могутъ эмигрировать по полученіи надлежащаго разрѣшенія. Эмиграція военныхъ можетъ быть запрещена особымъ королевскимъ указомъ по представленію военнаго и морского министровъ. Такое запрещеніе эмиграціи можетъ быть распространено и на опредѣленную страну министромъ иностранныхъ дѣлъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ цѣляхъ общественнаго блага. Между прочимъ любопытно, что Итальянскій законъ допускаетъ рекрутскій наборъ за границей, гдѣ онъ совершается дипломатическими агентами. Конскрипты, проживающіе за границей, могутъ, не пріѣзжая въ отечество, явиться на осмотръ въ ближайшее посольство или консульство. Итальянскіе подданные въ нѣкоторыхъ не-европейскихъ странахъ (Америкѣ, Океаніи, Азіи, исключая Турціи и пр.) совершенно освобождаются отъ явки на дѣйствительную службу и только въ случаѣ общей мобилизаціи они обязаны прибыть въ отечество (art. 33).

Въ Германскомъ законѣ эмиграція конскриптовъ въ возрастѣ отъ 17 до 25 лѣтъ безусловно воспрещена (§ 23, a). Лица, подлежащія отбытію воинской повинности, только въ томъ случаѣ могутъ эмигрировать, если представятъ отъ воинскаго присутствія свидѣ-

---

[1]) Исторію развитія англійскаго законодательства можно найти у Rathgen'a—Die Englische Auswanderung s. 88 и д. Гамбургское законодательство: E. Baasch. Auswanderungswesen in Hamburg въ Schriften des Vereins für Socialpolitik Bd. 52. 1892 г. Бременское: Lindeman. Auswanderungswesen in Bremen въ изданіяхъ того же ферейна т. 52, s. 423—425.

тельство, что не встрѣчается никакихъ препятствій къ ихъ выселенію въ отношеніи къ отбытію этой повинности.

Отсюда видимъ, что Итальянскій законъ въ вопросѣ о свободѣ эмиграціи отличается большой эластичностью. Не выставляя общихъ безусловныхъ требованій, онъ въ рѣшеніи этого сложнаго вопроса предоставляетъ значительную свободу правительственнымъ органамъ. Своими льготами по отношенію къ конскриптамъ, проживающимъ за-границей, онъ ослабляетъ побужденія къ перемѣнѣ подданства. Все это обусловливаетъ большую его приспособленность къ жизни.

Въ Италіи всякій, намѣревающійся эмигрировать, долженъ получить паспортъ, который выдается въ продолженіе 24 часовъ съ момента подачи о томъ прошенія. Паспорты и относящіеся сюда документы выдаются эмигрантамъ, отправляющимся на заработки, безъ взиманія гербоваго сбора и другихъ пошлинъ. Это постановленіе въ высшей степени цѣлесообразно. Рабочему не приходится терять много времени на полученіе паспорта; съ другой стороны, для него было бы тяжело уплачивать какія бы то ни было пошлины. Естественно, у рабочихъ не будетъ побужденій уклоняться отъ полученія паспорта.

Ни предприниматель, ни его представитель не имѣютъ права продавать билеты лицамъ, не получившимъ еще паспорта (art. 19).

Вербовкой и доставкой эмигрантовъ, продажей и выдачей билетовъ могутъ заниматься только тѣ, кто получилъ на это разрѣшеніе въ Германіи отъ имперскаго канцлера, въ Италіи—отъ эмиграціоннаго комиссаріата (§ 2 и art 13. Знакомъ § мы будемъ обозначать статьи нѣмецкаго закона, а art—статьи итальянскаго). Иностранныя общества могутъ получить патентъ на занятіе этимъ промысломъ только въ томъ случаѣ, если они назначатъ своими представителями подданныхъ того или другого государства и обязуются подчинятся государственнымъ закономъ (§ 4 и art. 13). Для полученія концессіи соискатели должны внести залогъ въ Германіи—50 тыс. марокъ (§ 5), въ Италіи 3 тыс. лиръ (art. 13). Въ Италіи иностранные предприниматели уплачиваютъ еще особый налогъ за всѣ учредительные акты отъ 500 до 3,000 лиръ. Въ Германіи нѣмецкія общества, ставящія своей задачей заселеніе пріобрѣтенныхъ ими за океаномъ земель, могутъ быть освобождены отъ внесенія залога (§ 7). Этотъ параграфъ введенъ съ цѣлью облегченія національной колонизаціи. Залогъ является гарантіей выполненія обязательствъ, принимаемыхъ на себя предпринимателемъ; изъ него же покрываются денежные штрафы, на-

лагаемые за тѣ или другіе проступки, а также и убытки эмигрантовъ.

Новѣйшее эмиграціонное законодательство обстоятельно регулируетъ самую технику эмиграціи. Эта техника въ своей основѣ почти вездѣ одинакова. Обыкновенно эмигранты заключаютъ съ пароходнымъ обществомъ договоръ, въ рѣдкихъ случаяхъ прямо, чаще—чрезъ агентовъ. Послѣдніе даютъ переселенцамъ нужныя имъ свѣдѣнія относительно времени отъѣзда, стоимости билета, багажа и т. п. Удаленность отъ моря, низкій уровень народнаго образованія обусловливаютъ необходимость существованія этого института. Въ этой необходимости и заключается его важное значеніе. Въ виду того, что пароходное общество за каждаго пассажира платитъ куртажъ агенту, послѣдній естественно старается навербовать ихъ побольше. Для этой цѣли онъ подыскиваетъ себѣ субагентовъ среди мѣстныхъ людей, которые и разъѣзжаютъ по глухимъ уголкамъ и правдой и кривдой поднимаютъ простой невѣжественный народъ съ насиженныхъ мѣстъ. Этимъ и объясняется искусственное повышеніе эмиграціи.

Обычная, самая интенсивная эмиграція совпадаетъ съ временемъ весны и осени. Для пароходныхъ обществъ это неудобно, поэтому они чрезъ своихъ агентовъ стараются сдѣлать теченіе эмиграціи болѣе равномѣрнымъ.

Въ виду такого важнаго значенія агентуры, новѣйшее законодательство обратило самое серьезное вниманіе на этотъ институтъ и путемъ такой или иной регулировки пытается парализовать его вредное вліяніе. Итальянское законодательство 1901 г. совершенно исключаетъ изъ эмиграціи посредниковъ, которые раньше допускались закономъ.

Ихъ функціи переданы отчасти самимъ предпринимателямъ, занимающимся перевозкой эмигрантовъ, а отчасти мѣстнымъ комитетамъ. Предприниматели, съ разрѣшенія эмиграціоннаго бюро, могутъ имѣть во всѣхъ частяхъ Италіи своихъ представителей, принимая на себя всю отвѣтственность за ихъ дѣйствія (art. 16). Представители не могутъ передавать другимъ лицамъ своихъ полномочій. Имъ безусловно запрещено посредничество по доставкѣ пассажировъ на пароходы, не принадлежащіе представляемому ими обществу (art. 16). Послѣднее обстоятельство не позволяетъ этому институту превратиться въ старую агентуру.

Нѣмецкій законъ допускаетъ агентовъ. Ими могутъ быть только имперскіе подданные (§ 13), получившіе на это особое разрѣше-

ЮРИДИЧЕСКІЙ КАБИНЕТЪ

ніе (§§ 11, 12) и внесшіе залогъ въ 1.500 марокъ (§ 14). При выдачѣ разрѣшенія принимаются во вниманіе и нравственныя качества кандидата (§ 13, а). Агенты не имѣютъ права открывать отдѣленій, находить себѣ представителей и совершать поѣздки съ цѣлью возбужденія эмиграціи (§ 17). Германскій законъ вмѣняетъ въ прямую обязанность агентамъ веденіе книгъ, записей, и вообще, статистическихъ свѣдѣній по эмиграціи.

Итальянское законодательство съ осбенной обстоятельностью регулировало вопросъ о цѣнѣ фрахтовъ; нѣмецкое, а также и швейцарское, законодательство держится въ этомъ пунктѣ принципа свободнаго соглашенія.

Не позже 15 Ноября, 15 Марта и 15 Іюля каждаго года предприниматели представляютъ свои цѣны въ эмиграціонный комиссаріатъ. Послѣдній одобряетъ фрахты, выслушавъ мнѣніе на этотъ счетъ компетентныхъ лицъ и учрежденій, напр. торговой палаты, и справившись о цѣнахъ въ иностранныхъ портахъ. Окончательное утвержденіе фрахтовъ предоставляется министру иностранныхъ дѣлъ. 1 Января, 1 Марта и 1 Сентября цѣны фрахтовъ публикуются во всеобщее свѣдѣніе и дѣйствительны на слѣдующую четверть года. По предложенію предпринимателей и инціативѣ комиссаріата могутъ быть сдѣланы измѣненія въ нихъ и до конца четверти года. Если предприниматель повыситъ произвольно цѣну, или откажется перевозить по установленной цѣнѣ, отъ него отбирается патентъ (art. 14). Такое обстоятельное регулированіе цѣнъ фрахтовъ въ извѣстной степени объясняется тѣмъ, что въ Италіи запрещена эмиграція чрезъ иностранные порты. Только въ случаѣ повышенія цѣнъ синдикатомъ предпринимателей допускается эмиграція чрезъ иностранные порты (art. 15). Эмиграція оказываетъ не малое вліяніе на развитіе морскихъ гаваней и торговаго флота, поэтому для государства важно, чтобы переселенческое движеніе шло чрезъ національные порты. Эту именно цѣль и преслѣдуетъ новый итальянскій законъ. Въ Германіи подобнаго постановленія нѣтъ по той простой причинѣ, что чрезъ ея гавани эмигрируетъ множество иностранцевъ, сами же нѣмцы только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ отправляются чрезъ иностранные порты.

Въ виду того, что часто распространяются завѣдомо ложныя свѣдѣнія объ иммиграціонныхъ странахъ, одной изъ первыхъ задачъ эмиграціонной политики является защита эмигрантовъ отъ обмана. Итальянскій законъ обратилъ вниманіе на это нежелательное явленіе и строго караетъ публикацію такихъ свѣдѣній

въ путеводителяхъ, въ отдѣльныхъ циркулярахъ, а также и распространеніе съ подобной же цѣлью иностранныхъ изданій (art. 17).

Защита интересовъ эмигрантовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда по тѣмъ или другимъ причинамъ не можетъ состояться путешествіе въ назначенный срокъ, нашла себѣ выраженіе въ цѣломъ рядѣ статей въ томъ и другомъ законодательствѣ. Если эмигрантъ по независящимъ отъ него обстоятельствамъ (напр. болѣзни) не можетъ отправиться въ путешествіе, то предприниматель обязанъ возвратить обратно деньги, полученныя имъ; въ случаѣ если онъ отказывается ѣхать по другимъ причинамъ, то только половину суммы (§ 29 и art. 21). Предприниматель обязанъ содержать на свой счетъ всѣхъ эмигрантовъ съ 12 часовъ кануна дня, обозначеннаго въ билетѣ и до дня отъѣзда (§ 27 и art. 22). Если замедленіе продлится, по итал. закону, больше 10 дней, а по герм. закону, больше недѣли, эмигрантъ можетъ отказаться отъ договора, съ полученіемъ обратно уплоченныхъ денегъ и сохраняя право иска о возмѣщеніи причиненныхъ этимъ замедленіемъ убытковъ (art. 22 и §§ 28, 29).

Судно до выхода въ морѣ осматривается особыми чиновниками для опредѣленія его годности, оснащенія и достаточности продовольствія (art. 32 и § 34). Всѣ эмигранты подвергаются медицинскому освидѣтельствованію, и лица съ опасными заразительными болѣзнями не допускаются на судно (art. 32 и §§ 35, 36).

Опасности, которымъ подвергается въ пути эмигрантъ, угрожаютъ его имуществу, здоровью и наконецъ, нравственности. Во избѣжаніе этихъ опасностей итальянскій законъ предписываетъ устройство разнаго рода пріютовъ, справочныхъ конторъ, бюро и пр. Санитарныя условія пребыванія эмигрантовъ на суднѣ опредѣляются цѣлымъ рядомъ законодательныхъ постановленій. Здѣсь точно указывается кубическій объемъ воздуха, качество и количество продовольствія, условія вентиляціи, организація медицинской помощи и т. д. Контроль за соблюденіемъ всѣхъ этихъ постановленій, по итал. закону, возлагается на врача, который является правительственнымъ органомъ, хотя и получаетъ содержаніе отъ предпринимателя. Назначается врачъ морскимъ министромъ по предложенію эмиграціоннаго комиссаріата.

Итальянское законодательство обратило особое вниманіе на защиту несовершеннолѣтнихъ эмигрантовъ. Несовершеннолѣтніе до 15 лѣтъ могутъ быть отправляемы на заработки только послѣ медицинскаго освидѣтельствованія (art. 2) и только на тѣ работы,

которыя будутъ признаны безвредными для ихъ здоровья (art. 3). Всѣ нарушающіе это постановленіе, подвергаются строгому наказанію (тюремному заключенію и штрафу); родители и опекуны теряютъ первые—patria potestas, вторые—права опеки (art. 3).

Появленіе этихъ статей въ законодательствѣ объясняется тѣмъ, что въ Италіи довольно широко распространена посылка дѣтей за границу на заработки. Уничтожить это печальное явленіе одними законодательными запрещеніями невозможно, такъ какъ оно вызывается экономическими причинами—нищетой и бѣдностью низшихъ классовъ населенія. Родители скорѣе предпочитаютъ посылать своихъ дѣтей на заработки за границу, чѣмъ видѣть ихъ умирающими съ голоду на своихъ глазахъ.

Итальянскій законъ слабѣе ограждаетъ интересы женщинъ. Онъ преслѣдуетъ только вербовку *несовершеннолѣтнихъ* дѣвушекъ для цѣлей проституціи (art. 3).

Болѣе обстоятельно этотъ вопросъ рѣшаетъ германское законодательство. Оно считаетъ преступленіемъ всякое содѣйствіе указанной эмиграціи женщинъ вообще, а не только несовершеннолѣтнихъ, строго карая всѣхъ тѣхъ, которые скрываютъ обманнымъ образомъ свою преступную цѣль. Наказываются не только прямые виновники, но и всѣ лица, знавшія преступную цѣль содѣйствовавшіе ея осуществленію, напр. капитаны судовъ (§ 48). Подобная строгость является далеко неизлишней. Извѣстно не мало случаевъ, когда дѣвушки по своей неопытности попадали въ дома терпимости. Два или три раза въ годъ изъ Америки пріѣзжаютъ въ Европу содержатели такихъ домовъ или ихъ агенты за товаромъ и нерѣдко возвращаются къ себѣ домой съ богатой добычей. Свою преступную цѣль они обычно скрываютъ, нанимая красивыхъ дѣвушекъ въ качествѣ прислуги въ Карлсбадъ, Франценсбадъ и другіе курорты „для американскихъ“ фамилій.

Въ итальянскомъ законодательствѣ имѣется очень важное постановленіе относительно обратной перевозки эмигрантовъ, созданное въ цѣляхъ ихъ защиты. Предприниматель обязуется, не взирая ни на какія противоположныя условія, перевозить за двѣ лиры въ день (включая продовольствіе) итальянскихъ гражданъ, которые возвращаются въ отечество, по требованію дипломатическаго агента. За дѣтей въ возрастѣ отъ 3 до 12 лѣтъ платится 1 лира въ день, дѣти ниже 3 лѣтъ перевозятся безплатно (art. 25). Это цѣлесообразное постановленіе значительно облегчаетъ возвращеніе въ отечество итальянскихъ эмигрантовъ; предприниматели лишены возможности эксплоатировать ихъ.

Наказанія, налагаемыя за нарушеніе тѣхъ или другихъ постановленій эмиграціоннаго законодательства, сводятся къ денежному штрафу, тюремному заключенію и лишенію права временно или навсегда заниматься эмиграціоннымъ промысломъ. Степень и комбинація этихъ наказаній колеблется въ зависимости отъ важности преступленія и виновности субъекта. Высшая сумма денежнаго штрафа по итальянскому закону равняется 2 тыс. лирамъ, а продолжительность тюремнаго заключенія 6 мѣсяцамъ (art. 3), по германскому закону maximum наказанія—6 тыс. мар. и пятилѣтнее заключеніе въ арестантскихъ ротахъ (послѣднее наказаніе для лицъ, виновныхъ въ обманной вербовкѣ женщинъ для проституціи §§ 43—48). Вообще, германскій законъ отличается болѣе строгой санкціей, въ особенности въ отношеніи денежныхъ штрафовъ.

Высшее завѣдываніе итальянской эмиграціей находится въ рукахъ спеціальнаго комиссаріата, подчиненнаго министру иностранныхъ дѣлъ (art. 7). При немъ существуетъ особый эмиграціонный совѣтъ, куда, помимо должностныхъ лицъ, входятъ три ученыхъ спеціалиста по географіи, статистикѣ и политической экономіи два выборныхъ члена—одинъ представитель національной лиги и кооперативныхъ обществъ, а другой—обществъ взаимопомощи. Значеніе этого учрежденія чисто совѣщательное (art. 7).

Для защиты эмигрантовъ въ морскихъ гаваняхъ назначаются министромъ иностранныхъ дѣлъ по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ особые инспектора, которые охраняютъ интересы переселенцевъ какъ при отъѣздѣ, такъ и при возвращеніи (art. 9).

Для мѣстнаго завѣдыванія эмиграціей учреждаются городскіе и общинные комитеты, функціонирующіе безвозмездно. Въ составъ ихъ входятъ преторъ; гдѣ его нѣтъ, мировой судья, синдикъ, приходскій священникъ, врачъ и представитель рабочихъ и сельскохозяйственныхъ союзовъ (art. 10).

Для охраны интересовъ переселенцевъ на мѣстахъ ихъ прибытія учреждаются справочныя конторы, бюро, иногда командируются туда и особые чиновники. По распоряженію министра иностранныхъ дѣлъ надзоръ за эмиграціей въ мѣстахъ прибытія можетъ быть возложенъ на дипломатическихъ агентовъ (art. 12).

Эмиграціонные чиновники, спеціально занимающіеся этимъ дѣломъ, получаютъ жалованье изъ особаго эмиграціоннаго фонда. Этотъ фондъ составляется изъ предпринимательскихъ взносовъ. Всякій предприниматель обязанъ внести въ одно изъ отдѣленій го-

сударственнаго банка 8 лиръ за каждый взятый у него цѣлый билетъ, 4 лиры за полъ билета и 2 лиры за четверть билета. Сюда же входитъ патентный сборъ, штрафы и пр. Эмиграціонный фондъ въ той части, какая останется, за покрытіемъ обычныхъ расходовъ по эмиграціи, обращается въ процентныя государственныя или гарантированныя бумаги. Цѣль фонда, помимо уплаты жалованья чиновникамъ,—служить матеріальнымъ обезпеченіемъ интересовъ эмиграціи вообще (art. 28). Въ учрежденіи такого фонда нужно видѣть одно изъ разумнѣйшихъ мѣропріятій эмиграціонной политики.

Помимо перечисленныхъ органовъ эмиграціоннаго управленія, въ Италіи существуютъ въ главныхъ городахъ провинцій особыя посредническія комиссіи для разбора споровъ между эмигрантами и предпринимателями. Въ составъ ихъ входятъ президентъ трибунала или его замѣститель, прокуроръ, совѣтникъ и два выборныхъ члена провинціальнаго совѣта. На рѣшенія этихъ комиссій апелляція не допускается.

Тяжбы, не превышающія 50 лиръ и возникшія въ мѣстахъ отправленія, разбираются устно эмиграціоннымъ инспекторомъ безъ всякихъ судебныхъ формальностей. На его приговоръ также не допускается апелляціи (art. 27). Выдѣленіе процессовъ по дѣламъ эмиграціи основано на принципѣ спеціализаціи, который особенно цѣненъ въ такомъ сложномъ и важномъ соціальномъ явленіи, какъ эмиграціонное движеніе. Безапелляціонные приговоры, уничтожая волокиту, обезпечиваютъ скорый судъ. Насколько онъ будетъ правый, это уже зависитъ отъ личнаго состава его. Въ значительной степени нелицепріятіе такого суда обезпечивается широкой гласностью.

Какъ организовано эмиграціонное управленіе въ Германіи?

Высшее завѣдываніе дѣлами эмиграціи принадлежитъ имперскому канцлеру. Ему при отправленіи этихъ обязанностей помогаетъ особый совѣтъ. Предсѣдатель его назначается императоромъ, а члены въ количествѣ 14—Союзнымъ Совѣтомъ (§ 38). Въ иныхъ случаяхъ (напр. при отобраніи патента на занятіе эмиграціоннымъ промысломъ) имперскій канцлеръ долженъ выслушивать мнѣніе эмиграціоннаго совѣта, въ другихъ—предоставляется его личному усмотрѣнію вносить или не вносить данный вопросъ на обсужденіе этого совѣта (§ 39). Для наблюденія за эмиграціей въ мѣстахъ отправленія учреждаются правительствами союзныхъ государствъ особыя управленія (§ 40). Въ свою очередь имперскій канцлеръ

имѣетъ право назначать въ портовые города своихъ чиновниковъ съ большими полномочіями; имъ въ извѣстныхъ случаяхъ подчинены даже мѣстныя управленія (§ 41).

За границей охрана интересовъ эмигрантовъ возлагается на имперскія учрежденія; иногда, въ случаѣ особой надобности, для помощи могутъ прикомандировываться спеціальные коммисары (§ 41).

Въ организаціи въ Германіи эмиграціоннаго управленія сказывается бюрократическій принципъ, въ немъ отсутствуетъ и начало спеціализаціи. Здѣсь выборное начало совершенно не примѣняется, и вся власть исключительно сосредоточена въ рукахъ имперскаго канцлера, у котораго, помимо эмиграціи, есть не мало сложныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Итальянская организація, вызвавшая къ жизни общинные и городскіе комитеты и создавшая совершенно самостоятельные органы управленія, должна быть потому поставлена выше германской.

Итальянское и германское законодательство глубоко различны по своему внутреннему принципу. Послѣднее, помимо полицейской защиты интересовъ эмигрантовъ преслѣдуетъ и другую затаенную цѣль, просвѣчивающую лишь въ нѣкоторыхъ параграфахъ закона. Цѣль эта—сохраненіе нѣмецкой національности и направленіе переселенческаго движенія во благо отечества, иначе говоря: помимо цѣлей эмиграціи преслѣдуются и цѣли колонизаціи. Такого совмѣщенія двухъ различныхъ цѣлей германское законодательство пытается достигнуть принципомъ спеціализаціи или локализаціи [1]). По § 6 закона разрѣшеніе на занятіе эмиграціоннымъ промысломъ выдается только для опредѣленныхъ земель, частей таковыхъ или опредѣленныхъ мѣстъ и, въ случаѣ заокеанской эмиграціи, только для извѣстныхъ гаваней. Этимъ правительству дается возможность направить эмиграцію въ тѣ страны, которыя будутъ признаны имъ удобными для сохраненія національности. Та же цѣль преслѣдуется и § 7, по которому нѣмецкія общества, ставящія своей задачей колонизацію земель, пріобрѣтенныхъ ими въ заокеанскихъ краяхъ, могутъ быть освобождены имперскимъ канцлеромъ отъ взноса требуемаго залога. Этимъ значительно облегчается національная колонизація.

Въ извѣстной степени сюда можно отнести и то постановленіе, по которому запрещается эмиграція тѣмъ имперскимъ подданнымъ,

---

[1]) Meyer Auswanderungsgesetzgebung in Deutschland въ Handw. d. Staatsw. Bd. II S. 112.

за которыхъ цѣликомъ или отчасти уплачена стоимость переѣзда иностранными обществами и другими предпринимателями (§ 23, с). Имперскому канцлеру предоставлено право дѣлать исключенія изъ этого постановленія. Очевидно, разсматриваемый параграфъ направленъ косвенно противъ южно-американскихъ государствъ, расходовавшихъ большія суммы на ввозъ иммигрантовъ. Такъ какъ эти иммигранты были потеряны для нѣмецкой національности, то новѣйшій законъ благоразумно запрещаетъ такую субсидированную эмиграцію, оставляя впрочемъ выходъ для тѣхъ случаевъ, гдѣ не будетъ грозить опасность потери національности.

Такой тенденціи мы не замѣчаемъ въ итальянскомъ законодательствѣ. Послѣднее имѣетъ въ виду одну защиту интересовъ эмигрантовъ, которая, нужно сказать, нашла здѣсь наилучшее выраженіе, сравнительно съ другими европейскими странами. Можно указать только два постановленія, коимъ помимо защиты интересовъ эмигрантовъ, прямо преслѣдуются и интересы государства: первое и главное—эмиграція дозволяется только чрезъ національные порты, второе—иностранные предприниматели платятъ большій налогъ.

По организаціи эмиграціоннаго управленія въ связи судопроизводствомъ и судоустройствомъ, по всесторонней защитѣ интересовъ эмигрантовъ—итальянское законодательство, безъ сомнѣнія, должно быть признано наиболѣе совершеннымъ изъ всѣхъ современныхъ европейскихъ законодательствъ.

Обращаясь къ нашему законодательству, мы видимъ въ немъ существенный пробѣлъ въ этомъ отношеніи. Если 30—20 лѣтъ тому назадъ, когда у насъ только зарождалась эмиграція, этотъ пробѣлъ былъ нечувствителенъ, то въ настоящее время, въ виду все возрастающей заатлантической эмиграціи, отсутствіе у насъ законодательнаго регулированія этого движенія даетъ себя знать. Въ послѣднее время изъ Россіи ежегодно эмигрируетъ свыше 100 тыс. человѣкъ, между тѣмъ напр. въ Германіи всего лишь 20—30 тыс. Статистика уже причисляетъ наше отечество, на ряду съ Италіей, Австро-Венгріей, къ государствамъ, отличающимся интенсивной эмиграціей. Такимъ образомъ самой жизнью выдвинута на очередь важная соціальная проблема въ видѣ эмиграціоннаго движенія, и наше законодательство не можетъ уже болѣе ее игнорировать. Если часть нашихъ эмигрантовъ, отправляющихся чрезъ иностранные порты—преимущественно Гамбургъ и Бременъ,—пользуется благодѣтельными послѣдствіями эмиграціоннаго законо-

дательства въ иностранныхъ государствахъ, то эмигранты, идущіе чрезъ наши порты, оказываются лишенными такой защиты. Объ улучшеніи ихъ положенія слѣдуетъ уже подумать и потому, что эмиграція оказываетъ большое вліяніе на развитіе и ростъ портовыхъ городовъ. Упорядоченіе эмиграціоннаго дѣла въ нашемъ отечествѣ усилитъ приливъ эмигрантовъ, въ настоящее время предпочитающихъ иностранные порты.

Основные принципы для рѣшенія этой важной соціальной проблемы даны въ богатомъ западно-европейскомъ опытѣ. Безъ сомнѣнія, типъ итальянской организаціи для насъ непригоденъ. Дѣло въ томъ, что въ Италіи эмиграція является прямо народнымъ движеніемъ, чѣмъ и объясняется широко поставленная организація этого дѣла. Для насъ болѣе подходитъ Германскій типъ; но, конечно, въ немъ необходимо сдѣлать измѣненія примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о мѣрахъ экономической политики, желательныхъ для урегулированія эмиграціоннаго движенія.

1) установленіе надзора за эмиграціей на мѣстахъ отправленія чрезъ спеціальныхъ чиновниковъ;

2) примѣненіе концессіонной системы при выдачѣ разрѣшеній на занятіе эмиграціоннымъ промысломъ;

3) урегулированье агентуры; по мѣстнымъ условіямъ уничтоженіе этого института невозможно, но зато вполнѣ возможна его строгая регламентація; за образецъ можно взять Германію, гдѣ этотъ институтъ регулированъ довольно удачно;

4) строгое преслѣдованіе за распространеніе ложныхъ свѣдѣній и вообще за искусственное возбужденіе эмиграціи;

5) наконецъ, веденіе постоянной и точной статистики эмиграціоннаго движенія.

К. Г. Воблый.

II. Къ вопросу объ измѣненіи, отмѣнѣ и уничтоженіи завѣщаній.

1-го Марта 1892-го года помѣщикъ Б—ій совершилъ нотаріальное духовное завѣщаніе, коимъ женѣ своей А. И. Б—ой завѣщалъ въ пожизненное владѣніе свое имѣніе, а въ собственность—всѣ свои капиталы, при чемъ въ пунктѣ б третьяго параграфа напи-

салъ: „изъ доходовъ благопріобрѣтеннаго имущества моего жена моя, А. И. Б—ая должна выплатить родной племянницѣ моей, М. В. Е—ой, пять тысячъ рублей, каковую уплату обязываю ее, жену мою, произвести въ теченіе пяти лѣтъ со дня утвержденія сего духовнаго завѣщанія Окружнымъ Судомъ“.

13-го Іюля 1893-го года тотъ же Б—ій явился съ тремя свидѣтелями въ контору нотаріуса „съ объявленіемъ, что онъ желаетъ совершить духовное завѣщаніе слѣдующаго содержанія: я . . . . призналъ нужнымъ въ дополненіе къ завѣщанію моему . . . 1 Марта 1892 года сдѣлать слѣдующее распоряженіе, именно: пунктъ б. § 3-го того завѣщанія, въ которомъ сказано (слѣдуетъ дословное воспроизведеніе цитированнаго выше пункта б § третьяго), вовсе отмѣняю и предаю забвенію, вслѣдствіе чего жена моя не обязана выплачивать Е—ой означенной суммы денегъ; все прочее, что изложено въ прописанномъ духовномъ завѣщаніи, оставляю въ своей силѣ безъ измѣненія“.

26-го Октября 1895 года Б—ій скончался. Его наслѣдники—братъ и вдова—представили въ Окружный Судъ оба завѣщанія и просили объ утвержденіи ихъ. Случилось такъ, что Судъ, въ силу неустановленныхъ до сихъ поръ причинъ, утвердилъ къ исполненію лишь первое завѣщаніе, а о второмъ въ своемъ опредѣленіи даже не упомянулъ. Наслѣдники этого опредѣленія Суда въ установленный срокъ не обжаловали. Прошло пять лѣтъ. М. В. Е—на, основываясь на пунктѣ б параграфа 3-го утвержденнаго Судомъ перваго завѣщанія Б—го, предъявила къ А. И. Б—ой искъ, въ которомъ просила о присужденіи ей 5 тысячъ рублей. Отвѣтчица Б—ая представила второе завѣщаніе наслѣдодателя и просила въ искѣ отказать. Окружный Судъ, а за нимъ и Судебная Палата, куда дѣло перешло по жалобѣ Б—ой, исковыя требованія Е—ой удовлетворили. Въ мотивахъ Судебной Палаты говорится: „На основаніи 1060 ст. I ч. X т. и разъясненій Правительствующаго Сената (1870 г. № 1697) воля завѣщателя получаетъ исполнительную силу лишь по явкѣ и утвержденіи завѣщанія въ установленномъ порядкѣ, поэтому разъ дополнительное завѣщаніе Б—го отъ 13 Іюля 1893 года, которымъ защищается отвѣтчица, и которымъ Б—ій отмѣнилъ положенный въ основаніе иска по настоящему дѣлу пунктъ б § 3 завѣщанія 1 Марта 1892 года, не было утверждено Судомъ, то оно не можетъ почитаться получившимъ силу и уничтожающимъ означенный спорный пунктъ завѣщанія 1 Марта. Вопросъ о томъ, почему и по чьей винѣ дополнительное завѣща-

ніе осталось не утвержденнымъ, представляется для настоящаго дѣла безразличнымъ, и истица въ правѣ воспользоваться духовнымъ завѣщаніемъ 1 Марта 1892 года, которое до настоящаго времени въ установленномъ порядкѣ не отмѣнено, пока отвѣтчица не получитъ утвержденія второго завѣщанія".

На это рѣшеніе повѣреннымъ Б—ой была принесена въ Правительствующій Сенатъ кассаціонная жалоба, въ которой указывалось на нарушеніе Судебною Палатою 1030 и 1060 статей Зак. Гражд.; доводы жалобы были подкрѣплены ссылкою на рѣшеніе Сената № 86, 1898 г. по дѣлу братьевъ Гритчиныхъ. Разсмотрѣвъ дѣло, Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе Палаты за нарушеніемъ 1030 ст. Зак. Гражд.

Указъ Сената чрезвычайно кратокъ—не болѣе двадцати строкъ. То предшествующее рѣшеніе (по дѣлу братьевъ Гритчиныхъ), на которое ссылается указъ, тоже не отличается детальною разработкою вопроса, оно болѣе констатируетъ новое положеніе, чѣмъ анализируетъ соотвѣтствующія статьи закона. Рѣшеніе Сената по дѣлу Е—ой съ Б—ой постановлено въ отдѣленіи, а не въ департаментѣ, слѣдовательно опубликовано въ сборникѣ рѣшеній не будетъ. Наконецъ, то дѣло, которое вызвало рѣшеніе Сената за № 86, 1898 г., не вполнѣ аналогично дѣлу Е—ой съ Б—ой: въ первомъ рѣчь идетъ объ уничтоженіи всего завѣщанія, во второмъ объ уничтоженіи части его. Все это даетъ мнѣ основаніе надѣяться, что болѣе подробное разсмотрѣніе выдвинутаго описаннымъ казусомъ вопроса окажется нелишнимъ.

Въ нашей литературѣ затронутый мною вопросъ совершенно не разработанъ: Мейеръ и Шершеневичъ посвящаетъ 1030 статьѣ всего по нѣсколько десятковъ строкъ, перефразирующихъ ея текстъ, Побѣдоносцевъ прибавляетъ къ этому три случая изъ судебной практики и даетъ рѣшеніе ихъ, наконецъ Анненковъ, который удѣляетъ вопросу о перемѣнѣ завѣщаній 15 страницъ и даетъ обзоръ всѣхъ казусовъ, разсмотрѣнныхъ разными авторами въ многочисленныхъ монографіяхъ, ограничивается лишь ссылкой на „совершенно согласно, съ смысломъ правила 1030 ст." рѣшеніе Сената по дѣлу братьевъ Гритчиныхъ. Объясняется это тѣмъ, что всѣ перечисленные авторы разсматриваютъ вопросы о перемѣнѣ завѣщаній и объ утвержденіи ихъ судомъ совершенно независимо одинъ отъ другого, тогда какъ указаннымъ дѣломъ Е—ой съ Б—ой выдвинутъ вопросъ именно о соотношеніи этихъ двухъ моментовъ осуществленія воли завѣщателя.

Конечный выводъ, къ которому приводитъ анализъ этого вопроса сводится къ слѣдующему: неутвержденное къ исполненію послѣдующее духовное завѣщаніе, въ которомъ говорится объ уничтоженіи всего или части предшествующаго завѣщанія, своевременно утвержденнаго къ исполненію, дѣлаетъ ничтожнымъ все или часть предшествующаго завѣщанія.

Установить это положеніе можно двумя путями: съ точки зрѣнія недѣйствительности предшествующаго завѣщанія и съ точки зрѣнія дѣйствительности второго. Начну съ послѣдняго.

Въ 1030 статьѣ Зак. Гражд. говорится: „Всѣ завѣщанія, какъ въ цѣломъ ихъ составѣ, такъ и въ частяхъ, могутъ быть перемѣняемы по усмотрѣнію завѣщателя. Завѣщаніе нотаріальное . . . можетъ быть измѣнено или отмѣнено лишь нотаріальнымъ же завѣщаніемъ, а домашнее можетъ быть измѣняемо и отмѣняемо . . . . и домашнимъ завѣщаніемъ . . . . Всякое завѣщаніе можетъ быть уничтожено завѣщателемъ посредствомъ совершенія объ уничтоженіи онаго нотаріальнаго акта“.

Эта статья устанавливаетъ возможность перемѣны завѣщаній, а также указываетъ порядокъ измѣненія, отмѣны и уничтоженія ихъ. Измѣненіе и отмѣна должны совершаться составленіемъ новаго завѣщанія, а уничтоженіе можетъ производиться совершеніемъ нотаріальнаго акта.

Что же значатъ всѣ эти термины—„перемѣнить“, „измѣнить“, „отмѣнить“ и „уничтожить“ духовное завѣщаніе? Они не тождественны по своему смыслу, въ этомъ порукой служитъ та настойчивость, съ которою законодатель (въ 1030 и 1032 статьяхъ) трижды повторяетъ „измѣняемо или отмѣняемо“; въ этомъ убѣждаетъ устанавливаемое закономъ различіе между способомъ уничтоженія, съ одной стороны, и способомъ измѣненія и отмѣны завѣщанія, съ другой. Очевидно, въ каждое изъ этихъ словъ вложено особое содержаніе, особый смыслъ; необходимо установить его.

„Перемѣна“ завѣщанія—это родовое понятіе, обнимающее собою всѣ остальные термины; оно понадобилось только для того, чтобы установить самую возможность, самую допустимость всякихъ перемѣнъ. Законодатель не могъ вмѣсто „перемѣняемы“ поставить въ началѣ статьи, въ общей, такъ сказать, части ея какое либо другое слово, напримѣръ, „измѣняемы“ или „уничтожаемы“, ибо это повело бы къ смѣшенію понятій, къ невозможности пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи словомъ, получившимъ слишкомъ широкое значеніе. Этимъ объясняется то, что въ законѣ нѣтъ указанія

на способъ „перемѣны" завѣщанія. Поэтому же въ послѣдующемъ анализѣ 1030 статьи можно и слѣдуетъ забыть о существованіи слова „перемѣняемы". Остаются три термина—измѣненіе, отмѣна, уничтоженіе.

Подъ „измѣненіемъ" завѣщанія можно и нужно разумѣть дѣйствіе завѣщателя, направленное къ тому, чтобы одинъ или нѣсколько наслѣдниковъ его получили не ту долю имущества, которая указана въ первомъ завѣщаніи, а другую—большую или меньшую—назначаемую въ новомъ завѣщаніи, или не то имущество, которое указано въ первомъ завѣщаніи, а другое, опредѣляемое во второмъ. Выражается измѣненіе завѣщанія въ такихъ словахъ: „такому то завѣщаю не столько, а столько", или „такому то завѣщаю не имѣніе, а капиталъ", или „имущество, назначенное такому то, завѣщаю не ему, а другому такому то лицу".

„Отмѣною" завѣщанія является выраженная въ новомъ завѣщаніи воля завѣщателя, которою вмѣсто прежде установленнаго распредѣленія всего имущества дѣлается новое. Никакого другого содержанія слову „отмѣна" придать нельзя: если предположить, что можно отмѣнить не все, а часть завѣщанія, то исчезнетъ проводимая закономъ разница между отмѣной и измѣненіемъ; если предположить, что возможна отмѣна безъ новаго распредѣленія имущества, то окажется, что понятія отмѣны и уничтоженія завѣщаній тождественны, а это противорѣчитъ вполнѣ ясному смыслу 1030 статьи. Слѣдовательно, формула отмѣны такова: „составленное мною тогда то завѣщаніе во всемъ его объемѣ отмѣняю и свое имущество распредѣляю такъ".

Наконецъ, подъ „уничтоженіемъ" завѣщанія необходимо понимать дѣйствіе, направленное къ тому только, чтобы сдѣлать ничтожнымъ установленное въ завѣщаніи распредѣленіе имущества; формула „уничтоженія" такова: „настоящимъ актомъ или завѣщаніемъ уничтожаю составленное мною тогда то завѣщаніе".

Такимъ образомъ, существенная разница между „отмѣною" и „измѣненіемъ" духовнаго завѣщанія, съ одной стороны, и „уничтоженіемъ" его, съ другой, состоитъ въ томъ, что въ первыхъ двухъ случаяхъ завѣщатель на смѣну отмѣняемаго или измѣняемаго устанавливаетъ что либо новое, а во второмъ онъ только уничтожаетъ, но ничего не создаетъ. Вполнѣ естественно и послѣдовательно поступилъ законодатель, установивъ для первыхъ случаевъ (отмѣны и измѣненія) требованіе облечь новую волю завѣщателя въ форму духовнаго завѣщанія, а для уничтоженія признавъ достаточнымъ только нотаріальный актъ.

Само собою разумѣется, что уничтоженіе завѣщанія можетъ быть сдѣлано не только нотаріальнымъ актомъ, но и новымъ духовнымъ завѣщаніемъ, такъ какъ послѣднее является наиболѣе совершенною формою для выраженія предсмертной воли человѣка. Слѣдовательно, если бы кѣмъ либо было составлено одно нотаріальное завѣщаніе, а затѣмъ другое, тоже нотаріальное, въ которомъ было бы сказано лишь, что все первое завѣщаніе уничтожается (безъ новаго распредѣленія имущества), то такое завѣщаніе было бы въ дѣйствительности тѣмъ нотаріальнымъ актомъ, о которомъ говоритъ 1030 статья, который пріобрѣтаетъ силу съ момента написанія его и не нуждается въ утвержденіи его судомъ къ исполненію. Допустить противное, т. е. предполагать, что такое завѣщаніе, въ случаѣ непредставленія его въ установленный срокъ къ утвержденію, утратило бы свою силу, значитъ признать, что болѣе строгая, болѣе совершенная форма (духовное завѣщаніе) не такъ ясно опредѣляетъ истинную волю завѣщателя, какъ менѣе совершенная, т. е. нотаріальный актъ. Названіе акта духовнымъ завѣщаніемъ не могло бы измѣнить существа его, такъ какъ неправильное названіе какого либо акта не можетъ вліять на силу и дѣйствительное значеніе его.

Итакъ, второе завѣщаніе, если въ немъ не содержится новаго распредѣленія имущества и если въ немъ упоминается объ уничтоженіи всего перваго завѣщанія, не теряетъ, какъ равнозначащее нотаріальному акту, своей силы отъ непредставленія его въ судъ для утвержденія.

Но возможны случаи (какъ въ дѣлѣ Е-ой съ В-ой) уничтоженія не всего перваго завѣщанія, а лишь части его, какого либо одного пункта. Спрашивается, что имѣемъ мы тогда: измѣненіе, отмѣну или уничтоженіе завѣщанія? Не измѣненіе и не отмѣну, такъ какъ никакого новаго распредѣленія имущества завѣщатель не установилъ, никакихъ новыхъ наслѣдниковъ онъ не назначилъ Слѣдовательно, это—уничтоженіе, но только не всего завѣщанія, а части его. Въ такомъ случаѣ возникаетъ вопросъ: можно ли сдѣлать частичное уничтоженіе завѣщанія посредствомъ нотаріальнаго акта? Отвѣтъ можетъ быть только положительный: если можно уничтожить все завѣщаніе, то можно уничтожить такимъ же способомъ и часть его. А если это можно сдѣлать посредствомъ нотаріальнаго акта, то можно сдѣлать и составленіемъ новаго завѣщанія, которое для пріобрѣтенія силы не нуждается въ утвержденіи суда, такъ какъ замѣняетъ собою установленный 1030

статьею нотаріальный актъ. Противоположное мнѣніе привело бы насъ къ выводамъ, идущимъ въ разрѣзъ и съ требованіями логики, и съ правильнымъ толкованіемъ законовъ, такъ какъ даетъ преимущество менѣе совершенной формѣ надъ болѣе выражающей истинную волю завѣщателя и, признавая большее (уничтоженіе всего завѣщанія), не признаетъ меньшаго (уничтоженія части завѣщанія).

Все сказанное даетъ основаніе сдѣлать такой выводъ: всякое завѣщаніе лишь постолько нуждается въ утвержденіи, посколько въ немъ содержится новое распредѣленіе имущества; утвержденіе завѣщанія необходимо для осуществленія творческой, созидательной воли завѣщателя, но не для воли, лишь отрицающей, ничего новаго не творящей, лишь уничтожающей прежнюю волю. Такая отрицательная воля имѣетъ силу и безъ утвержденія ея судомъ къ исполненію.

До сихъ поръ я старался подтвердить формулированное въ началѣ настоящей замѣтки положеніе съ точки зрѣнія дѣйствительности второго завѣщанія. Теперь попытаюсь подойти къ вопросу съ другой стороны и установить недѣйствительность перваго завѣщанія, (всего или части), даже утвержденнаго судомъ къ исполненію.

Духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ, на случай смерти его (1010 ст. Зак. Гражд.). Всякое завѣщаніе по смерти завѣщателя должно быть представлено въ установленные сроки для утвержденія къ исполненію; по истеченіи срока завѣщанія къ утвержденію не принимаются и остаются ничтожными (1060, 1063 и 1065 ст. Зак. Гр.).

Слѣдовательно, для того, чтобы наслѣдованіе по закону уступило свое мѣсто другому распредѣленію имущества, необходимы два момента: законно выраженная воля завѣщателя—во первыхъ, утвержденная судомъ къ исполненію—во вторыхъ. Когда послѣ завѣщателя остается только одно завѣщаніе, вопросъ о силѣ и значеніи его разрѣшается чрезвычайно просто: если воля выражена законно, если она утверждена судомъ—завѣщаніе пріобрѣтаетъ творческую силу, имущество распредѣляется согласно указаніямъ завѣщателя; если же воля выражена не по закону, — завѣщаніе ничтожно, хотя бы оно и было утверждено судомъ; если завѣщаніе не утверждено,—оно также ничтожно, имущество распредѣляется по закону.

Но сплошь и рядомъ послѣ завѣщателя остается не одно, а

два завѣщанія, по своему содержанію взаимно уничтожающія другъ друга. Предположимъ, что изъ этихъ двухъ завѣщаній получило утвержденіе суда, какъ въ дѣлѣ Е-ой съ Б-ой, только первое. Благодаря этому оба завѣщанія не удовлетворяютъ всѣмъ предъявляемымъ къ нимъ требованіямъ. Первое изъ нихъ (на которомъ построенъ искъ Е-ой) страдаетъ чрезвычайно крупнымъ дефектомъ: оно не выражаетъ собою воли завѣщателя; второе несомнѣнно является объявленіемъ истинной и послѣдней воли покойнаго завѣщателя, но оно не утверждено судомъ къ исполненію. Спрашивается: какой же дефектъ важнѣе, какому изъ завѣщаній можно отдать предпочтеніе? Полагаю —второму.

Никакое дѣйствіе суда, никакое утвержденіе къ исполненію не могутъ влить въ завѣщаніе отсутствующую въ немъ волю завѣщателя. Судъ не творитъ волю, онъ только закрѣпляетъ ее. Изъ ничего—ничего не будетъ; если нѣтъ воли, ее ничѣмъ не замѣнишь. Какъ только будетъ доказано, что утвержденное судомъ завѣщаніе не выражаетъ воли завѣщателя, оно перестаетъ быть завѣщаніемъ, оно теряетъ всякую силу. Въ дѣлѣ Б-ой, напримѣръ нежеланіе Б-го оставить Е-ой 5 тыс. р. стоитъ внѣ сомнѣнія, этого не могла и не отрицала сама Е-на, она ссылалась лишь на неутвержденіе судомъ второго волеизъявленія и на утвержденіе перваго. Источникомъ права ея является, слѣдовательно, не воля завѣщателя, а дѣйствіе окружнаго суда. Но такой источникъ права не предусмотрѣнъ закономъ: судъ не создаетъ правъ, онъ только возстановляетъ нарушенныя или регистрируетъ, закрѣпляетъ пріобрѣтенныя какимъ бы то ни было способомъ права. Такимъ образомъ, не въ моментъ утвержденія завѣщанія творится воля завѣщателя, а въ какой то другой. Въ какой? Въ моментъ смерти его? Нѣтъ. Завѣщаніе есть объявленіе воли на случай смерти. Смерть ничего не прибавляетъ къ волѣ, она не можетъ измѣнить ее. А если воля творится не въ моментъ смерти и не въ моментъ утвержденія завѣщанія, то очевидно—въ моментъ объявленія ея, въ моментъ написанія завѣщанія. Слѣдовательно, со времени составленія завѣщателемъ второго завѣщанія, въ которомъ упоминается объ уничтоженіи всего или части перваго, это первое перестаетъ быть завѣщаніемъ, перестаетъ выражать собою волю завѣщателя и, совершенно независимо отъ утвержденія или неутвержденія второго завѣщанія, становится ничтожнымъ, не можетъ повліять на распредѣленіе всего или части имущества.

Но можетъ быть, и второе завѣщаніе обладаетъ непоправимымъ

дефектомъ (оно вѣдь не утверждено судомъ), лишающимъ его всякой силы? Нѣтъ. Мы уже говорили выше, что уничтоженіе вторымъ завѣщаніемъ всего или части предшествующаго не нуждается въ утвержденіи суда, что второе завѣщаніе равносильно въ этомъ случаѣ тому нотаріальному акту, о которомъ говоритъ 1030 статья.

А разъ такъ, разъ первое завѣщаніе ничтожно благодаря отсутствію въ немъ воли, разъ второе равносильно нотаріальному акту, то должно быть признано правильнымъ выставленное въ началѣ этой замѣтки положеніе: неутвержденное къ исполненію послѣдующее завѣщаніе, въ которомъ говорится объ уничтоженіи всего или части предшествующаго завѣщанія, своевременно утвержденнаго къ исполненію, дѣлаетъ ничтожнымъ все или часть предшествующаго завѣщанія.

Какъ было уже отмѣчено, это положеніе находитъ себѣ полное подтвержденіе въ рѣшеніи Правительствующаго Сената по дѣлу Гритчиныхъ (1898 г. № 86), изложенномъ, къ сожалѣнію, слишкомъ кратко. Сенатъ говоритъ: Допуская отмѣну (слѣдовало бы сказать—уничтоженіе) завѣщаній посредствомъ нотаріальнаго акта, не требующаго.... утвержденія суда. законъ... поставилъ вопросъ о дѣйствительности отмѣненнаго предыдущаго нотаріальнаго завѣщанія внѣ всякой зависимости отъ утвержденія судомъ такого же позднѣйшаго завѣщанія. Изъ сего же слѣдуетъ, что... уничтоженіе одного нотаріальнаго духовнаго завѣщанія другимъ позднѣйшимъ наступаетъ еще при жизни завѣщателя силою самого факта... уничтоженія предыдущаго завѣщанія другимъ позднѣйшимъ и совершенно независимо отъ вопроса объ утвержденіи этого завѣщанія... послѣ смерти завѣщателя"...

Къ этимъ доводамъ Сенатъ прибавляетъ еще одинъ: если признать второе завѣщаніе недѣйствительнымъ, то „вопросъ о дѣйствительности завѣщанія, уничтоженнаго позднѣйшимъ завѣщаніемъ, во многихъ случаяхъ зависѣлъ бы отъ воли хранителя завѣщанія, что очевидно не можетъ быть принято во вниманіе при разрѣшеніи подобнаго вопроса".

Со всѣми этими доводами нельзя не согласиться; но ихъ слѣдовало бы развить и дополнить. Въ вопросѣ, возбуждающемъ на практикѣ значительныя сомнѣнія, слѣдовало бы дать аргументацію болѣе сильную и убѣдительную.

Михаилъ Беренштамъ.

УГОЛОВНАЯ ХРОНИКА.

Уголовное Уложеніе 1903 г. передъ судомъ редакціонной коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ.— Условное осужденіе, по предположеніямъ коммисіи Министерства Юстиціи.—Вопросъ о врачебной отвѣтственности въ сужденіяхъ Петербургскаго юридическаго общества.— Германскій законопроектъ о вознагражденіи невинно привлеченныхъ къ суду лицъ, подвергшихся предварительному заключенію.—По поводу Гагаринскаго дѣла.

Новое уголовное уложеніе не годится для крестьянъ—вотъ тотъ выводъ, къ которому долженъ придти всякій, ознакомившійся съ разсужденіями редакціонной коммисіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ и повѣрившій этимъ разсужденіямъ. Притомъ уложеніе это,—плодъ долгой и упорной работы,—одинаково непригодно какъ съ точки зрѣнія крестьянина-судьи, такъ и для крестьянина-подсудимаго: для перваго оно непонятно вслѣдствіе „нѣкоторой схематичности опредѣленій состава преступныхъ дѣяній", а также „усвоеннаго въ уложеніи способа обобщенія признаковъ отдѣльныхъ видовъ преступленій"—способа, вполнѣ подходящаго для юридическаго образованнаго судьи, но не для волостныхъ судей, отъ которыхъ, по удостовѣренію коммисіи, нельзя ожидать, чтобы они „могли справиться съ трудностями подведенія подъ отвлеченныя положенія значительно различающихся по своимъ внѣшнимъ признакамъ проступковъ",—другими словами,—чтобы

они могли вообще судить. Но и крестьянинъ-подсудимый не по плечу уложенію. Оно для него, по крайней мѣрѣ въ отношеніи „нѣкоторыхъ дѣяній, даже не особенно тяжкихъ“, — слишкомъ строго,—и строгость эта можетъ оказаться „въ рѣзкомъ противорѣчіи съ правосознаніемъ сельскаго населенія“. „Крестьянамъ былъ бы непонятенъ законъ, въ силу коего за уличную перебранку двухъ бабъ можетъ быть назначено наказаніе, доходящее до 6 мѣсяцевъ ареста или 500 р. пени, между тѣмъ какъ нынѣ высшее возможное взысканіе за такой проступокъ ограничивается штрафомъ въ 30 руб. или 2-хъ недѣльнымъ арестомъ“ Поэтому, для волостнаго суда ничего не выкроишь изъ новаго уголовнаго уложенія. Необходимо написать особенное миніатюрное уложеніе „волостной уставъ о наказаніяхъ“, при составленіи коего коммисія руководится слѣдующими тремя положеніями: 1) охватывая приблизительно ту же область проступковъ, какъ и временныя правила 12 іюля 1889 г., проектируемый уставъ, при опредѣленіи состава и отличительныхъ свойствъ преступныхъ дѣяній, долженъ опираться на постановленія новаго уголовнаго уложенія, лишь пріурочивая ихъ къ особымъ условіямъ и видамъ сельской преступности; 2) по внѣшней формѣ изложенія, уставъ этотъ долженъ отличаться ясностью и наглядностью, избѣгать излишне отвлеченной формулировки состава наказуемыхъ проступковъ, а равно пояснять, въ цѣляхъ ихъ болѣе легкой усвояемости, устанавливаемыя имъ общія положенія подходящими примѣрами и вообще всемѣрно примѣняться къ уровню пониманія и мышленія той среды, для которой онъ предназначается, и 3) по степени наказуемости предусматриваемыхъ имъ проступковъ, уставъ долженъ, по возможности, приближаться къ мѣрамъ карательной репрессіи, установленнымъ для однородныхъ преступленій новымъ уголовнымъ уложеніемъ, отступая отъ сего пріема лишь въ тѣхъ случаяхъ, въ коихъ это представляется безусловно необходимымъ.

О томъ, возможно ли выполнить такую самопротиворѣчивую программу,—теперь говорить было бы преждевременно. Подождемъ опубликованія новаго кодекса. Но нельзя не констатировать, что самая возможность его появленія свидѣтельствуетъ о нѣсколько неожиданной перемѣнѣ во взглядахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Что такая перемѣна произошла, и притомъ вполнѣ сознательно, въ этомъ можно убѣдиться изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя опубликованы Высочайше учрежденной особой коммисіей для разработки мѣропріятій, вызванныхъ изданіемъ новаго уголовнаго уло-

женія. Въ засѣданіи этой коммисіи 8 декабря минувшаго года [1]), предсѣдатель ея (Министръ Юстиціи) сообщилъ, что минувшимъ лѣтомъ онъ входилъ въ сношеніе съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, прося увѣдомить о существѣ предположеній Высочайше учрежденнаго особаго совѣщанія для пересмотра законоположеній объ устройствѣ сельскаго состоянія относительно приведенія правилъ о волостныхъ судахъ въ соотвѣтствіе съ проектомъ новаго уголовнаго уложенія, а равно и о предположеніяхъ статсъ-секретаря Плеве по общему вопросу о пересмотрѣ уголовной подсудности установленій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г.

Въ отвѣтъ на это послѣдовало со стороны Министра Внутреннихъ Дѣлъ два отзыва, отъ 27 іюня и 15 августа 1903 г. Въ первомъ говорится, что въ основу *выработанныхъ* въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ предварительныхъ проектовъ по изъясненному вопросу положены два начала: во-первыхъ, сохраненіе единства уголовнаго кодекса, съ тѣмъ, чтобы вновь изданное уложеніе служило руководствомъ и для административно-судебныхъ установленій, образованныхъ по закону 12 іюля 1889 г., и, во вторыхъ, составленіе для волостныхъ судовъ особаго волостнаго уголовнаго устава, который, замѣняя ссылочную на уставъ о наказаніяхъ статью 17 временныхъ правилъ 12 іюля 1889 г., содержалъ бы вполнѣ соотвѣтствующія новому уголовному уложенію постановленія о преступныхъ дѣяніяхъ низшаго разряда, подлежащія примѣненію означенными судами; *при этомъ въ проектѣ волостнаго уголовнаго устава предположено установить наказуемость преступныхъ дѣяній одинаковую съ принятою во вновь изданномъ уложеніи, дабы, не нарушая опредѣленной послѣднимъ общей системы уголовной репрессіи, ввести въ наше законодательство начало равной отвѣтственности передъ закономъ всѣхъ виновныхъ въ уголовно-наказуемыхъ правонарушеніяхъ, безотносительно къ судимости ихъ судебными установленіями или волостными судами.* Въ отзывѣ же отъ 15 августа (за № 2325) Министръ Внутреннихъ Дѣлъ сообщилъ, что при работахъ по составленію волостнаго устава о наказаніяхъ,— въ связи съ общимъ пересмотромъ всего волостнаго матеріальнаго и процессуальнаго законодательства,—по мѣрѣ выработки отдѣльныхъ положеній волостнаго устава, выяснилась невозможность примѣнять къ волостному суду буквальный текстъ соотвѣтствующихъ

[1]) См. Журн. Мин. Юст., январь 1904 г.

постановленій новаго уголовнаго закона, не впадая въ противорѣчіе съ правовыми требованіями сельской жизни.

Эта невозможность констатируется и по отношеніи къ общимъ положеніямъ новаго уголовнаго уложенія. „Такъ, напримѣръ, очевидно нѣтъ возможности ввести въ названный уставъ правило новаго уложенія, по которому всѣ несовершеннолѣтніе до 17 лѣтъ освобождены отъ наказаній за проступки".

По поводу этого послѣдняго указанія нельзя не замѣтить, что правило новаго уголовнаго уложенія цитировано совершенно неточно. Ст. 55, п. 3 новаго уголовнаго уложенія не устанавливаетъ безнаказанности за проступки, совершенные несовершеннолѣтними до 17 лѣтъ. Она замѣняетъ арестъ или денежную пеню—внушеніемъ отъ суда и прибавляетъ, что если судъ найдетъ, что проступки обращены несовершеннолѣтнимъ въ промыселъ, или свидѣтельствуютъ о привычкѣ къ преступной дѣятельности, виновный подлежитъ помѣщенію въ воспитательно-исправительное заведеніе, т. е. подвергается той же самой мѣрѣ, которая принимается по отношенію къ тѣмъ же несовершеннолѣтнимъ въ случаѣ совершенія ими преступленій тяжкихъ: по п. 2 той же статьи воспитательно-исправительныя заведенія замѣняютъ для малолѣтнихъ отъ 10 до 14 лѣтъ смертную казнь, каторгу, ссылку на поселеніе, исправительный домъ, крѣпость и тюрьму, а для несовершеннолѣтнихъ отъ 14 до 17 лѣтъ—тѣ же наказанія, кромѣ каторги и смертной казни. Такимъ образомъ и здѣсь можно было бы говорить о безнаказанности. Но дѣло, конечно, не въ томъ. Если считать, что проступки несовершеннолѣтнихъ должны вызывать болѣе чувствительную репрессію, то, очевидно, нѣтъ никакихъ основаній требовать такого усиленія только по отношенію къ крестьянамъ—подросткамъ. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть,—съ точки ли зрѣнія общественной охраны, или въ интересахъ исправленія, устрашенія и т. п.,—мелкая преступность несовершеннолѣтнихъ въ городахъ по меньшей мѣрѣ такого же заслуживаетъ вниманія, какъ и въ сельской средѣ. Между тѣмъ, съ „безнаказанностью" несовершеннолѣтнихъ горожанъ повидимому мирятся, подрывая въ корнѣ то начало равной отвѣтственности, о желательности котораго только что было такъ внушительно сказано. То же слѣдуетъ сказать и о „перебранкѣ двухъ бабъ". Помимо того, что „перебранка" (т. е. взаимныя обиды словомъ) по уложенію вообще ненаказуема, бабы вездѣ остаются бабами, и въ нравахъ городскихъ уличныхъ торговокъ крѣпкія словца столь же нормальны, если не

болѣе, какъ и на деревнѣ. Такими примѣрами можно доказать все, что угодно. Если брать такія понятія, какъ личное достоинство, степень обидчивости и т. п., то окажется, что между воззрѣніями отдѣльныхъ классовъ, сословій, лицъ—цѣлыя пропасти. Однако, нельзя же для каждаго создавать отдѣльный законъ. Если же максимумы нѣкоторыхъ наказаній представляются для волостной юстиціи чрезмѣрными, то нѣтъ никакихъ препятствій понизить ихъ до размѣровъ компетенціи волостнаго суда. Для этого нѣтъ надобности писать особое крестьянское уложеніе.

Другія возраженія противъ примѣнимости уголовнаго уложенія—„схематичность опредѣленій состава преступныхъ дѣяній“ и трудность подведенія подъ его отвлеченныя положенія отдѣльныхъ жизненныхъ явленій—сами по себѣ, конечно, не отличаются опредѣленностью.

Коммисія ограничивается приведеніемъ примѣровъ соединенія въ одной статьѣ проступковъ, могущихъ подлежать вѣдѣнію волостнаго суда, съ такими, которые должны быть изъяты изъ его подсудности. Ни одинъ изъ приведенныхъ ею примѣровъ не имѣетъ доказательной силы. Такъ, коммисію почему то безпокоитъ то обстоятельство, что ст. 262 новаго уголовнаго уложенія, предусматривая учиненіе шума, крика или иного безчинства въ публичномъ мѣстѣ или въ общественномъ собраніи, а также драку, кулачный бой или иное буйство при тѣхъ же условіяхъ, въ послѣдней своей части упоминаетъ о буйствѣ, учиненномъ толпою, если оно имѣло послѣдствіемъ тяжкое или весьма тяжкое тѣлесное повреждение или смерть, и за это преступленіе опредѣляетъ заключеніе въ тюрьмѣ до одного года. Мы рѣшительно отказываемся понять, какія могутъ отсюда произойти затрудненія. Едва ли можно себѣ представить, чтобы волостной судъ не сумѣлъ отличить случаи, когда буйства сопровождались тяжкими тѣлесными поврежденіями, отъ другихъ, не имѣвшихъ такихъ послѣдствій. Другой примѣръ—соединеніе въ одно понятіе воровства прежнихъ кражи и грабежа—еще менѣе убѣдителенъ и даже, можно сказать, доказываетъ какъ разъ противоположное, такъ какъ задача суда усложняется и затрудняется при необходимости *различать* эти понятія и чрезвычайно упрощается при устраненіи дѣленія на открытое и тайное похищеніе. Столько уже объ этомъ было писано и говорено, что едва ли стоитъ вновь возвращаться къ вопросу.

Вообще же говоря, если дать себѣ трудъ внимательно сравнить изложеніе тѣхъ статей устава о наказ., диспозиціи которыхъ те-

перь примѣняются волостными судами, съ соотвѣтствующими статьями уголовнаго уложенія, то окажется слѣдующее. Въ огромной массѣ случаевъ, а именно въ статьяхъ, предусматривающихъ полицейскіе проступки, изложеніе уголовнаго уложенія отличается отъ изложенія дѣйствующаго устава о наказаніяхъ развѣ только большей простотой, краткостью и ясностью. Въ остальныхъ же случаяхъ, именно тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о проступкахъ противъ личности, уложеніе стоитъ значительно выше устава: достаточно указать на устраненіе изъ уложенія такихъ голыхъ терминовъ, какъ клевета или самоуправство, истинное пониманіе которыхъ возможно только для судьи, понаторѣвшаго въ сенатской практикѣ, на точное опредѣленіе угрозы, состава похищенія, присвоенія и др.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что нѣкоторая схематичность и общность или отвлеченность опредѣленій суть неизбѣжныя свойства всякаго современнаго закона, а подведеніе отдѣльныхъ случаевъ жизни подъ эти общія опредѣленія есть именно par excellence функція судьи. Безъ умѣнія исполнять эту функцію нельзя себѣ представить судью. Задача эта можетъ быть значительно облегчаема изданіемъ всякаго рода пособій, сборниковъ разъясненій и т. п., но едва ли можно ожидать какой-нибудь пользы отъ введенія въ самый законъ поясняющихъ „подходящихъ примѣровъ“, какъ того желаетъ коммисія. Скажемъ болѣе: чѣмъ менѣе развиты судьи, тѣмъ болѣе затрудненій представятъ для нихъ такіе примѣры, такъ какъ индивидуальныя черты и особенности каждаго такого примѣра будутъ заслонять отъ ихъ умственнаго взора общую мысль закона, и такимъ образомъ гораздо скорѣе собьютъ ихъ съ толку, чѣмъ выяснятъ имъ, чего желаетъ законъ.

Вопросъ объ объединеніи нашего уголовнаго законодательства пережилъ, какъ можно видѣть, своеобразную эволюцію. Въ самомъ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда было приступлено къ работамъ по составленію уголовнаго уложенія, объединеніе это было признано однимъ изъ основныхъ началъ, къ которымъ надлежало стремиться. Объединеніе это должно было коснуться и крестьянской юстиціи, компетенція которой до 1889 г. была очень невелика. Законъ 1889 г., какъ извѣстно, значительно расширилъ эту компетенцію, подтвердивъ и закрѣпивъ ту специфическую карательную мѣру, которая досталась намъ какъ наслѣдіе крѣпостного права. Можно было надѣяться, что съ осуществленіемъ той идеи „равной отвѣтственности всѣхъ предъ закономъ“, о которой говорится въ отзывѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, исчезнетъ и это

нелестное наслѣдіе. Теперь же этой надеждѣ, повидимому, не суждено осуществиться, и примѣненіе тѣлеснаго наказанія по прежнему будетъ считаться однимъ изъ „правовыхъ требованій сельской жизни".

При этомъ, какъ уже было указано въ нашей печати[1]) предположенія коммисіи, направленныя къ созданію особаго крестьянскаго уголовнаго кодекса, еще болѣе расширяютъ ту пропасть, которая въ области уголовной юстиціи отдѣляетъ сельскихъ обывателей отъ другихъ классовъ населенія. Еще далѣе отодвигаются тѣ идеалы, которые носились уже передъ составителями уложенія царя Алексѣя Михайловича: „Что бы московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ всѣмъ ровна".

* * *

Въ числѣ работъ, произведенныхъ коммисіей для разработки мѣропріятій, вызываемыхъ изданіемъ новаго уголовнаго уложенія, обращаетъ на себя особое вниманіе разрѣшеніе вопроса о возможности и желательности введенія у насъ условнаго осужденія.

Какъ видно изъ опубликованныхъ матеріаловъ, уголовный отдѣлъ коммисіи, состоящій подъ предсѣдательствомъ И. Г. Щегловитова, пришелъ по этому вопросу къ положительному отвѣту.

„Въ отношеніи существующихъ системъ разсматриваемаго института, говорится въ журналѣ коммисіи, отдѣлъ остановился на системѣ континентальной, по которой отсрочивается наказаніе, опредѣленное судомъ за данное дѣяніе осужденнаго, а не наказаніе по закону, какъ то принято въ системѣ англо-американской. При этомъ, въ отличіе отъ континентальной системы, отдѣлъ призналъ полезнымъ предоставить суду право требовать отъ осужденнаго состоятельнаго залогъ не свыше 500 рублей въ обезпеченіе его добраго поведенія. По предположеніямъ отдѣла, условное осужденіе, сводящееся къ отсрочкѣ наказанія на сроки отъ трехъ до пяти лѣтъ, можетъ быть допущено по дѣламъ о предусмотрѣнныхъ уголовнымъ уложеніемъ или уставами административныхъ и казенныхъ управленій преступныхъ дѣяніяхъ, за учиненіе которыхъ виновный присужденъ къ заключенію въ крѣпости или тюрьмѣ на срокъ не свыше одного года, къ аресту на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ или къ денежной пенѣ въ размѣрѣ не свыше пятисотъ рублей, если осужденный по своему возрасту, состоянію, чистосердечному сознанію и прежнему безупречному

---

[1]) См. Вѣстн. Европы. Февраль 1904 г., Внутреннее обозрѣніе.

поведенію, а равно въ виду возмѣщенія имъ потерпѣвшему причиненнаго ущерба и другимъ обстоятельствамъ заслуживаетъ такого снисхожденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣлъ выработалъ перечень преступныхъ дѣяній, при которыхъ условное осужденіе не допускается, какъ, напримѣръ, преступныхъ дѣяній государственныхъ, противъ порядка управленія, по службѣ и т. под. Въ случаѣ неучиненія условно осужденнымъ въ теченіе назначенной ему отсрочки новаго преступнаго дѣянія, влекущаго арестъ или наказаніе болѣе строгое, отсроченное наказаніе считается приведеннымъ въ исполненіе со дня провозглашенія приговора".

Изъ этой выписки видно, что отдѣлъ признаетъ возможнымъ введеніе условнаго осужденія въ нормальной формѣ, а не въ формѣ условнаго помилованія Верховной Властью, какъ это предлагаютъ и въ нашей литературѣ. Нельзя не отмѣтить, что до настоящаго времени при оффиціальномъ обсужденіи вопроса объ условномъ осужденіи, отрицательный взглядъ былъ преобладающимъ и готовъ былъ сдѣлаться традиціоннымъ. Уголовный отдѣлъ коммисіи впервые рѣшительно порвалъ съ этимъ неувѣреннымъ отрицаніемъ. Такое отношеніе должно быть ему вмѣнено въ смѣлую заслугу. Мы думаемъ, что защитники условнаго осужденія могутъ отнынѣ считать свое дѣло наполовину выиграннымъ. Установленіе различныхъ подробностей и особенностей новаго института есть задача хотя и трудная, но сравнительно второстепенная. Гораздо важнѣе установить принципіальную точку зрѣнія, предоставивъ ея развитіе и практическое осуществленіе—ближайшему будущему.

* *
*

Необычайнымъ оживленіемъ и интересомъ отличались дебаты, происходившіе въ юридическомъ обществѣ по вопросу „объ уголовноправовомъ значеніи согласія больного при врачеваніи". Такъ озаглавилъ докладчикъ свою тему, но въ трехъ многолюдныхъ и продолжительныхъ засѣданіяхъ, посвященныхъ ей, предѣлы, установленные этимъ заглавіемъ, значительно раздвинулись, захвативъ почти всю область отношеній врача къ паціенту, правъ и обязанностей врачей, врачебной отвѣтственности. Весьма цѣннымъ элементомъ оказалось присутствіе врачей, принявшихъ дѣятельное участіе въ преніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ напечатаніемъ какъ доклада, такъ и этихъ преній, будетъ сдѣланъ значительный шагъ къ разъясненію и даже разрѣшенію вопроса [1]).

[1]) Протоколъ засѣданій см. въ Трудахъ Юридическаго Общества, помѣщенныхъ въ концѣ этой книги.

Интересуя юристовъ главнымъ образомъ своей теоретической стороной, вопросъ для врачей представляется прямо жизненнымъ, больнымъ вопросомъ, ставящимъ ихъ нерѣдко въ трагическое недоумѣніе. Намъ, юристамъ, легко разсуждать о томъ, какимъ формальнымъ условіямъ должно удовлетворять „правомѣрное врачеваніе". Но отъ этихъ разсужденій, при всей ихъ юридической правильности, нелегче врачу, каждый день сталкивающемуся съ такими случаями, въ которыхъ необходимо быстрое и энергическое вмѣшательство, часто останавливаемое невѣжествомъ, упрямствомъ, боязнью больного. Гдѣ предѣлъ врачебныхъ правъ и обязанностей? И вотъ мы видимъ, что наиболѣе смѣлые и убѣжденные врачи ставятъ своимъ девизомъ поговорку „отъ тюрьмы да отъ сумы не отказывайся", прямо рѣшаясь слѣдовать указаніямъ своей совѣсти, думая и заботясь *исключительно* о благѣ больного, хотя бы пришлось потомъ платиться уголовнымъ наказаніемъ. Въ особенности часто такая дилемма возникаетъ для дѣтскихъ врачей и для дѣйствующихъ среди темной и непросвѣщенной массы врачей земскихъ. Ихъ рѣчи въ засѣданіяхъ уголовнаго отдѣленія носили на себѣ особенно яркій отпечатокъ не теоретическихъ только сомнѣній, а мучительныхъ, выстраданныхъ жизнью недоумѣній и вопросовъ.

Трудности, встрѣчаемыя при обсужденіи уголовно-правоваго значенія согласія больного при врачеваніи—двоякаго рода: однѣ относятся къ lex lata, другія—къ lex ferenda. Нужно, конечно, сперва рѣшить вопросъ о томъ, какое значеніе имѣетъ согласіе больного по дѣйствующему праву,—затѣмъ можно перейти въ область пожеланій. Здѣсь неизбѣжно придется считаться съ тѣмъ, что въ этой области сталкиваются, нерѣдко противорѣча другъ другу, самые разнообразные интересы. То, что для даннаго индивидуальнаго случая представляется наиболѣе справедливымъ и цѣлесообразнымъ рѣшеніемъ, будучи распространеннымъ, какъ общее правило, на другіе, хотя-бы и схожіе случаи, можетъ привести къ выводамъ невозможнымъ. Интересъ общественный можетъ пострадать отъ такого образа дѣйствія, который для личнаго интереса оказывается наиболѣе благодѣтельнымъ.

Нельзя не вспомнить тѣхъ горячихъ и неумолкнувшихъ до настоящаго времени споровъ, которые вызываются другимъ родственнымъ вопросомъ о врачебной тайнѣ. Нарушеніе этой тайны въ отдѣльномъ случаѣ можетъ спасти жизнь, здоровье того или другого. Тѣмъ не менѣе, профессіональная этика ставитъ неумо-

лимое требованіе безусловнаго храненія тайны, ввѣренной врачу больнымъ, ради интересовъ общественныхъ, требующихъ, чтобы каждый больной въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ былъ увѣренъ въ томъ, что тайна его не будетъ выдана. Съ этимъ требованіемъ отдѣльные врачи могутъ мириться, другіе нѣтъ. Точно также, когда рѣчь идетъ о согласіи больного, и въ частности о томъ, можетъ ли врачъ оперировать дѣтей помимо или даже вопреки согласію ихъ родителей, одни врачи будутъ упирать на необходимость охраны жизни и здоровья дѣтей отъ бѣдствій, имъ грозящихъ, вслѣдствіе дикости и невѣжества родителей, а другіе скажутъ, что такія операціи, производимыя не спросясь у родителей, будутъ отпугивать отъ докторовъ, клиникъ, больницъ, и повлекутъ за собою зло общественное, несравненно горшее, нежели всякое личное. Гдѣ и какъ найти juste milieu между этими противоположными воззрѣніями? Присутствующимъ при страстныхъ нападкахъ представителей одной стороны на другую невольно казалось, что примиреніе невозможно, и вспоминалось старое англійское изреченіе: „Who shall decide, when doctors disagree?“ т. е., кому же надлежитъ рѣшать, когда сами врачи расходятся?

Возвращаясь къ самому докладу, нужно сказать, что при всѣхъ его несомнѣнныхъ положительныхъ качествахъ, онъ не былъ свободенъ отъ смѣшенія догмы съ критикой, смѣшенія особенно нежелательнаго въ данномъ вопросѣ потому, что усмотрѣть его могли только посвященные, а не посвященныхъ оно могло сбить съ толку. Смѣшеніе это отразилось на тезисахъ докладчика, въ которыхъ постановленія закона дѣйствующаго причудливо переплетались съ постановленіями еще не введеннаго въ дѣйствіе новаго уголовнаго уложенія. Такъ въ тезисахъ четвертомъ и пятомъ докладчикъ заявлялъ, что при отсутствіи у больного сознательной и разумной воли (душевно больные, идіоты, дѣти, не достигшія 10 лѣтъ и т. п.) врачеваніе lege artis всегда не наказуемо; согласіе родителей или лицъ, на попеченіи которыхъ находится больной, имѣетъ лишь профессіонально-этическое, но не правовое значеніе; въ случаяхъ крайней необходимости, т. е. при невозможности немедленно выяснить волю больного, и настоятельной безотложности въ его интересахъ врачеванія, когда бездѣйствіе врача грозитъ опасностью жизни, врачеваніе не наказуемо независимо отъ результатовъ; въ остальныхъ случаяхъ для правового обоснованія врачебныхъ мѣръ необходима соразмѣрность между спасаемымъ благомъ и тѣмъ, которое нарушается врачеваніемъ. Всма-

триваясь въ эти положенія, каждый убѣдится, что они не почерпнуты изъ дѣйствующаго права, а къ новому уголовному уложенію примѣнимы (да и то не безспорно) только тѣ изъ нихъ, которыя говорятъ о крайней необходимости.

Впрочемъ, мы упоминаемъ объ этой подробности потому, что она вызвала явное недоразумѣніе среди присутствовавшихъ врачей. Юристы хорошо знаютъ, что наше дѣйствующее право въ данномъ случаѣ не допускаетъ никакихъ ссылокъ на крайнюю необходимость. Докладчикъ въ основу своихъ разсужденій положилъ систему не дѣйствующаго, а новаго уголовнаго уложенія и въ ней искалъ отвѣтовъ на всѣ вопросы, предъявляемые жизнью. Гораздо рѣшительнѣе поступилъ одинъ изъ оппонентовъ, заявившій, что всѣ недоразумѣнія въ этой области объясняются пробѣломъ въ законодательствѣ: дѣйствующее законодательство, какъ русское, такъ и иностранное, не предусматриваетъ двухъ чисто профессіональныхъ врачебныхъ проступковъ—врачеванія неправильнаго и врачеванія безъ согласія больного, и всякія попытки подвести эти дѣянія подъ статьи дѣйствующаго закона (а стало быть и новаго уголовнаго уложенія) неправильны. Очевидно, что этимъ положеніемъ прямо упразднялся весь вопросъ de lege lata, или, лучше сказать, признавалось, что по дѣйствующему праву врачъ во всякомъ случаѣ безотвѣтственъ за врачеваніе неправильное и врачеваніе безъ согласія больного: утвержденіе болѣе чѣмъ спорное, а по отношенію къ неправильному врачеванію прямо ошибочное, въ виду ст. 870 улож. о наказ.

Выясняя результаты преній, слѣдуетъ указать, что большинство говорившихъ настаивало на необходимости испрашивать согласіе больного, при условіи, что онъ взрослый, и что нѣтъ periculum in mora. Но по вопросу о врачеваніи дѣтей произошелъ расколъ, и притомъ не только между юристами и врачами, но и между самими врачами. Между тѣмъ, какъ нѣкоторые присоединились къ положенію докладчика, отказывающемуся признать за согласіемъ родителей юридическое значеніе, другіе допускали такое игнорированіе воли родителей только при необходимости спасать гибнущую жизнь, а одинъ изъ говорившихъ врачей высказалъ даже такую мысль, что мать часто знаетъ лучше доктора, слѣдуетъ ли для спасенія жизни оперировать или нѣтъ. Мы лично думаемъ, что дозволеніе врачамъ обходиться безъ согласія родителей во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ врачеванія должно привести къ абсурду. Когда рѣчь идетъ о спасеніи жизни ребенка, сомнѣніе въ правѣ врача

исчезаетъ, но во всѣхъ другихъ случаяхъ право соглашаться или не соглашаться на врачебное вмѣшательство принадлежитъ родителямъ. Мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые съ негодованіемъ отрицаютъ такое право родителей рѣшать судьбу ребенка и требуютъ, чтобы родитель отошелъ и стушевался передъ врачемъ, не раздѣляемъ прежде всего потому, что если родитель родителю—рознь, то и врачъ врачу рознь, а во вторыхъ, какъ можно закрывать глаза на то, что вся жизнь ребенка, все его развитіе умственное, нравственное и физическое находится всецѣло въ рукахъ родителей? Если родители должны отойти передъ врачомъ, то не должны ли они стушеваться и передъ педагогомъ, требующимъ примѣненія тѣлеснаго наказанія, передъ преподавателемъ, проводящимъ свою собственную программу и т. п.? Слѣдуетъ желать и всячески стремиться къ тому, чтобы родители правильно понимали и оцѣнивали интересы своихъ дѣтей, и чтобы на этой почвѣ между ними и врачомъ устанавливалось взаимное пониманіе и довѣріе. Но нельзя замѣнять это пониманіе, это довѣріе—подчиненіемъ воли родителей требованіямъ врача . . . . .

Нужно еще сказать, что вопросъ о крайней необходимости, о спасеніи жизни, въ данномъ случаѣ далеко не такъ простъ, какъ это кажется съ перваго взгляда. Нормальный типъ крайней необходимости—отвращеніе неизбѣжной опасности посредствомъ посягательства на правоохраненное благо. Въ разсматриваемыхъ же случаяхъ нерѣдко имѣетъ мѣсто совсѣмъ иное: врачъ рискуетъ опасностью, вытекающей изъ операціи, или вредомъ, ею производимымъ, для избѣжанія другой, болѣе важной опасности для жизни. Но, вѣдь, наличность этой послѣдней имъ же самимъ и устанавливается. А что, если онъ ошибся? Часты ли тѣ случаи, когда можно съ достовѣрностью сказать, что безъ операціи больной бы погибъ, и притомъ немедленно?

Если же мы примемъ понятіе крайней необходимости въ томъ объемѣ, который дается новымъ уголовнымъ уложеніемъ, сомнѣнія еще возростутъ. Какъ опредѣлить, помимо больного, не считаясь съ его волей, соразмѣрность между спасаемымъ и нарушаемымъ благомъ?

Не взирая на то, что много подобныхъ вопросовъ осталось неразрѣшенными, докладъ С. Н. Трегубова и пренія по нему имѣли несомнѣнное общественное значеніе. Они выяснили, съ одной стороны, что юристы не только не думаютъ о томъ, какъ-бы вѣрнѣе упечь врачей подъ судъ, а наоборотъ, склонны чрезвычайно рас-

ширить право врачей,—и въ частности, врачей дѣтскихъ. Но съ другой стороны они показали, какъ осторожно и чутко относятся врачи—по крайней мѣрѣ, лучшіе ихъ представители—къ ввѣреннымъ ихъ совѣсти интересамъ. Мы позволяемъ себѣ думать, что и впредь привлеченіе врачей къ уголовной отвѣтственности останется тѣмъ же рѣдкимъ исключеніемъ, какимъ оно было до настоящаго времени, и что въ тѣхъ случаяхъ, когда врачъ только думалъ о благѣ больного, даже если ему не удалось спасти этого больного или улучшить его положеніе, онъ не будетъ подвергнутъ наказанію.

* * *

Однимъ изъ наиболѣе яркихъ и мучительныхъ для современнаго правосознанія примѣровъ расхожденія требованій общественной безопасности съ законами справедливости и гарантіями личной неприкосновенности является широкая область мѣръ пресѣченія, и въ частности наиболѣе тяжкая изъ этихъ мѣръ—предварительное содержаніе подъ стражей. Соблюденіе всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ условій, которыми процессуальный законъ обставляетъ принятіе этой мѣры, отнюдь, конечно, не устраняетъ возможности ея полной необоснованности по существу въ томъ или другомъ случаѣ. Съ другой стороны, организація этой мѣры не можетъ особенно существенно отличать ее отъ специфически-карательной мѣры. Недаромъ принципъ зачета подслѣдственнаго ареста въ наказаніе сдѣлался въ настоящее время господствующимъ.

Но если такимъ образомъ перенесенныя до постановленія приговора страданія и лишенія отражаются смягчающимъ образомъ на участи осужденнаго, то оправданный, увы, остается безъ удовлетворенія. А между тѣмъ несомнѣнно, что нравственныя муки невинно привлеченнаго, посаженнаго въ тюрьму, во сто кратъ тяжелѣе именно отъ сознанія ихъ незаслуженности.

Не такъ давно въ англійской газетѣ „Daily News“ была приведена справка, изъ которой явствовало, что срокъ предварительнаго заключенія въ Англіи въ среднемъ достигаетъ пяти недѣль. Газета по этому поводу выражала горячее негодованіе, указывая на вопіющее значеніе того факта, что лица вполнѣ невинныя, имѣвшія несчастіе по той или другой причинѣ навлечь на себя подозрѣніе, платятся за несовершенную организацію разслѣдованія и сыска своей свободой, здоровьемъ, нерѣдко благосостояніемъ. Мы не знаемъ соотвѣтствующихъ цифръ русской статистики; но не сомнѣваемся, что для нашихъ порядковъ средній срокъ—пять

недѣль—долженъ быть признанъ трудно достижимымъ идеаломъ. По крайней мѣрѣ очень и очень нерѣдко приходится читать о рядѣ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ подслѣдственномъ заключенiи, и притомъ въ такихъ судебныхъ округахъ, которые наилучшимъ образомъ обставлены въ отношенiи количества и качества судебнаго персонала. Поэтому вопросъ о вознагражденiи невинно отсидѣвшихъ такое предварительное заключенiе для насъ прiобрѣтаетъ особенное значенiе.

Не мѣшаетъ напомнить что вопросъ этотъ возникалъ еще при выработкѣ судебныхъ уставовъ 1864 г. Въ коммисiи по составленiю проекта устава уголовнаго судопроизводства меньшинство высказалось за положительное его рѣшенiе. Какъ указывало это меньшинство „бываютъ случаи, когда къ уголовному преслѣдованiю оказывается привлеченнымъ невинный, имѣвшiй несчастiе подвергнуться преслѣдованiю или даже лишенiю свободы по стеченiю неотразимыхъ обстоятельствъ, и такъ какъ въ такихъ случаяхъ справедливость требуетъ огражденiя интересовъ такого лица, то слѣдуетъ предоставить суду ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ о вознагражденiи оправданнаго подсудимаго даже и въ томъ случаѣ, если въ неправильномъ преслѣдованiи его никто не можетъ быть признанъ виновнымъ“.

Большинство же находило, что „никто не можетъ быть преданъ суду безъ явныхъ уликъ (!) въ томъ преступленiи, въ которомъ онъ обвиняется, и если выведенныя по дѣлу улики окажутся на судѣ недостаточно убѣдительными для осужденiя обвиняемаго, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ право на вознагражденiе за нахожденiе подъ судомъ. Въ случаяхъ же, когда подозрѣнiе навлечено на подсудимаго лишь несчастнымъ для него стеченiемъ обстоятельствъ, вознагражденiе его должно быть предметомъ не государственныхъ расходовъ, а общественной благотворительности“.

Несмотря на явную какъ фактическую, такъ и юридическую несостоятельность этихъ доводовъ, они восторжествовали, очевидно потому, что для казны возможные расходы, связанные съ принятiемъ противоположнаго воззрѣнiя, представлялись непосильными.

При обсужденiи этого вопроса въ коммисiи по пересмотру судебныхъ уставовъ, члены коммисiи уже не сомнѣвались въ томъ, что „въ тѣхъ случаяхъ, когда неправильное привлеченiе кого-либо къ отвѣтственности послѣдовало помимо чьей-либо воли, единственно по причинѣ стеченiя неблагопрiятныхъ для подсудимаго

обстоятельствъ, вознагражденіе его должно быть принято государствомъ на себя и не можетъ разсматриваться, какъ предметъ исключительно одной общественной благотворительности". Но затѣмъ, при „ближайшемъ разсмотрѣніи вопроса о томъ, въ какихъ случаяхъ и въ какомъ порядкѣ лица, невинно привлеченныя къ суду, могутъ быть вознаграждаемы изъ средствъ казны", только одинъ членъ коммисіи находилъ, что желательно предоставить суду вознаграждать оправданнаго подсудимаго въ случаѣ признанія его совершенной невинности и отсутствія въ его поведеніи при слѣдствіи и на судѣ такихъ обстоятельствъ, которыя могли бы быть истолкованы не въ его пользу. Всѣ же остальные члены допускали вознагражденіе только при томъ условіи „если невиновность лица, привлекавшагося къ отвѣтственности, съ несомнѣнностью доказана, что можетъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ возобновленія дѣла относительно осужденнаго онъ будетъ оправданъ при вторичномъ разсмотрѣніи дѣла". Насколько такое утвержденіе правильно—вопросъ особый, котораго мы не станемъ касаться. Коммисія сослалась, между прочимъ, на то обстоятельство, что такой именно порядокъ принятъ во многихъ западноевропейскихъ государствахъ. Изъ числа этихъ государствъ придется въ ближайшемъ будущемъ исключить Германію По почину Гессенъ-Дармштадта, только что внесенъ въ рейхстагъ законопроектъ о вознагражденіи лицъ, невинно потерпѣвшихъ отъ содержанія подъ стражей во время предварительнаго слѣдствія. Приводимъ важнѣйшія постановленія этого проекта.

По предположеніямъ его, лица, оправданныя по судебному приговору или освобожденныя отъ уголовнаго преслѣдованія вслѣдствіе прекращенія о нихъ дѣлъ по опредѣленію суда, имѣютъ право требовать отъ казны возмѣщенія убытковъ, которые они потерпѣли вслѣдствіе предварительнаго содержанія подъ стражей, если только судебное изслѣдованіе выяснило ихъ невиновность, или же обнаружило отсутствіе основательнаго подозрѣнія (въ совершеніи приписываемыхъ имъ дѣяній). Кромѣ привлеченнаго къ слѣдствію, право на вознагражденіе имѣютъ и тѣ лица, которымъ задержанный въ силу закона обязанъ былъ давать содержаніе. Право на возмѣщеніе убытковъ теряется потерпѣвшимъ, если его арестъ былъ вызванъ имъ умышленно или по грубой его неосторожности.

Такое право *можетъ* быть отвергнуто и въ томъ случаѣ, если поведеніе привлеченнаго, бывшее предметомъ судебнаго изслѣдованія, будетъ признано нарушающимъ добрые нравы.

Можетъ это право быть не признано и въ томъ случаѣ, если привлеченный былъ уже до того присужденъ къ наказанію, влекущему за собою лишеніе свободы, за преступленіе (Verbrechen), или же если онъ неоднократно былъ присужденъ къ такому же наказанію за проступки (Vergehen) или же за нарушеніе (Uebertretung), предусм. п.п. 3—8 § 361 Уголовн. Уложенія, если при томъ со времени отбытія имъ послѣдняго наказанія до момента ареста не прошло еще пяти лѣтъ. Одновременно съ оправдательнымъ приговоромъ судъ постановляетъ особое опредѣленіе по вопросу о правѣ привлеченнаго на вознагражденіе отъ казны за понесенный имъ ущербъ. Если вслѣдствіе обжалованія приговора привлеченный будетъ вновь судимъ и оправданъ, то судъ, вновь разсматривающій дѣло, постановляетъ новое опредѣленіе о вознагражденіи. Судебное опредѣленіе о правѣ на вознагражденіе не объявляется въ судѣ, а сообщается письменно заинтересованному одновременно со вступленіемъ оправдательнаго приговора въ законную силу. Опредѣленія этого рода не подлежатъ обжалованію въ порядкѣ судебномъ (durch Rechtsmittel). Изложенныя выше правила примѣняются и въ тѣхъ случаяхъ, когда привлеченный освобождается отъ уголовнаго преслѣдованія вслѣдствіе прекращенія судомъ производящагося о немъ дѣла. Судебное опредѣленіе о вознагражденіи теряетъ свою силу, если оправдательный приговоръ о привлеченномъ измѣняется высшей инстанціей, и если производство о немъ возобновляется. Отмѣняется оно и въ томъ случаѣ, если дѣло о привлеченномъ, прекращенное судомъ, получаетъ по жалобѣ заинтересованныхъ въ томъ лицъ дальнѣйшее движеніе и назначается къ слушанію. Если вознагражденіе уже выдано, то уплоченная сумма взыскивается съ процентами, считая со дня уплаты.

Остальныя постановленія законопроекта регулируютъ размѣръ вознагражденія и устанавливаютъ порядокъ предъявленія, разсмотрѣнія и удовлетворенія домогательствъ о вознагражденіи,— порядокъ, надо сказать, довольно сложный и обставленный многими ограничительными условіями. Но какъ бы то ни было, хотя проектъ и не отвѣчаетъ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, которыя должны быть къ нему обращены, все же надлежитъ его отмѣтить и привѣтствовать какъ мѣру, направленную къ поддержанію наизаконнѣйшихъ существеннѣйшихъ интересовъ личности.

* *
*

Недавно закончился въ Москвѣ процессъ крестьянъ дер. Волосовки, преданныхъ суду Московской судебной палаты съ участіемъ

сословныхъ представителей за нападеніе на помѣщика князя Гагарина. Происшествіе это лѣтомъ минувшаго года вызвало огромную сенсацію и рядъ болѣе или менѣе фантастическихъ версій. Повидимому, отголоскомъ этихъ версій явилось преданіе суду между прочимъ по пресловутой ст. 269[1] Насколько можно судить изъ напечатанныхъ отчетовъ, въ данномъ дѣлѣ не заключается ничего, оправдывающаго примѣненіе этой статьи. Не экономическими отношеніями вызвано было нападеніе, а *тѣми мѣрами*, которыми одна сторона охраняла свои экономическіе интересы отъ нарушеній другой. Нѣкоторую косвенную оцѣнку этихъ мѣръ можно усмотрѣть въ приговорѣ Московской судебной палаты. Одна изъ статей (1606), по которой были преданы суду крестьяне, устанавливаетъ каторжныя работы отъ восьми до десяти лѣтъ; между тѣмъ, наиболѣе тяжкое наказаніе, постигшее нѣкоторыхъ осужденныхъ,—восьмимѣсячное тюремное заключеніе съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ, причемъ палата постановила ходатайствовать черезъ Министра Юстиціи передъ Государемъ Императоромъ о помилованіи одного изъ осужденныхъ и о смягченіи наказанія остальнымъ до 2-хъ мѣсяцевъ тюрьмы безъ лишенія правъ [1]). Самъ потерпѣвшій судя по тѣмъ же отчетамъ, чрезъ своего повѣреннаго заявилъ на судѣ, что въ случаѣ обвинительнаго приговора онъ отказывается отъ своихъ исковыхъ требованій и проситъ судебную палату ходатайствовать о помилованіи.

Полнымъ и окончательнымъ разъясненіемъ истинныхъ причинъ нападенія на кн. Гагарина и всей подкладки дѣла русское общество обязано одному отрадному отступленію отъ все прочнѣе устанавливающейся традиціи. Отступленіе это должно быть отмѣчено: оно заключалось въ томъ, что двери судебнаго засѣданія оставались открытыми.

P.S. Наша хроника, равно какъ и статья проф. Чубинскаго, были уже набраны, когда въ засѣданіи 17 февраля уголовный кассаціонный департаментъ высказался по вопросу о предѣлахъ правъ защиты на уголовномъ судѣ, и высказался въ смыслѣ категорическаго осужденія того „новаго курса“, который, съ легкой руки одного изъ департаментскихъ отдѣленій, грозилъ внесеніемъ смуты

---

[1]) Ст. 269[1] караетъ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и исправит. арестантскими отдѣленіями отъ одного года до трехъ лѣтъ.—Совершеніе поджога кѣмъ либо изъ подсудимыхъ, повидимому, осталось недоказаннымъ.

и раздоровъ въ отправленіе правосудія. Привѣтствуя департаментское рѣшеніе, къ которому мы своевременно вернемся, мы не можемъ не вспомнить, что нашей текущей юридической литературѣ принадлежитъ немалая заслуга возбужденія общественнаго вниманія къ этому вопросу и весьма тщательнаго его освѣщенія. Этимъ несомнѣнно облегчена была задача какъ защиты, при поддержаніи кассаціонной жалобы, такъ и оберъ-прокурора, разобравшаго вопросъ съ удивительной систематичностью и мастерствомъ, не могущимъ, казалось бы, оставлять никакихъ сомнѣній.

Будемъ надѣяться, что отнынѣ эти сомнѣнія дѣйствительно исчезнуть, и что неудавшіяся попытки „подтянуть" и „обуздать" защиту, а съ нею вмѣстѣ и присяжныхъ засѣдателей, будутъ преданы тому забвенію, котораго онѣ единственно заслуживаютъ.

Влад. Набоковъ.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Періодическіе обзоры текущей дѣятельности нашихъ высшихъ законодательныхъ инстанцій должны представлять значительный интересъ для юриста. Независимо отъ разнообразія затрогиваемыхъ предметовъ, не укладывающихся въ обычныя рамки прочихъ журнальныхъ обзоровъ; независимо отъ практической важности освѣщенія новѣйшихъ законодательныхъ актовъ тотчасъ же съ точки зрѣнія исторіи предмета и мотивовъ, положенныхъ въ основаніе законодательныхъ рѣшеній—картина законодательной дѣятельности центральныхъ учрежденій интересна и тѣмъ, что даетъ возможность судить о ходѣ нашихъ законодательныхъ работъ вообще. Потому наши обзоры—по возможности ежемѣсячные—будутъ стремиться къ возможной полнотѣ изложенія, не ограничиваясь законодательными актами первостепенной общественной важности. Наличность однихъ маловажныхъ дѣлъ на протяженіи значительнаго періода времени, содержаніе этихъ дѣлъ, способъ ихъ разрѣшенія—темпъ, которымъ идетъ это разрѣшеніе—все это тоже вопросы большой общественной важности, отъ которыхъ не долженъ сторониться прежде всего органъ печати, посвященный вопросамъ права.

* * *

Истекшій мѣсяцъ ничего не далъ выдающагося въ сферѣ законодательства. Отмѣтить можно лишь опубликованные въ январѣ Выс. утв. 18 ноября 1903 г. пол. ком. мин. о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію въ надлежащихъ случаяхъ съ министромъ финансовъ, разрѣшать собственною властью отводъ, безвозмездно или за плату, надѣльныхъ земель изъ подворно-наслѣдственнаго пользованія подъ устройство новыхъ и расширеніе существующихъ кладбищъ, а также Выс. утв. мн. Гос.

Сов. 22 ноября 1903 г.—объ измѣненіи порядка производства служебныхъ перемѣнъ по должностямъ VII и низшихъ классовъ въ учрежденіяхъ Россійскаго Краснаго Креста и 8 декабря—объ измѣненіи порядка разрѣшенія дѣлъ объ устройствѣ кладбищъ, о вырытіи мертвыхъ тѣлъ для погребенія ихъ въ другомъ мѣстѣ и о привозѣ ихъ изъ за границы. Интересны эти законы, конечно, не по своему содержанію, а по цѣли—приблизить къ населенію разрѣшеніе указанныхъ въ нихъ дѣлъ.

Мы остановимся нѣсколько подробнѣе на законѣ 8 декабря, характерномъ еще въ томъ отношеніи, что онъ показываетъ, какъ медленно развивается наше законодательство и насколько отстаетъ оно отъ жизни. При извѣстныхъ бытовыхъ и культурныхъ условіяхъ создается норма; засимъ условія измѣняются, а норма продолжаетъ существовать, стѣсняя и обывателя, и лицъ, призванныхъ ее осуществлять.

Согласно ст. 693 врачебнаго устава, основанной на указѣ Правительствующаго Сената отъ 24 декабря 1771 года, для кладбищъ городскихъ отводятся мѣста за городомъ, на выгонной землѣ, въ мѣстахъ удобныхъ, разстояніемъ отъ послѣдняго городскаго жилья не менѣе ста саженъ. Слѣдующая 694 статья врачебнаго устава говоритъ, что сельскія кладбища устраиваются не ближе полверсты отъ селеній. Засимъ, устройство кладбищъ ближе указаннаго въ законѣ разстоянія, въ случаѣ необходимости въ томъ, удостовѣренной губернаторомъ по соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ, можетъ быть разрѣшаемо лишь министромъ внутреннихъ дѣлъ, по разсмотрѣніи дѣла медицинскимъ совѣтомъ (ст. 697). Такимъ образомъ, по закону всѣ дѣла о разрѣшеніи кладбищъ въ разстояніи отъ жилья, меньшемъ установленнаго, поступали въ медицинскій департаментъ и затѣмъ вносились на разсмотрѣніе медицинскаго совѣта, который обыкновенно разрѣшалъ ихъ согласно съ заключеніемъ мѣстныхъ врачебныхъ установленій и рѣдко отклонялъ ходатайства, признанныя мѣстными властями подлежащими удовлетворенію. Законъ 8 декабря передаетъ эти дѣла объ устройствѣ кладбищъ на мѣста, предоставивъ губернаторамъ окончательное ихъ разрѣшеніе по предварительномъ обсужденіи дѣла врачебными управленіями. За министромъ сохраняется лишь право изданія руководящей для нихъ инструкціи.

Новый законъ измѣняетъ также порядокъ разрѣшенія дѣлъ о вырытіи мертвыхъ тѣлъ для погребенія ихъ въ другомъ мѣстѣ (ст. 716 уст. врач.) и о привозѣ ихъ изъ-за границы (ст. 718 уст.

врач.). Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 24 декабря 1801 года объявлено, что Государь Императоръ, почитая невѣроятнымъ, чтобы позволеніе вырывать и переносить тѣла, преданныя уже землѣ и погребенныя тому нѣсколько мѣсяцевъ, не произвело въ простомъ народѣ непріятнаго впечатлѣнія. Высочайше повелѣть соизволилъ давать разрѣшеніе на вырытіе и переносъ мертвыхъ тѣлъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, по особому уваженію къ заслугамъ или знаменитости рода. Именнымъ указомъ отъ 31 марта 1816 года вырытіе тѣлъ, преданныхъ уже землѣ, было вовсе запрещено. Лишь въ 1844 году воспрещеніе это было отмѣнено и предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ право давать дозволенія на вырытіе мертвыхъ тѣлъ и перевозъ ихъ для погребенія въ другихъ мѣстахъ.

Привозъ мертвыхъ тѣлъ изъ-за границы первоначально былъ воспрещенъ безусловно. Въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 31 іюля 1752 года сказано: „Чтобъ никто изъ чужихъ мѣстъ къ Россійскимъ портамъ и пограничнымъ городамъ . . . мертвыхъ человѣческихъ дѣлъ ввозить не дерзали, подъ опасеніемъ тягчайшаго штрафа... А ежели пачи чаянія на какомъ суднѣ случится впредь какое мертвое человѣческое тѣло, о такомъ прежде, не входя въ Россійскіе порты и пограничныя мѣста, объявлять на брандвахтахъ и форпостахъ, и бросать оное въ воду, а на сухомъ пути зарывать въ землю". Затѣмъ, однако, воспрещеніе это было отмѣнено. Именнымъ указомъ отъ 25 февраля 1846 года министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено было право разрѣшать перевозъ мертвыхъ тѣлъ изъ-за границы въ Россію, не представляя о семъ Его Величеству.

Въ настоящее время, при разсмотрѣніи ходатайствъ о разрѣшеніи перевозки умершихъ принимается во вниманіе исключительно медицинское свидѣтельство о родѣ болѣзни, отъ которой послѣдовала смерть, и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ рѣшаетъ единственно вопросъ, не представляется ли перевозка тѣлъ опасной въ видахъ охраненія общественнаго здоровья, вопросъ, который, очевидно, можетъ быть разрѣшаемъ и на мѣстахъ. Законъ 8 декабря представляетъ его разрѣшеніе подлежащимъ губернаторамъ. Составленіе правила предосторожности, которыя при этомъ должны быть соблюдаемы, законъ поручаетъ Медицинскому Совѣту Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Все это, конечно, не децентрализація, предуказанная Высочайшимъ Манифестомъ 26 февраля 1903 года, но это и не простое

облегченіе высшихъ установленій отъ разсмотрѣнія маловажныхъ вопросовъ. Разсосредоточеніе дѣлъ, производящихся въ настоящее время въ центральныхъ учрежденіяхъ, сокращая переписку, содѣйствуетъ, внѣ всякаго сомнѣнія, скорѣйшему удовлетворенію мѣстныхъ нуждъ.

* * *

Собраніе узаконеній за январь пестритъ штатами судебныхъ установленій. Въ Одесской судебной палатѣ прибавлено 4 новыя должности чиновъ палаты; въ Варшавской—одна должность предсѣдателя департамента и 8—членовъ палаты. Въ Московскомъ окружномъ судѣ созданы 2 новыя должности товарища предсѣдателя и 9—членовъ суда; въ Екатеринославскомъ—2 товарища предсѣдателя и 7—членовъ суда (кромѣ того, въ Екатеринославскомъ уѣздѣ учреждена *третья* должность уѣзднаго члена суда). Увеличены также штаты окружныхъ судовъ—Саратовскаго, Петроковскаго и Виленскаго. Въ общей сложности расходы Государственнаго казначейства увеличены на триста слишкомъ тысячъ рублей въ годъ.

Созданіемъ новыхъ должностей Министерство Юстиціи старается ослабить несоотвѣтствіе существующихъ штатовъ количеству возникающихъ производствъ, обусловливающее обремененность должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, о которой краснорѣчиво говоритъ объяснительная записка къ проекту новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій (т. II стр. 342).

„Судебные чины оказываются совершенно не въ состояніи справляться съ своею тяжелою работою, подъ бременемъ послѣдней переутомляются и нерѣдко настолько притупляютъ свои умственныя силы и вниманіе, что невольно впадаютъ въ ошибки и совершаютъ промахи, отражающіеся на интересахъ обывателей, входящихъ въ соприкосновеніе съ судомъ; наконецъ, чрезмѣрная обремененность служебною работою лишаетъ упомянутыхъ чиновъ возможности слѣдить за развитіемъ законодательства и юридической науки и совершенствоваться въ своихъ спеціальныхъ познаніяхъ“.

Вполнѣ признавая обремененность судебныхъ чиновъ и невозможность для населенія ждать годами разрѣшенія дѣлъ на судѣ, мы, однако, думаемъ, что простое увеличеніе штатовъ едва ли сколько нибудь замѣтно улучшитъ положеніе дѣла. „Ошибки и промахи“ судей находятся, очевидно, въ гораздо большей мѣрѣ въ зависимости отъ ихъ качества, чѣмъ отъ ихъ количества. Да и „обремененность“ понятіе въ высшей степени относительное, которое не достаточно характеризуется количествомъ разрѣшаемыхъ

въ годъ дѣлъ. Толковый и знающій судья, знакомый хорошо съ условіями той среды, въ которой ему приходится дѣйствовать, не только лучше, но и скорѣе будетъ разрѣшать дѣла, чѣмъ судья неопытный и безталантный. Сколько труда и времени было бы сбережено, если бы дѣло было разрѣшено правильно въ первой же инстанціи, законное ходатайство сразу уважено, предварительное слѣдствіе ведено толково.

Необходимость заботъ объ улучшеніи состава судебнаго вѣдомства, какъ то видно изъ объясненій къ проекту судебныхъ уставовъ, вполнѣ сознается Министерствомъ Юстиціи. Къ сожалѣнію, однако, сущность его предположеній сводится почти исключительно къ улучшенію матеріальнаго обезпеченія судей. Конечно, „для пополненія рядовъ судебнаго вѣдомства честными и способными дѣятелями необходимо, чтобы тяжелая и отвѣтственная ихъ служба давала имъ надлежащее обезпеченіе, соотвѣтствующее занимаемому ими общественному положенію"; но, съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду то обстоятельство, что „искать примѣненія своихъ дарованій въ другихъ сферахъ дѣятельности" заставляетъ „лучшихъ судебныхъ дѣятелей, наиболѣе преданныхъ своему дѣлу" далеко не всегда лишь „скудость средствъ, вѣчная борьба съ нуждой и гнетущія заботы объ удовлетвореніи жизненныхъ потребностей семьи". Не мало судебныхъ дѣятелей переходитъ въ адвокатуру и въ другія вѣдомства въ виду того, что *практика* замѣщенія должностей по судебному вѣдомству далеко не гарантируетъ того, что лицо дѣйствительно достойное не будетъ обойдено.

Одно увеличеніе штатовъ окружныхъ судовъ и палатъ, ограниченное къ тому же состояніемъ средствъ государственнаго казначейства, не достаточно.

Г. Г. Евангуловъ.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ХРОНИКА.

Война и внутренняя жизнь.—Пересмотръ законодательства о крестьянахъ.—Сенатскія толкованія Положенія объ усиленной охранѣ.—Б. Н. Чичеринъ.

За тѣ немногіе дни, которые прошли со времени объявленія войны, внутренняя жизнь страны какъ будто пріостановилась, животрепещущіе вопросы отошли далеко на задній планъ, и центральный фокусъ общественнаго вниманія, и напряженная дѣятельность государства сосредоточились на одномъ пунктѣ—ходѣ военныхъ событій на Дальнемъ Востокѣ. Общество переживаетъ моментъ, когда то, что можно обозначить выраженіемъ „государственная идея во внѣ", захватываетъ властно чувства широкихъ слоевъ населенія. Идея внѣшней безопасности государства, его достоинства и престижа среди международнаго общенія въ такіе моменты отождествляется съ идеей родины и отечества, которая, какъ idée force, способна вызвать потрясеніе всего общественнаго организма; представители государственной власти являются носителями государственной идеи, воплощающими въ такое время по необходимости всю страну, какъ политическое цѣлое. Яркое и своеобразное выраженіе этого явленія мы наблюдаемъ въ тѣхъ многочисленныхъ патріотическихъ манифестаціяхъ, которыя произошли не только въ столицахъ и крупныхъ центрахъ, но почти во всѣхъ городахъ и весяхъ Россіи. Если адреса учрежденій и сословій представляютъ собою нѣчто обычное въ такихъ случаяхъ, то активное участіе народныхъ массъ въ публичномъ выраженіи чувствъ общественнаго характера явленіе несомнѣнно новое въ русской жизни. Уличныя манифестаціи со всѣми сопровождающими ихъ проявленіями (пѣніе гимна, шествіе по улицамъ, флаги) свидѣтельствуютъ о томъ, что декора-

тивная фигура „народа“ сочувственно или негодующе безмолвствующаго при всякаго рода историческихъ событіяхъ, отходитъ въ область преданій и у насъ. Новизна этого способа выраженія патріотическихъ чувствъ привела въ немалое смущеніе администрацію, особенно провинціальную. Въ Харьковѣ, напр., мѣстная губернская власть, предлагая жителямъ вернуться къ обычнымъ занятіямъ, не рѣшается, очевидно, употребить самое слово: „манифестація“ и замѣняетъ его не особенно удачно выраженіемъ „массовыя гулянія“. И во многихъ другихъ мѣстахъ необычное выступленіе массъ съ выраженіемъ своихъ патріотическихъ чувствъ вызвало рядъ хотя и весьма мягкихъ, но тѣмъ не менѣе настойчивыхъ предложеній администраціи прекратить и пріостановить... Движеніе не обошлось и безъ прискорбныхъ инцидентовъ. Въ Баку, гдѣ въ манифестаціи приняло участіе и армянское духовенство, въ толпу манифестантовъ были брошены бомбы, которыми нѣкоторые были убиты и ранены. „Новое Время“ объясняетъ это преступленіе, какъ протестъ армянскихъ революціонеровъ противъ патріотической манифестаціи и особенно противъ участія въ ней армяно-грегоріанскаго духовенства.

Изъ административныхъ мѣропріятій не спеціально военнаго характера, связанныхъ съ войной, укажемъ на объявленіе въ положеніе усиленной охраны г. Благовѣщенска и на кары, наложенныя на газету („Петербургскую“) за распространеніе невѣрныхъ свѣдѣній о войнѣ. Въ русскихъ газетахъ промелькнуло какъ-то извѣстіе, что западно-европейская печать привѣтствуетъ рѣшеніе русскаго правительства отмѣнить цензуру для частныхъ военныхъ корреспонденцій изъ Петербурга. Мы не знаемъ, насколько это извѣстіе достовѣрно. Кстати отмѣтимъ, что мы въ общедоступныхъ источникахъ нашего законодательства не нашли указаній, какими нормами вообще установлена подобная цензура частной корреспонденціи, какіе органы ею завѣдываютъ и какова практика этого интереснаго учрежденія.

Оцѣнивая происходящія кругомъ событія, повременная наша печать обратила главное вниманіе на тѣ проявленія патріотизма, о которыхъ мы говорили выше. Одни изъ органовъ ея подчеркиваютъ то единеніе власти съ народомъ, которое обнаружилось въ послѣдніе дни, другіе представляютъ этотъ взрывъ, какъ благотворную грозу, которая разбудила сонную Россію и заставляетъ развернуть ея могучія крылья. Къ этому пріурочивается цѣлый рядъ разсужденій о плодотворности войны вообще, о значеніи ея въ жизни народовъ, какъ того потока, который не даетъ застаи-

ваться народной жизни и т. п. мысли, взятыя изъ извѣстнаго сочиненія Прудона и разжиженныя фельетонной водой г.г. Меньшиковыхъ, Сыромятниковыхъ и tutti quanti. Изъ этихъ соображеній дѣлаются большей частью выводы чисто военнаго свойства, относящіеся къ возможному исходу войны и къ ея политическимъ послѣдствіямъ вообще. Выдѣлился только голосъ „Петербургскихъ Вѣдомостей", которыя довольно оригинально освѣтили значеніе переживаемаго момента для внутренней жизни Россіи. То чувство, которое охватило всю Россію, всѣ слои ея населенія, всѣ ея правительственныя и общественныя учрежденія свидѣтельствуютъ, по мнѣнію газеты, о томъ, что любовь къ родинѣ, патріотизмъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова не представляютъ монополіи консерваторовъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей" и „Гражданина".

Обвиненія въ измѣнѣ отечеству, которыя такъ щедро раздавались нашими столпами консерватизма по адресу не одинако мыслящихъ съ ними, должны исчезнуть послѣ того, что произошло.

Если правительство убѣдилось, что самодѣятельность всѣхъ классовъ общества направляется исключительно ко благу и славѣ родины при опасностяхъ, грозящихъ ей извнѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что для леченія внутреннихъ неурядицъ лучшее средство довѣриться обществу, дать возможность проявиться его силамъ, и тогда энтузіазмъ борьбы съ внутренними недугами, разъѣдающими родину, можетъ оказаться столь же яркимъ, какъ и тотъ, который мы наблюдаемъ теперь въ проявленіяхъ патріотизма. И въ это смутное время газета признаетъ невозможнымъ оставить безъ движенія тѣ крупныя общественныя проблемы, которыя выдвинула жизнь. Эта мысль, между прочимъ, проводится и въ адресѣ, представленномъ отъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. Если реформы во время войны не могутъ быть осуществляемы, то подготовка ихъ не должна останавливаться. Военныя событія иногда весьма рѣзко подчеркиваютъ необходимость реформъ, ихъ настоятельность и тѣсную связь совершенства внутренней организаціи съ внѣшней мощью государства.

* * *

Изъ очередныхъ вопросовъ, не терпящихъ отлагательства, крестьянскій вопросъ во всей его многосложности не долженъ отойти на второй планъ и при настоящихъ обстоятельствахъ. „Проблема о мужикѣ" это вѣдь есть проблема о той массѣ населенія, которая на своихъ плечахъ всегда выносила всю тяжесть

историческихъ событій, которая, конечно, главнымъ образомъ вынесетъ и возгорѣвшуюся теперь войну.

Попытку если не разрѣшенія всей проблемы, то части ея представляютъ работы редакціонной комиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ. Комиссія эта, какъ извѣстно, была учреждена при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, работы ея по существу начались въ іюлѣ 1902 г., были уже закончены въ октябрѣ 1903 г. и въ настоящее время во всеобщее свѣдѣніе опубликованъ очеркъ, изъ котораго мы узнаемъ о направленіи и основныхъ принципахъ трудовъ комиссіи. Чтобы оцѣнить значеніе ихъ, мы сопоставимъ работы комиссіи съ тѣми пожеланіями общества въ этомъ вопросѣ, которыя нашли себѣ выраженіе въ уѣздныхъ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Это сопоставленіе даетъ тотъ любопытный выводъ, что комиссія какъ будто не была даже знакома съ мнѣніями комитетовъ. Во всякомъ случаѣ она ихъ игнорировала почти вполнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе часто встрѣчающееся пожеланіе уѣздныхъ комитетовъ—это уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями и уничтоженіе тѣхъ остатковъ крѣпостнаго права, которыми парализуется всякое правильное развитіе деревни. Какъ при запросѣ 1880 года, такъ и теперь, представители общества отвѣтили, что реформа 19 февраля 1861 года можетъ быть окончена только въ одномъ направленіи, именно, въ смыслѣ слиянія крестьянства съ другими сословіями. Комитеты въ этомъ отношеніи отражали правильно эволюцію воззрѣній на крестьянскій вопросъ, которая была пережита обществомъ съ 1861 г.

Мѣропріятія правительства только въ моментъ возникновенія этого вопроса сходились съ направленіемъ общественной мысли. Идея освобожденія крестьянина отъ вѣкового рабства стояла тогда на знамени всѣхъ. Правительство, осуществляя эту идею, старалось прежде всего оградить свободу крестьянъ отъ возможныхъ на нее покушеній со стороны недавнихъ господъ. Сохраненіе обособленности крестьянства, созданіе для него особыхъ органовъ управленія и суда въ значительной степени, по мысли самихъ творцовъ реформы, вызывались необходимостью установить перегородки, которыя бы давали крестьянамъ возможность устроиться дѣйствительно самостоятельно, безъ опасности потери недавно пріобрѣтенныхъ правъ.

Временный характеръ крестьянскихъ учрежденій подразумѣвался самъ собой. Это были учрежденія переходнаго времени, долженствующія исчезнуть, какъ только новыя условія прочно войдутъ въ жизнь.

Первое время послѣ реформы общество направило свою критику главнымъ образомъ на экономическія ея стороны и мало интересовалось юридическими особенностями крестьянскаго быта. Та идеализація основъ деревенской экономической жизни, которой проникнута доктрина народничества, мало считалась съ дѣйствующими законоположеніями крестьянскаго управленія. По этой теоріи юридическій моментъ въ установленіи желательной гармоніи игралъ ничтожную роль, и вниманія удостаивалось только то, что представлялось внутреннимъ продуктомъ развитія общинныхъ порядковъ. Обычное право, міръ, отношенія членовъ общины въ области землепользованія и управленія—только это считалось важнымъ и подвергалось той же идеализаціи.

Въ то время, какъ общественная мысль текла по руслу народничества, правительственная политика по отношенію къ крестьянскому вопросу остановилась на томъ, что уже было сдѣлано великимъ актомъ освобожденія. Съ временными учрежденіями жить оказалось возможно, дальнѣйшее развитіе ихъ, въ виду общей реакціи, представлялось для правительства нежелательнымъ, и о временномъ характерѣ возведенныхъ построекъ и забыли. Крушеніе народнической доктрины среди общества сопровождается крайне своеобразнымъ возрожденіемъ ея въ правительственной политикѣ.

Особенности крестьянскаго управленія въ глазахъ „офиціальныхъ народниковъ“ пріобрѣли какой то мистическій характеръ, сохраненіе остатковъ крѣпостного права въ сферѣ семейной, передвиженія, личныхъ правъ и т. п. было возведено въ принципъ. Одновременно съ этимъ возродилась идея уже совершенно дореформенная идея помѣщичьяго патроната и вотчиннаго попечительства. Мысль о попечительствѣ проходитъ красной нитью черезъ реформы 12 іюня 1889 г. Предполагалось, что на почвѣ этого патроната подъ давленіемъ сильной и близкой къ народу власти создастся патріархальная идиллія въ деревнѣ. Но тотъ строй, который сложился изъ сочетанія положеній 1874 г. и реформы 1889 года, оказался совершенно непригоднымъ.

Недостатки временныхъ учрежденій крестьянскаго устройства не только не исчезли, но они обострились въ такой степени, что необходимость коренной реформы крестьянскаго права выступила, какъ наиболѣе важная очередная задача нашего времени. Въ отличіе отъ 70-хъ годовъ общественный интересъ „проблемы о мужикѣ“ концентрируется теперь на юридическомъ бытѣ крестьянства, на необходимости освободить его отъ тѣхъ путъ, которыя

заграждаютъ ему свободное развитіе. Въ статьѣ В. М. Гессена, помѣщенной въ первой книжкѣ нашего журнала, читатель найдетъ изъясненіе реальнаго содержанія тѣхъ формулъ, которыя были выставлены въ крестьянскомъ вопросѣ такъ недавно мѣстными людьми въ уѣздныхъ комитетахъ. „Упраздненіе системы административной опеки", „уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями" — это обозначаетъ полное переустройство деревни, уничтоженіе всѣхъ остатковъ крѣпостного права и предоставленіе крестьянамъ хотя бы тѣхъ правъ личной свободы, какими пользуются у насъ другія сословія.

Вредная для культурнаго развитія обособленность крестьянства подчеркивается въ большинствѣ комитетовъ, которые затронули этотъ вопросъ. Освобожденіе крестьянъ отъ специальной административной опеки, право на семейную независимость, право свободнаго передвиженія, право избранія рода жизни и занятій, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и административныхъ взысканій; уничтоженіе сословнаго управленія, объединеніе крестьянъ въ общемъ административномъ и общественномъ управленіи съ другими сословіями; распространеніе на крестьянъ общихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ—таковы главнѣйшіе пункты той реформы, которая предложена была въ комитетахъ людьми мѣстными, близко стоящими къ народной жизни. Каковы же основные принципы редакціонной комиссіи министерства внутреннихъ дѣлъ?

Прежде всего особенности сельскохозяйственнаго труда накладываютъ, по мнѣнію комиссіи, особый отпечатокъ на личность крестьянина и, отражаясь на его правовомъ міросозерцаніи, создаютъ своеобразные союзы, являющіеся оплотомъ исторической преемственности въ народной жизни. Сословная связь русскаго сельскаго состоянія не была нарушена эмансипаціей; „освобожденное крестьянство, получивъ особую сословную организацію суда и управленія, будучи подчинено нарочно для него установленнымъ административнымъ учрежденіямъ.... съ первыхъ же шаговъ своей новой жизни было поставлено въ обособленное положеніе и строго сословныя рамки".

Право спеціальнаго надзора и попечительствъ принадлежитъ правительству по отношенію къ крестьянамъ потому, что государство надѣлило крестьянъ землей за счетъ другого сословія и продолжаетъ въ этомъ направленіи свои работы и теперь;—тому, кто оказываетъ попеченіе принадлежитъ и право надзора за пользующимися его попечительными работами. При такихъ условіяхъ

и правосознаніе крестьянъ своеобразное, отсюда необходимость примѣненія обычнаго права и такихъ судовъ, личный составъ которыхъ выходилъ бы изъ среды самого крестьянства. Потому комиссія, стремясь исправить недостатки дѣйствующей крестьянской общественной организаціи, считаетъ невозможнымъ колебать тотъ коренной устой, на коемъ зиждется современный крестьянскій бытъ, а именно начало сословности. Интересно отмѣчено здѣсь, что редакціонная комиссія считаетъ это начало однимъ изъ основныхъ принциповъ положеній 19 февраля 1861 г., на почвѣ которыхъ согласно Высочайшаго указа и долженъ происходить пересмотръ законодательства о крестьянахъ.

Мы уже выше указали, что по мысли творцовъ реформы 1861 г. спеціальныя сословныя учрежденія для крестьянъ были вызваны не самой идеей реформы, а тѣми временными отношеніями къ помѣщикамъ, которыя свойственны были переходному времени. Какъ это прекрасно доказываетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ г. Страховскій [1]), группировка крестьянъ въ мірскія и сельскія общества имѣла цѣлью создать буфера противъ помѣщичьей власти, съ которой бороться отдѣльнымъ лицамъ было тогда еще, по мнѣнію законодателя, не подъ силу. То, что волостныя учрежденія, предназначенныя служить посредниками между сельскимъ населеніемъ и правительствомъ, были организованы на сословномъ началѣ, тотъ же авторъ объясняетъ на основаніи первоисточниковъ стремленіемъ составителей положеній 19 февраля оградить во что бы то ни стало крестьянство отъ вторженія въ дѣло управленія вчерашняго господина крестьянъ помѣщика. Итакъ тѣ со сословные союзы, о которыхъ говоритъ редакціонная комиссія, не продуктъ какихъ-то вѣковыхъ свойствъ крестьянства, а результатъ весьма недавнихъ историческихъ отношеній, изъ подъ вліянія которыхъ уже давно вышло сельское населеніе. Комиссія, повидимому, совершенно не считалась съ исторіей сословныхъ крестьянскихъ учрежденій съ причинами, вызвавшими ихъ къ жизни.

Вмѣсто того, были выдвинуты загадочныя, мистическія „особенности крестьянскаго быта", и во имя ихъ обветшавшіе порядки деревни признаются подлежащими строгой охранѣ, во имя ихъ полнымъ молчаніемъ обходятся тѣ многочисленные голоса жизни,

---

[1]) См. „Крестьянскія права и учрежденія", Спб. 1904 г., статья: „Принципы устройства крестьянскихъ учрежденій" и др.

которые такъ громко раздавались и раздаются въ обществѣ, земствѣ и печати.

Работы редакціонной комиссіи охватываютъ почти весь строй крестьянскаго быта, именно: 1) крестьянское общественное управленіе, 2) крестьянскій сословный судъ и 3) виды и способы землепользованія крестьянъ. Въ настоящей хроникѣ мы коснемся только предположеній комиссіи по первому изъ тѣхъ основныхъ вопросовъ и то только въ тѣхъ общихъ чертахъ, которыя даетъ опубликованное сообщеніе. Самый же проектъ „Положенія о крестьянскомъ общественномъ управленіи“ еще не обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе.

Комиссія при обсужденіи реформы крестьянскаго управленія совершенно правильно выставляетъ положеніе, что интересы, связующіе отдѣльныхъ крестьянъ, раздѣляются на двѣ категоріи: къ первой относятся интересы, вызываемые общностью землепользованія; къ другой—интересы хозяйственно-административные, общіе для всѣхъ крестьянъ, живущихъ въ чертѣ одного селенія. Въ настоящее время въ организаціи т. н. „сельскаго общества“ слиты обѣ эти категоріи, и отсюда цѣлый рядъ неудобствъ и затрудненій Комиссія вполнѣ основательно предполагаетъ создать два типа общественныхъ крестьянскихъ союзовъ, пріуроченные къ разнаго рода интересамъ. Высказавъ эту мысль, комиссія однако не останавливается на способахъ осуществленія ея. И это понятно, если вспомнить принципы, которые комиссія считаетъ незыблемыми. Дѣйствительно, если произвести (какъ это дѣлаетъ въ цитирован. уже сочиненіи г. Страховскій) разложеніе функцій сельскаго общественнаго управленія, то получатся двѣ единицы: *поземельная община*, вѣдающая имущественно-поземельныя дѣла, и община *административно-общественно-хозяйственная.* Если проанализировать тѣ функціи, которыя выполняетъ и должна выполнять послѣдняя, по предположеніямъ самой комиссіи, то окажется, что сословность совершенно ей чужда, что удовлетвореніе тѣхъ общихъ матеріальныхъ и духовныхъ потребностей (школьныя, врачебныя, санитарныя, пожарныя и т. д.), которое возлагаетъ на нее проектъ, столь же важно для крестьянъ, какъ и для другихъ жителей сельскихъ мѣстностей. И потому такая община можетъ быть конструирована только на началѣ всесословности. Этотъ выводъ, конечно, совершенно противорѣчитъ началу, поставленному комиссіей во главѣ угла, и, можетъ быть, этимъ объясняется та лаконичность, съ которой комиссія кончаетъ съ этимъ вопросомъ. Разсужденія какъ то

обрываются, и это жаль, ибо исходная точка комиссіи вполнѣ правильна. Безъ правильной организаціи сельской всесословной ячейки, въ видѣ ли особой хозяйственно-административной общины, въ видѣ ли мелкой единицы или всесословной волости—всѣ проекты улучшенія правового быта деревни останутся мертворожденными. Уничтоженіе опеки, внесеніе законности въ деревенскій обиходъ, отмѣна дискреціонной власти сельскихъ властей и земскихъ начальниковъ, тяготѣющій надъ деревней—тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ этимъ вопросомъ.

Редакціонная комиссія это, повидимому, понимаетъ: упомянувъ весьма кратко о необходимости улучшенія личнаго состава сельскихъ о неудовлетворительности постановки сельскихъ должностей, комиссія не надѣется на коренное улучшеніе въ послѣдней области. Сложность обязанностей сельской администраціи, полная подчиненность ея всѣмъ органамъ уѣзднаго управленія — эти причины вырожденія деревенскаго самоуправленія комиссія считаетъ устранимыми лишь мало по малу и „притомъ только при содѣйствіи цѣлаго ряда другихъ мѣропріятій, почему въ настоящее время не представляется по мнѣнію комиссіи возможности идти далѣе нѣкоторыхъ частичныхъ въ этомъ дѣлѣ улучшеній“. . . Мы не знаемъ, каковы будутъ эти частичныя улучшенія. Объясненія комиссіи обходятъ полнымъ молчаніемъ вопросы о волостномъ правленіи, объ административно-судебныхъ органахъ, созданныхъ реформой 1889 г., обо всѣхъ проявленіяхъ опеки и усмотрѣнія, которыми такъ богата деревенская жизнь. Можетъ быть, это умолчаніе тоже должно быть объяснено тѣмъ, что если поразобраться въ „тѣхъ другихъ мѣропріятіяхъ“, которыми, по мнѣнію комиссіи можетъ быть достигнуто коренное улучшеніе деревенскихъ порядковъ, то оказалось бы, что они прежде всего поколебали бы тотъ принципъ сословности, который будто бы составляетъ душу крестьянской реформы. Эта недоговоренность особенно характерна, если сравнить ее съ прямой и искренней постановкой вопроса въ мѣстныхъ комитетахъ. Главныя черты реформы крестьянскаго самоуправленія были правильно разработаны въ Кахановской комиссіи; крестьянскія учрежденія, созданныя Положеніемъ 1889 г., съ ихъ идеей попечительства оказались совершенно несостоятельными передъ новыми запросами жизни.

Требуются новыя формы, а вмѣсто нихъ проектъ комиссіи собирается, повидимому, давать мелочныя поправки и улучшенія, которыя теряютъ всякое значеніе, разъ то, что составляетъ основу

крестьянскаго нестроенія, не только остается въ силѣ, но признается и вообще не подлежащимъ измѣненію. Эта черта работъ комиссіи свойственна и предположеніямъ ея о крестьянскомъ сословномъ судѣ, о гражданскихъ и уголовныхъ законахъ для деревенскаго обихода, о нормахъ, имѣющихъ цѣлью упорядочить землепользованіе крестьянъ. Вездѣ стремленіе ввести что-то новое, лучшее и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить основы того режима, который съ этимъ лучшимъ сочетаться не можетъ. Когда будутъ опубликованы проекты (ихъ всего изготовлено шесть: 1) положеніе о крестьянскомъ общественномъ управленіи, 2) положеніе о волостномъ судѣ, 3) волостной уставъ о наказаніяхъ, 4) сельскіе уставы о договорахъ и наслѣдованіи, 5) положеніе о надѣльныхъ земляхъ и 6) правила объ отграниченіи крестьянскихъ надѣловъ и разверстаніи ихъ съ чрезполосными угодьями смежнаго владѣнія), мы вернемся къ этимъ продуктамъ чисто бюрократическаго творчества, созданнымъ (въ этомъ имъ нужно воздать должное) съ быстротой необычайной. Теперь они разсылаются на мѣста для разсмотрѣнія въ особыхъ спеціально для этого учреждаемыхъ губернскихъ совѣщаніяхъ.

Существенный вопросъ, насколько проекты могутъ получить должную оцѣнку со стороны мѣстныхъ дѣятелей, близко знакомыхъ съ деревней, прежде всего зависитъ отъ состава учреждаемыхъ совѣщаній. Согласно указу отъ 8 января, губернское совѣщаніе образуется подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ губернскаго предводителя дворянства, изъ начальниковъ мѣстныхъ управленій гражданскаго вѣдомства, изъ предсѣдателя суда, непремѣннаго члена губернскаго присутствія, изъ предсѣдателя губернской земской управы, изъ земскихъ начальниковъ (не менѣе 4), изъ представителей дворянства и земства по одному на уѣздъ. Члены отъ дворянства приглашаются по указаніямъ собранія предводителей и депутатовъ, а члены отъ земства—непосредственно губернаторомъ изъ числа уѣздныхъ гласныхъ. Мы видимъ, что проектируемыя совѣщанія носятъ довольно ярко выраженный бюрократическій характеръ. Тѣ мѣстные люди-земцы, отъ которыхъ можно больше всего ожидать знанія мѣстныхъ условій и независимости въ сужденіяхъ, будутъ слѣдовательно не избираться въ земскихъ собраніяхъ (таковъ кажется былъ первоначальный проектъ), а будутъ назначаться администраціей. Это, конечно, въ значительной степени и парализуетъ и самое жизненное значеніе совѣщаній. Единственно правильный способъ получить подробные и цѣн-

ные отзывы о проектахъ состоитъ въ томъ, чтобы передать ихъ на розсмотрѣніе и обсужденіе земскихъ собраній. Чрезвычайно содержательная выписка, мотивирующая такое предложеніе, была внесена въ Рязанское губернское земское собраніе гл. княземъ Н. С. Волконскимъ. Въ ней авторъ прежде всего выступаетъ противъ того способа опроса мѣстныхъ людей, который входитъ въ обычай въ послѣднее время. „Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, предсѣдатель губернской управы, кто бы онъ ни былъ, и какова бы ни была его служебная опытность, отправляющійся въ Петербургъ по вызову министерства для участія въ занятіяхъ какой либо комиссіи безъ предварительной подготовки занятіемъ надъ предстоящимъ обсужденію вопросомъ, безъ собранія справокъ по этому именно вопросу, безъ обмѣна мнѣній по нему съ жителями мѣстности, считаться въ силу одного только своего служебнаго положенія настолько знающимъ всѣ условія мѣстной жизни и ея интересы, чтобы отвѣчать съ авторитетомъ знатока на всѣ вопросы, которые могутъ быть ему предложены. И еще менѣе можно признать достаточными для выполненія такой задачи тѣ административныя совѣщанія, которыя иногда собираются для обсужденія разныхъ вопросовъ изъ чиновниковъ различныхъ вѣдомствъ и лицъ, занимающихъ то или иное официальное положеніе, прикосновенное дѣлу управленія, и въ которыхъ обыкновенно нѣтъ мѣста только для голоса управляемыхъ, попеченіе о нуждахъ которыхъ составляетъ предметъ заботъ правительства". Далѣе авторъ приводитъ рядъ примѣровъ изъ практики крестьянскихъ учрежденій, которые указываютъ недостатки существующаго строя органовъ крестьянскаго управленія, и приходитъ къ выводу, что новые законопроекты нуждаются въ особенно тщательномъ разсмотрѣніи ихъ мѣстными людьми, что можетъ быть сдѣлано только въ земскихъ собраніяхъ. Земское собраніе постановило принять докладъ князя Волконскаго и предъявить соотвѣтствующее ходатайство.

Въ прошлой хроникѣ мы уже приводили нѣсколько аналогичныхъ ходатайствъ. Какая судьба ждетъ ихъ предсказать трудно.

* * *

На дняхъ опубликовано распоряженіе, согласно которому раіонъ примѣненія положенія объ усиленной охранѣ еще расширился тремя уѣздами Тифлисской губерніи. Исключительныя полномочія, предоставляемыя этимъ положеніемъ администраціи, дѣйствуютъ на значительной части территоріи нашего отечества въ продолже-

ніи уже многихъ и многихъ лѣтъ. Таково уже свойство нашихъ временныхъ правилъ, что временный характеръ даже самыхъ экстраординарныхъ мѣръ утрачивается и быстро забывается. Въ Именномъ указѣ Правительствующему Сенату отъ 4 сентября 1881 г. прямо указано, что только исключительныя обстоятельства того времени вызвали необходимость предоставить властямъ особыя полномочія для борьбы съ крамолой. „Мы не могли однако же не признать“, читаемъ мы въ этомъ указѣ, „что прискорбныя событія и смута въ Государствѣ вызываетъ печальную необходимость допустить на время чрезвычайныя мѣры преходящаго свойства для водворенія полнаго спокойствія и для искорененія крамолы. Наше вниманіе равнымъ образомъ было обращено и на то, чтобы временныя исключительныя мѣры соотвѣтствовали дѣйствительной потребности охраненія порядка и не подвергали излишнему отягощенію законные интересы вѣрнаго Престолу населенія, несомнѣнно искренно желающаго содѣйствовать спокойствію и порядку“. Со времени изданія этого указа прошло больше 22 лѣтъ; волна антиправительственнаго движенія то ослабѣвала, то усиливалась, но эти смѣны не оказывали никакого вліянія на примѣненіе положенія объ усиленной охранѣ. Каждый годъ оно аккуратно возобновлялось и возобновляется, захватывая все новыя и новыя мѣстности. Давая въ руки администраціи сильное оружіе въ видѣ исключительныхъ полномочій, этотъ законъ обнаружилъ естественную въ такихъ случаяхъ тенденцію къ распространенію на такія области, которыхъ совершенно не имѣлъ въ виду законодатель. Какъ извѣстно, ст. 15 полож. объ усиленной охранѣ предоставляетъ администраціи право издавать обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія общественнаго порядка и государственной безопасности, причемъ дѣла по нарушенію этихъ обязательныхъ постановленій разрѣшаются въ административномъ порядкѣ безъ вмѣшательства суда. Такъ какъ цѣль положенія объ усиленной охранѣ—борьба исключительно съ политической крамолой, то ясно, что и упомянутыя обязательныя постановленія могутъ быть издаваемы только для достиженія этой цѣли. Однако съ самаго начала дѣйствія новаго закона администрація на основаніи ст. 15 и 16 стала издавать постановленія, относящіяся къ предметамъ городского благоустройства, ничего общаго съ политическими цѣлями не имѣющимъ.

Всякаго рода санитарныя нарушенія, нарушенія правилъ ѣзды по городу и т. п. полицейскіе проступки оказались какъ то во

многихъ мѣстностяхъ (въ Петербургѣ въ особенности) изъятыми изъ вѣдѣнія суда. Нарушители караются административнымъ порядкомъ, подвергаясь штрафу или аресту до трехъ мѣсяцевъ. Совершенная незаконность этой практики очевидна, но она прочно держится въ жизни. Дѣло въ томъ, что въ публикѣ распространенъ совершенно невѣрный взглядъ, будто распоряженія, издаваемыя на основаніи полож. объ ус. охр., не подлежатъ обжалованію въ Правительствующій Сенатъ. Это мнѣніе, которое раздѣляетъ отчасти и администрація, опирается на ст. 1 положенія, согласно которой высшее направленіе дѣйствій по примѣненію усиленной охраны подлежатъ министру внутреннихъ дѣлъ. Предполагалось, что и жалобы могутъ приноситься только по начальству, именно министру внутреннихъ дѣлъ. Но Сенатъ неоднократно разъяснялъ полную неправильность этого взгляда. Такъ по дѣлу Титова въ опредѣленіи своемъ отъ 10 іюля 1898 г. (по 1 Департаменту) Сенатъ установилъ предѣлы, въ которыхъ жалобы на распоряженія, изданныя по полож. объ усил. охр., подлежатъ его разсмотрѣнію. Приводимъ это мѣсто опредѣленія. „Приведенное узаконеніе (1 ст. полож. объ усил. охр.), предоставляя министру внутреннихъ дѣлъ право руководить дѣйствіями всѣхъ другихъ административныхъ властей по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія и указывая порядокъ отмѣны подобныхъ распоряженій по несоотвѣтствію ихъ цѣлямъ охраны, опредѣляемымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, не изъемлетъ однако отъ общаго подчиненія Правительствующему Сенату въ порядкѣ инстанцій мѣстныя административныя начальства и не освобождаетъ Правительствующій Сенатъ отъ лежащей на немъ, по силѣ статьи 1 и 2 учр. Сенат. (т. I ч. 2, изд. 1892 г.), обязанности надзора за соотвѣтствіемъ административныхъ распоряженій съ требованіями закона и съ предѣлами предоставленной административнымъ начальствомъ власти“. Сенатъ не разъ отмѣнялъ распоряженія администраціи, несоотвѣтствовавшія цѣли исключительнаго закона. Такъ, напримѣръ, Сенатъ призналъ неправильнымъ распоряженіе Московскаго генералъ-губернатора о закрытіи чайной торговли по положенію объ усил. охр. за несоблюденіе установленныхъ торговыхъ правилъ.

Но разъясненія Сената, не будучи публикуемы, мало вліяютъ на практику, и только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда администрація случайно вступаетъ въ коллизію съ судомъ, раскрывается уголокъ этой темной области административнаго усмотрѣнія. Вотъ недавній

случай, имѣвшій, вѣроятно, не одинъ прецедентъ. 3-го іюня истекшаго года извозчикъ Т. сшибъ съ ногъ городового. Т. былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности по 123 и 128 ст. уст. о наказ. и приговоренъ мировымъ судьей къ трехнедѣльному аресту.

При разсмотрѣніи дѣла въ мировомъ съѣздѣ оказалось, что по распоряженію градоначальника извозчикъ Т. за тотъ же самый проступокъ отбываетъ трехмѣсячный арестъ, наложенный на него согласно ст. 15 и 16 полож. об. усил. охр. Съѣздъ прежде всего въ своемъ приговорѣ устанавливаетъ положеніе, что проступки, предусмотрѣнные 123 и 128 ст. уст. о наказ., во всякомъ случаѣ не могутъ быть нарушеніями обязательныхъ постановленій, издаваемыхъ по полож. об. усил. охр. съ цѣлью борьбы съ политической крамолой. Поэтому, проступокъ Т. не могъ быть предметомъ административнаго разбирательства. Утвердивъ далѣе приговоръ мирового судьи, съѣздъ постановилъ ходатайствовать передъ Государемъ о полномъ помилованіи Т. въ виду того, что онъ уже понесъ наказаніе за свой проступокъ. Въ своемъ приговорѣ съѣздъ ссылался на рѣшеніе Сената (по уголовному кассаціонному департаменту) по дѣлу Михайлова, въ которомъ установлены два положенія: 1) принимаемыя въ порядкѣ усиленной охраны мѣры должны имѣть прямое отношеніе къ борьбѣ съ крамолою, т. е. дѣяніями, грозящими государственному порядку и спокойствію, 2) хотя статьею 16, пунктъ 1, прил. къ 1 ст. уст. пред. прест. дозволено разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла о нарушеніи изданныхъ на основаніи положенія объ усиленной охранѣ обязательныхъ правилъ, но административной власти не предоставлено видоизмѣнять теченіе воспринявшаго законный ходъ судебнаго преслѣдованія. Послѣднее правило нарушается тоже весьма нерѣдко. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Послѣ анти-еврейскихъ безпорядковъ, происходившихъ въ городѣ Г., нѣсколько евреевъ было привлечено къ отвѣтственности судебнымъ слѣдователемъ по обвиненію въ томъ, что они приняли участіе въ публичномъ скопищѣ. Всѣ эти лица были заключены подъ стражу 7-го сентября, а 8-го октября были освобождены и отданы подъ надзоръ полиціи. Постановленіемъ губернатора отъ 12-го сентября тѣ же лица за нарушеніе обязательнаго постановленія, воспрещающаго сборища, были подвергнуты административному аресту на основаніи 15 и 16 ст. полож. объ усил. охр., причемъ арестъ началъ для нихъ исчисляться съ 8-го октября. Несомнѣнно, что и судебное преслѣдованіе и административное взысканіе имѣли въ виду одно и то же дѣяніе, и

обвиняемые, еще не осужденные судомъ, понесли, такъ сказать, авансомъ наказаніе административное, за которымъ можетъ еще послѣдовать и судебное. Принципъ, выраженный въ ст. 14 уст. угол. суд., такимъ образомъ совершенно игнорируется.

* * *

Русская государственная наука потеряла крупную научную силу въ лицѣ скончавшагося 3-го февраля Бориса Николаевича Чичерина. Талантливый профессоръ, ученый съ громадной эрудиціей, человѣкъ строгихъ философскихъ и политическихъ убѣжденій, онъ представлялъ собою рѣдкій примѣръ соединенія стойкости характера съ неизмѣнной вѣрностью въ жизни своимъ политическимъ и научнымъ взглядамъ. Вкладъ, внесенный Чичеринымъ въ русскую науку, великъ и значителенъ. „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в.“ и „Опыты по исторіи русскаго права“, изданные еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія являются и теперь капитальными трудами по исторіи права. „Исторія политическихъ ученій“ въ 5 томахъ, „Собственность и государство“, „Философія права“ и „Курсъ государственной науки въ 3 томахъ“—всѣ эти изслѣдованія Чичерина, проникнутыя единымъ міросозерцаніемъ, представляютъ собою крупное научное наслѣдіе для русскаго общества. Въ своихъ „Вопросахъ политики“, въ своихъ газетныхъ статьяхъ Чичеринъ откликался на животрепещущіе вопросы жизни и всегда выступалъ горячимъ поборникомъ свободы слова, мысли, совѣсти и общественной самодѣятельности. Ничто такъ не характеризуетъ цѣльность натуры и нравственный и общественный обликъ Б. Н. Чичерина, какъ письмо его къ студентамъ, написанное имъ въ декабрѣ 1867 года, при оставленіи каѳедры. Мы заимствуетъ текстъ его изъ „Русскихъ Вѣдомостей“:

„Распоряженіе университетскаго начальства, неожиданно прекратившее лекціи ранѣе установленнаго срока, писалъ Чичеринъ, не позволило мнѣ завершить свои чтенія и проститься съ вами, какъ я желалъ. Я письменно прощаюсь съ вами, какъ преподаватель. Мы, надѣюсь, встрѣтимся еще на пути жизни, и встрѣтимся добрыми друзьями, но на каѳедрѣ вы меня болѣе не увидите. Жалѣю, что долженъ съ вами разстаться, жалѣю, что не могу даже кончить начатаго курса; но есть обстоятельства, когда требованія чести говорятъ громче всякихъ другихъ соображеній. Честь и совѣсть не позволяютъ мнѣ долѣе оставаться въ университетѣ. Вы, мои друзья, еще молоды, вы не разучились ставить нравственныя побужденія выше всего на свѣтѣ. Поэтому я надѣюсь, что вы не

будете на меня сѣтовать за то, что прерываю свой курсъ. Я считаю себя обязаннымъ не только дѣйствовать на вашъ умъ, но и подать вамъ нравственный примѣръ, явиться передъ вами и человѣкомъ, и гражданиномъ. Нравственныя отношенія между преподавателемъ и слушателями составляютъ лучшій кладъ университетской жизни. Наука даетъ человѣку не одинъ запасъ свѣдѣній: она возвышаетъ и облагораживаетъ душу. Человѣкъ, воспитанный на любви къ наукѣ, не продастъ истины ни за какія блага въ мірѣ. Таковъ драгоцѣнный завѣтъ, который мы получили отъ своихъ предшественниковъ на университетской каѳедрѣ; но не всегда встрѣчались люди, которые высоко держали нравственное знамя. Теперь, покидая университетъ, я утѣшаю себя сознаніемъ, что мы съ товарищами остались вѣрны этому знамени, что мы честно, по совѣсти, исполнили свой долгъ и не унизили своего высокаго призванія. Желаю и вамъ крѣпко держаться этихъ началъ и разнести доброе сѣмя по всѣмъ концамъ русской земли, твердо помня свой гражданскій долгъ, не повинуясь минутному вѣтру общественныхъ увлеченій, не унижаясь передъ властью и не преклоняя главы своей передъ неправдой. Россія нуждается въ людяхъ съ крѣпкими и самостоятельными убѣжденіями; они составляютъ для нея лучшій залогъ будущаго. Но крѣпкія убѣжденія не обрѣтаются на площади; они добываются серьезнымъ и упорнымъ умственнымъ трудомъ. Направить васъ на этотъ путь, представить вамъ образецъ науки строгой и спокойной, независимой отъ внѣшнихъ партій, стремленій и страстей,—науки, способной возвести человѣка въ высшую область, гдѣ силы духа мужаютъ и пріобрѣтаютъ новый полетъ, таковъ былъ для меня идеалъ преподаванія. Насколько я успѣлъ достигнуть своей цѣли, вы сами тому лучшіе судьи. Во всякомъ случаѣ, разставаясь съ вами, я питаю въ себѣ увѣренность, что оставляю среди васъ добрую память и честное имя. Это будетъ служить мнѣ вознагражденіемъ за все остальное“.

Къ оцѣнкѣ Б. Н. Чичерина нашъ журналъ еще вернется въ ближайшемъ будущемъ.

М. Ипполитовъ.

ОТЧЕТЪ

по

ЮРИДИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ

при

ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

за 1903 годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1904.

ОТЧЕТЪ

По Юридическому Обществу при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1903 г.

Совѣтъ Юридическаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ имѣетъ честь представить Годовому Собранію Общества нижеслѣдующій отчетъ о составѣ, дѣятельности и состояніи суммъ общества за 1903 годъ, составляющій 27-й годъ существованія Общества.

1. Составъ Общества.

Къ 1 января 1903 г. Юридическое Общество состояло изъ 21 почетныхъ членовъ, 367 дѣйствительныхъ и 98 членовъ-сотрудниковъ. Въ теченіе года Общество понесло утрату въ лицѣ скончавшихся 10 дѣйствительныхъ членовъ Общества [1]). Выбыло по разнымъ причинамъ 14 дѣйствительныхъ членовъ. Избрано вновь 25 дѣйствительныхъ и 3 члена-сотрудника Общества.

Вслѣдствіе такихъ измѣненій, въ составѣ Общества къ 1 января 1904 г. считалось 21 почетныхъ членовъ, 369 дѣйствительныхъ членовъ и 101 членовъ-сотрудниковъ.

Совѣтъ Общества, въ отчетномъ году, до годового собранія, состоялъ изъ Предсѣдателя Э. Я. Фукса, Помощника Предсѣда-

---

[1]) А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ, В. Н. Герардъ, П. Н. Грешищевъ, Н. Н. Дебольскій, М. В. Духовской, В. В. Ефимовъ, А. Н. Ильинъ, И. Н. Орловъ, И. И. Розингъ и Н. Б. Якоби.

теля В. Д. Спасовича, Членовъ Совѣта: И. Я. Фойницкаго, А. А. Книрима и А. Ф. Кони; Предсѣдателей Отдѣленій Общества: Гражданскаго — I. И. Карницкаго, уголовнаго — С. Ѳ. Платонова, административнаго В. Д. Кузьмина - Караваева и обычнаго права—А. Г. Гасмана. Въ годовомъ Собраніи были избраны: на должность Помощника Предсѣдателя Общества, за отказомъ В. Д. Спасовича отъ дальнѣйшаго исполненія этой должности — А. Ѳ. Кони и на должности членовъ Совѣта, вмѣсто выбывшаго на основаніи § 22 устава А. А. Книрима, а также на замѣщеніе должностей А. Ф. Кони, за выборомъ его Помощникомъ Предсѣдателя и В. Д. Кузьмина-Караваева, избраннаго Предсѣдательствующимъ въ Административномъ Отдѣленіи, избраны въ Члены Совѣта Общества—С. Ѳ. Платоновъ, В. К. Случевскій и К. К. Арсеньевъ; въ Члены Ревизіонной Коммисіи: Н. А. Полетаевъ, М. М. Винаверъ, Л. I. Петражицкій, М. М. Боровитиновъ и Л. В. Шалландъ. На должность казначея вновь былъ избранъ А. С. Парамоновъ.

Въ настоящее время Предсѣдатель Общества Э. Я. Фуксъ, по болѣзни, сложилъ съ себя обязанности Предсѣдателя Общества, а изъ состава Членовъ Совѣта выбываютъ: И. Я. Фойницкій—на основаніи § 22 Устава и С. Ѳ. Платоновъ,—по жребію.

Такимъ образомъ, въ настоящемъ годовомъ Собраніи должны быть произведены выборы:

1) Предсѣдателя Общества.

2) Двухъ Членовъ Совѣта.

3) Пяти Членовъ Ревизіонной Коммисіи (§ 29 Устава).

и 4) Казначея (§ 24 Устава).

Составъ Редакціонныхъ Комитетовъ къ 1 января 1904 года былъ слѣдующій.

I. По Гражданскому Отдѣленію.

Предсѣдательствующій—I. И. Карницкій, Товарищъ Предсѣдательствующаго—С. А. Муромцевъ и Члены Редакціоннаго Комитета: А. А. Поворинскій, Д. Д. Гриммъ и М. М. Винаверъ.

2. По Уголовному Отдѣленію.

Предсѣдательствующій—И. Г. Щегловитовъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго—В. Д. Набоковъ и Члены Редакціоннаго Комитета: Г. Б. Сліозбергъ, Г. Г. Евангуловъ и М. М. Боровитиновъ.

3. По Административному Отдѣленію.

Предсѣдательствующій—В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго — В. М. Гессенъ и Члены Редакціоннаго Комитета· К. К. Арсеньевъ, І. В. Гессенъ и Н. И. Лазаревскій.

4. По Отдѣленію Обычнаго Права.

Предсѣдательствующій И. М. Тютрюмовъ, Товарищъ Предсѣдательствующаго А. А. Леонтьевъ и Члены Редакціоннаго Комитета: А. М. Евреинова, В. В. Акимовъ и И. М. Страховскій.

2. Дѣятельность Общества.

А. Совѣтъ Общества.

Въ теченіе отчетнаго года засѣданій Совѣта было четыре (14 января, 2 мая, 15 октября и 30 ноября), въ которыхъ были предметомъ сужденій слѣдующія вопросы:

Въ засѣданіи 14 января 1903 г. кромѣ текущихъ дѣлъ утвержденъ представленный Секретаремъ Общества В. Д. Набоковымъ проектъ отчета за 1902 г., и днемъ годоваго собранія назначено 23 февраля, а также принято съ благодарностью предложеніе Почетнаго Члена Общества А. Ѳ. Кони произнести въ годовомъ собраніи рѣчь подъ названіемъ „О Спасовичѣ, какъ ораторѣ криминалистѣ".

Въ засѣданіяхъ 2 мая и 15 октября предметомъ занятій Совѣта было разсмотрѣніе предложеній о кандидатахъ въ дѣйствительные члены Общества.

Наконецъ въ послѣднемъ за отчетный годъ засѣданіи Совѣта, 30 ноября, были разсмотрѣны слѣдующія дѣла:

I. Письмо Предсѣдателя Общества, Э. Я. Фукса, на имя Помощника Предсѣдателя А. Ѳ. Кони. Въ письмѣ своемъ Э. Я. Фуксъ увѣдомляетъ, что вслѣдствіе болѣзни онъ поставленъ въ необходимость отказаться отъ должности Предсѣдателя Юридическаго Общества.

Постановили:

I. 1) Высказать Э. Я. Фуксу отъ имени Совѣта искреннѣйшее и глубочайшее сожалѣніе по поводу оставленія имъ тѣхъ обязан-

ностей, которыя онъ въ теченіе болѣе восьми лѣтъ выполнялъ съ неослабѣвающей энергіей и любовью.

2) Предложить годовому Общему Собранію, имѣющему быть въ февралѣ 1904 г., выразить Э. Я. Фуксу признательность Юридическаго Общества за все, имъ сдѣланное.

3) Вопросъ объ избраніи кандидатовъ въ предсѣдатели отложить до ближайшаго январскаго засѣданія Совѣта, въ виду близости годоваго собранія и неудобствъ, связанныхъ съ созывомъ чрезвычайнаго общаго собранія въ декабрѣ.

4) Впредь до избранія новаго предсѣдателя возложить предсѣдательскія обязанности на помощника предсѣдателя А. Ѳ. Кони.

II. 1) Заявленіе редактора Журнала Юридическаго Общества „Вѣстникъ Права", Г. Б. Сліозберга объ отказѣ его, по личнымъ обстоятельствамъ и по состоянію здоровья, отъ дальнѣйшаго редактированія журнала.

2) Заявленіе, подписанное: почетнымъ академикомъ К. К. Арсеньевымъ, доцентомъ политехническаго института В. М. Гессеномъ, кандидатомъ правъ М. М. Винаверомъ, профессоромъ С.-Петербургскаго университета І. А. Покровскимъ и преподавателемъ Императорскаго училища правовѣдѣнія В. Д. Набоковымъ. Въ этомъ заявленіи поименованныя лица предлагаютъ принять на себя коллективное редактированіе „Вѣстника Права", на тѣхъ же условіяхъ, какія установлены нынѣ.

Выслушавъ приведенныя заявленія, Совѣтъ постановилъ:

1) выразить Г. Б. Сліозбергу искреннюю признательность за понесенный имъ въ теченіе пяти лѣтъ тяжелый трудъ;

2) принять предложеніе г.г. Арсеньева, Гессена, Винавера, Покровскаго и Набокова и войти съ представленіемъ объ утвержденіи названныхъ лицъ въ званіи редакторовъ издаваемаго Юридическимъ Обществомъ журнала „Вѣстникъ Права".

III. Слѣдующее заключеніе ревизіонной комисіи по отчету за 1902 г.:

Журналъ засѣданія Ревизіонной Коммисіи С.-Петербургскаго Юридическаго Общества 8-го Марта 1903 года.

8-го Марта 1903 года Ревизіонная Коммисія С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, въ составѣ М. М. Винавера, Л. І. Петражицкаго, Л. В. Шалланда и М. М. Боровитинова, выслушавъ

письменное заявленіе члена Коммисіи Н. А. Полетаева о невозможности прибыть въ засѣданіе по болѣзни, разсмотрѣла денежную отчетность Общества. Обревизовавъ кассовую приходо-расходную книгу и книгу неприкосновеннаго капитала, Коммисія нашла:

1) что денежная отчетность ведется правильно и обревизованныя книги оказались въ полномъ порядкѣ;

2) что со дня послѣдней ревизіи суммъ 17 Марта 1902 года по день настоящей ревизіи 8 Марта 1903 г. движеніе суммъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: остатокъ на 17 Марта 1902 года составлялъ 20177 руб. 8½ коп., поступило въ періодъ съ 17 Марта 1902 г. по 8 Марта 1903 г. 3621 руб. 65 коп., итого 23798 руб. 73½ коп., расходъ за тотъ же періодъ равнялся 3260 руб. 31½ коп., что даетъ въ остаткѣ 20538 руб. 42 коп. и

3) что остатокъ этотъ заключается, какъ видно изъ представленныхъ Казначеемъ документовъ, въ процентныхъ бумагахъ на сумму 17800 руб. (по нарицательной цѣнѣ), хранящихся въ Государственномъ Банкѣ, и денегъ: 302 руб. 37½ коп. хранящихся въ Сберегательной Кассѣ, 2434 руб. 65 коп.,—на текущемъ счету С.-Петербургскаго Учетнаго и Ссуднаго Банка и 1 руб. 39½ коп.—на рукахъ у Казначея.

При повѣркѣ денежной отчетности Коммисіей было обращено особое вниманіе на то, что благодаря энергіи и усердію Казначея въ сборѣ членскихъ взносовъ, ему удалось значительно сократить число недоимщиковъ: по словамъ А. С. Парамонова къ 8 Марта 1903 года только 5 лицъ не внесли членскаго взноса за 1902 годъ.

Признавая, что денежная отчетность ведется Казначеемъ въ общемъ совершенно правильно, Коммисія выразила лишь пожеланіе, чтобы на будущее время принадлежащимъ Обществу спеціальнымъ капиталамъ велся въ бухгалтерской книгѣ особый счетъ подобно тому, какъ онъ ведется неприкосновенному капиталу.

Остановившись на нѣкоторыхъ вопросахъ, касающихся дѣятельности Общества и Совѣта, Коммисія нашла возможнымъ выразить пожеланія:

1) чтобы Совѣтъ Общества возбудилъ ходатайство въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія о разрѣшеніи С.-Петербургскому Юридическому Обществу созвать Съѣздъ русскихъ юристовъ, представивъ въ Министерство вмѣстѣ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи программы съѣзда, и

2) чтобы были приняты мѣры къ упорядоченію веденія про-

токоловъ о засѣданіяхъ Общества и болѣе своевременному помѣщенію ихъ въ „Вѣстникѣ Права". Признавая совершенно недопустимымъ печатаніе протоколовъ о засѣданіяхъ отдѣленій по прошествіи года, полуторагода, а иногда и двухъ лѣтъ и находя, что, въ виду обремененности членовъ редакціонныхъ комитетовъ служебными и другими занятіями, разсчитывать на то, что они сами окажутся въ состояніи своевременно составлять всѣ протоколы, не представляется возможнымъ,—Коммисія высказалась за желательность слѣдующихъ мѣръ:

1) Въ распоряженіе редакціонныхъ комитетовъ должны быть ассигнованы Совѣтомъ Общества необходимыя суммы для уплаты изъ нихъ гонорара за составленіе протоколовъ о засѣданіяхъ отдѣленій, причемъ размѣръ ассигнуемой суммы долженъ зависѣть отъ числа засѣданій отдѣленія, по приблизительному разсчету 15 руб. за засѣданіе;

2) наблюденіе за правильнымъ составленіемъ протоколовъ и редактированіе послѣднихъ должно лежать на одномъ изъ членовъ редакціоннаго комитета, по выбору комитета;

3) въ двухнедѣльный срокъ со дня засѣданія проредактированный членомъ редакціоннаго комитета протоколъ долженъ быть пересланъ редактору „Вѣстника Права";

4) редакторъ „Вѣстника Права" долженъ помѣстить протоколъ въ ближайшей книжкѣ „Вѣстника Права", если въ день полученія протокола книжка еще не сверстана, въ противномъ случаѣ—въ слѣдующей книжкѣ.

Представляя на обсужденіе Общаго Собранія изложенныя предположенія, Ревизіонная Коммисія считаетъ долгомъ въ заключеніе предложить Общему Собранію выразить особую признательность Общества Казначею А. С. Парамонову и Секретарю В. Д. Набокову за прекрасное выполненіе ими въ теченіе ряда лѣтъ принятыхъ на себя обязанностей, на что имъ приходится затрачивать много энергіи и труда.

М. М. Винаверъ.
Л. І. Петражицкій.
Л. В. Шалландъ.
М. М. Боровитиновъ.

Совѣтъ постановилъ:

1) Съ своей стороны одобрить предлагаемыя ревизіонной коммисіей мѣры къ правильному веденію и своевременному пе-

чатанію протоколовъ засѣданій, ассигнововъ съ этой цѣлью авансомъ на годъ впередъ (съ 1 декабря 1903 г. по 1 декабря 1904 г.) въ распоряженіе предсѣдателей отдѣленій: уголовнаго и гражданскаго—по 200 руб., административнаго—150 р. и обычнаго права—75 р., и въ распоряженіе коммисіи при гражданскомъ отдѣленіи—75 р., съ тѣмъ, чтобы предсѣдатель гражданскаго отдѣленія имѣлъ право относить, въ случаѣ надобности, часть ассигнованной въ его распоряженіе суммы на нужды коммисіи при отдѣленіи.

2) По вновь возбуждаемому вопросу о возобновленіи ходатайства о созывѣ втораго съѣзда русскихъ юристовъ — обратиться во всѣ юридическія общества съ запросомъ о томъ, какія темы они признали бы желательнымъ подвергнуть обсужденію на съѣздѣ, о которомъ предполагается вновь ходатайствовать, и по полученіи отвѣтовъ, по возможности не позже конца января, войти съ ходатайствомъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

3) Представить все заключеніе ревизіонной коммисіи ближайшему общему собранію.

Б. Годовое Собраніе.

Въ годовомъ собраніи, происходившемъ 23 февраля 1903 г.

I. По открытіи засѣданія предъявленъ отчетъ совѣта за 1902 г. Предсѣдатель указалъ на вкравшуюся въ отчетъ ошибку: товарищемъ предсѣдателя административнаго отдѣленія показанъ М. И. Свѣшниковъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ таковымъ состоитъ К. К. Арсеньевъ.

Затѣмъ были произведены выборы на должности: предсѣдателя общества, его помощника, трехъ членовъ совѣта, пяти членовъ ревизіонной коммисіи и казначея общества.

Избранными оказались:

Предсѣдателемъ общества—Эдуардъ Яковлевичъ Фуксъ.

Помощникомъ предсѣдателя—А. Ѳ. Кони.

Членами совѣта: В. К. Случевскій, К. К. Арсеньевъ и С. Ф. Платоновъ.

Членами ревизіонной коммисіи: Н. А. Полетаевъ, М. М. Винаверъ, Л. І. Петражицкій, М. М. Боровитиновъ и Л. В. Шалландъ и казначеемъ—А. С. Парамоновъ.

II. Почетный членъ общества, А. Ѳ. Кони, произнесъ рѣчь „Спасовичъ—какъ ораторъ-криминалистъ“.

III. Предсѣдатель общества, Э. Я. Фуксъ, предложилъ собранію послать В. Д. Спасовичу телеграмму нижеслѣдующаго содержанія:

„Въ годовомъ собраніи юридическаго общества, по выслушаніи рѣчи Анатолія Өедоровича Кони о Спасовичѣ, какъ ораторѣ-криминалистѣ, собраніе единогласно постановило выразить Вамъ отъ имени общества глубокую признательность за Вашу неутомимую и славную дѣятельность на пользу общества, сердечное сожалѣніе о Вашемъ отсутствіи и твердую надежду на то, что Ваша духовная связь съ обществомъ останется нерушимой“.

Предложеніе встрѣчено продолжительными рукоплесканіями.

На посланнную Э. Я. Фуксомъ телеграмму получено слѣдующее письмо В. Д. Спасовича:

Милостивый Государь
Эдуардъ Яковлевичъ!

Не нахожу подходящихъ словъ для выраженія полноты чувства благодарности моей Юридическому Обществу при С.-Петербургскомъ Университетѣ за добрую память обо мнѣ, Анатолію Өедоровичу Кони за его рефератъ 23 февраля и Вамъ, Высокоуважаемый Предсѣдатель, за телеграмму, которою я былъ почтенъ того же числа. Связь моя съ обществомъ никогда не прекратится, я еще надѣюсь участвовать въ его трудахъ. На мой взглядъ Юридическое Общество до послѣдняго времени только прозябало, теперь оно вступаетъ въ новую эпоху, когда дѣятельность его обѣщаетъ быть наиболѣе плодотворною при готовящихся громадныхъ преобразованіяхъ въ государственномъ устройствѣ, когда всякое исходящее мнѣніе или заключеніе получаетъ все большій и большій вѣсъ и значеніе. Надѣюсь еще дожить и до новаго съѣзда русскихъ юристовъ, о разрѣшеніи котораго Общество не перестаетъ неутомимо хлопотать и ходатайствовать.

Принося сердечное спасибо за доброе ко мнѣ расположеніе Общества прошу принять выраженіе чувства глубокой преданности, съ которыми имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства почтительнѣйшимъ слугою.

Вл. Спасовичъ.

февраля 26 дня 1903 года.
Варшава.

В. Общія Собранія.

Общихъ Собраній Юридическаго Общества въ отчетномъ году состоялось четыре.

Въ первомъ изъ нихъ, имѣвшемъ мѣсто 15 марта были выбраны въ дѣйствительные члены Общества: И. А. Овчинниковъ, Графъ Г. П. Сюзоръ, А. Г. Гусаковъ, С. А. Друцкой и М. І. Кауфманъ.

Въ слѣдующемъ Общемъ Собраніи, 11 октября, были избраны слѣдующія лица въ дѣйствительные члены Общества: В. Я. Гвоздановичъ, Г. И. Штильманъ, В. В. Серебряковъ, М. Ѳ. Люце, Л. Х. Сабининъ, А. И. Колесовъ и Н. В. Вестманъ.

Въ Общемъ Собраніи 25 октября, по произведеннымъ выборамъ, приняты въ дѣйствительные члены Общества слѣдующія лица: А. С. Щетининъ, Н. П. Ашешовъ, Г. Г. Витте, П. М. Осокинъ, Н. В. Карминъ и А. Н. Лазаренко.

Наконецъ въ послѣднемъ Общемъ Собраніи 20 декабря были выслушаны заключенія ревизіонной Коммисіи по отчету за 1902 г. и заключеніе по оному Совѣта, причемъ отчетъ былъ утвержденъ Собраніемъ, а затѣмъ были избраны въ дѣйствительные члены Общества слѣдующія лица: А. А. Демьяновъ, Н. Н. Шнитниковъ, Ф. Н. Малининъ, Н. Новомбергскій, Ю. Я. Хейфицъ, І. А. Покровскій, М. Л. Гольдштейнъ, В. В. Исаченко и Г. Э. Блосфельдтъ.

Г. Дѣятельность Отдѣленій Общества.

1. *Гражданское Отдѣленіе.*

Въ 1903 году Редакціонный Комитетъ Гражданскаго Отдѣленія имѣлъ *четыре* засѣданія, посвященныя разсмотрѣнію внесенныхъ въ Отдѣленіе докладовъ и другихъ текущихъ дѣлъ.

Засѣданій Гражданскаго Отдѣленія въ теченіе 1903 г. было *четыре.* Въ засѣданіи 22 Февраля былъ выслушанъ докладъ *Н. А. Полетаева* „Пользовладѣніе и наемъ имущества“ (по проекту Гражданскаго Уложенія) и произошли пренія по этому докладу. Засѣданіе 17 Марта было посвящено выслушанію доклада *А. Г. Воронова* „Постановленія проекта Гражданскаго уложенія о препятствіяхъ къ браку, о недѣйствительности брака, о разрѣшеніи раздѣльнаго жительства супруговъ и о расторженіи брака“ и преніямъ по этому

докладу. Въ этомъ же засѣданіи состоялись выборы предсѣдательствующаго, его товарища и членовъ Редакціоннаго Комитета Гражданскаго Отдѣленія. Въ засѣданіи 2 мая предсѣдательствующій *I. И. Карницкій* сдѣлалъ сообщеніе о составленныхъ Высочайше учрежденною Редакціонною Коммисіею по начертанію проекта гражданскаго уложенія книгахъ: I. „Положенія общія“ и IV. „Наслѣдственное право“ и присланныхъ въ Гражданское Отдѣленіе, съ цѣлью полученія отъ него замѣчаній на эти книги проекта. По выслушаніи этого сообщенія Гражданское Отдѣленіе предложило Редакціонному Комитету Отдѣленія образовать для указанной цѣли особую Коммисію изъ членовъ Общества по избранію Комитета. Затѣмъ въ томъ же засѣданіи (2 мая) Почетный членъ Общества *С. А. Муромцевъ* развилъ тему „Гражданское уложеніе и гражданская жизнь“ для бесѣды о необходимости предварительнаго изслѣдованія гражданской жизни въ ея реальныхъ проявленіяхъ прежде окончательнаго разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ гражданскаго законодательства. Въ послѣднемъ засѣданіи 31 октября состоялись докладъ *А. Г. Воронова* „Постановленія проекта Гражданскаго уложенія о правахъ наслѣдованія по закону восходящихъ и боковыхъ родственниковъ, супруга и внѣбрачныхъ дѣтей наслѣдодателя“ и пренія по докладу.

На основаніи вышеупомянутаго, состоявшагося въ засѣданіи 2 мая, постановленія Гражданскаго Отдѣленія, Редакціонный Комитетъ пригласилъ въ составъ особой Коммисіи для составленія замѣчаній на книги I-ю и IV-ю проекта Гражданскаго уложенія „Положенія общія“ и „Наслѣдственное право“ слѣдующихъ членовъ Общества: *А. Ф. Брандта, М. М. Винавера, А. Г. Воронова, Г. С. Вольтке, I. В. Гессена, М. Б. Горенберга, А. И. Каминка, Д. А. Левина, В. М. Нечаева, Ф. И. Осецкаго, Л. I. Петражицкаго, I. А. Покровскаго, Н. М. Рейнке, И. М. Тютрюмова, И. С. Цвѣткова* и *Р. Г. Шлейфера.* Коммисія эта избрала своимъ предсѣдателемъ *М. М. Винавера.* Намѣтивъ въ первомъ засѣданіи 27 мая 1903 г. общій планъ работъ, Коммисія приступила затѣмъ къ занятіямъ въ октябрѣ мѣсяцѣ и въ теченіе октября, ноября и декабря имѣла *восемь* засѣданій, въ коихъ были обсуждены общіе вопросы наслѣдственнаго права (книги IV-й проекта Гражд. уложенія), въ особенности вопросъ о родовыхъ имуществахъ и о обязательной долѣ; потомъ были разсмотрѣны постатейно постановленія проекта о наслѣдованіи по закону и почти закончено постатейное обсужденіе правилъ о наслѣдованіи по завѣщанію.

Кромѣ того, въ отчетномъ году продолжала свои занятія учрежденная въ 1902 г., подъ предсѣдательствомъ почетнаго члена Юридическаго Общества *С. А. Муромцева*, Коммисія по разсмотрѣнію книгъ II и III проекта гражданскаго уложенія. Этою послѣднею Коммисіею до сихъ поръ разсмотрѣны отдѣлы: по II книгѣ о разводѣ, о недѣйствительности брака, о приданомъ; по III книгѣ: авторское право, право на привилегіи.

Общею характеристикою дѣятельности гражданскаго Отдѣленія за 1903 годъ служитъ посвященіе ея обсужденію вопросовъ, составляющихъ предметы въ выработанныхъ Высочайше учрежденною Редакціонною Коммисіею проектовъ Гражданскаго Уложенія или связанныхъ съ этими проектами. Если въ отчетномъ году число засѣданій Гражданскаго Отдѣленія, посвященныхъ слушанію и обсужденію рефератовъ, въ сравненіи съ прошлыми годами нѣсколько уменьшилось, то это объясняется именно направленіемъ всѣхъ почти дѣятельныхъ силъ Отдѣленія къ трудамъ по разсмотрѣнію проектовъ гражданскаго уложенія въ особой Коммисіи (въ ней участвуютъ 16 членовъ Отдѣленія). Въ общемъ, засѣданіи Гражданскаго Отдѣленія и Особой его Коммисіи было *двѣнадцать*.

Составъ Редакціоннаго Отдѣленія въ 1903 году былъ слѣдующій: Предсѣдательствующій *І. И. Карницкій*, Товарищъ Предсѣдательствующаго, почетный членъ Юридическаго Общества *С. А. Муромцевъ*, члены Редакціоннаго Комитета: *А. Ф. Поворинскій*, *М. М. Винаверъ* и *Д. Д. Гриммъ* (избраны въ засѣданіи 17 марта 1903 г.).

2. Уголовное Отдѣленіе.

Редакціонный Комитетъ Уголовнаго Отдѣленія имѣлъ въ отчетномъ году 4 засѣданія.

Засѣданій Уголовнаго Отдѣленія въ 1903 г. было *одиннадцать*.

Въ засѣданіи 4 января гостемъ *С. Н. Трегубовымъ*, было сдѣлано сообщеніе „Прокурорскій надзоръ въ отношеніи къ народному суду въ Туркестанскомъ краѣ".

1 марта состоялись выборы бюро отдѣленія, а также докладъ дѣйствительнаго члена Общества *И. Г. Щегловитова*: Главнѣйшія измѣненія въ уголовномъ процессѣ, вызываемыя новымъ уголовнымъ уложеніемъ.

15 марта *И. Г. Щегловитовъ* сдѣлалъ сообщеніе „о главнѣйшихъ особенностяхъ Болгарскаго устава уголовнаго судопроизвод-

ства 1877 г. Въ томъ же засѣданіи состоялся докладъ *Н. И. Фалѣева* „Условное осужденіе въ военно-уголовномъ правѣ".

Въ засѣданіи 22 марта дѣйствительный членъ Общества *Ф. О. Грединегръ* сдѣлалъ докладъ о судебно-фотографическомъ изслѣдованіи документовъ".

29 марта *Г. Г. Евангуловымъ* сдѣлано сообщеніе на тему „Новое уголовное уложеніе".

Въ послѣднемъ весеннемъ засѣданіи Уголовнаго Отдѣленія, 26 апрѣля, дѣйствительный членъ Общества *В. П. Ширковъ* прочелъ докладъ: „Отвѣтственность присяжныхъ засѣдателей по новому Уголовному Уложенію".

Въ засѣданіи 11 октября Отдѣленіе выслушало сообщеніе *И. Г. Щегловитова* „О введеніи въ дѣйствіе новаго Уголовнаго Уложенія и 2) докладъ гостя *Г. Н. Штильмана* „Вопросъ о неопредѣленныхъ приговорахъ".

25 октября предметомъ занятій Отдѣленія былъ контръ-докладъ *А. И. Люблинскаго* на тему о неопредѣленныхъ приговорахъ".

Въ засѣданіи 15 ноября *М. М. Боровитиновъ* сдѣлалъ докладъ „О бродяжествѣ по русскому праву".

22 ноября почетный членъ Общества *А. Ѳ. Кони* сдѣлалъ сообщеніе „Докторъ Гаазъ по новымъ матеріаламъ".

Наконецъ, послѣднее за отчетный годъ засѣданіе Уголовнаго Отдѣленія, состоявшееся 20 декабря, было посвящено слушанію доклада дѣйствительнаго члена Общества *Е. Н. Тарновскаго* „Репрессія суда присяжныхъ засѣдателей за двадцать пять лѣтъ (1875—1900 г.г.)" по статистическимъ даннымъ.

Для наглядной иллюстраціи доклада Е. Н. Тарновскимъ раздавались въ засѣданіи графическія таблицы репрессій присяжнаго и безприсяжнаго суда.

3. Административное Отдѣленіе.

Въ 1903 г. засѣданій Редакціоннаго Комитета Административнаго Отдѣленія было пять; на нихъ обсуждались программа занятій отдѣленія и внесенные доклады.

Засѣданій Отдѣленія было *двѣнадцать.*

Въ засѣданіи 13 января дѣйствительный членъ Общества *Г. С. Вольтке* сдѣлалъ докладъ: „Основныя черты желательной организаціи уѣзднаго управленія въ связи съ устройствомъ мелкой земской единицы".

11 февраля былъ выслушанъ докладъ *Е. И. Кедрина*: „Проектъ новаго Городоваго Положенія для г. С.-Петербурга". Пренія по этому докладу состоялись въ засѣданіи 17 марта.

21 февраля членъ сотрудникъ Общества *А. В. Еропкинъ* сдѣлалъ сообщеніе „Сельская община и прочный правопорядокъ".

Въ засѣданіи 11 марта 1903 г. были произведены выборы предсѣдателя Отдѣленія, его товарища и трехъ членовъ Редакціоннаго Комитета [1]), а затѣмъ состоялся докладъ *М. Б. Горенберга* „Устройство мелкой земской единицы въ Пруссіи".

31 марта *В. Д. Кузьминъ-Караваевъ* прочелъ докладъ „Правовыя нужды деревни". Пренія по этому докладу имѣли мѣсто въ засѣданіи 29 апрѣля.

18 апрѣля членъ-сотрудникъ Общества *В. И. Ясевичъ-Бородаевская* сдѣлала сообщеніе: „Дѣйствующее законодательство о сектантахъ".

Первое осеннее засѣданіе Административнаго Отдѣленія 26 сентября, было посвящено слушанію и обсужденію доклада *В. Д. Кузьмина-Караваева* „Положеніе объ управленіи земскимъ хозяйствомъ въ девяти западныхъ губерніяхъ".

Въ засѣданіи 20 октября дѣйствительный членъ Общества *Л. О. Зайденманъ* сдѣлалъ докладъ, „Монополія въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія".

Въ засѣданіи 21 ноября предметомъ занятій Отдѣленія былъ докладъ *М. И. Свѣшникова*: „Юридическое значеніе Положенія 8 іюня 1903 г. объ общественномъ управленіи г. С.-Петербурга".

Наконецъ въ послѣднемъ засѣданіи 19 декабря, дѣйствительный членъ Общества *I. В. Гессенъ* сдѣлалъ докладъ: „Юридическая помощь населенію (изъ работъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности)".

4. *Отдѣленіе обычнаго права.*

Въ засѣданіи 8 марта были избраны: предсѣдательствующимъ—*И. М. Тютрюмовъ*, товарищемъ предсѣдательствующаго—*А. А. Леонтьевъ*, членами Редакціоннаго Комитета—*А. М. Евреинова*, *И. М. Страховскій* и *В. В. Акимовъ*.

---

[1]) Избранными на 1903 г. оказались: Предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Товарищемъ Предсѣдательствующаго—В. М. Гессенъ и Членами Редакціоннаго Комитета:—К. К. Арсеньевъ, I. В. Гессенъ и Н. И. Лазаровскій.

Отдѣленіе имѣло два засѣданія, въ коихъ было сдѣлано два доклада, а именно:

1) въ засѣданіи 8 марта докладъ *П. Г. Тимофеева:* „Опека въ обычномъ правѣ крестьянъ";

2) въ засѣданіи 8 ноября докладъ *А. А. Леонтьева:* „Крестьянское право въ проектѣ Гражданскаго Уложенія".

Въ засѣданіяхъ Редакціоннаго Комитета, при обсужденіи мѣръ къ оживленію дѣятельности отдѣленія обычнаго права, между прочимъ, состоялись слѣдующія постановленія:

1) продолжать собираніе и разработку матеріаловъ по обычному праву преимущественно по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ и приговорамъ сельскихъ сходовъ, съ какою цѣлью просить совѣтъ Юридическаго Общества: а) поддержать ходатайство отдѣленія обычнаго права объ ассигнованіи средствъ, необходимыхъ на собираніе и разработку матеріаловъ по обычному праву по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, и б) ассигновать изъ средствъ общества сто рублей на списываніе копій приговоровъ сельскихъ сходовъ, въ которыхъ заключаются свѣдѣнія о мѣстныхъ обычаяхъ;

2) просить содѣйствія совѣта общества къ изданію, по мѣрѣ накопленія матеріаловъ, записокъ отдѣленія обычнаго права, въ коихъ могли бы помѣщаться статьи по обычному праву, библіографія и проч., а также сырой матеріалъ, въ видѣ приговоровъ сельскихъ сходовъ и тезисовъ обычнаго права, извлеченныхъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ;

3) продолжать собираніе матеріаловъ по обычному праву и въ видѣ отвѣтовъ на разосланныя программы, печатая эти матеріалы въ запискахъ отдѣленія, а также напечатавъ съ этою цѣлью составленную А. А. Леонтьевымъ программу для собиранія юридическихъ обычаевъ;

4) просить совѣтъ юридическаго общества при назначеніи темъ на соисканіе премій юридическаго общества назначить одну изъ темъ по отдѣленію обычнаго права, а именно: „Обычное право въ памятникахъ русскаго законодательства";

5) ходатайствовать чрезъ совѣтъ юридическаго общества о созывѣ въ теченіе 1904 года при С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ съѣзда дѣятелей по собиранію, изслѣдованію и разработкѣ матеріаловъ по обычному праву и другихъ лицъ, интересующихся вопросами обычнаго права.

Съ разрѣшенія совѣта юридическаго общества отдѣленіемъ обычнаго права были получены въ 1903 г. сто рублей изъ средствъ

общества для уплаты за списанныя копіи (уже полученныя отдѣленіемъ обычнаго права) 79 приговоровъ и выдержки изъ 420 приговоровъ сельскихъ обществъ о мѣстныхъ обычаяхъ по Луцкому и Дубенскому уѣздамъ Волынской губерніи.

Д. Списокъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку юридическаго общества въ 1903 году.

Изданія неоффиціальныя.

1. Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1902 г. Вып. I.
2. Тоже. Вып. II.
3. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи. Выпускъ 17. Часть I.
4. Тоже. Выпускъ 16. Часть I.
5. Тоже. Выпускъ 16. Часть II.
6. Тоже. Выпускъ 17. Часть II.
7. Тоже. Выпускъ 13.
8. Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ производившимся въ 1898 г. въ судебныхъ учрежденіяхъ, дѣйствующихъ на основаніи уставовъ Императора Александра II. Спб. 1901 г.
9. Тоже за 1899 г. Спб. 1902 г.
10. Тоже за 1900 г. Спб. 1903 г.
11. Отчетъ по дѣлопроизводству Государственнаго Совѣта за сессію 1901—1902 г.г.
12. Тоже за сессію 1902—1903 г.г.
13. Статистика по казенной продажѣ питей за 1899 г. Спб. 1902 г.
14. Отчетъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка по ликвидаціи Саратовско-Симбирскаго Земельнаго Банка за 1900 г. Спб. 1901 г.
15. Отчетъ особаго отдѣла Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка за 1900 г.
16. Отчетъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка за 1900 г.
17. Отчетъ Государственнаго Дворянскаго Земельнаго Банка за 1900 г.
18. Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ за 1900 г.
19. Отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1901 г. Спб. 1903 г.

20. Отчетъ по Главному тюремному управленію за 1900 г.

21. Отчетъ пенсіонной кассы вольнонаемныхъ служащихъ по казенной продажѣ питей за 1900 г. ч. I и II.

22. Статистика по казенной продажѣ питей за 1901 г.

23. Журналъ Министерства Юстиціи.

Изданія земствъ.

24. Статистическій ежегодникъ Тверской губерніи за 1901 г.

25. Отчетъ Тверской губернской земской управы за 1900 г. и приложенія къ нему.

26. Результаты урожая 1902 г. въ крестьянскихъ хозяйствахъ Тверской губерніи.

27. Журналы Тверскаго очереднаго губернскаго земскаго собранія сессіи 1901 г. (15 ноября—1 декабря) и чрезвычайнаго—19—21 декабря, и приложенія къ нимъ.

28. Тоже сессіи 1902 г. (28 ноября—15 декабря).

29. Статистическій ежегодникъ Вятской губ. за 1900 г.

30. Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губ. *4 выпуска.*

31. Изслѣдованіе положенія начальнаго образованія въ Вятской губ. съ проектомъ школьной сѣти для введенія всеобщаго обученія. Вятка. 1902 г.

32. Свѣдѣнія по народному образованію въ Вятской губ. за 1900—1902 г.

33. Сборникъ матеріаловъ для оцѣнки земель Вятской губ. т. III.

34. Мнѣнія 3-го совѣщанія статистиковъ Вятскаго земства; годъ III.

35. Журналъ Вятской оцѣночной коммисіи 1901—1902 г.

Изданія различныхъ учрежденій общественныхъ и ученыхъ.

36. Отчетъ Николаевской общественной библіотеки за 1901 г.

37. Труды Юридическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ за 1901 и 1902 г.

38. Записки общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Вып. 2.

39. Записки Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Томъ 14, вып. I.

Русскія книги разныхъ авторовъ.

40. Н. Столяровъ. Аналитическое доказательство предложенной г. М. Туганъ-Барановскимъ политико-экономической формулы: предѣльныя полезности свободно произведенныхъ продуктовъ пропорціональны ихъ трудовымъ стоимостямъ. (Кіевъ. 1902 г.).

41. А. Д. Градовскій. Томъ VIII. Собраніе сочиненій.

42. Тоже, томъ IX.

43. А. М. Бобрищевъ-Пушкинъ. Судъ и раскольники-сектанты.

44. В. Д. Спасовичъ. Собраніе сочиненій, т. X.

45. А. Э. Бардзскій. Невмѣненіе. Еще къ вопросу объ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ засѣдателей. Кіевъ.

Иностранныя книги.

46. Zprava o museu kralovstvi ceskeho. 1902 г.

47. Sbornik véd pravnich a statnich za usastenstvi cleno ceske fakulty pravnicke.

48. Bulletin mensuel de la Société Legislation comparée. № 10, 11, 12, 1902 г.

49. Casopis musea kralovstvi ceskeho. 1902 г.

50. Тоже 1901 г.

51. Rivista internazionale di scienze sociali e discipline ausiliari. За 1902 г.—2 тома.

52. Тоже за 1903 г.—2 тома.

ОТЧЕТЪ

Казначея С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

за 1903 годъ.

СОСТОЯНІЕ СУММЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ 1903 Г.

I. Приходъ.

Оставалось отъ прошедшаго 1902 года.

А) Капитала общаго, принадлежащаго Юридическому Обществу.

1) Въ процентныхъ бумагахъ:

	Рубли.	Коп.
Четыре свидѣтельства 4% Государственной ренты, по роспискѣ Государственнаго Банка за № 52,902 на	15.100	—
Въ этой суммѣ значилось *неприкосновеннаго капитала* Юридическаго Общества 9.900 р.		
2) Въ наличныхъ деньгахъ:		
На текущемъ счетѣ въ С.-Петербургскомъ Учетномъ и Ссудномъ Банкѣ и на рукахъ у казначея .	2.133	83
Итого .	17.233	83

Б) Капиталовъ специальныхъ, находящихся въ Юридическомъ Обществѣ.

а) Капитала *для премiи* за сочиненіе по Торговому Праву.		
1) Три свидѣтельства 4% Госуд. ренты, по роспискѣ Госуд. Банка за № 765,279 на	2.100	—
2) Двѣ облигаціи 4 1/2% С.-Петерб. Городск. Кредитн. Общ. по роспискѣ Государств. Банка за № 53,395 на	600	—

3) Книжка С.-Петербургской Государственной Сберегательной Кассы за № 1236 на .	295	$53^{1}/_{2}$
Итого .	2.995	$53^{1}/_{2}$
б) Капитала, пожертвованнаго на устройство при Библіотекѣ Юридич. Общ. — *Отдѣла Библіотеки имени Почетнаго Члена Юридич. Общества Сенатора А. Ѳ. Кони*, присланнаго изъ редакціи Русскихъ Вѣдомостей—съ %,—въ наличныхъ деньгахъ .	205	15

Поступило въ отчетномъ году.

1) Членскихъ взносовъ (по 1 Декабря) . .	2.431	—
(а по 1 Января 1904 года) .	2.861	—
2) Процентовъ съ капиталовъ . . .	691	2
Итого .	3.122	2

Изъ нихъ 581 р. 72 к. съ капитала, принадлежащаго Юридич. Обществу.

А всего прихода.	23.556	$53^{1}/_{2}$

II. Расходъ.

1) Выдано редактору Журнала Юридич. Общества—„Вѣстникъ Права"—Г. Б. Сліозбергу, за разсылку этого журнала безплатно г.г. Членамъ Юридическаго Общества въ 1903 году . . .	1.643	—
2) Выдано г. Секретарю Юридическаго Общества на текущіе канцелярскіе расходы . . .	340	—
3) Выдано жалованье дѣлопроизводителю А. Р. Доброхотову, состоящему при Секретарѣ и Библіотекѣ Юридическаго Общества	315	—
Ему же на покупку пишущей машины . .	300	—
4) Уплочено въ Государственную Типографію за печатн. работы для Юридическаго Общества . .	419	31
5) Уплочено артельщику, за хожденіе съ книгой въ Ноябрѣ и Декабрѣ къ г.г. Членамъ Юрид. Общ. для сбора членскихъ взносовъ	44	80
6) Отослано въ Госуд. Сберегат. Кассу, полученные изъ Госуд. Банка съ 2700 р. % бумагъ проценты, подлежащіе причисленію въ капиталъ на премію за сочиненіе по Торговому Праву . .	105	45

7) Отчислено процентовъ въ капиталъ на устройство Отдѣла Библіотеки	4	10
8) Выдано члену редакціоннаго Комитета И. М. Тютрюмову на расходы по Отдѣленію Обычнаго Права	100	—
Итого .	3.271	66

III. Остатокъ на 1 Декабря 1903 года.

А) Капиталовъ Юридическаго Общества.

1) Въ процентныхъ бумагахъ:

а) Четыре свидѣт. 4% Госуд. ренты по роспискѣ Госуд. Банка за № 52,902 на	15.100	—

Въ этой суммѣ *неприкосн. капитала* 10,000 р. по 1904 г.

2) Въ наличныхъ деньгахъ:

На текущемъ счетѣ въ С.-Петер. Учет. Банкѣ и на рукахъ у казначея	1.973	24½

а по январь 1904 г. на текущемъ счетѣ 2.485 р. 26 к.

и на рукахъ у казначея 148 р. 46 к., а всего 2.633 р. 72 к.

Б) Капитала (специальнаго) на устройство Отдѣла Библіотеки имени почетнаго члена Юридическаго Общества, Сенатора А. Ѳ. Кони, съ %—наличными деньгами	209	25

В) Капитала (специальнаго) для преміи за сочиненіе по Торговому Праву.

а) Три свидѣт. 4% Госуд. ренты по росп. Госуд. Банка № 765,279 на	2.100	—
б) Двѣ облигаціи 4½% С.-Петерб. Город. Кред. Общ. по роспискѣ Госуд. Банка № 53,395 на .	600	—
в) По книжкѣ Государственной Сберег. Кассы за № 1,236 по 1 декабря 1903 г.	302	37½
а по 1 января 1904 г. съ % 407 р. 82½ к. Итого .	3.002	37½
А всего капитала для преміи по 1904 г. .	3.107	82½
А всего общая сумма расхода и остатка .	23.556	53½

Всѣ капиталы Юридическаго Общества, въ проц. бумагахъ заключающіеся, показаны по нарицательной цѣнѣ; они состояли и состоятъ въ завѣдыв. и управл. Госуд. Банка, по счету его за № 1528. Деньги же хранятся на текущ. счетѣ въ С.-Петер. Учетномъ и Ссудномъ Банкѣ и въ С.-Петерб. Государств. Сберегател. Кассѣ по книжкамъ за №№ 3934 и 1236. Казначейскій годъ, по § 10 устава Юридическаго Общества, считается съ 1 декабря, а отчетъ по обычаю всегда представляется по истеченіи номинальнаго обыкновеннаго года.

СРАВНЕНІЕ ФИНАНСОВАГО СОСТОЯНІЯ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ЗА 1902 И 1903 Г.Г.

А) О капиталахъ Юридическаго Общества вообще.

1) Въ 1902 году общая сумма прихода, расхода и остатка была 23.705 42½

2) Въ 1903 году общая сумма прихода, расхода и остатка составляетъ . . . 23.556 53½

Изъ нихъ собственно суммъ принадлежащихъ Юридическому Обществу 17.733 р. 72 к.

3) Пожизненныхъ членовъ, сдѣлавшихъ единовременные *сторублевые взносы*, со дня учрежденія Юридическаго Общества съ 23 февраля 1877 по 1 декабря 1902, было 99 лицъ, а по 1 декабря 1903 года значится 100 лицъ.

4) Членскихъ взносовъ, годовыхъ по 10 руб. и пожизненныхъ 100 рублевыхъ, уплатили въ 1902 г. 285 лицъ по 1 декабря, а въ 1903 году 272 лица по январь 1904 г.

Нѣкоторые уплатили за два года разомъ, а отъ многихъ членовъ не поступило годовыхъ взносовъ (20 лицъ), вслѣдствіе выбытія ихъ изъ С.-Петербурга и перехода на службу въ другіе города и мѣстности Россіи, Сибирь и Ташкентскій судебный округъ.

Б) О неприкосновенномъ и расходномъ капиталахъ Юридическаго Общества.

1) Неприкосновеннаго капитала Юридическаго Общества, образующагося, согласно § 10 устава Юридическаго Общества, изъ сторублевыхъ членскихъ взносовъ, со дня открытія сего Общества. т. е. съ 23 февраля 1877 года по 1 декабря 1902 г. было 9900 р.;	9.900	—
а по 1 января 1904 г. его состоитъ 10,000 р.	10.000	—
Сего капитала въ 1895 году было 5900 р., при вступленіи въ должность нынѣ состоящаго Казначея Юридическаго Общества.		
2) Расходнаго капитала въ 1902 году состояло: по 31 декабря включительно 7.397 р. 4 к.	7.397	4
Въ 1903 г. по 1 января 1904 г. его состоитъ: 7.733 р. 72 к.	7.733	72
3) Расходовъ по вѣдомству Юридическаго Общества въ 1902 году было 3.275 р. 6 к., а въ	3.275	6
1903 году 3.271 р. 66 к.	3.271	66

В) Специальныхъ капиталовъ въ Юридическомъ Обществѣ состоитъ два.

1) Капиталъ, пожертвованный на устройство *Отдѣла Библіотеки, имени Почетнаго Члена Сенатора А. Ѳ. Кони* въ суммѣ 201 рубля	201	—
Сего капитала на 1 января 1904 г. съ % 209 р. 25 к.	209	25
2) Капиталъ, предназначенный *для преміи за сочиненіе по Торговому Праву.*		

О преміи за такое сочиненіе было опубликовано отъ Юридическаго Общества и назначено для премій 2000 рублей, но удовлетворительныхъ сочиненій не представлено.

Сего капитала въ Юридическомъ Обществѣ къ 1 января 1903 года было 3.002 р. 37 к. .	3.002	37
Къ 1 января 1904 г. сего капитала для преміи состоитъ съ % всего 3107 р. 82 к. . . .	3.107	82

Казначей *А. Парамоновъ.*

СОСТАВЪ
ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Къ 29 февраля 1904 г.

СОВѢТЪ:

Предсѣдатель: Эдуардъ Яковлевичъ Фуксъ.
Помощникъ Предсѣдателя: Анатолій Ѳедоровичъ Кони.
Члены Совѣта:
Иванъ Яковлевичъ Фойницкій.
Владиміръ Константиновичъ Случевскій.
Степанъ Ѳедоровичъ Платоновъ.
Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.
Секретарь: Владиміръ Дмитріевичъ Набоковъ.
Казначей: Александръ Степановичъ Парамоновъ.

СОСТАВЪ ОТДѢЛЕНІЙ:

Гражданскаго:

Предсѣдательствующій: Іосифъ Ивановичъ Карницкій.
Товарищъ его: Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ.
Члены Редакціоннаго Комитета:
Максимъ Моисеевичъ Винаверъ.
Андрей Филипповичъ Поворинскій.
Давидъ Давидовичъ Гриммъ.

Уголовнаго:

Предсѣдательствующій: Иванъ Григорьевичъ Щегловитовъ.
Товарищъ его: Владиміръ Дмитріевичъ Набоковъ.
Члены Редакціоннаго Комитета:
Василій Петровичъ Ширковъ.
Михаилъ Михаиловичъ Боровитиновъ.
Григорій Георгіевичъ Евангуловъ.

Административнаго:

Предсѣдательствующій:
Владиміръ Дмитріевичъ Кузьминъ-Караваевъ.
Товарищъ его: Владиміръ Матвѣевичъ Гессенъ.
Члены Редакціоннаго Комитета:
Николай Ивановичъ Лазаревскій.
Константинъ Константиновичъ Арсеньевъ.
Іосифъ Владиміровичъ Гессенъ.

Обычнаго права:

Предсѣдательствующій: Игорь Матвѣевичъ Тютрюмовъ.
Товарищъ его: Александръ Александровичъ Леонтьевъ.
Члены Редакціоннаго Комитета:
Анна Михайловна Евреинова.
Владиміръ Васильевичъ Акимовъ.
Иванъ Михайловичъ Страховскій.

Почетные члены:

Набоковъ, Дмитрій Николаевичъ—20 ноября 1882 г.
Муравьевъ, Николай Валеріановичъ—9 октября 1899 г.

Книримъ, Александръ Александровичъ Кони, Анатолій Ѳедоровичъ Пахманъ, Семенъ Викентьевичъ Спасовичъ, Владиміръ Даниловичъ Таганцевъ, Николай Степановичъ	20 ноября 1899 г.
Арсеньевъ, Константинъ Константиновичъ Фойницкій, Иванъ Яковлевичъ	22 января 1900 г.

Ковалевскій, Максимъ Максимовичъ
Мартенсъ, Өедоръ Өедоровичъ
Графъ Паленъ, Константинъ Ивановичъ
Муромцевъ, Сергѣй Андреевичъ
Сабуровъ, Андрей Александровичъ
Фришъ, Эдуардъ Васильевичъ
Якушкинъ, Евгеній Ивановичъ
Фуксъ, Эдуардъ Яковлевичъ
фонъ-Листъ, Францъ
Тардъ, Габріэль
Беранже, Ренэ.

} 26 января 1902 г.

Дѣйствительные члены:

Абрамовичъ-Барановскій, Сергѣй Семеновичъ.
*Абрамовичъ, Цезарь Юстиновичъ.
*Адамскій, Иванъ Акимовичъ.
Акимовъ, Владиміръ Васильевичъ.
Алапинъ, Яковъ Зиновьевичъ.
Андреевскій, Сергѣй Аркадіевичъ.
Арцибушевъ, Петръ Михайловичъ.
*Арцимовичъ, Антонъ Антоновичъ.
Ашешовъ, Н. П.
Базуновъ, Леонидъ Александровичъ.
Балабинъ, Александръ Ивановичъ.
Барабановъ, Мелетій Өедоровичъ.
Барацъ, Семенъ Моисеевичъ.
Барковскій, Николай Ивановичъ.
Барсовъ, Леонидъ Васильевичъ.
Бауэръ, Василій Васильевичъ.
*Башиловъ, Александръ Павловичъ.
Башмаковъ, Александръ Александровичъ.
Безсоновъ, Дмитрій Дмитріевичъ.
*Белюстинъ, Николай Ивановичъ.
Берендтсъ, Эдуардъ Николаевичъ.
фонъ-Беттихеръ, Гуго Өедоровичъ.
Беэръ, Владиміръ Алексѣевичъ.

* Звѣздочками означены пожизненные дѣйствительные члены общества.

*Бистромъ, Баронъ Ѳедоръ Родриговичъ.
Блокъ, Петръ Львовичъ.
Блосфельдтъ, Гуго Эдуардовичъ.
Бобровъ, Владиміръ Николаевичъ.
Бобянскій, Александръ Ѳомичъ.
Богдановъ, Арсеній Арсеньевичъ.
Боровитиновъ, Михаилъ Михаиловичъ.
Бороздинъ, Николай Николаевичъ.
*Брандтъ, Альфредъ Ѳедоровичъ.
Бржескій, Николай Корниловичъ.
Бриллiантъ, Александръ Моисеевичъ.
*Булатовъ, Николай Александровичъ.
*Булгаковъ, Андрей Павловичъ.
Бутовскій, Петръ Михайловичъ.
Вальтеръ, Филиппъ Антоновичъ.
Варваринъ, Владиміръ Николаевичъ.
Варушонъ-Яросѣвичъ, Александръ Фердинандовичъ.
*Васильевъ, Афанасій Васильевичъ.
Ватсонъ, Карлъ Карловичъ.
Вестманъ, Владиміръ Владиміровичъ.
Вестманъ, Николай Владиміровичъ.
Вильсонъ, Владиміръ Ивановичъ.
Винаверъ, Максимъ Моисеевичъ.
Виноградскій, Александръ Александровичъ.
Винтергальтеръ, Анатолій Егоровичъ.
Витте, Альфонсъ Васильевичъ.
Витте, Георгій Георгіевичъ.
Войцеховскій, Іосифъ Станиславовичъ.
Волковицкій, Александръ Викторовичъ.
Вольтке, Григорій Самойловичъ.
Вороновъ, Александръ Григорьевичъ.
Вуичъ, Николай Ивановичъ.
Вульфертъ, Антонъ Карловичъ.
Гагенъ, Владиміръ Александровичъ.
Галкинъ-Враской, Михаилъ Николаевичъ.
Гантоверъ, Людвигъ Владиславовичъ.
Ганфманъ, Максимъ Ипполитовичъ.
*Гасманъ, Анатолій Григорьевичъ.
Гаффербергъ, Иванъ Ивановичъ.
Гвоздановичъ, Василій Яковлевичъ.

Герардъ, Николай Николаевичъ.
*Герваrенъ, Людвигъ Людвиговичъ.
*Герке, Альфредъ Антоновичъ.
Герцманъ, Игнатій Марковичъ.
Гершунъ, Борисъ Львовичъ.
Гессенъ, Владиміръ Матвѣевичъ.
Гессенъ, Іосифъ Владиміровичъ.
*Глуховъ, Александръ Григорьевичъ.
Гогель, Сергѣй Константиновичъ.
*Гожевъ, Александръ Константиновичъ.
*Голубевъ, Иванъ Яковлевичъ.
Гольденбергъ, Владиміръ Абрамовичъ.
Гольдштейнъ, Моисей Леонтьевичъ.
Гольмстенъ, Адольфъ Христіановичъ.
Гомолицкій, Станиславъ Брониславовичъ.
Гордонъ, Абрамъ Осиповичъ.
Гордонъ, Исидоръ Максимовичъ.
Горенбергъ, Михаилъ Борисовичъ.
Городыскій, Януарій Казиміровичъ.
Горловъ, Николай Николаевичъ.
Граціанскій, Николай Ивановичъ.
Грибовскій, Вячеславъ Михайловичъ.
Гриммъ, Давидъ Давидовичъ.
Грузенбергъ, Оскаръ Осиповичъ.
Губскій, Михаилъ Өедоровичъ.
Гуссаковскій, Петръ Назарьевичъ.
Гусаковъ, Георгій Георгіевичъ.
фонъ-Гюббенетъ, Константинъ Антоновичъ.
*Давыдовъ, Николай Максимовичъ.
Даниловъ, Иванъ Григорьевичъ.
Демьяновъ, Александръ Алексѣевичъ.
Деннке, Өедоръ Өедоровичъ.
*фонъ-Дервизъ, Дмитрій Григорьевичъ.
Дерюжинскій, Владиміръ Өедоровичъ.
Дехтеревъ, Владиміръ Гавриловичъ.
*Дистерло, Баронъ Романъ Александровичъ.
Добровольскій, Викторъ Ивановичъ.
Долячко, Брониславъ Антоновичъ.
*Дорнъ, Борисъ Борисовичъ.
Дриль, Дмитрій Андреевичъ.

Друцкой, кн. Сергѣй Александровичъ.
Дунинъ-Слѣпсцъ, Иванъ Игнатьевичъ.
*Дымша, Любоміръ Петровичъ.
Евангуловъ, Григорій Георгіевичъ.
Евреинова, Анна Михайловна.
*Евреиновъ, Григорій Александровичъ.
Еловицкій, Витольдъ Граціановичъ.
Еремѣевъ, Николай Степановичъ.
Живковичъ, Алексѣй Александровичъ.
Жижиленко, Александръ Александровичъ.
Жуковъ, Николай Григорьевичъ.
*Завадскій, Владиславъ Ромуловичъ.
Завадскій, Сергѣй Владиславовичъ.
Завьяловъ, Герасимъ Петровичъ.
Зайденманъ, Людвигъ Осиповичъ.
Зарудный, Александръ Сергѣевичъ.
Захаровъ, Михаилъ Михайловичъ.
Зачинскій, Наполеонъ Антоновичъ.
Звѣревъ, Николай Андреевичъ.
Зейдель, Ѳедоръ Карловичъ.
Змирловъ, Константинъ Павловичъ.
Ивановичъ, Николай Николаевичъ.
Ивановскій, Игнатій Александровичъ.
*Ивановъ, Аполлонъ Викторовичъ.
Игнатьевъ, Петръ Александровичъ.
Изенталь, Петръ Ивановичъ.
*Измайловъ, Николай Ивановичъ.
*Ильяшенко, Илья Ефимовичъ.
*Исаковъ, Петръ Николаевичъ.
Исаченко, Василій Васильевичъ.
Казаринъ, Михаилъ Михайловичъ.
Кальмейеръ, Карлъ Михайловичъ.
Каминка, Августъ Исааковичъ.
Канскій, Владиміръ Іосифовичъ.
Канторовичъ, Яковъ Абрамовичъ.
Канъ, Борисъ Николаевичъ.
Капланъ, Максимъ Васильевичъ.
Карабчевскій, Николай Платоновичъ.
Карминъ, Николай Валеріановичъ.
Карницкій, Іосифъ Ивановичъ.

Кауфманъ, М. I.
Кедринъ, Евгенiй Ивановичъ.
Кидошенковъ, Николай Васильевичъ.
Кириловъ, Иванъ Ивановичъ.
Клечковскiй, Павелъ Маврикiевичъ.
Климантовичъ, Давидъ Давидовичъ.
*Кобылинскiй, Петръ Петровичъ.
*Коковцовъ, Владимiръ Николаевичъ.
Колесниковъ, Евгенiй Евгеньевичъ.
Колесовъ, Андрей Ивановичъ.
Коптевъ, Дмитрiй Алексѣевичъ.
Коревицкiй, Витольдъ Антоновичъ.
Корниловичъ, Михаилъ Аполлоновичъ.
Королевъ, Евгенiй Филипповичъ.
Корсаковъ, Иванъ Ассигкритовичъ.
*Корфъ, Баронъ, Павелъ Леопольдовичъ.
Корфъ, Баронъ, Сергѣй Александровичъ.
*Костровицкiй, Станиславъ Ѳеодосiевичъ.
Кочуковъ, Михаилъ Николаевичъ.
Краузольдъ, Владимiръ Эммануиловичъ.
Крейцеръ, Владимiръ Давидовичъ.
Кремлевъ, Анатолiй Николаевичъ.
Кремлевъ, Николай Александровичъ.
*Крестьяновъ, Василiй Николаевичъ.
Кривошеинъ, Александръ Васильевичъ.
Кузьминъ-Караваевъ, Владимiръ Дмитрiевичъ.
Куломзинъ, Анатолiй Николаевичъ.
Куплевасскiй, Николай Осиповичъ.
Купферъ, Евгенiй Ѳедоровичъ.
*Кусаковъ, Михаилъ Павловичъ.
Кутыловскiй, Богданъ Фортунатовичъ,
Лаврентьевъ, Александръ Дмитрiевичъ.
Лазаревскiй, Николай Ивановичъ.
Лазаренко, Александръ Николаевичъ.
Латкинъ, Василiй Николаевичъ.
Левенстимъ, Августъ Адольфовичъ.
Левинъ, Давидъ Абрамовичъ.
Лентовскiй, Николай Викентьевичъ.
Леонтьевъ, Александръ Александровичъ.
Леонтьевъ, Владимiръ Ивановичъ.

Литовченко, Дмитрій Васильевичъ.
Лодыженскій, Иванъ Николаевичъ.
Лозинскій, Леонидъ Яковлевичъ.
Лопухинъ, Алексѣй Александровичъ.
Лотинъ, Николай Васильевичъ.
*Лукьяновъ, Сергѣй Ивановичъ.
Лыжинъ, Павелъ Петровичъ.
*Лыкошинъ, Александръ Ивановичъ.
Лыкошинъ, Александръ Сергѣевичъ.
*Любичъ-Ярмоловичъ-Лозино-Лозинскій, Михаилъ Александровичъ.
Люстигъ, Вильгельмъ Осиповичъ.
Люце, Михаилъ Өедоровичъ.
Максимовичъ, Иннокентій Клавдіевичъ.
Максимовъ, Евгеній Дмитріевичъ.
Малининъ, Өедоръ Николаевичъ.
Малышевъ, Кронидъ Ивановичъ.
Мандель, Веніаминъ Семеновичъ.
*Манухинъ, Сергѣй Сергѣевичъ.
Маргуліесъ, Мануилъ Сергѣевичъ.
Марковичъ, Дмитрій Андреевичъ.
*Марковъ, Павелъ Алексѣевичъ.
Масловскій, Александръ Өедоровичъ.
Масловъ, Николай Николаевичъ.
Мёллеръ, Николай Валеріановичъ.
Милюковъ, Николай Кононовичъ.
Милютинъ, Павелъ Николаевичъ.
Мироновъ, Петръ Гавриловичъ.
*Моисеенко-Великій, Сергѣй Васильевичъ.
Мордухай-Болтовскій, Иванъ Дмитріевичъ.
*Мусинъ-Пушкинъ, Графъ Владиміръ Алексѣевичъ.
Мухинъ, Василій Флегонтовичъ.
Мышъ, Михаилъ Игнатьевичъ.
Мѣщаниновъ, Иванъ Васильевичъ.
*Набоковъ, Владиміръ Дмитріевичъ.
Набоковъ, Дмитрій Дмитріевичъ.
Несторъ, Александръ Павловичъ.
Нечаевъ, Василій Михайловичъ.
Николинъ, Николай Өедоровичъ.
Никольскій, Борисъ Владиміровичъ.

Новомбергскій, Николай.
Нольде, Баронъ, Эммануилъ Юльевичъ.
*Носовъ, Леонидъ Акимовичъ.
*Нѣжинскій, Александръ Семеновичъ.
Оболенскій, Князь, Александръ Дмитріевичъ.
Овчинниковъ, Иванъ Александровичъ.
Огневъ, Дмитрій Флоровичъ.
Ольхинъ, Николай Александровичъ.
*Ольшамовскій, Белеславъ Губертовичъ.
Осецкій, Францъ Игнатьевичъ.
Осокинъ, Петръ Михайловичъ.
Островскій, Павелъ Геннадіевичъ.
*Павлиновъ, Николай Михайловичъ.
Папковъ, Александръ Александровичъ.
Парамоновъ, Александръ Степановичъ.
Парландъ, Генрихъ Генриховичъ.
Песисъ, Маркъ Львовичъ.
Петражицкій, Левъ Іосифовичъ.
Пиленко, Александръ Александровичъ.
Пилкинъ, Александръ Петровичъ.
де-Плансонъ, Викторъ Антоновичъ.
Платоновъ, Степанъ Өедоровичъ.
фонъ-Плеве, Вячеславъ Константиновичъ.
Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ.
*Поворинскій, Андрей Филипповичъ.
*Познанскій, Алексѣй Николаевичъ.
Покровскій, Іосифъ Алексѣевичъ.
Полетаевъ, Николай Александровичъ.
*Половцовъ, Александръ Александровичъ.
Полякъ, Соломонъ Веніаминовичъ.
Понофидинъ, Сергѣй Ивановичъ.
*Поршняковъ, Сергѣй Михайловичъ.
Пржевальскій, Владиміръ Владиміровичъ.
Принтцъ, Густавъ Густавовичъ.
*Принтцъ, Николай Густавовичъ.
Принтцъ, Александръ Николаевичъ.
Проскуряковъ, Өедоръ Ивановичъ.
Прутченко, Сергѣй Михайловичъ.
Путиловъ, Алексѣй Ивановичъ.
Рабиновичъ, Исаакъ Моисеевичъ.

Раппопортъ, Захаръ Львовичъ.
*Ратьковъ-Рожновъ, Владимiръ Александровичъ.
Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, баронъ, Павелъ Александровичъ.
*Регекампфъ, Андрей Оттовичъ.
фонъ-Резонъ, Августъ Карловичъ.
Рейнботъ, Павелъ Евгенiевичъ.
Рейнке, Николай Михайловичъ.
фонъ-Рейтернъ, Евграфъ Васильевичъ.
Рейтлингеръ, Николай Александровичъ.
Ретвихъ, Николай Павловичъ.
Ридигеръ, Николай Егоровичъ.
Родичевъ, Θедоръ Измаиловичъ.
Романовскiй-Романько, Стефанъ Дiомидовичъ.
Рымовичъ, Сигизмундъ Феликсовичъ.
Сабининъ, Леонидъ Христофоровичъ.
*Свѣшниковъ, Митрофанъ Ивановичъ.
*Сергѣевскiй, Николай Дмитрiевичъ.
Серебряковъ, Владимiръ Васильевичъ.
Соколовъ, Петръ Петровичъ.
Соколовъ, Сергѣй Семеновичъ.
*Скалонъ, Василiй Юрьевичъ.
Слiозбергъ, Генрихъ Борисовичъ.
Случевскiй, Владимiръ Константиновичъ.
Срезневскiй, Владимiръ Измаиловичъ.
Старицкiй, Александръ Ивановичъ.
Стасовъ, Дмитрiй Васильевичъ.
*Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ.
Стеблинъ-Каменскiй, Иванъ Егоровичъ.
Страховскiй, Иванъ Михайловичъ.
Струкговъ, Владимiръ Георгiевичъ.
Сулиговскiй, Адольфъ Францевичъ.
Суходольскiй, Сергѣй Петровичъ.
Сюзоръ, графъ, Георгiй Павловичъ.
Таганцевъ, Николай Николаевичъ.
*Танѣевъ, Павелъ Ивановичъ.
Тарновская, Прасковья Николаевна.
Тарновскiй, Евгенiй Никитичъ.
Теркъ, Генрихъ Тимофѣевичъ.
*Тизенгаузенъ, Графъ, Викторъ Александровичъ.
Тимофѣевскiй, Викторъ Ивановичъ.

Тимофѣевъ, Павелъ Григорьевичъ.
Толь, Графъ, Сергѣй Александровичъ.
Транзеге, Рудольфъ Рудольфовичъ.
Трегубовъ, Сергѣй Николаевичъ.
Турау, Евгеній Ѳедоровичъ.
Турчаниновъ, Александръ Николаевичъ.
*Туръ, Николай Андреевичъ.
Тютрюмовъ, Игоръ Матвѣевичъ.
Унковскій, Михаилъ Алексѣевичъ.
Унковскій, Сергѣй Владиміровичъ.
*Утинъ, Сергѣй Яковлевичъ.
*Утинъ, Яковъ Исааковичъ.
Фельдштейнъ, Григорій Самойловичъ.
Фененко, Владиміръ Ѳомичъ.
Фоллендорфъ, Ѳедоръ Петровичъ.
фонъ-Фрейманъ, Рудольфъ Владиміровичъ.
*Фроловъ, Сергѣй Петровичъ.
Фустовъ, Ѳедоръ Сергѣевичъ.
Хартулари, Константинъ Ѳедоровичъ.
Харузинъ, Алексѣй Николаевичъ.
*Хвостовъ, Николай Алексѣевичъ.
Хвостовъ, Николай Борисовичъ.
Хейфицъ, Юлій Яковлевичъ.
Хржановскій, Осипъ Осиповичъ.
Хрулевъ, Степанъ Степановичъ.
*Цвѣтковъ, Иванъ Степановичъ.
Циммерманъ, Владиміръ Антоновичъ.
*Чеховскій, Адамъ Ивановичъ.
Чистяковъ, Михаилъ Васильевичъ.
Чулицкій, Михаилъ Флоровичъ.
*Шайкевичъ, Ефимъ Григорьевичъ.
Шаландъ, Левъ Владиміровичъ.
Шафиръ, Маркъ Порфирьевичъ.
Шеинъ, Василій Павловичъ.
Шендзиковскій, Іосифъ Александровичъ.
Шефтель, Михаилъ Исааковичъ.
Шидловскій, Владиславъ Доминиковичъ.
*Шиповъ-Шульцъ, Сергѣй Антоновичъ.
Ширковъ, Василій Петровичъ.
Шиферъ, Генрихъ Осиповичъ.

Шлейферъ, Робертъ Георгіевичъ.
Шматковъ, Константинъ Николаевичъ.
*Шмеманъ, Николай Эдуардовичъ.
*Шнейдеръ, Карлъ Васильевичъ.
Шнитниковъ, Николай Николаевичъ.
Шрамченко, Михаилъ Платоновичъ.
Шрейберъ, Николай Николаевичъ.
Штильманъ, Григорій Николаевичъ.
Штолль, Евгеній Юльевичъ.
Шутовъ, Александръ Игнатьевичъ.
*Щегловитовъ, Иванъ Григорьевичъ.
Щетининъ, Александръ Сергѣевичъ.
Щукинъ, Леонидъ Леонидовичъ.
Щулепниковъ, Николай Евграфовичъ.
Энденъ, Николай Николаевичъ.
Эрштремъ, Эдуардъ Андреевичъ.
*Юнкеръ, Германъ Ѳедоровичъ.
Юреневъ, Петръ Александровичъ.
*Якоби, Николай Борисовичъ.

Члены-сотрудники:

Атабековъ, Александръ Семеновичъ.
Балясный, Дмитрій Яковлевичъ.
Боголюбовъ.
Богуславскій, Петръ Ричардовичъ.
Будкевичъ, Флоръ Павловичъ,
Варадиновъ, Николай Николаевичъ.
Висаладзе, Спиридонъ Семеновичъ.
Волковъ, Александръ Өедоровичъ.
Волконскій, Князь, Борисъ Григорьевичъ.
Гейне, Алексѣй Николаевичъ.
Георгіевскій, Павелъ Ивановичъ.
Герке, Антонъ Августовичъ.
Гинзбергъ, Эммануилъ Германовичъ.
Годзяцкій, Сергѣй Александровичъ.
Годлевскій, Сигизмундъ Фердинандовичъ.
Гордонъ, Владиміръ Михайловичъ.
Гревсъ, В. Э.
Гурьевъ, Алексѣй Дмитріевичъ.
Далгатъ, Баширъ Коримовичъ.
Демьяненко, Петръ Александровичъ.
Добровольскій, Евгеній Андреевичъ.
Добросельскій, Петръ Петровичъ.
Доливо-Добровольскій, Александръ Іосифовичъ.
Джелаловъ, С. С.
Дружининъ, Николай Петровичъ.
Елачичъ, Николай Александровичъ.
Еропкинъ, Аполлонъ Васильевичъ.
Запрудскій, Николай Васильевичъ.
Затворницкій, Яковъ Михайловичъ.
Звинятскій, Евгеній Максимовичъ.

Зеленскій, Константинъ Михайловичъ.
Зузинъ, Б. Н.
Изнаръ, С. А.
Илларіоновъ, Александръ Семеновичъ.
Илларіоновъ, Николай Семеновичъ.
Ильинъ, Сергѣй Дмитріевичъ.
Кауфманъ, Александръ Аркадьевичъ.
Кисель, Францъ Францевичъ.
Козловъ, Николай Александровичъ.
Коноваловъ, Давидъ Александровичъ.
Коноровъ, Николай Ивановичъ.
Кондратовичъ, Михаилъ Григорьевичъ.
Короленко, Владиміръ Галактіоновичъ.
Коргановъ, Иванъ Іосифовичъ.
Косецкій, Кипріанъ Ксаверьевичъ.
Котицкій, Кипріанъ Кипріановичъ.
Кочуринъ, Викторъ Евгеніевичъ.
Кудрявцевъ, Михаилъ Борисовичъ.
Кудрявцевъ, Сергѣй Александровичъ.
Куликовъ, Борисъ Павловичъ.
Красовскій, А. А.
Крестьяновъ, Владиміръ Николаевичъ.
Лазаревъ, Семенъ Константиновичъ.
Левшинъ, Сергѣй Дмитріевичъ.
Литаревъ, Сергѣй Николаевичъ.
Мартьяновъ, Владиміръ Андреевичъ.
Мейендорфъ, Баронъ, Александръ Феликсовичъ.
Мейчикъ, Давидъ Марковичъ.
Можаровскій, Миронъ Владиміровичъ.
Московъ, Евгеній Александровичъ.
Незнамовъ, Иванъ Андреевичъ.
Немировскій, Михаилъ Давидовичъ.
Николаевъ, Дмитрій Ивановичъ.
Орбели, Рубенъ Абгаровичъ.
Павловъ, Николай Тимофеевичъ.
Пантелѣевъ, Александръ Васильевичъ.
Пастуховъ, Филиппъ Ивановичъ.
Пестриченко, Евгеній Павловичъ.
Петровъ, И. Н.
Петровскій, Николай Васильевичъ.

Пивоваровъ, Гавріилъ Өедоровичъ.
Познанскій, Николай Николаевичъ.
Поздѣевъ, А. М.
Раппъ, Евгеній Ивановичъ.
Рощупкинъ, Алексѣй Петровичъ.
Савельевъ, Александръ Александровичъ.
Самарскій, Софроній Николаевичъ.
Самуильсонъ, Левъ Александровичъ.
Семевскій, Василій Ивановичъ.
Соковнинъ, Василій Константиновичъ.
Скухаревскій, Александръ Николаевичъ.
Ставровичъ, Иванъ Өедоровичъ.
Тимофѣевъ, А. Г.
Титовъ, К. С.
Тутуринъ, Николай Николаевичъ.
Трозинеръ, Өедоръ Өедоровичъ.
Федоренко, Андрей Иренеевичъ.
де-Феррари, Жироламо.
Филипповъ, Юрій Дмитріевичъ.
Флексоръ, Давидъ Самсоновичъ.
Цетрежъ, Владиміръ Васильевичъ.
Чеботаревъ, Иванъ Григорьевичъ.
Черновъ, Дмитрій Дмитріевичъ.
Черносвитовъ, Александръ Михайловичъ.
Шефферлингъ, Викторъ Антоновичъ.
Шаховской, кн., Иванъ Петровичъ.
Шидловскій, Алексѣй Дмитріевичъ.
Ширяевъ, Валеріанъ Николаевичъ.
Щавинскій, Юлій Блажеевичъ.
Энгась-Кронъ, Владиміръ Васильевичъ.
Эттингеръ, Романъ Антоновичъ.

S0041431
СФ СПбГУ

Съ января 1904 года

ВѢСТНИКЪ ПРАВА

выходитъ подъ редакціей

К. К. АРСЕНЬЕВА, М. М. ВИНАВЕРА,
Прив.-доц. В. М. ГЕССЕНА, В. Д. НАБОКОВА
и Проф. І. А. ПОКРОВСКАГО.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (кромѣ іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на годъ	*по полугодіямъ*	
		Январь	Іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
„ „ съ доставкой	8 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ — „
Въ другихъ городахъ съ доставкою	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „
За-границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „ — „

Подписывающіеся на одинъ мѣсяцъ платятъ 1 р. 20 к. съ доставкою.

Въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ сборника рѣшеній кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ оффиціальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СБОРНИКА РѢШЕНІЙ:

	на годъ	*по полугодіямъ*	
		Январь	Іюнь
Въ С.-Петербургѣ съ доставкой	11 р. 50 к	6 р. 50 к	5 р.
Въ другихъ городахъ съ доставкой	13 р.	7 р.	5 р.

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к.

Подписка принимается въ конторѣ „Вѣстника Права“: С.-Петербургъ, **ЗАГОРОДНЫЙ ПР., Д. № 2**, и кромѣ того во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права“ принимаются въ конторѣ по расчету **16 руб.** за страницу.

сенатская типографія.

